

А. Житнухин

ФЁДОР ЛОГИНОВ

ФЁДОР ЛОГИНОВ

Анатолий
Житнухин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖЗЛ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2014

(1814)

Анатолий Житнухин

ФЁДОР ЛОГИНОВ

ДЕРЖИ В ЛОБ УРАГАНУ

*Что бы ни случилось,
всегда держите в лоб урагану.*

К. Паустовский

Предисловие

НЕТ ПРОШЛОГО — НЕТ НАСТОЯЩЕГО

В России немало красивых городов, но один из них, раскинувшийся на живописном берегу Волги, напротив Волгограда, очаровывает своей особой, неповторимой прелестью. Молодость всегда обворожительна, но Волжский, которому идёт лишь седьмой десяток (что для города, согласимся, не возраст), привлекает к тому же своей самобытностью, своеобразными чертами архитектурного облика, хранящего приметы нескольких эпох — от времени рождения города до наших дней. Его внешность ничуть не старят морщинки утопающих в зелени уютных кварталов, построенных ещё в начале далёких пятидесятых и гармонично вписавшихся в единое целое, большую часть которого сегодня занимают архитектурные ансамбли более поздних лет и современные районы многоэтажных новостроек. Всюду — чистота, что не всегда характерно для наших городов, и радующие глаз ухоженные тенистые аллеи, парки и скверы — Волжский изначально задумывался и возводился как город-сад, которому было предназначено расцвести в сухой степи Заволжья.

Есть и ещё одна особенность у города: здесь, как нигде, хранят и чтят память о герое нашей книги — Фёдоре Георгиевиче Логинове, который в своё время приехал сюда практически на пустое место, чтобы начать строительство крупнейшей в мире гидроэлектростанции, приехал тогда, когда Волжского ещё и в проектах не было. К тому времени Логинов был уже зрелым, прошедшим «огонь и воду» руководителем, за его плечами было несколько других крупных и известных в стране строек.

Достаточно сказать, что в тридцатые годы возглавлял он строительство чирчикских гидроэлектростанций, а в 1944—1950 годах руководил восстановлением знаменитого Днепрогэса, разрушенного в годы войны. Нельзя сказать, что прославленного гидростроителя не помнят в других краях, где он работал, — есть, к примеру, в Узбекистане Чирчикская ГЭС, которая носит его имя, а в городе Чирчике ему установлен памятник.

Только вот в Волжском к Логинову отношение особенное: почитают его здесь не только как прославленного гидростроителя, но и как отца-основателя города, строившегося вместе со Сталинградской (Волжской) ГЭС.

Традиционный образ героя серии «Жизнь замечательных людей» — портрет на фоне эпохи. Биография Логинова, чья личность, по мнению автора, не поддается привычным оценкам, является живой иллюстрацией важнейших этапов истории страны. Как мы знаем, её восхождение к могуществу и процветанию отмечено не только славными победами и созидательными свершениями — случались на этом сложном пути горькие неудачи и трагедии, многие из которых стали результатом серьёзных просчётов и заблуждений власти, следствием неразрешённых объективных противоречий, связанных с новизной стоящих задач.

В последнее время нас усердно учат тому, как следует любить Родину. Чаще всего — на многочисленных телевизионных ток-шоу с участием записных патриотов из числа крупных чиновников, политологов и журналистов, относящих себя к современной политической элите России. Будем считать, относящих по праву — другой элиты у нас нет.

Но вот, думается, в своих наставлениях они забывают о главном: патриотизму научить невозможно — не подвластны нравоучениям такие чувства, как любовь к отчему краю и гордость за свою страну, оснований для которой после распада великой державы значительно поубавилось.

Лучший преподаватель уроков патриотизма — жизнь. Сама жизнь, с её наглядными и понятными примерами, ответила на главный вопрос, стоявший перед по-

колением Логинова после октября 1917-го: какая Россия, какая родина ему нужна — «красная» или «белая»? Первые ощутимые сдвиги в жизни страны, связанные с началом осуществления плана ГОЭЛРО, курсом на индустриализацию, ликвидацией неграмотности, мерами, открывшими перед всеми слоями населения доступ к полноценному образованию, и целым рядом других шагов советского руководства, — вселяли в людей обожанную надежду на грядущие перемены к лучшему. Надежда сменялась уверенностью в завтрашнем дне, ибо сама жизнь подтверждала, что обещания и лозунги большевиков не расходятся с их делами, а действия власти совпадают с интересами подавляющего большинства населения страны, а не узкого круга к ней приближённых, отвечают сложившимся представлениям простых людей о социальной справедливости. Несмотря на то, что Владимир Маяковский свои знаменитые слова — «У советских — собственная гордость» — произнёс ещё в 1925 году, всё же по-настоящему граждане СССР стали гордиться своей страной после внушительных успехов, достигнутых в 1930-е годы, в ходе первых пятилеток. Именно они позволили Советскому Союзу накануне Второй мировой войны по уровню экономического развития вплотную приблизиться к ведущим капиталистическим державам, а по многим показателям, в том числе и по производству электроэнергии, обойти их. Это во многом предопределило исход битвы с фашизмом, но при этом главный вклад в победу внёс советский человек, который знал, за что он воюет и что защищает...

Сегодня мы наблюдаем путаницу в историческом сознании людей, особенно молодёжи, не имеющей такого жизненного опыта, как старшие поколения. Под видом разрушения коммунистических стереотипов и восстановления исторической правды, деидеологизации государственной и общественной жизни в конце 1980-х годов в стране начался настоящий крестовый поход против истории советского периода, который, как показывает и нынешняя практика, ещё далёк от завершения. Подверглись коренному пересмотру большинство ключевых исторических оценок, важнейшие события XX столетия,

политика и экономика в эпоху социализма, результаты, достигнутые в социальной, научной и культурной сферах. Под сомнение поставлено многое из того, что должно бы стать предметом более глубокого и непредвзятого исследования.

Нет чёткого видения прошлого — нет и ясных перспектив на будущее. При этом одни историки так и не смогли осмыслить сложные диалектические противоречия минувшего времени, другие — освободиться из-под пресса политической конъюнктуры и идеологических пристрастий. И те и другие часто недоумевают, почему люди, которые жили при социализме, при всех его издержках (не слишком богатой жизни, дефиците и пресловутых очередях, бытовой неустроенности и т. п.) в большинстве своём сохраняют приверженность ему и с ностальгией вспоминают о том, «как было раньше». Хотя они и не хуже профессиональных исследователей знают, что история СССР никогда не была безоблачной и что за трагические ошибки и заблуждения власти чаще всего расплачивался именно простой народ.

Но несмотря на все пережитые испытания — страшные войны, голодные годы, репрессии, — в памяти старшего поколения хранится прежде всего то, о чём люди вспоминают с неизменной теплотой, то, что им кажется сегодня безвозвратно утраченным. Конечно, вполне уместно было бы сейчас повести разговор о том, что жизнь и дела советского человека были наполнены совершенно иным смыслом, нежели в наше время, что при внешней схожести обычных повседневных забот жил он совсем другими идеалами. Однако поскольку такие понятия, как духовная составляющая и нравственные критерии человеческого существования, всё больше вытесняются на периферию общественного сознания, остановимся на вещах более конкретных, приземлённых и осязаемых.

Известны слова французского писателя, философа и просветителя XVIII века Дени Дидро: «Величайшее недоумение — это вдаваться в мораль, когда дело касается исторических фактов». Подобную мысль не раз высказывали и другие учёные и писатели, подчёркивавшие, что факты — главное, а уж какие эмоции они вызывают, зави-

сит от отношения к ним людей, общественных настроений, которые, как известно, не отличаются постоянством.

И тем не менее можно, пожалуй, выделить один главный и непреложный факт истории советского периода: в кратчайший срок СССР из отсталой, полуграмотной страны превратился в одно из самых могущественных государств на планете. Но вот уже почти три десятилетия эту, казалось бы, очевидную истину творцы нынешней экономической политики России, наследники «реформаторов» 1990-х годов словно бы и не замечают, наложив негласное табу на серьёзный анализ как позитивной практики социалистического строительства, так и серьёзных просчётов, допущенных в советское время, — мы пока ещё не всё растеряли, но вновь, по укоренившейся привычке, почти всё пытаемся начать с чистого листа, не усвоив как следует уроков прошлого. При этом значение многих из них хорошо понятно не только специалистам и тем, кто находится у рычагов государственного управления.

Любой более или менее образованный человек (независимо от своих политических предпочтений) сегодня сознаёт, что без всестороннего учёта собственного исторического опыта страна не обретёт ясного, понятного людям пути развития и ещё долго будет находиться на перепутье, неизбежно впадая то в одни, то в другие крайности. Так, вполне обоснованно отказавшись от чрезмерной централизации экономики при социализме, страна, погрузившись в рыночную стихию, утратила и стратегию её развития, а ставка на экспортно-сырьевую модель хозяйствования привела к существенным перекосам и отставанию от передовых стран в развитии важнейших отраслей промышленности, внутреннего рынка, породила большие противоречия в социальной сфере, в том числе огромное имущественное неравенство.

Нередко говорят о том, что во многом мы пожинаем плоды «эпохи безвременья», экономического хаоса, воцарившегося в 1990-е годы после распада Советского Союза. Но, во-первых, основополагающие, либеральные принципы и методы управления экономикой с тех пор не претерпели существенных изменений — достаточно об-

ратиться к повесткам дня ежегодных гайдаровских форумов и идеям, которые на них выдвигаются, обсуждаются и генерируются нынешним российским правительством, а во-вторых, последствия «лихих девяностых» (да и предшествующей перестройки) при всей их трагичности ни в какое сравнение не идут с теми проблемами, с которыми столкнулись большевики после революции и двух разрушительных войн — Первой мировой и Гражданской вкупе с интервенцией империалистических держав.

До сих пор, спустя столетие, многих поражает, каким образом большевики удержались у власти, смогли вдохнуть жизнь в парализованное промышленное производство, преодолеть хозяйственную разруху и осуществить исторический прорыв в экономике, науке и технике, образовании и культуре, который позволил в конечном счёте выстоять в Великой Отечественной войне и одержать победу над фашистским агрессором.

На наш взгляд, решающую роль в этом сыграли умения руководства молодой Советской республики в необычной череде текущих проблем выделить главные направления восстановления и развития страны, стратегические задачи, способность большевистских лидеров к концентрации сил и ресурсов для их решения при отсутствии, как это ни покажется парадоксальным, идеологической зашоренности, при политической гибкости в решении жизненно важных для страны и населения вопросов.

Последнее обстоятельство нашло наиболее яркое подтверждение в первые годы советской власти при осуществлении перехода к ненасильственным стимулам экономического роста, от военного коммунизма и продразвёрстки¹ к новой экономической политике — к продналогу, привлечению западного капитала, прежде всего

¹ Не все, кстати, знают, критикуя политику военного коммунизма, что продразвёрстка не являлась изобретением большевиков. Ещё в конце 1916 года управляющий Министерством земледелия Российской империи Александр Риттих подписал постановление «О развёрстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной». Политика продразвёрстки стала ещё более жёсткой при Временном правительстве. — *Здесь и далее примечания автора.*

через концессии, и целому ряду иных мер оживления частной предпринимательской деятельности.

Говорят, что исторические сравнения часто хромают. И тем не менее заметим, что большевиков, имевших чёткие стратегические цели, не испугал тогда, в 1920-е годы, разгул «буржуазной стихии», грозивший захлестнуть ростки социализма. А вот правительство Примакова — Маслюкова, сумевшее за восемь месяцев после дефолта 1998 года преодолеть жесточайший кризис и оттащить Россию от края пропасти, было отправлено в отставку, поскольку его действия сильно встревожили либералов-догматиков из окружения Ельцина, усмотревших в них признаки покушения на их «священную корову» — рыночную экономику.

Впрочем, мы далеки от того, чтобы идеализировать действия одних исторических персонажей и противопоставлять им других, из совершенно иной исторической эпохи. Нельзя не согласиться с одним из теоретиков большевистской партии Н. И. Бухариным, справедливо полагавшим, что «всякую полосу общественного развития нужно понять в особых, ей и только ей свойственных чертах».

Тем более хорошо известно, что на смену гибкости и политическому прагматизму советского руководства в *конкретный*, начальный период социалистического строительства в последующие годы постепенно приходил (и это стало особенно заметно в послевоенное время) идеологический догматизм партийных и государственных вождей, а их призывами управлять страной «с позиций творческого марксизма» нередко прикрывался откровенный волюнтаризм или некомпетентность, что приводило к отставанию важнейших отраслей народного хозяйства, замедленному росту благосостояния людей и вызвало в конечном итоге серьёзный застой в политической и экономической жизни, которым умело воспользовались противники социализма. Но эти проблемы уже выходят за рамки основной темы нашей книги.

Определив основные политические цели, Октябрьская революция 1917 года столкнулась с огромным количеством насущных вопросов государственного стро-

ительства и экономических проблем, требовавших неотложного решения. Казалось, новая власть, не имевшая серьёзных управленческих навыков и сколько-нибудь серьёзного опыта хозяйственной деятельности, не сможет справиться с воцарившимся хаосом и в конце концов приведёт страну к коллапсу. В первое время после революции, как отмечает в своей книге историк и политолог В. А. Никонов, «государство диктатуры пролетариата напоминало не строгое здание классических форм, а скорее наспех сколоченную временку, к которой постоянно пристраивались (и перестраивались) административные сооружения самой причудливой формы»¹. Созданный на скорую руку Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) возглавил Николай Осинский (В. В. Оболенский), который изложил свои взгляды в изданной в 1918 году книге «Строительство социализма»: овладение банками, национализация промышленных и сельскохозяйственных предприятий, торговли, ликвидация свободного рынка, введение принудительной трудовой повинности. ВСНХ, в котором обосновались левые коммунисты, занимался главным образом конфискациями и реквизициями, секвестром и принудительным синдицированием, распределением продукции и финансированием промышленности.

Именно в это, пожалуй, самое трудное для советской власти время — весной 1918 года — В. И. Ленин в работе «Очередные задачи советской власти» требует от своих сподвижников «уменья выделить самое существенное в линии или в цепи развития», «найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену...»². И это особое звено было найдено.

В декабре 1920 года VIII Всероссийский съезд Советов утвердил разработанный и представленный комиссией ГОЭЛРО Государственный план электрификации России.

¹ Никонов В. А. Молотов: Наше дело правое: В 2 кн. М.: Молодая гвардия, 2016. Кн. 1. С. 88.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 205.

Многие историки относят план ГОЭЛРО к знаменательным документам эпохи, не только сыгравшим решающую роль в экономическом возрождении и развитии страны, но и имевшим исключительно важное политическое значение. Именно на VIII съезде была выдвинута ленинская формула коммунизма — «Советская власть плюс электрификация всей страны», а план электрификации был назван «нашей второй программой партии». В эти слова Ленин вкладывал более глубокий смысл, чем может показаться на первый взгляд. Если Маркс не раз повторял, что техническим базисом промышленной эпохи капитализма был пар (паровая машина), то Ленин полагал, что *социализм станет эпохой электричества*. И с энтузиазмом взялся за реализацию этой идеи, казавшейся многим неосуществимой — вспомним хотя бы хрестоматийные сюжеты из школьных учебников истории о встрече с Лениным английского писателя Герберта Уэллса и его книги «Россия во мгле».

План ГОЭЛРО предусматривал строительство в России внушительной сети электрических станций: за 10—15 лет планировалось построить 20 Государственных районных электрических станций — ГРЭС (тепловых) и 10 ГЭС (гидроэлектростанций), в их числе — Штеровскую, Каширскую, Горьковскую, Шатурскую и Челябинскую тепловые электростанции, Нижегородскую, Волховскую, Днепровскую гидроэлектростанции. В рамках масштабного проекта намечалось скорейшее восстановление топливной промышленности и металлургии, на базе электрификации планировалась коренная реконструкция ведущих отраслей производства. Было проведено экономическое районирование — разделение страны на семь районов (развитие каждого из них прорабатывалось отдельно), ставших основой создания на её территории единого транспортно-энергетического каркаса. Таким образом, ГОЭЛРО был планом развития не только одной электроэнергетики, а всей экономики России, положил начало индустриализации страны. А на основе Государственной комиссии по электрификации России в августе 1923 года была создана Государственная комиссия СССР по планированию (Государствен-

ная плановая комиссия — Госплан) при Совете труда и обороны СССР. Изначально Госплан играл консультативную роль, координируя планы союзных республик и регионов, а с 1925 года начал формировать годовые, а затем и пятилетние планы развития народного хозяйства СССР.

Выступая с докладом на VIII съезде Советов, председатель комиссии ГОЭЛРО Г. М. Кржижановский отмечал: «Мы находим возможность примерно в десятилетний срок не только залечить раны войн, но и поднять за этот период наши производительные силы на 80—100 процентов выше довоенного уровня».

Планы оказались реальными, и уже к началу 1930-х годов они в основном были успешно реализованы. Выработка электроэнергии в 1932 году по сравнению с 1913 годом, когда дореволюционной Россией был достигнут пик развития, увеличилась не в 4,5 раза, как планировалось, а почти в 7 раз: с 2 до 13,5 миллиарда киловатт-часов. Были перевыполнены планы по добыче угля, нефти, торфа, железной и марганцевой руды, производству чугуна и стали. Причём если мощность первой крупной отечественной ГЭС — Волховской, сыгравшей, кстати, в годы Великой Отечественной войны жизненно важную роль в электроснабжении блокадного Ленинграда, первоначально составляла 58 мегаватт, то гордость плана ГОЭЛРО и первой пятилетки — Днепровская ГЭС превосходила её по мощности почти в 10 раз. На основе Днепрогэса был осуществлен прорыв в индустриализации Запорожья, в регионе получили развитие крупные предприятия металлургического, химического и машиностроительного промышленных комплексов.

Несмотря на то что план ГОЭЛРО неоднократно корректировался, что было связано с непредвиденными сложностями и недостаточной экономической обоснованностью строительства тех или иных объектов, прежде всего гидроэлектростанций (мы ещё коснёмся этого вопроса), за 15 лет было построено вместо тридцати намеченных 40 электростанций с гораздо большей суммарной мощностью, чем планировалось изначально. К середине 1930-х годов СССР по производству электро-

энергии стал занимать третье место в мире (после США и Германии), оставив позади такие индустриальные державы, как Англия, Франция, Италия, Швеция...

Говоря о впечатляющих темпах роста отечественной электроэнергетики, автор считает необходимым заметить, что не относит себя к числу тех поклонников большевиков, которые едва ли не все их значимые шаги непременно сравнивают с подвигами первопроходцев, вынужденных в силу сложившихся исторических причин всё начинать заново, — история не пишется «с чистого листа». Действительно, в решении многих вопросов в области государственного и хозяйственного строительства новой власти часто приходилось идти неизведанными путями. Однако при этом в полной мере был использован экономический (а во многих случаях — и политический) потенциал, накопленный в дореволюционной России. Так что план ГОЭЛРО создавался не на пустом месте.

Начало становления гидроэнергетики России, в развитие которой в советское время внёс весомый вклад Фёдор Георгиевич Логинов, можно отнести к концу XIX столетия, ко времени строительства первых гидроэлектростанций, предназначенных, как правило, для энергоснабжения местных заводов и шахт. Такие ГЭС в 1890-х — начале 1900-х годов появились на Рудном Алтае (ныне территория Казахстана), в Восточной Сибири, на Украине, Северном Кавказе, в Карелии. Историк гидроэнергетики И. В. Слива считает, что «настоящим прорывом стало строительство в 1903 году Центральной Пятигорской гидроэлектростанции (с 1911 года — ГЭС «Белый уголь») на реке Подкумок. Проект этой станции, разработанный ставшими впоследствии знаменитыми учёными-электротехниками Г. О. Графтио и М. А. Шателеном, предусматривал снабжение района Кавказских Минеральных Вод. При мощности около 740 киловатт ГЭС обеспечивала электроэнергией Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск и Железноводск, в частности, это позволило в сентябре 1903 года пустить в Пятигорске трамвай»¹.

¹ Слива И. В. История гидроэнергетики России. Тверь: Тверская типография, 2014. С. 28.

Интересно, что первая гидроэлектростанция на Урале — Порожская ГЭС на реке Большая Сатка, пущенная в 1910 году, работает и поныне, то есть более ста лет. Как, кстати, и построенная в 1909 году Гиндукушская ГЭС — крупнейшая гидроэлектростанция дореволюционной России.

Наряду со строительством ГЭС проводились большие проектно-изыскательские работы. Так, в 1891—1916 годах при проектировании и строительстве Транссибирской магистрали были проведены серьёзные исследования гидроэнергетического потенциала Ангары. Особое внимание гидротехников привлекали порожистые участки Волхова и Днепра, близость этих рек к крупным промышленным центрам. Проект строительства ГЭС на реке Волхов разрабатывался с 1902 года, и к 1914 году Г. Графтио вместе с инженером Е. Палицыным довёл проектную мощность будущей электростанции до 58 мегаватт. Первая мировая война перечеркнула все планы по строительству ГЭС на Днестре и Волхове, тем более что к реализации обоих проектов были привлечены немецкие фирмы и специалисты.

В результате в дореволюционной России так и не было построено ни одной крупной гидроэлектростанции, а суммарная мощность всех ГЭС к 1917 году составляла всего 16 мегаватт, они вырабатывали лишь два процента электроэнергии в стране¹. Львиная доля её производства приходилась на тепловые электростанции.

Не только война затормозила развитие гидроэнергетики. И. В. Слива, книгу которого мы цитировали, пишет: «Несмотря на наличие хорошо проработанных проектов крупных ГЭС, ни один из них в Российской империи реализован не был. Одной из основных причин было противодействие частных владельцев тепловых электростанций, а также поставлявших для них топливо угольных и нефтяных компаний, опасавшихся

¹ На начало 2017 года суммарная мощность электростанций России составила 244 гигаватта, свыше $\frac{2}{3}$ её приходилось на тепловые электростанции, примерно 20 процентов — на ГЭС и 11 процентов — на АЭС.

конкуренции с дешёвой гидроэнергетикой... Они скупали земельные участки в удобных для строительства ГЭС местах, а также оказывали давление на местные власти, в ведении которых находилась выдача разрешений на строительство ГЭС»¹.

И не только строительству ГЭС препятствовали частные землевладельцы. Например, много усилий пришлось приложить, чтобы провести высоковольтную линию длиной примерно 70 километров от первой в России районной электростанции «Электропередача» (ныне — ГРЭС-3 в подмосковном Электрогорске) до Москвы. Для этого руководителям проекта пришлось лично договариваться с каждым из неуступчивых обладателей земель на пути от Электрогорска к Москве...

Казалось, что в своём экономическом развитии Россия безнадежно отстала от передовых стран. Статистика, отражающая довоенное состояние её электроэнергетики, выглядит удручающе. «В 1913 году в России на душу населения вырабатывалось всего 14 киловатт-часов, для сравнения, в США этот показатель составлял 236 киловатт-часов. Но если по количественным характеристикам разница очевидна, то по качественным дореволюционная Россия нисколько не уступала передовым зарубежным странам»².

А это, естественно, служило прочной основой для разработки плана ГОЭЛРО, создавало хорошие предпосылки для его осуществления. Первостепенную роль сыграло то обстоятельство, что в стране сложилась целая плеяда научных и инженерных кадров, работавших в области электроэнергетики.

Комиссию ГОЭЛРО возглавил видный революционер и учёный-энергетик Г. М. Кржижановский. В 1894 году он с отличием окончил Санкт-Петербургский технологический институт, затем трудился в его научных лабораториях. Работал монтажником, инженером, заведовал в Санкт-Петербурге кабельной сетью «Общества элект-

¹ *Слива И. В.* Указ. соч. С. 31.

² См.: Официальный сайт Министерства энергетики РФ: История ГОЭЛРО (<https://minenergo.gov.ru/node/3039>).

трического освещения 1886 года». В 1909 году опубликовал первую научную работу «О природе электрического тока». Заведовал кабельной сетью в Москве, руководил строительством электростанций в Подмосковье, участвовал в проектировании и строительстве первой в России электроцентрали «Электропередача».

В комиссию ГОЭЛРО входили такие видные специалисты, как И. Г. Александров (автор проекта Днепрогэса, предложивший вместо нескольких станций на Днестре с малой мощностью построить одну крупную), А. В. Винтер (до революции — начальник строительства электростанции на торфе «Электропередача», затем руководил строительством Шатурской ГРЭС и Днепростроем), уже упоминавшийся Г. О. Графтио, Р. Э. Классон (участвовал в проектировании и строительстве городских электростанций Москвы и Петербурга, торфяной электростанции «Электропередача», с 1906 года в течение двадцати лет был директором московской тепловой электростанции МГЭС-1), профессор электротехники К. А. Круг, учёный-электротехник М. А. Шателен и другие. Всего же к работе комиссии было привлечено около двухсот инженеров и учёных. (Имена некоторых из них мы ещё вспомним на страницах нашей книги.)

Говоря о том, что план ГОЭЛРО опирался на солидный научный и практический опыт, накопленный в процессе становления гидроэнергетики России в дореволюционный период, нельзя согласиться с теми, кто утверждает, что он якобы представляет собой не оригинальную разработку, а в основном заимствован у немецкого профессора политической экономии К. Баллода, выпустившего ещё в 1898 году в Германии книгу «Государство будущего, производство и потребление в социалистическом государстве». С этой книгой в комиссии ГОЭЛРО были, конечно, хорошо знакомы. «Но, во-первых, — как справедливо замечают историки и специалисты Министерства энергетики РФ, — сам этот материал — всего лишь кабинетный проект, в достаточной мере абстрактный, и вопрос о его реализации никогда не стоял и стоять не мог. Во-вторых, российские научные кадры от зарубежных ничуть не отставали, а в некоторых отношениях —

в том числе в вопросе строительства экономики с опорой на энергетику — даже опережали их. А в-третьих, и это самое главное, природа и сырьевые ресурсы России, её территория, экономика, демография, национальный менталитет и даже денежная система столь уникальны, что исключают саму возможность полного заимствования и тем более копирования каких бы то ни было конкретных программ.

Поэтому можно смело утверждать, что как в теоретическом, так и в практическом аспекте план ГОЭЛРО оригинален и аналогов в мировой практике не имел. Напротив: его уникальность, привлекательность и практическая реальность стали причиной попыток копирования его ведущими странами мира. В период 1923—1931 годов появились программы электрификации США (разработчик Фран Баум), Германии (Оскар Миллер), Англии (так называемая комиссия Вейера), Франции (инженеры Велем, Дюваль, Лаванши, Мативэ и Моляр), а также Польши, Японии и т. д. Но все они закончились неудачей ещё на стадии планирования и технико-экономических разработок»¹.

Конечно, проблем, связанных с реализацией плана ГОЭЛРО, был непочатый край. И главная из них — нехватка квалифицированных специалистов, способных возглавить и организовать работу по осуществлению масштабных задач. Кадровая проблема обострилась в стране после провозглашения в декабре 1925 года XIV съездом ВКП(б) курса на индустриализацию и — особенно — принятия в конце 1920-х годов решения о её проведении ускоренными темпами.

Вопросы подготовки кадров для промышленного и энергетического строительства, для новых предприятий обсуждались в июле 1928 года на пленуме ЦК ВКП(б). В частности, пленум принял решение направить в вузы страны в 1928 году не менее тысячи коммунистов, «прошедших серьёзную школу партийной, советской или профессиональной работы и практиковать эту меру

¹ См.: Официальный сайт Министерства энергетики РФ: История ГОЭЛРО (<https://minenergo.gov.ru/node/3039>).

ежегодно в течение ближайших лет». В числе первых студентов-«парттысячников» оказался и Фёдор Логинов, зачисленный в сентябре 1928 года на гидротехнический факультет Ленинградского политехнического института. С этого времени и до конца жизни он всецело посвятил себя гидроэнергетике, в которой обрёл своё призвание.

В биографии Ф. Г. Логинова есть одна примечательная особенность, которая в прежние времена вряд ли привлекла бы чьё-либо внимание: ему довелось строить электростанцию на реке Баксан в Кабардино-Балкарии, руководить строительством чирчикских ГЭС в Узбекистане, работать председателем Госплана Узбекской ССР и секретарём ЦК компартии республики, руководить восстановлением Днепрогэса на Украине. В разные годы он избирался депутатом Верховного Совета Узбекской ССР, Верховного Совета Украинской ССР и Верховного Совета РСФСР. Для биографии советского человека, ощущавшего себя полноправным членом единой семьи народов СССР, в этом не было ничего необычного.

Определив в первые годы советской власти электрификацию как основу экономического развития страны, большевики сумели ухватиться и за другое главное звено — на этот раз в области государственного строительства, объединив в декабре 1922 года народы Украины, Белоруссии и Закавказья в единое государство — СССР¹. Идея создания такого государства, помимо конкретно-исторических предпосылок, сложившихся к началу 1920-х годов, имела и свои глубокие исторические, экономические и культурные корни: объединившиеся народы имели большой опыт совместного проживания в Российской империи. Но необходимость объединения в столь тяжёлое время, его неотложность диктовались прежде всего насущными задачами восстановления промышленности, разрушенной за годы Первой мировой и Гражданской войн, ускоренного развития экономики,

¹ В 1925 году были приняты в состав СССР новые союзные республики: Узбекская ССР и Туркменская ССР; в 1929 году статус союзной республики получил Таджикистан, ранее входивший в состав Узбекской ССР.

укрепления обороноспособности и повышения авторитета советских республик на международной арене.

Оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать: без создания СССР, без концентрации всех ресурсов союзных республик и их совместного решения важнейших народно-хозяйственных задач вряд ли бы удалось осуществить программу электрификации и индустриализации страны, обеспечившую её процветание и могущество. И одержать победу в смертельной схватке с фашизмом.

Поэтому ничего, кроме недоумения, не вызывает утверждение некоторых современных политиков, что с образованием СССР под Россию была заложена бомба замедленного действия. Лучше бы им задаться вопросом: кто, как и с какой целью растаскивал народы Советского Союза по национальным квартирам в конце 1980-х — начале 1990-х годов?

Мы остановились на этих вопросах не случайно. Биография Ф. Г. Логинова свидетельствует о том, что при всех сложностях его характера, прямоте и бескомпромиссности он ни разу не усомнился в верности курса, которым шла страна, в правоте дела, которому служил. Можно сказать и по-другому: Логинов — человек советский. Нравится это кому-то сегодня или нет.

Часть первая
СУРОВОГО ВРЕМЕНИ
ДЕТИ

НЕУДОБНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Человек со временем мало меняется. Прожитые им годы, конечно, не проходят бесследно, но его сущность, свойственные ему характерные особенности, которые мы вкладываем в понятие *личность*, чаще всего остаются неизменными.

Подтверждением тому является и биография Фёдора Логинова, который, будучи уже известным в стране руководителем, сохранил в себе всё то, чем одарила его природа и что приобрёл он в годы своего раннего становления, совпавшие с переломной эпохой. Достаточно сказать, что наш герой, родившийся в 1900 году, является «ровесником» прошлого века, первая четверть которого отмечена тремя войнами и тремя революциями (мы не склонны считать Февральскую и Октябрьскую революцию единым процессом, что, на наш взгляд, затушёвывает принципиальные особенности и различия этих двух событий).

Примечательно, но его внутренний мир и в зрелые годы удивительно гармонировал с внешним обликом, который сохранился в памяти тех, кто с ним встречался, вместе работал. Первое впечатление, которое он производил на окружающих, — человек-глыба: огромного роста, широкоплечий, с крупными чертами типично русского лица и короткой стрижкой; за плотно сжатыми губами легко угадываются упрямство и своенравие. Из тех, кому под горячую руку лучше не попадаться. Сразу видно, что перед тобой человек волевой и основательный, к тому же обладающий недюжинной физической силой.

Эта короткая зарисовка, пожалуй, отражает те штрихи к портрету нашего героя, которые так или иначе упоминали как главные почти все писавшие о нём. Но каждый из авторов, отмечая бросавшиеся в глаза характерные черты Логинова, воспринимал его всё же по-своему, обогащал его образ новыми, «собственными» деталями и красками. Вот, например, какое впечатление при первой встрече, состоявшейся в 1950 году, произвёл руководитель Сталинградгидростроя на главного геолога Волго-Донского канала и Сталинградской ГЭС В. Галактионова:

«Ему было лет пятьдесят или немногим больше. Впрочем, возраст исчезал, переставал ощущаться с первым его движением: двигался он очень свободно, легко, удивительно пластично. У него были сильные руки, крупные черты лица, светлая шевелюра, внимательно оценивающие серые глаза.

Говорил он обстоятельно и веско, как человек, привыкший, что с его мнением считаются, а к словам прислушиваются. Сидел очень спокойно — руки на подлокотниках, ноги ушли глубоко под стол, каждая мышца расслаблена. Так отдыхают спортсмены. Держался просто, и не прошло пяти минут, как нам показалось, что мы давнишние знакомые»¹.

Конечно же, современники Логинова, прежде всего его соратники — участники строительства чирчикских ГЭС, восстановления Днепрогэса и возведения Сталинградской ГЭС, оставили самые ценные для нас воспоминания.

Волжский писатель Р. Дорогов, который в 1950-х годах, когда Логинов возглавлял Сталинградгидрострой, был главным диспетчером строительства и по роду службы много общался с Фёдором Георгиевичем и хорошо его знал, писал о нём так: «Широкий в плечах, как кузнец, темпераментный и азартный, как боец, светловолосый и сероглазый Логинов сразу привлекал к себе любого. Он был красивым... обаятелен своей могучей

¹ Галактионов В. Д., Аграновский А. А. Утро великой стройки. М.: Советский писатель, 1953. С. 142.

крестьянственностью и широтой манер. У него и душа был красивая — романтическая и весёлая».

Л. И. Конин, автор, наверное, одной из наиболее основательных работ по истории Сталинградгидростроя (Леонид Иванович возглавлял Управление Волгоградгидростроя с 1975 года), отмечал в Логинове такие его качества, определяющие личность, как «ум, воля и мужицкая хватка»¹.

Много ценных для нас наблюдений отражены в документальной повести, написанной Р. Дороговым в соавторстве с А. Злобиным «Город на главной улице». Привлёк нас в этой книге, помимо прочего, один диалог, в котором Логинов произносит такие слова: «В наше время трудно быть начальником добрым. У нас привыкли к суровым начальникам. А суровость без души — страшная штука»².

Не слишком верится, что Логинов, при всей своей «романтичности» не проявлявший в общении с окружающими чрезмерной сентиментальности, стал бы перед кем-то «исповедоваться» на столь деликатную тему. Но не спешите винить авторов — они попытались передать то, что верно подметили в нём: за внешней суровостью и даже жёсткостью Логинова-руководителя скрывались его забота о людях, о которых он никогда не забывал, уважение к простому труженику.

Правда, у тех, кто готов нам возразить, найдутся довольно серьёзные аргументы. Например, в период работы начальником строительства Сталинградской ГЭС Фёдор Георгиевич получил партийное взыскание, одной из причин которого, как указывалось в постановлении бюро обкома партии, стало «бездушное отношение к нуждам рабочих». Проявилось это в отставании строительства и ввода жилья, объектов социального и культурного назначения, в результате чего значительная часть рабочих стройки была лишена нормальных условий быта и отдыха.

¹ Конин Л. И. Сталинградгидрострой. 1950—1961: Время, события, люди. Волжский, 2009. С. 13.

² Дорогов Р. Ф., Злобин А. П. Город на главной улице. М.: Профиздат, 1975. С. 299.

Однако, на наш взгляд, проблема заключалась не в личных качествах начальника стройки, а в том, что забота Логинова о подчинённых всегда была ограничена объективными возможностями и имеющимися в его распоряжении ресурсами. Тем более что ему приходилось руководить стройками, на которых работали тысячи и даже десятки тысяч человек, строить и восстанавливать гидроэлектростанции в тяжелейших условиях тридцатых годов, в суровое военное время и трудный период послевоенного возрождения.

Вряд ли в глазах строителей, целый день таскающих по настилу пудовые тачки с землёй и бетоном, начальник стройки будет выглядеть «добрым». Да и других недовольных и «обиженных» в больших коллективах всегда хватает. Но главные проблемы порождало другое — взаимоотношение Фёдора Георгиевича с другими крупными руководителями и вышестоящими партийными и хозяйственными органами. Безусловно, правы те, кто считает, что в большинстве случаев причиной частых столкновений между ними являлась привычка Логинова во всех спорных случаях, невзирая на лица, со свойственной ему твёрдостью отстаивать собственную точку зрения. Но мало кто упоминает о том, что твёрдость эта у него порой граничила с упрямством и неуступчивостью. Об этом свидетельствует и череда устных и письменных выговоров, серьёзных партийных взысканий, первые из которых он получил ещё на строительстве чирчикских ГЭС.

Однако в наше время чаще всего это преподносится таким образом, будто партийные органы только мешали в работе талантливому руководителю. Здесь, безусловно, сказывается укоренившаяся за последние три десятилетия в нашей печати и СМИ традиция — всю деятельность ВКП(б)—КПСС рассматривать исключительно под негативным углом зрения, а бывших партийных работников, так сказать, «по умолчанию» заносить в разряд «партократов», жирующую и весьма бездарную прослойку советского общества.

Бездарей и карьеристов хватало во все времена. Но, на наш взгляд, большинство партийцев были людьми

иной закваски, преданными своему делу, порядочными и грамотными руководителями. К ним, безусловно, относится и И. Т. Гришин, с которым начальнику Сталинградгидростроя приходилось решать вопросы едва ли не ежедневно: Иван Тимофеевич руководил в те годы Сталинградским обкомом КПСС, причём в сферу его партийной ответственности входило строительство не только Сталинградской ГЭС, но и Волго-Донского канала. Кстати, тёплые воспоминания о нём как о человеке сохранились и в Новосибирске, где он перед этим работал, — в 30 лет (в 1942 году) возглавил облисполком и занимал этот пост до конца войны. Такие назначения не были исключением — страна делала ставку на способные молодые кадры.

Не будет лишним напомнить, что до И. Т. Гришина Сталинградский обком партии возглавляли А. С. Чуянов и В. Т. Прохвятилов, внёсшие в годы войны неоценимый вклад в оборону, а затем и восстановление Сталинграда, налаживание жизни в городе и области после великого сражения на Волге.

Заметим, что ещё до того, как Логинов возглавил крупнейшие общесоюзные стройки, ему пришлось побывать «в шкуре» секретаря ЦК компартии Узбекистана. Так что он хорошо представлял, что такое партийная работа, понимал, что на партийных руководителях лежит особая ответственность за положение дел в регионах, по собственному опыту знал, какую тяжёлую ношу несут они на своих плечах. Поэтому, на наш взгляд, просто нелепо противопоставлять партийцев «хозяйственнику» Логинову, хотя конфликты интересов во взаимоотношениях сторон случались нередко, что, естественно, неизбежно при решении масштабных задач. Кстати, в книге Логинова «Возрождение Днепрогэса»¹ и особенно в его рабочих дневниках, хранящихся ныне в Российском государственном архиве экономики² (на них мы ещё остановимся подробнее), чётко просматривается

¹ См.: *Логинов Ф. Г. Возрождение Днепрогэса*. Киев: Государственное издательство технической литературы Украины, 1951.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5.

уважительное отношение автора к партийным органам и комсомольским организациям, без поддержки которых было бы трудно, а в ряде случаев — и невозможно, решать те масштабные задачи, которые изо дня в день вставали перед Фёдором Георгиевичем. И он это прекрасно понимал — в отличие от некоторых его биографов.

Трудно сказать, почему практически во всех публикациях, связанных с Ф. Г. Логиновым, обходится стороной характеристика, данная ему во второй книге трилогии Л. И. Брежнева «Малая Земля», «Возрождение», «Целина». Может, опять-таки сказывается то, о чём мы только что говорили, и авторы относятся к Брежневу как к весьма ординарной личности, забывая о том, что он не всегда был таким больным и немощным, как в последние годы жизни. А может, продолжается уже другая, чисто советская традиция — обходить острые углы в произведениях о героях времени, наделяя их исключительно положительными качествами. Что и делали известные советские писатели и журналисты в своих публикациях о Логинове, вышедших в 1950-е годы.

Брежнев и Логинов хорошо знали друг друга, близко общались в течение почти полутора лет: Логинов руководил строительством разрушенного Днепрогэса, когда Брежнев был направлен в Запорожье и в августе 1946 года был избран первым секретарём Запорожского обкома партии. Главная задача, стоявшая перед ним, — наладить работу по восстановлению Запорожья и промышленных объектов города и области, в первую очередь «Запорожстали» и Днепрогэса. Было бы странным, если бы между Логиновым и Брежневым не возникали конфликты и споры. Но не будем преувеличивать их значение, во всяком случае на судьбе Логинова они никак не сказались, а в 1948 году Фёдор Георгиевич был награждён очередным орденом Ленина. Судя по всему, Леонид Ильич относился к нему с большим уважением, которое нетрудно заметить в его воспоминаниях, к тому же известно, что Брежнев не был злопамятным человеком.

Думается, преувеличены разговоры и о последствиях серьёзных разногласий между Логиновым и Хрущёвым,

работавшим в годы восстановления Днепрогэса председателем СНК, затем — Совмина Украинской ССР и первым секретарём ЦК ВКП(б) Украины. Ведь именно при Хрущёве, когда тот уже был первым секретарём ЦК КПСС и обладал большими властными полномочиями, Логинов был назначен на важный государственный пост — стал министром строительства электростанций СССР.

Хотя, по мнению некоторых волжских писателей и краеведов, после смерти Логинова именно Хрущёв предал его имя «забвению». В качестве примера они приводят тот факт, что в 1961 году на митинге в Волжском по случаю открытия Волжской ГЭС, на котором присутствовал и выступал Никита Сергеевич, о первом руководителе стройки Логинове даже не было упомянуто. Но сейчас трудно сказать, с чем это было связано, а ничем не обоснованные версии и предположения могут увести от сути дела.

Итак, книга воспоминаний «Возрождение», Брежнев о Логинове:

«Днепрострой возглавлял известный гидростроитель Фёдор Георгиевич Логинов. Это был, можно сказать, самородок. Рабочим он стал с одиннадцати лет, пришлось ему воевать с колчаковцами, деникинцами, и ещё мальчишкой он вырос до помощника командира полка. Потом, окончив институт, работал десятником на первом Днепрострое, прорабом на Баксане и средневожских ГЭС, начальником строительства на Чирчике. Колоритный был человек — огромного роста, решительный, своенравный. Всё он брал на себя, замечаний в свой адрес ни от кого не терпел.

Принцип единоначалия полезен, на стройке такого масштаба даже необходим, но плохо, когда «единоначальник» перестает воспринимать критику. Логинов бывал груб с людьми, несдержан, вспыльчив и, зная это за собой, даже завёл чётки. «Переберу по зёрнышку, — объяснял мне, — глядишь, и успокоюсь». У нас с ним случались серьёзные столкновения, и мне, в ту пору ещё молодому секретарю обкома, было с этим человеком нелегко.

Первые агрегаты Днепрогэса работали, но ввод остальных затягивался, и кончилось дело тем, что вышло постановление ЦК КП(б)У о недочётах на стройке. Логинов, привыкший к печатным и устным похвалам, послал телеграмму в ЦК о том, что он решительно с этим постановлением не согласен. 1 ноября 1947 года состоялось партийное собрание коллектива Днепростроя, на котором с докладом поручили выступить мне.

И опять, сказав подробно о недостатках, убедив людей, что ошибки отнюдь не выдуманы, а действительно допущены, я не стал, как говорится, топить человека, а, напротив, постарался указать ему достойный выход из положения. Специально подчеркнул, что обком партии ценит Логинова как работника, считает важным, что именно он возглавляет эту огромную стройку, и выразил уверенность в том, что, сделав выводы из критики, Фёдор Георгиевич обеспечит скорейший ввод станции на полную мощность. Я действительно видел и ценил сильные стороны этого человека — большие знания, огромный опыт, волевые качества, преданность делу¹.

Вряд ли есть основания упрекать Брежнева в том, что, характеризуя Логинова, отмечая его своенравие, невосприимчивость критики, склонность к авторитарному стилю руководства (что, кстати, проявлялось в Логинове и в последующий период его деятельности — во время строительства Сталинградской ГЭС), он допустил субъективизм, «перегнул палку». В данном случае воспоминания генсека внушают доверие, и вот почему. Известно, что в большинстве случаев книги крупных политических деятелей записываются с их слов профессиональными писателями или журналистами — литобработчиками, причём эта практика существует не только у нас, но и в западных странах²: вспомните хотя бы известный фильм Романа Полански «Призрак» (*The Ghost Writer*) по одноимённому роману английского писателя

¹ Брежнев Л. И. Воспоминания. 2-е изд. М.: Политиздат, 1983. С. 131—132.

² В английском языке существует даже устойчивое словосочетание: *a ghost writer* — писатель-невидимка.

Роберта Харриса, и вы убедитесь, что это действительно так. Так вот, литературная запись книги воспоминаний Л. И. Брежнева «Возрождение», как уже давно установлено, принадлежит известному советскому журналисту Анатолию Аграновскому, который неоднократно бывал на строительстве Сталинградской ГЭС и не раз встречался с Логиновым в те годы, когда тот возглавлял эту стройку. Именно этому периоду посвящены книги Аграновского «Сталинградская ГЭС — великая стройка коммунизма»¹ и другая (мы уже её цитировали), написанная в соавторстве с главным геологом ГЭС В. Д. Галактионовым, — «Утро великой стройки»² (повествование в ней ведётся от лица непосредственного участника событий — главного геолога гидроэлектростанции).

Кстати, колоритная личность Логинова привлекала внимание (особенно в период строительства Сталинградской ГЭС и города Волжского) не только журналистов, но и именитых мастеров советской прозы. В некоторых публикациях встречается даже утверждение, что Фёдору Георгиевичу посвящены повесть К. Г. Паустовского «Рождение моря», впервые опубликованная в 1952 году в журнале «Знамя», и неоднократно издававшийся (впервые — в 1962 году) роман Б. Н. Полевого «На диком берегу». Но это не совсем так.

Герои повести Паустовского — в основном строители Волго-Донского канала, а Логинову, с которым автор встречался в Сталинграде, вернее — беседе с ним, отведено в ней полтора десятка страниц. В повести имя Логинова не называется — хотя Паустовский ясно даёт понять читателю, о ком идёт речь, он величает его *строителем*. «Был он (строитель) человеком атлетического сложения. И, по-видимому, огромной силы. В прищуренных его глазах светилось добродушие. Но это не мешало ему быть настойчивым и требовательным, как говорили о нём подчинённые, “до последней точки”»³.

¹ См.: Аграновский А. А. Сталинградская ГЭС — великая стройка коммунизма. М.: Госполитиздат, 1953.

² См.: Галактионов В. Д., Аграновский А. А. Утро великой стройки. М.: Советский писатель, 1953.

³ Паустовский К. Г. Рождение моря // Знамя. 1952. № 4. С. 51.

Таким запомнился Паустовскому этот человек, и сказать что-нибудь ещё о нём после одной встречи писателю было непросто. Говорит больше Логинов, говорит вдохновенно, с увлечением, и его рассказ о перспективах, которые открывает строительство Сталинградской ГЭС и гидроузла, впечатляет Паустовского:

«Плотина создаст Сталинградское водохранилище длиной свыше шестисот километров и шириной около тридцати километров. Его смело можно назвать внутренним морем. В этой засушливой полосе будет создан постоянный запас воды. Воздух приобретёт влажность. Водами того нового моря орошатся шесть миллионов гектаров заволжских степей. На увлажнённой земле разрастутся леса и дубравы. Создание этого нового моря на юго-востоке страны нанесёт смертельный удар суховеям.

Зимой водохранилище будет хранить не только воду, но и тепло, появится новая растительность, оросительные каналы протянутся от Волги к Уралу на шестьсот километров.

Разовьётся новая для этих мест промышленность — химическая, газовая, нефтяная...

Сталинградская гидростанция войдёт в могучий электросиловой оборот страны, станет одним из величайших звеньев энергетического кольца».

Рассказал Логинов писателю и «о новом городе на левом берегу Волги. Об удобных и красивых домах, архитектурных ансамблях, садах и стадионах и о заветной своей мечте — провести вдоль улиц этого города каналы с текущей, прозрачной водой»¹.

Как хорошо знают жители Волгоградской области и особенно города Волжского, большинство замыслов, о которых поведал Логинов Паустовскому в самом начале строительства Сталинградской ГЭС, было осуществлено. Известно, что некоторые из них, в первую очередь связанные с возведением «города будущего» напротив Сталинграда, на левом берегу Волги, принадлежали исключительно Логинову, и если воплощались в жизнь, то только благодаря его воле и твёрдости. Но через четыре

¹ Там же. С. 51—52.

года Фёдор Георгиевич покинул стройку и возглавил Министерство строительства электростанций СССР — прибавилась уйма новых забот.

Одну важную деталь в повести Паустовского подметил выдающийся советский поэт Евгений Долматовский, который в послевоенные годы часто бывал на сталинградской земле и также встречался с Логиновым: «Таковы уж законы литературы, что сильное впечатление, обаяние узнанной личности непременно и активно участвует в формировании образа героя. Начальник строительства канала Басаргин в повести “Рождение моря” удивительно похож на Логинова, публицистически изображённого в той же повести под именем строитель. Фамилия Басаргин принадлежала сотруднику Союза писателей, подписавшему Паустовскому командировочное удостоверение на Волго-Дон. Паустовскому она чем-то понравилась и потому была использована в повести»¹.

У повести есть и особенности, свойственные времени её написания. Пожалуй, современному читателю не совсем привычна её восторженно-возвышенная тональность, которая вполне соответствовала лозунгам дня, но в которую никак не вписывались многочисленные проблемы, стоявшие в то время перед строителями. Поэтому их в повести и нет. Возможно, потому, что автор ещё не обладал должным опытом создания злободневных художественно-публицистических произведений, посвящённых строительству важнейших народно-хозяйственных объектов. Как писал Е. А. Долматовский, «за Паустовским в пятидесятые годы закрепилась репутация писателя, увлекающегося природой да ещё полуфантастическими воспоминаниями сорокалетней давности. Огромная читательская любовь к его светлым книгам весьма сдержанно учитывалась литературной средой. Он считался писателем, разрабатывающим не самые главные темы современности». И всё же при этом «Паустовский одним из первых и как большой мастер при-

¹ Долматовский Е. Было. Записки поэта. 2-е изд. Кн. 1. М.: Советский писатель, 1975. С. 94.

коснулся своим элегическим пером к теме пятилеток, к теме большевистского преобразования земли!»¹.

Эти слова написаны под впечатлением от встречи Евгения Долматовского с Константином Паустовским в Сталинграде, которая произошла в 1950 году, когда Константин Георгиевич ещё только приступал к работе над повестью «Рождение моря». Кстати, встретились эти знаменитые литераторы в кабинете первого секретаря Сталинградского обкома комсомола Алексея Небензи, много сделавшего для привлечения молодёжи на строительство Сталинградской ГЭС и Волго-Донского канала, а позднее, когда А. А. Небензя был избран секретарём Волгоградского обкома КПСС, — и для развития Волгоградской области².

И ещё одно небольшое, но необходимое отступление: Долматовский не был в Сталинграде случайным гостем. В энциклопедии «Сталинградская битва» — капитальном труде, созданном коллективом авторов под руководством известного учёного, почётного гражданина города-героя Волгограда М. М. Загоруйко, — отмечается, что Долматовский был первым среди крупных писателей и поэтов, посвятивших свои произведения великому сражению на Волге. В самом начале войны он ушёл на фронт добровольцем, попал в окружение и бежал из немецкого плена. Военный корреспондент, батальонный комиссар Долматовский постоянно бывал на передовой. Будучи сотрудником газеты Юго-Западного фронта, в июле 1942 года он находился в Сталинграде, много писал о конкретных людях — защитниках города. Его первое стихотворение — «Отстоим Сталинград!» было опубликовано в самом начале Сталинградского сражения, 19 июля³:

¹ Там же. С. 90.

² Сын А. А. Небензи, Василий Алексеевич Небензя, — крупный российский дипломат, с июля 2017 года — Постоянный представитель РФ при Организации Объединённых Наций и в Совете Безопасности ООН.

³ Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943: Энциклопедия / Под ред. М. М. Загоруйко. 6-е изд., доп. Волгоград: Издатель, 2015. С. 461—462.

Как стоит Ленинград,
Встанет наш Сталинград,
Встанут русские все города.
Умереть, но ни шагу не сделать назад,
Из сердец непреклонный заслон.
Отстоим Сталинград!
Отстоим Сталинград!
Не пропустим врага через Дон!

А в стихотворении «Разговор Волги с Доном» поэт пророчески предсказал:

Не уйдут пришельцы из кольца.
Будет здесь положено начало
Вражеского конца.

В августе 1942 года это стихотворение было выпущено листовкой в областной газете, опубликовано в «Комсомольской правде», а в ноябре, в период наступления в междуречье Волги и Дона, — в «Правде».

Напомним также, что Долматовский был автором прекрасного документального фильма «Поэма о сталинградцах» (режиссёр В. К. Магатаев), вышедшего на экраны страны в 1987 году.

Естественно, что строительство Сталинградской ГЭС не могло оставить Долматовского равнодушным, и мы нашли в его воспоминаниях немало интересного:

«Мы побывали на левом берегу Волги, где происходила разбивка первых кварталов города, ныне называющегося Волжским. Нас возил туда Фёдор Георгиевич Логинов, начальник строительства ГЭС, суровый гигант, властный и неутомимый. Теперь ему ставят памятники и называют его именем улицы городов, возникших у возведённых под его руководством электростанций.

Логинов, при всей своей внешней суровости, восторженно смотрел на Паустовского, а Константин Георгиевич, когда мы оставались вдвоём, только и говорил что о Логинове.

Несколько раз, уже на рассвете, Логинов вырывал час-другой для того, чтобы посидеть с нами. Был он мечтателем, человеком вдохновенным и твёрдым...

Город на левом берегу Волги был его детищем в полном смысле этого слова.

Логинов задал нам с Паустовским задачу — придумать имя будущему городу. Мы сидели ночь напролёт, напридумывали много имён, были среди придуманных нами, наверное, интересные и романтические. Логинову понравились и были выписаны им на отдельный лист бумаги названия — Пятиморск, Электроград, Гидроград.

Имя Пятиморск конечно же придумал Константин Георгиевич.

Но вскоре мы прочитали в газетах, что город (тогда ещё, кажется, не город, а посёлок) назван Волжским...»¹

От Долматовского мы узнаём, что и тогда, в начале пятидесятых, повесть «Рождение моря» особого успеха не имела. Некоторые критики вывели за пределы литературы «искреннее и светлое стремление, владевшее тогда Паустовским... ну хотя бы бегло, как кинохроника, отразить послевоенное строительство, первые шаги великого плана преобразования земли».

Нам же кажется, что автор «Рождения моря» не избежал влияния далеко не лучших явлений советской литературы послевоенного времени и первой половины 1950-х годов. Не только он, но и многие другие большие мастера художественного слова оказались тогда под влиянием так называемой «производственной прозы», которая, с одной стороны, воспевала человека труда, а с другой — все его жизненные интересы сводила к заботам о судьбе завода, стройки или колхоза, заставляла говорить не свойственным ему плакатным и напыщенным языком, уводила от важнейших духовно-нравственных и социальных проблем, назревших в обществе.

Конечно, легко судить об этом спустя несколько десятилетий. Но ведь ещё весной 1953 года Александр Фадеев в одном из своих писем с тревогой отмечал, что «советская литература по своему идейно-художественному качеству, а в особенности по мастерству, за последние 3—4 года не только не растёт, а катастрофически катится

¹ *Долматовский Е.* Было. Записки поэта. 2-е изд. Кн. 1. М.: Советский писатель, 1975. С. 92.

вниз». Жёстко оценил состояние литературы того времени и М. А. Шолохов в своём выступлении на II Всесоюзном съезде советских писателей, состоявшемся в 1954 году: «Достижения нашей многонациональной советской литературы за два истекших десятилетия действительно велики, вошло в литературу немало талантливых писателей. Но при всём этом остаётся нашим бедствием серый поток бесцветной, посредственной литературы, который последние годы хлещет со страниц журналов и наводняет книжный рынок... Нам грозит потеря того уважения наших читателей, которое немалыми трудами серьёзных литераторов завоёвывалось на протяжении многих лет».

Ф. Г. Логинов — прежде всего крупный хозяйственный деятель, и, конечно, не слишком уместно в книге о нём погружаться в литературные проблемы. Но представление о них помогает лучше понять, насколько верно публикации тех лет отражают дух времени, социальное самочувствие различных слоёв населения, на которое наша литература, встроенная в официальную идеологическую систему, оказывала, к сожалению, не только благотворное воздействие. Порой она вводила людей от массы назревших проблем, а разрыв между красочным миром книжных героев и действительностью, трудностями реальной жизни, особенно в послевоенные годы, бросался в глаза и вызывал соответствующий резонанс в обществе.

Это свойственно и многочисленным публикациям, посвящённым «великим стройкам коммунизма», к которым в конце 1940-х — первой половине 1950-х годов относились Сталинградская, Куйбышевская, Цымлянская, Каховская гидроэлектростанции, Волго-Донской канал и ряд других крупнейших гидросооружений страны. Трудно переоценить их значение в развитии энергетики страны, решении задач мелиорации и обводнения земель, транспортных и других народно-хозяйственных проблем. Но строительство таких объектов имело и свои особенности, свою специфику: огромные сложности, связанные с проектированием и техническими решениями, геолого-изыскательными работами, с привлечением

огромных людских ресурсов (на каждой стройке — десятки тысяч работающих), обеспечением строителей жильём, нормальным питанием и продовольствием, медицинским обслуживанием.

Существовала и ещё одна проблема: масштабное вторжение в естественную среду порождало неизбежные конфликты между человеком и природой, о которых тогда не принято было говорить. С одной стороны, негативные последствия строительства крупных народно-хозяйственных объектов воспринимались как досадные издержки на пути к экономическому могуществу страны (цель оправдывает средства), с другой — просто недооценивались. Мы со школьных лет знаем Паустовского как знатока и тонкого ценителя природы, нас с ранних лет учили понимать её на примерах прекрасной, проникнутой лирикой, пейзажной прозы писателя. И вдруг обнаруживаем, что в повести «Рождение моря» автор присоединяется к хору ни в чём не сомневающих энтузиастов-технократов, веривших в неизбежную победу строителей коммунизма над природой, в её окончательное покорение и подчинение интересам человека. Тот же Сталинград видится Паустовскому городом «людей вдохновенного труда, занятых *пересозданием* (курсив мой. — А. Ж.) природы»¹. И отнюдь не случайно в его повести появляется специалист, приехавший на строительство Волго-Дона проверить «несколько неясных вопросов, касавшихся проекта, над которым он работает». Как оказалось, проект этот предусматривал ни много ни мало как поворот «течения сибирских рек»².

Так, едва ли не впервые в нашей литературе читатель узнаёт о существовании идеи перенаправить потоки сибирских рек на обводнение территорий Средней Азии и Казахстана. А она уже завладела умами научных и правительственных кругов. В 1952 году институт «Гидропроект» Министерства электростанций СССР опубликовал объёмный доклад по итогам трёхлетней работы над этой проблемой под названием «К вопросу о схеме перебро-

¹ Паустовский К. Г. Рождение моря // Знамя. 1952. № 4. С. 45.

² Там же. С. 43—44.

ски части стока рек Сибири в Среднюю Азию и связанные с ней вопросы энергетического строительства на реках Обь и Енисей»¹. По мнению института, комплексное использование водно-энергетических ресурсов Обь-Иртышского и Енисейского бассейнов позволит решать задачи дальнейшего развития производительных сил не только Сибири, но и республик Средней Азии и Казахстана. (Однако, к счастью, специалисты института посчитали, что Волга хотя и является базой реконструкции сельского хозяйства, но только на «территории, расположенной в основном в её собственном бассейне».)

Принципиальный вывод составителей доклада: «Крупнейшие задачи в области коренного преобразования природы безводных и маловодных районов Средней Азии и Казахстана, создания здесь громадных массивов орошаемых и обводняемых площадей могут быть решены только путём использования вод сибирских рек». По их мнению, это позволило бы «решить ряд народно-хозяйственных задач: развитие сельского хозяйства в Арало-Каспийской впадине, создание крупных электростанций в Сибири, образование новой водной магистрали в стране и др. переброска сибирской воды на юг позволит завершить процесс преобразования природы Средней Азии, запада и юга Казахстана...»².

О негативных последствиях для рек, лесов и всей природы Сибири — ни слова. Зато перспективы изменения климата в Арало-Каспийской впадине и Западной Сибири видятся разработчикам доклада «Гидропроекта» исключительно в радужном свете. По их мнению, после осуществления комплекса мероприятий по переброске рек «следует ожидать на территории восточной части Арало-Каспийской впадины: повышения относительной и абсолютной влажности воздушных масс; уменьшения внутрисуточных и внутригодовых колебаний температуры воздуха; увеличения осадков в горных районах в течение всего года, а на равнине преимущественно зимою, весною и осенью; увеличения стока рек

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 1.

² Там же. Л. 3—5.

и дебита источников и колодцев; уменьшения частоты и интенсивности суховеев». Совсем уж сомнительным выглядит следующий вывод: «В разрезе многолетнего влагооборота часть влаги, принесённой сибирскими водами в Арало-Каспийскую впадину, вновь вернётся в Сибирь и восполнит суммарный сток сибирских рек, а также окажет большое влияние на климат Сибири в сторону его смягчения»¹.

Говорят, что И. В. Сталин не уделил этой идее серьёзного внимания. Позднее не поддержал проект и председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин, считавший, что он нанесёт непоправимый ущерб экологии. Тем не менее проект этот разрабатывался на государственном уровне и на долгие годы стал яблоком раздора между его сторонниками и решительными противниками, убеждёнными, что его реализация приведёт к катастрофическим последствиям. И только под мощным напором авторитетных учёных и широких кругов общественности, патриотически настроенных российских писателей в августе 1986 года на специальном заседании Политбюро ЦК КПСС работы по проекту было решено прекратить. И всё же успокаиваться не следует: в последние два десятилетия эту идею пытаются реанимировать: не слишком регулярно, но настойчиво тема поворота рек появляется в печати.

В наши дни мы хорошо осведомлены, что строительство крупных гидротехнических сооружений при всём их огромном значении в развитии энергетической мощи страны, в мелиорации и обводнении засушливых земель, решении транспортных и целого ряда других задач, при их несомненных экологических достоинствах (прежде всего в сравнении с тепловыми электростанциями, особенно работающими на угле) сопряжено с затоплением и подтоплением огромных территорий, населённых пунктов, отчуждением земель, сельскохозяйственных и лесных угодий, изменением речных экосистем и другими проблемами. О многих из них специалисты-гидротехники знали давно. Так, идея строительства крупной

¹ Там же. Л. 52.

гидроэлектростанции на Волге под Камышином прорабатывалась ещё в тридцатые годы. Однако при её проектировании выяснилось, что создание здесь крупного гидроузла чревато невосполнимыми потерями, среди которых — полное и частичное затопление сразу нескольких крупных городов. После этого строительство ГЭС было решено перенести в другое место, на полторы сотни километров вниз по течению реки, к Сталинграду.

Знали об экологических последствиях, связанных с возведением промышленных гигантов, писатели и журналисты, авторы «производственной прозы», но, как правило, молчали¹, сосредоточив внимание на беспроектной тематике — трудовых подвигах и созидательной деятельности советских людей. И ведь при этом понимали, что в действительности всё обстоит намного сложнее.

И всё же в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов в литературе и журналистике обозначился серьёзный перелом, отразившийся прежде всего в так называемой «деревенской прозе», одним из «патриархов» которой по праву считается писатель Валентин Распутин. В профессиональной среде гидроэнергетиков и гидростроителей не осталась незамеченной его повесть «Прощание с Матёрой», увидевшая свет в 1976 году. Известно, что толчком к её написанию послужили последствия строительства Братской ГЭС: действие происходит в деревне на Ангаре, которой суждено быть затопленной при возведении плотины. И эта драма «местного значения» неожиданно обнажает острые социально-нравственные проблемы, вызревшие в обществе и грозящие разрушением его устоев.

Только вот, судя по дальнейшим событиям, советская литература, воспевавшая в основном трудовые успехи, заговорила об этом слишком поздно. И чересчур однобоко, воссоздавая в пасторальных красках идиллические

¹ Роман «Русский лес» Леонида Леонова, в котором едва ли не впервые в стране, в начале 1950-х годов, были подняты вопросы экологии и показана их тесная связь с проблемами нравственности человека, был одним из редких исключений.

картины прошлого, безвозвратно утраченного из-за вмешательства человека в окружающую среду в попытках подчинить себе силы и энергию рек. Под постоянным давлением общественного мнения (далеко не всегда обоснованного и квалифицированного) оказалась и гидроэнергетика, а крупнейшие гидроэлектростанции из символов великих достижений советской эпохи усилиями особенно ревностных защитников природы превратились в предвестников грядущих экологических катастроф, едва ли не в одну из главных угроз для водных и земельных ресурсов страны. При этом поверхностный, дилетантский подход к проблеме нередко уводил общественное мнение в сторону от реального положения дел, острейших причин резкого ухудшения окружающей среды, экосистем различных регионов страны.

Абсолютизации издержек, вызванных строительством ГЭС и созданием крупных водохранилищ, способствовало создание многочисленных мифов, утвердившихся в сознании людей. Особенно много домыслов связано с функционированием Волжско-Камского каскада ГЭС, что и не удивительно: экологические проблемы Волжского бассейна связаны с жизнью и здоровьем 60 миллионов россиян, здесь сосредоточено 45 процентов промышленных предприятий и 50 процентов сельскохозяйственного потенциала страны. Пожалуй, все мы знаем о резком сокращении в бассейне Волги численности осетровых. И на первый взгляд всё вроде бы очевидно и понятно — рыба не может пройти через плотины, оказались отрезанными традиционные нерестилища на Нижней Волге. Но только вот факты не укладываются в эту логическую схему.

Волга была перекрыта в створе Волжской ГЭС в 1958 году. Поскольку половозрелости осетровые достигают в возрасте 9—17 лет, то с начала 1970-х годов следовало бы ожидать сначала постепенного, а затем все усиливающегося падения уловов, а к началу 1980-х — их катастрофического снижения. Однако после строительства Волжской ГЭС уловы осетровых не падали, а росли. Так, в 1955 году в Волго-Каспийском районе было выловлено 7,2, в 1970-м — 10,7, в 1980-м — 16,3 тысячи тонн

осетровых рыб. По-настоящему обвальное снижение уловов началось только в конце 1980-х годов и совпало с кризисными явлениями в стране, сопровождавшимися, в частности, невиданным расцветом браконьерства.

Историк гидроэнергетики России И. Слива, к работе которого мы уже обращались, приводит и такой пример. Гидростроительство, как известно, почти не затронуло вторую по значению нерестовую реку — Урал, где нерестилось около трети всех осетровых и где они исчезли так же, как и на Волге: если в 1988 году ежегодный вылов осетровых Урала составлял 3,2 тысячи тонн, то к 2008 году этот показатель упал до уровня 0,13 тысячи тонн в год¹.

На резком сокращении уловов сказались прежде всего масштабы загрязнения Волги и других рек Каспийского бассейна сбросами. В результате в конце 1980-х содержание в воде некоторых загрязнителей, в первую очередь органических, в десятки раз превышало предельно допустимую концентрацию. Тогда же у осетровых было зафиксировано массовое заболевание миопатией (расслоением мышц), которым было поражено 100 процентов осетров, 70 процентов севрюги и 30 процентов белуги, заходящих на нерест в Волгу.

Сброс в бассейн Волги неочищенных сточных вод, который достигает 5,5 миллиарда тонн в год, является основной причиной снижения качества воды в реке, активного её цветения, бурного развития сине-зелёных водорослей, питающихся соединениями фосфора. По мнению специалистов, если бы не было водохранилищ каскада, Волга в маловодные периоды года превращалась бы в настоящую «сточную канаву». Для кого-то такая формулировка покажется чрезмерно жёсткой, но не мы её придумали. Незавидная судьба другой знаменитой реки — Днепра показывает, какие перспективы ожидают Волгу, если не переломить ситуацию, сложившуюся в её бассейне. В июле 2018 года популярный российский ин-

¹ Слива И. Пять мифов Волжско-Камского каскада ГЭС.
http://kislorod.life/question_answer/pyat_mifov_volzhsko_kam-skogo_kaskada_ges/

тернет-портал «Свободная пресса» рассказал о том, что сейчас творится на Днестре, снабдив материал красноречивым подзаголовком: «Главная река Украины превратилась в каскад сточных канав»¹.

Некоторый оптимизм внушает правительственный проект «Оздоровление Волги», принятый в 2017 году, который является важной составной частью национального проекта «Экология». Он предусматривает сокращение количества сбрасываемых в Волгу загрязненных сточных вод в девять раз, ликвидацию наиболее опасных объектов накопленного экологического вреда, обеспечение сохранения биоразнообразия и сбережение уникальной системы Волго-Ахтубинской поймы и дельты Волги. Правда, по сообщениям российских СМИ, в сентябре 2018 года расходы на нацпроект «Экология» были сокращены более чем на 37 процентов (с 6,4 триллиона рублей до 4 триллионов) за счёт сокращения вдвое расходов бизнеса на обновление технологий. Как это скажется на оздоровлении Волги, покажет время...

Как видим, даже довольно беглый обзор наиболее значимых произведений, воссоздающих образ Логинова в литературе и журналистике, волей-неволей обращает наше внимание на многие проблемы, которые не только связаны с судьбой нашего героя и прошлым страны, но и поныне не теряют своей актуальности.

Немало интересного современный читатель может почерпнуть для себя и в опубликованном в начале шестидесятых годов романе Бориса Полевого «На диком берегу», написанном на огромном живом материале, собранном автором во время многочисленных поездок на стройки энергетических гигантов страны. В центре сюжета произведения, в котором не обходятся стороной острые жизненные ситуации, стоит противостояние главного инженера — карьериста Петина и умудрённого опытом начальника строительства гидроэлектростанции на одной из сибирских рек Фёдора Литвинова — человека цельного, прямого и великодушного. Не будем ходить

¹ Пешком по Днестру: миф или реальность? <http://svpressa.ru/blogs/article/205059/>

вокруг да около — одним из главных прототипов героя книги стал Фёдор Логинов (обратим внимание на схожесть имён). В послесловии к одному из изданий романа читаем:

«На первый взгляд, правда, кажется, что в этом романе Полевого труднее определить реальных жизненных прототипов, чем в других его книгах, где нередко он сохранял героям их подлинные имена или же ограничивался переменной всего одной буквы в фамилии...

Что же касается главного героя романа — начальника Оньстроя Фёдора Литвинова, то сам Полевой не скрыл от читателей, что в его образе как бы слились характеры таких выдающихся строителей, как Логинов, как начальник строительства Цимлянской ГЭС полковник Барабанов, как Иван Иванович Наймушин, возглавлявший Братскстрой, как Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Андрей Ефимович Бочкин¹...»²

Заметим, что в этом перечне имён выдающихся гидростроителей первым называется Логинов. Разумеется, это не значит, что он был первым среди первых, а его вклад в гидроэнергетику страны — наиболее весомым. Безусловно другое: его колоритная и неординарная личность словно магнит притягивала к себе людей пишущих — как крупных мастеров художественной прозы и ведущих журналистов, так и менее известных тружеников пера.

Благодаря им читатель уже смог составить представление о человеке, которому будет посвящена ещё не одна страница нашей книги. Прежде всего попробуем понять, откуда в Логинове взялось всё то, что позволяло людям, знавшим его, говорить о нём как о самородке, человеку во многом необычном? Как и водится в биографических повествованиях, чтобы найти ответ на этот вопрос, обратимся к истокам, раннему периоду его жизни.

¹ А. Е. Бочкин — начальник строительства Иркутской и Красноярской гидроэлектростанций.

² *Галанов Б.* Люди на диком берегу / *Полевой Б. Н.* На диком берегу. М.: Известия, 1977. С. 597—598.

ВЫБОР

О ранних годах Ф. Г. Логинова сохранилось не слишком много сведений. Сам он воспоминаний не оставил, так как преждевременно, не достигнув пенсионного возраста, ушёл из жизни. А мемуары, как известно, пишутся в основном пенсионерами, не обременёнными государственными заботами. Однако склонность излагать на бумаге факты и мысли у него была, о чём свидетельствуют сохранившиеся его дневниковые записи и живой интерес к писательской деятельности, подмеченный и Паустовским, и Долматовским.

Логинову было о чём писать, что переосмыслить, чем поделиться с потомками. Гражданская война, борьба с разрухой и укрепление советской власти, развитие гидроэнергетики в годы первых пятилеток, Узбекистан в первые годы войны, восстановление разрушенных и создание новых энергетических мощностей страны, возрождение Днепрогэса, строительство Сталинградской ГЭС... Многие яркие события нашей истории, участником которых был Фёдор Георгиевич, сейчас воспринимаются по-разному: одни ими гордятся, другие стремятся вычеркнуть из народной памяти или окарикатурить. Судей много, живых свидетелей нет, да если бы и были — кто бы их сейчас стал слушать...

Родился Фёдор Логинов 6 (18) февраля 1900 года в деревне Немчуга Боровичского уезда Новгородской губернии в семье крестьян-середняков Егора Ивановича и Татьяны Пантелеевны Логиновых.

«Утверждаю в трезвом уме и памяти: здесь, в Боровичском районе Новгородской области, — Страна Див. Могу смело утверждать это, потому что её здесь открыл для себя... Такой тут красоты природа — родной, русской, с детства милой сердцу красоты, что, право, иной раз забудешься где-нибудь на лесной лужайке, на озере, у тихо пробирающейся в кустах речушки, на узкой тропке в поле, где рожь выше твоей головы, — и чудится, что ты... живёшь в сказке».

Эти слова принадлежат писателю Виталию Бианки, на книгах которого выросло не одно поколение наших

людей. Он прожил на новгородской земле несколько лет, и не случайно его имя носит одна из улиц Боровичей — старинного города, основанного в XV веке на берегу реки Мста, по которой пролегал древний торговый путь «из Новгорода на Ильмени до Твери на Волге».

Но природа родного края нашего героя преисполнена не только красоты и благодати. «Климат в Новгородской губернии был суровым и неблагоприятным для земледелия, особенно в северных уездах... Зимы были снежными, сопровождались сильными морозами. На протяжении столетий известны случаи неоднократных ранних заморозков, приводивших к неурожаю и голоду среди местного крестьянского населения. Лето было коротким и в северных уездах продолжалось только около 2,5 месяцев. До 60 процентов территории губернии занимали лесные угодья, однако процент их к концу столетия (19-го. — А. Ж.) из-за хищнической вырубki постепенно сокращался. Около 20 процентов губернских земель были заболочены, остальные в том или ином виде пригодны для ведения крестьянского сельского хозяйства. Почва в большинстве случаев была наносной, состояла из глины, песка и перегноя»¹.

Для крестьян всё это оборачивалось тяжёлыми испытаниями. К ним следует добавить острую проблему дороговизны и нехватки семян, с которой постоянно сталкивалось большинство крестьянских хозяйств губернии. Как следствие, примерно десятая часть пригодных земель оставалась незасеянной². Поэтому земледелием (а следовательно, и животноводством) здесь занимались скорее по необходимости, предпочитая рыболовство, охоту, ремесленные и иные промыслы. Впрочем, одна земледельческая культура была в почёте в окрестных сёлах — Боровичский край славился отличным льном. «Кто посеет лён — пожнёт золото», — приговаривали, отправляясь в

¹ *Золотов Д. В.* Крестьянское полевое хозяйство в Новгородской губернии пореформенного периода // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей. Вып. 3. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2008. С. 32.

² Данные за 1908—1914 годы. См.: Там же. С. 35—36.

поле, местные жители. Крестьяне выращивали лён, ремесленники выделывали и обрабатывали льняные ткани, набивали холсты, купцы продавали готовый товар.

Но и лён, как и зерновые культуры, среди которых первенствовала рожь, не гарантировал крестьянину твёрдого дохода. На земле прокормиться было трудно, к тому же нередко, в неурожайные годы, посещал новгородские деревни и голод. Чтобы выбиться в середняки, отец Фёдора овладел плотницким ремеслом, причём стал признанным мастером своего дела, возглавил артель плотников, которая занималась отхожим промыслом. Но к началу страды Егор Иванович, как правило, возвращался домой: детей на косьбу и жатву не поставишь, даже самый старший, Фёдор, — и тот малолеток.

Нет ничего удивительного в том, что семья, проживавшая в общем-то в достатке, сразу же после окончания Фёдором трёхклассного земского училища (располагалось оно в соседней деревне Хвощник) решила отправить его в Петербург. Сначала он работал мальчиком-рассыльным в архитектурной мастерской Отто Деттманна, а затем овладевал профессиональным ремеслом в мастерской художественно-механических стёкол Адама Анаховича.

Так закончилось детство Логинова.

Выбор профессии — серьёзное дело, от него часто зависит вся дальнейшая судьба человека. Но, видно, не по душе пришлось Фёдору то ремесло, которое он осваивал в стекольной мастерской. В начале 1913 года он вернулся в родные пенаты. В регистрационном бланке члена ВКП(б), заполненном в 1950 году, в графе «Род занятий с начала трудовой деятельности» Логинов указывает: «II—V 1913. Деревня Немчуга. В своём сельском хозяйстве. Хлебопашец»¹. Было ему тогда тринадцать лет, но, судя по всему, работал он уже наравне со взрослыми, чем по праву гордился.

О размерах хозяйства Логиновых позволяет судить справка Хвощницкого сельсовета, выданная в 1928 году

¹ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНВО). Ф. 113. Оп. 49. Ед. хр. 920. Л. 2.

«на предмет предоставления Логиновым Фёдором в Ленинградский политехнический институт имени тов. Калинина». В ней указано, что Егор Иванович Логинов, «отец его, Логинова Фёдора, имеет по сие время в деревне сельское хозяйство, состоящее из 1 лошади, 1 коровы и пашни 2,42 десятины, покосной <земли> 1 десятина; обрабатывает исключительно своей семьёй»¹.

Впрочем, ходить за сохой Фёдору пришлось недолго. Едва закончились весенние полевые работы, и он в поисках лучшей доли снова отправляется в Петербург. На этот раз удалось устроиться учеником в бондарную мастерскую Чурина. Выбор этот не был случайным — профессия бондаря ценилась в родных краях Фёдора. Различные соленья на зиму — из грибов, овощей, ягод, рыбы, сала — в окрестных деревнях заготавливали, как правило, в огромных количествах. А поэтому бочки, кадки, бадьи и прочие деревянные ёмкости пользовались большим спросом: в них солили, квасили, мариновали, замачивали практически всё, что добывали в лесу, реках и многочисленных озёрах, выращивали на огородах. Соленья шли не только на пропитание семьи, но и на продажу. Торговцы деревенскими разносолами заполняли по осени ярмарки и торговые ряды в Боровичах и Новгороде, но большинство крестьян предпочитали иметь дело с купцами-прасолами — закупочные цены, у них, конечно, ниже, чем на городских базарах, но зато не было лишних хлопот и дорожных расходов.

Бондарное дело, хотя и имеет свои особенности и хитрости, сродни плотницкому, которое Фёдор перенял от отца. (Позднее, в двадцатые годы, он указывал в анкетах, что владеет двумя профессиями — бондаря и плотника, а в 1917 году даже вступил в «союз деревоотделочников Петроградского союза строителей»².) Среди других учеников бондарной мастерской Фёдор выделялся не только ростом, сложением и физической силой (что тоже немаловажно в ремесле бондаря). Парень был трудолюбивым, способным и основательным, грамот-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 14.

² Там же. Л. 2.

И выбрал большевиков. Со свойственной крестьянину осторожностью (любой сельский середняк семь раз отмерит и лишь потом отрежет) прежде, чем принять такое решение, довольно долго присматривался, будут ли действия большевистской власти соответствовать тем лозунгам, которые она провозгласила.

Вспоминается довольно убедительная характеристика крестьянина-середняка, принадлежащая В. И. Ленину: «Средний крестьянин не может сразу стать на сторону социализма, потому что он твёрдо стоит на том, к чему привык, осторожно относится ко всяким новшествам, проверяет сначала делом, практикой то, к чему его зовут, не решается изменить свою жизнь, пока не убедится в том, что это изменение необходимо»¹.

Осознанный выбор весомее спонтанного решения. Тем более если он не случаен, а подсказан самой жизнью. Фёдор не только видел, но и чувствовал, что в лице большевиков в России установилась власть, близкая по духу простому народу, среди которого он вырос и жил, с малых лет познав цену тяжёлому, порой непосильному труду и заработанному куску хлеба.

Большое влияние оказала на него и сама атмосфера Петрограда, наполненная революционной романтикой, духом борьбы с отжившим, но отчаянно сопротивлявшимся миром, захватывающим ощущением новизны. К тому же оказался наш герой в самом центре событий — квартировал он у тётки, проживавшей на Невском проспекте.

1918 год выдался едва ли не самым тяжёлым для Советской республики. Немцы с союзниками, захватив Псков, рвутся к Петрограду. Выдвинут главный лозунг дня «Социалистическое отечество в опасности!». Россия — в кольце фронтов Гражданской войны.

Окончательный выбор сделан. В свои восемнадцать лет Фёдор Логинов записывается в полк Петроградской трудовой коммуны — так стал именовать себя Петросовет с марта 1918 года, после переезда советского прави-

¹ Ленин В. И. О крестьянах-середняках / Полн. собр. соч. Т. 38. С. 236—237.

тельства в Москву. И вскоре его направляют на Восточный фронт...

Ранние годы биографии Логинова помогают понять, в каких условиях формировался его характер, но не дают исчерпывающего ответа на вопрос, который мы поставили перед собой в конце предшествующей главы: что и откуда взялось в этом человеке?

Хотя многое и прояснилось. Например, истоки его уважительного отношения к человеку труда и колоссальной работоспособности, которые отличали Фёдора Георгиевича все последующие годы. Или обострённое чувство собственного достоинства, подчёркнутые независимость и самостоятельность, перераставшие порой, как мы уже знаем, в необоснованное упорство, в привычку решать спорные вопросы волевыми решениями. Здесь, как нам кажется, во многом сказалась психология, свойственная зажиточной части крестьянства. Середняк — далеко не последний человек на селе, привык к уважению и почитанию. Взять, к примеру, отца Логинова — не всякому позволят мужики верховодить собой, управлять артелью. Ну а Фёдор с его способностями, внешностью и богатырской силой имел, по местным меркам, все основания считать себя «первым парнем на деревне».

Как человек, близкий к земле, обладал Логинов и другими качествами — теми, что имеют глубинные корни, передаются из поколения к поколению, впитываются с молоком матери.

Неподалёку от Немчуги, здесь же, в Боровичском уезде, на берегу живописного озера Шерегодра, раскинулось село Кончанское — бывшее имение Суворовых, приобретённое в XVIII веке В. И. Суворовым, отцом великого русского полководца (ныне здесь расположен Музей-заповедник А. В. Суворова). Кончанское не раз посещал Александр Васильевич, а в 1797—1799 годах он отбывал здесь ссылку, после которой, кстати, совершил два победоносных похода: Итальянский, увенчанный знаменитой победой в битве при Нови, и Швейцарский, яркий эпизод которого (спуск с горы Паникс) запечатлён на знакомой нам со школьных лет картине Сурикова

«Переход Суворова через Альпы». А в ссылке отправил его император Павел I, фанатичный сторонник прусской военной системы, которую наотрез отказывался признавать Суворов, продолжая готовить войска и воспитывать солдат по-своему («Русские прусских всегда бивали, что ж тут перенять?»). Прослышал Павел и о другой любимой поговорке Суворова: «Пудра не порох, букля не пушка, коса не тесак, и я не немец, а природный русак».

Вот это суворовское — «природный русак» — вполне подходит к образу Логинова, навевающему воспоминания об удалом молодце, герое новгородского эпоса Василии Буслаеве, которому всё нипочём.

Всем нам хорошо известно историческое значение северо-западных русских земель, сыгравших важную роль в становлении древнерусской цивилизации и государственности. Именно здесь ещё в докиевский период российской истории возникла Новгородская Русь, где поначалу правила династия Рюриковичей. После того как князь Олег, опекун малолетнего сына Рюрика, в 882 году захватил Киев, перенёс туда столицу и стал распространять свою власть на другие княжества, началось длительное противостояние Новгорода и Киева.

Новгородцы проявили завидное упорство в своём стремлении к вольности и самостоятельности, что ярко проявилось в создании независимой Новгородской республики и деятельности народного собрания — вече, обладавшего широкими полномочиями, которые вполне можно назвать демократическими. Не ступал на новгородские земли и «тупой башмак скуластого Батыя»¹, поэтому здесь, в отличие от многих русских княжеств, подвергавшихся частым ордынским набегам, быстро распространялась письменная культура, что подтверждает большое количество найденных берестяных грамот. По свидетельству летописца, ещё в 1030 году князь Ярослав *«прииде к Новугороду, собра от старост и поповых детей 300 учити книгам»*. Местные жители всегда отличались образованностью, грамотность была присуща не только верхним слоям общества, но и широко распространена

¹ Из стихотворения Н. Рубцова «Видения на холме».

среди простолюдинов Господина Великого Новгорода, как гордо величали жители свою республику в период её расцвета. Не последнюю роль в распространении письменности и математики сыграли процветающие на новгородской земле ремесленничество и торговля, которая велась не только с соседними княжествами, но и дальними странами. Местные жители купцов уважали (не случайно одним из самых известных героев новгородского цикла стал купец Садко), копейку считать умели и отличались бережливостью, что, впрочем, не следует путать с прижимистостью — новгородцы всегда славились щедростью, широтой души и открытым характером...

Надеюсь, что это небольшое историческое отступление поможет читателю немного глубже заглянуть во внутренний мир нашего героя и разобраться в некоторых довольно неординарных событиях, которыми отмечена его биография.

Однако вернёмся к хронологической канве нашего повествования.

Красноармеец-кавалерист Логинов начал воевать на Восточном фронте в составе 1-го Уральского полка 30-й стрелковой дивизии 3-й армии в разгар ожесточённых боёв за Кунгур и Пермь, в тот период, когда 30-й дивизией командовал прославленный полководец Гражданской войны, будущий Маршал Советского Союза Василий Константинович Блюхер.

То, что Логинову довелось «понюхать пороху», сомнений не вызывает. Сын Блюхера, Василий Васильевич, много лет отдавший изучению боевого пути отца, написал книгу, в которой посвятил 1-му Уральскому полку большую главу, основанную на воспоминаниях бывших его краскомов¹ и сохранившихся документальных материалах. О многом говорят воспоминания командира полка Я. М. Белощёкова: «1-й Уральский стрелковый полк 30-й дивизии был одной из тех боеспособных частей Красной Армии периода Гражданской

¹ В Красной армии в ту пору были только должности (звания отменены) — командиры (краскомы — красные командиры) и комиссары (в низовых подразделениях, ротах и взводах, — политруки).

войны, которые стойко защищали Советскую власть, самоотверженно дрались за неё. В его истории не было такого случая, когда бы он, не выдержав напора противника, бежал с поля боя. Этого за полком не водилось. Напротив, действуя в обороне, он сам обращал в бегство атакующего противника. Начав же наступление, не останавливался до тех пор, пока не достигал указанной старшим командованием цели»¹.

На Восточном фронте Логинов вступил в РКП(б) — понятно, что в разгар боевых действий кого ни попадая в партию не принимали. О том, что за ним утвердилась репутация надёжного и грамотного бойца, свидетельствует его назначение летом 1920 года политруком роты 77-го полка 9-й стрелковой дивизии 13-й армии Юго-Западного фронта, противостоявшей так называемой Русской армии Врангеля. Хорошо известна оценка, которую дал действиям частей 9-й дивизии, отразившей попытки Врангеля вырваться на оперативный простор Правобережной Украины, командующий фронтом М. В. Фрунзе: «На долю войск 9-й стрелковой дивизии выпала ответственная задача прикрыть грудью подвергавшийся угрозе разрушения врагом Донецкий бассейн, этот источник света и тепла для всей страны. Полки дивизии, выдержав ряд ожесточённых боёв с бешено рвавшимся вперёд противником и невзирая на крупные потери, свою задачу доблестно выполнили. Рабоче-крестьянская республика может гордиться такими своими защитниками. Пока в рядах Красной Армии будут такие геройские полки, как 77-й, лёгший костями на поле брани, но ни пяди не уступивший врагу, — она будет непобедима»².

Все, даже те, кто не служил в армии, хорошо знают, что политрук несёт ответственность за состояние воспитательной работы в подразделении. Доходчиво растолковать красноармейцам текущую политическую обстановку, увлечь их словом, вдохновить перед боем, вовремя

¹ *Блюхер В. В.* По военным дорогам отца. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1984. С. 19.

² *Фрунзе М. В.* Приветствие войскам 9-й дивизии / Избранные произведения. М.: Воениздат, 1957. Т. I. С. 355.

поддержать способен только человек грамотный и, как тогда говорилось, «политически подкованный», пользующийся уважением личного состава. А завоевать это уважение можно только одним способом — быть для других примером в бою.

Снискал Логинов и доверие у своих командиров, которые помимо отваги сумели приметить в нём хозяйскую жилку, способность к интендантской службе. После того как в начале 1921 года 9-я дивизия была переброшена на Кавказ, на её основе были сформированы две отдельные бригады. 77-й полк, в котором служил Логинов, оказался в составе 2-й Кавказской стрелковой бригады Отдельной Кавказской армии. Организационные перемены коснулись и Фёдора — он был назначен старшим агентом управления снабжения бригады.

Видно, в недобрый час случилось это назначение. Из личного дела Логинова: «1. 1922 года осуждён рев. военным трибуналом Батумского укрепленного района за самоуправство к общественно-принудительным работам на 2 года и по отбытии 4-хмесячного срока был амнистирован»¹.

Когда читаешь эти строчки, невольно ощущаешь суровый дух военного времени. Попасть под суд революционного трибунала можно было только за серьёзный проступок, а не за какое-то банальное дисциплинарное нарушение. Некоторые волжские исследователи-краеведы пытались выяснить по архивным материалам, что же такое из ряда вон выходящее совершил Логинов, но безуспешно. Нехватка фактов рождает версии. Одна из них, наиболее «подходящая», — заступился Фёдор за девушку, к которой приставал некий начальник, и навешал её обидчику тумачков. Выглядит благородно, но в основе её лежит сюжет из повести Р. Дорогова и А. Злобина², построенный на художественных домыслах.

Другая версия основывается на реальном событии. Заполняя в январе 1925 года анкету для учётно-распредели-

¹ ЦДНВ. Ф. 113. Оп. 49. Ед. хр. 920. Л. 2.

² См.: Дорогов Р. Ф., Злобин А. П. Город на главной улице. М.: Профиздат, 1975. С. 16.

тельной части ВЦСПС, на вопрос о привлечении к судебной ответственности Логинов отвечает так: «В 1921 году судим. Из трофейного седла мною в 1919 году были шиты сапоги, по суду вынесен *выговор*»¹ (курсив мой. — А. Ж.). Но связаны ли воедино эти два, судя по всему, совершенно разных события, разделённые и временем, и пространством, — сказать трудно. Хотя сам Логинов в более поздних анкетах и автобиографиях не раз упоминал, что осуждён он был именно «за самоуправство», история с седлом, очевидно, также глубоко запала ему в душу, так как имела для него какие-то негативные последствия в тот период, когда он принимал участие в военных действиях на Урале.

В чём заключалось самоуправство Логинова, за которое он был осуждён, мы, очевидно, уже не узнаем, но что оно «имело место быть», сомнений не вызывает: то, что упрямство и своеволие были присущи нашему герою, мы уже отмечали. Ну а уж коли мы вспомнили историю с сапогами, пошитыми из трофейного седла, то в ней, на наш взгляд, заметна чисто крестьянская жилка молодого красноармейца: «Не пропадать же добру!»

Природная «крестьянственность» Логинова проявлялась и в последующие годы: скажем, в быту он не был «спартанцем» и бессребреником и не чуждался житейских благ, доступных руководителям высокого ранга, что, впрочем, во многом объяснялось и его поистине трепетной заботой о близких, стремлением создать нормальные условия для семьи, вынужденной вести вместе с ним «кочевой» образ жизни. Ничего необычного в этом, конечно, нет, только вот семейные хлопоты Фёдора Георгиевича нередко становились достоянием его подчинённых и порождали досужие разговоры среди обывателей, полагавших, что большому руководителю не к лицу чрезмерная озабоченность личными делами.

На стройке все на виду. Едва ли не весь посёлок строителей Сталинградской ГЭС знал, что младший сын начальника Сталинградгидростроя ездит в школу на служебной машине отца. Поди объясни каждому, что

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 2.

ребёнок страдает врождённой неизлечимой болезнью. Логинов воспринимает замечание коллег болезненно: «Ездил, и будет ездить!»

На сплетни, конечно, можно махнуть рукой, но нельзя давать для них поводов. А они были. Так, из дневника Логинова мы узнаём, что для перевозки имущества семьи из Запорожья на новое место жительства в Сталинград ему понадобился грузовой вагон¹. Нетрудно представить, что у рабочих, помогавших перевозить мебель от станции в загородный особняк семьи Логинова, могли возникнуть и невесёлые мысли — ведь пожитки каждого из них умещались в один рюкзак, хранившийся под койкой в общежитии для строителей. А особняк за высоким глухим забором и образ жизни его обитателей раздражали многих.

К тому же семья Фёдора Георгиевича воспринимала как нечто само собой разумеющееся не только бытовые блага. Хорошо, если жена — действительно близкий человек, с кем можно поделиться наболевшим, посоветоваться перед принятием какого-то сложного решения. Но в управлении строительства хорошо знали, что советами со стороны супруги дело не ограничивается — Зоя Михайловна оказывала на мужа сильное влияние, а иногда даже без его ведома вмешивалась в социальные проблемы стройки, например в распределение жилья. Логинов относился к этому вполне терпимо.

Идеальных людей не бывает, любому из нас свойственны те или иные слабости и недостатки, но не всегда и не все проявляют к ним снисхождение, особенно если они не лучшим образом сказываются на линии поведения человека, его делах и поступках. Отсюда — и целая череда взысканий и наказаний, которые «сопутствовали» продвижению нашего героя по служебной лестнице, и большинство из них были вполне обоснованными, а не являлись следствием тенденциозного отношения к Логинову партийных и иных руководящих инстанций. Зная характер Фёдора Георгиевича, трудно обвинить в предвзятости, к примеру, бюро Сталинградского обкома

¹ См.: РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 203.

КПСС, вынесшего ему 18 декабря 1953 года строгий выговор с занесением в учётную карточку — за «нарушение принципов в подборе и расстановке кадров и *использование своего служебного положения в личных целях*» (курсив мой. — А. Ж.).

К чести Логинова, сам он никогда не пытался «гримировать» свои недостатки, выглядеть в глазах окружающих непогрешимым руководителем, таким «рыцарем без страха и упрёка», подчёркивая всем своим поведением, что его надо воспринимать таким, какой он есть. На наш взгляд, это свойство присуще людям сильным, знающим себе цену, не разменивающим на мелкую монету собственное достоинство. Кроме того, Логинов, спрос с которого за возведение объектов исключительной государственной важности осуществлялся по самым высоким меркам, умел держать удар, умел постоять и за себя, и за интересы дела, и за своих подчинённых, что неизменно обеспечивало ему непререкаемый авторитет в коллективах строителей.

Окружающие, в том числе и рядовые строители, видели в своём руководителе и другое, чисто человеческое качество, вызывавшее уважение, — в общении с людьми он отличался неподдельной простотой, знал их нужды, несмотря на высокое положение, никаких барских замашек не проявлял. Запал в память ветерану строительства С. А. Яковлеву холодный и пасмурный день, когда он впервые увидел начальника Сталинградгидростроя. Было это осенью 1951 года, во время подготовки котлована для сооружений ГЭС. Неподалёку остановилась «полупторка», и из неё неожиданно для всех вышел человек-глыба в сером плаще и резиновых сапогах. Пока Логинов о чём-то разговаривал со строителями, Сергея Александровича преследовала одна мысль: как это такой огромный пассажир уместился в такой небольшой кабине грузовичка? Да и другой транспорт вроде бы ему полагался...

А что касается недостатков Логинова, каких-то его уязвимых сторон... Во-первых, как гласит народная мудрость, «не боги горшки обжигают». Ведь даже самые способные и одарённые люди — это всего лишь простые смертные, и, пожалуй, каждый из них мог бы повторить

крылатые слова древнеримского драматурга Теренция: «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». А во-вторых, давно замечено, что чем больше талант, тем больше противоречий в нём уживается. Думается, что А. С. Пушкин, произнёсший: «гений — парадоксов друг», имел в виду не только способность одарённого человека к парадоксальному образу мышления, но и в какой-то мере связанную с этим качеством парадоксальность самой человеческой природы.

Ну и главное. Масштаб личности человека определяется, в конце концов, не величиной его таланта и сложностями природы, а делами, тем, какой след он после себя оставил. Дела Логинова ещё при его жизни вошли в историю страны. Электростанции, построенные под его руководством, важнейшие гидротехнические сооружения СССР, которые до сих пор служат людям, основанный им замечательный город на Волге по праву могут считаться рукотворными памятниками выдающемуся гидростроителю.

ПРИЗВАНИЕ

Ранней весной 1923 года Фёдор Логинов вернулся на родину, в Немчугу. За спиной — солидный жизненный багаж. На войне человек быстро взрослеет и многое постигает, приобретает опыт, который в мирной обстановке приходит только с годами. И дело не только в том, что, заглядывая в лицо смерти, он начинает по-другому относиться к жизни, к её ценностям. Нигде так не познаются люди, как на войне, которая высвечивает словно рентгеновскими лучами их сильные и слабые стороны, показывает, кто и на что способен.

Придёт время, и умение разбираться в людях, реально оценивать их профессиональные и человеческие возможности станет важным, заметным качеством Логинова, без которого он вряд ли бы смог состояться как крупный специалист и руководитель. Но тогда, в первый послевоенный год, о какой-то солидной работе он даже и не помышлял. Всё, чего он достиг на военной службе,

что могло бы стать хорошей основой в дальнейшей жизни, перечеркнула судимость. Более того, пришлось расстаться и с партийным билетом. Что, естественно, исключало возможность продвижения по партийной линии, хотя по всему чувствовалось, что Логинов понимал: у него есть хороший потенциал, далеко не полностью раскрытые возможности, и он ещё сумеет доказать, что на многое способен в этой жизни.

Однако поначалу большого выбора не было. Фёдор Логинов устраивается работать пожарным на Боровичский комбинат огнеупоров — крупное предприятие отнюдь не местного значения, положившее в своё время начало отечественному производству огнеупорного кирпича и керамических труб. В 1857 году Э. Нобель (отец учредителя Нобелевской премии А. Нобеля) после открытия богатейшего Боровичско-Любытинского месторождения огнеупорных глин построил в Боровичах завод «для приготовления огнепостоянных кирпичей из находящейся там огнепостоянной глины». А позднее, в 1880 году, «король огнеупора» промышленник Константин Вахтер основал Боровичский завод огнеупорных изделий, на базе которого со временем было создано акционерное общество, объединившее ряд профильных предприятий в Боровичах, Воронежской области, несколько шахт и ставшее флагманом отечественной отрасли, вытеснившим с российского рынка аналогичную импортную продукцию.

Гражданская война практически полностью парализовала производство огнеупоров. Ввиду исключительной важности для разрушенного народного хозяйства страны Боровичской группы огнеупорных заводов она не только была национализирована в 1919 году, но и постоянно находилась в поле зрения органов центральной власти и непосредственно Ленина, подписавшего 23 марта 1921 года постановление «О мерах по ликвидации кризиса в огнеупорной промышленности». В конце марта 1921 года Совет труда и обороны принимает постановление, в котором говорится: «Ввиду того, что снабжение огнеупорным кирпичом базируется ныне на Боровичской группе, признать, что Боровичский район

имеет преимущественное значение в отношении производства огнеупорного материала». А 23 января 1922 года ВСНХ РСФСР утвердил положение о Боровичском огнеупорно-силикатном предприятии «Боркомбинат». К этому времени удельный вес его продукции составлял 78 процентов всего валового производства Главсиликата¹. Предприятие обрело свою вторую жизнь².

Судя по всему, Логинов прекрасно знал, какую значимую роль играл комбинат огнеупоров в жизни Боровичского района, и связывал с ним свои планы на будущее, возможность проявить себя, восстановить к себе доверие, подорванное судимостью.

В большом коллективе для человека активного всегда есть широкое поле деятельности. Фёдор включается в профсоюзную работу, становится членом культурной комиссии профкома, ему поручают наладить выпуск заводской стенгазеты «Красная дробилка». Можно было и не заострять на этом факте особого внимания — в таком поручении, как выпуск стенгазеты, нет ничего особенного, да к тому же трудно поверить, что на этом поприще человек с базовым трёхлетним образованием «хватал звёзды с неба». Но не будем делать поспешных выводов. В наших руках побывало много различных материалов, подготовленных непосредственно Логиновым, и они свидетельствуют не только о его склонности излагать свои мысли и чувства на бумаге, но и о том, что он обладал немалым природным даром как человек пишущий, умел затронуть поэтические струны, казалось бы, в самых сухих и деловых текстах. Этой темы мы ещё непременно коснёмся, а пока же заметим, что с этим профсоюзным поручением он неплохо справился: газета пользовалась популярностью и позднее на её основе возникла многотиражка комбината, которая стала выходить полуторатысячным тиражом под таким же названием — «Красная дробилка». Добавим, что Логинов в это

¹ Главное управление по добыче и обработке материалов минерального происхождения.

² См.: Акционерное общество «Боровичский комбинат огнеупоров». Музей. <http://бко.рф/museum/>

время активно писал заметки, которые помещались не только в стенгазете, но и публиковались в газетах «Красная искра»¹ и «Ленинградская правда»², а также в газете «Звезда» (орган Новгородского губкома и губисполкома), что подтверждает его приглашение на губернскую конференцию корреспондентов «Звезды»³.

Профсоюзный активист Логинов стал довольно заметной фигурой на комбинате. Во многом это было связано с той весомой ролью, которую играли в то время профсоюзы на производстве. С профсоюзами считались. Повышению их авторитета способствовала прошедшая в 1920—1921 годах так называемая профсоюзная дискуссия, вызванная не столько проблемами профсоюзного движения, сколько серьёзными разногласиями внутри партии по принципиальным вопросам её политики в период перехода к нэпу, мирному строительству социализма. Эту дискуссию Ленин справедливо охарактеризовал как «навязанную» и «непозволительную роскошь» в условиях того тяжёлого времени, которое переживала страна. И тем не менее резонанс, который она вызвала, способствовал повышению авторитета профсоюзных органов и усилению внимания к ним общественности, а подготовленные Лениным и утверждённые в январе 1922 года тезисы ЦК РКП(б) «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» стали, по существу, программным документом партии. Именно в нём профсоюзы были охарактеризованы как школа управления, школа хозяйствования, школа коммунизма, а во главу их деятельности была поставлена задача защиты интересов рабочего класса перед работодателями, особенно в условиях резкого оживления частного предпринимательства.

Всё это создавало благоприятный фон для профсоюзных забот Логинова, где ему пригодился солидный опыт политической работы на фронте, который до поры до времени в какой-то мере компенсировал нехватку

¹ Газета Боровичского уезда, основанная в апреле 1918 года.

² РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 3.

³ Там же. Ед. хр. 22. Л. 8.

общеобразовательных знаний. Впрочем, в условиях повсеместного дефицита грамотных кадров три класса за плечами — не такой уж плохой багаж. Особенно если принадлежит он человеку одарённому и способному, да к тому же — политически подкованному, убеждённому стороннику советской власти, которую боец и политрук Красной армии Логинов защищал с оружием в руках. Военное прошлое, безусловно, придавало ему дополнительный вес и признание в коллективе — фронтовики всегда пользуются особым уважением, а богатырская внешность словно подчёркивала авторитет Логинова среди рабочих. Неудивительно, что вокруг его личности уже в те годы рождались едва ли не легенды.

Существуют, например, рассказы (есть даже и публикации) о том, как товарищи по пожарному отряду Боркомбината якобы отправили Фёдора Логинова ходяком к Ленину отстаивать свои интересы. Здесь сразу же возникает вопрос: мог ли такой чести удостоиться человек, только что устроившийся на комбинат и к тому же в недалёком прошлом имевший серьёзные проблемы? Да и Ленина, как мы знаем, весной 1923 года разбила тяжёлая болезнь, и он до конца жизни уже практически никого не принимал, за исключением близких людей и одной рабочей делегации.

Сам Логинов, естественно, ничего подобного никогда не вспоминал, и об этой легенде мы упомянули, чтобы показать, как часто судьба неординарного человека обрастает всевозможными вымыслами и домыслами, чаще — красивыми. Однако нашему герою в то время приходилось решать более прозаичные проблемы.

Жизнь показывает, что если человек ошибся, оступился, совершил какой-то проступок, реабилитировать себя в глазах окружающих бывает не так-то просто. Для того чтобы восстановить полное доверие к себе, доказать делами и поступками, что ты заслуживаешь этого доверия, требуется время. И, думается, Логинов это прекрасно сознавал, как понимал он и то, что главным критерием его признания как человека политически полноценного явится восстановление в партии. Поэтому он и выбрал при трудоустройстве в марте 1923 года комбинат огне-

упоров — ведущий пролетарский коллектив уезда с крепкой партийной организацией, которая, как считал Фёдор, рано или поздно скажет своё непредвзятое и веское слово в его судьбе. И она это слово сказала, но не сразу: к Логинову присматривались.

Логинов вновь вступил в партию в ходе ленинского призыва, объявленного в конце января 1924 года в связи со смертью пролетарского вождя. В принятом ЦК РКП(б) постановлении «О приёме рабочих от станка в партию» были установлены специальные условия вступления в партию (в том числе допускались коллективные заявления от рабочих, приём без рекомендаций на открытых собраниях и т. п.) и конкретный срок проведения ленинского призыва — с 15 февраля по 25 мая 1924 года. Но в реальности формальных сроков окончания призыва не придерживались, что позволило Логинову вполне обоснованно указать в одной из анкет о вступлении в партию «по ленинскому набору 1924 года»¹. Из архивных документов следует, что он был принят в кандидаты в члены РКП(б) только в сентябре 1924 года, а в члены РКП(б) — в июне 1925 года². То есть никакой спонтанности и спешки в этом деле партийная организация Боркомбината не проявляла.

Некоторые исследователи биографии Логинова задаются вопросом: обсуждалась ли при его приёме в партию проблема судимости? Каких-либо свидетельств на этот счёт не сохранилось, но мы можем с уверенностью ответить на него утвердительно. Хотя бы потому, что в своих анкетах и автобиографиях Фёдор Георгиевич этого факта не скрывал, как не утаивал он и внушительную череду серьёзных партийных взысканий, полученных впоследствии на различных руководящих должностях. И всё же, как видим, партийная организация не посчитала судимость Логинова серьёзным препятствием для его членства в РКП(б).

Вступление в партию значительно изменило характер трудовой и общественной деятельности Логинова.

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 2.

² ЦДНВ. Ф. 113. Оп. 49. Ед. хр. 920. Л. 2.

Вскоре он избирается секретарём завкома завода «Красный керамик» Боркомбината (в одной из анкет Логинов указывает: «Секретарь завкома с 15 декабря 24 г. по выбору, плату получаю 82 р. 56 к.»¹), а затем заместителем председателя, председателем завкома и утверждается членом финансово-налоговой секции городского совета профсоюзов.

Как партиец и профсоюзный работник производственного предприятия, в ноябре 1925 года Логинов получает серьёзное поручение уездного исполкома — направляется в Бельскую волость Боровичского уезда для подготовки и проведения отчётно-выборной кампании. Помимо решения вопросов организационного характера он изучает работу сельсоветов, положение дел и настроения на селе, участвует в проведении собраний среди крестьян, на которых выступает в прениях и с докладами «О значении кооперации». Судя по характеру поднятых вопросов, командировка Логинова была подчинена решению задач, вытекающих из политики «смычки города и деревни», которая стала активно осуществляться после перехода от методов военного коммунизма к нэпу (В. И. Ленин: «Сущность новой экономической политики есть союз пролетариата и крестьянства, сущность — в смычке авангарда, пролетариата с широким крестьянским полем»²). Важным шагом в осуществлении новой экономической политики на селе явилось введение в мае 1923 года единого сельскохозяйственного налога, который по завершении в 1924 году финансовой реформы принял исключительно денежную форму. При этом средняя величина продналога в натуральных показателях была в два раза меньше размера продрозвёрстки, что, естественно, не могло не сказаться на улучшении самочувствия крестьянина. Но руку на пульсе крестьянской жизни, особенно после тяжелейшего политического кризиса 1921 года и волнений, вызванных голодом 1921—1922 годов, приходилось держать постоянно.

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 2.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 322.

Из отчёта Логинова, который помогает понять атмосферу времени, можно сделать вывод, что переход к нэпу успокоил деревню, стабилизировал её жизнь. В отчёте, в частности, отмечалось:

«1) Председатели райсельсоветов¹ вполне соответствуют своему назначению... но вместе с этим имеют и недостатки, а именно: плохо поставлено канцелярское дело в райсельсоветах и отсутствует собственная инициатива в деле создания различных видов крестьянской общественности... Но, считаясь вообще с культурным уровнем всего населения, а также с условиями их работы по обслуживанию района, наиболее дельных вряд ли можно подобрать.

2) ...Принимая во внимание отсутствие надлежащих помещений для сбора всех избирателей в районах, на собрания всё же собиралось от 30 до 45% взрослого населения, из которых % женщин едва ли равняется 5.

3) Культурный рост населения чувствуется повсеместно, за что говорит:

а) внимательное выслушивание докладов во всех районах; б) участие в задавании различных вопросов и в прениях некоторой части активистов, хотя эти вопросы и прения носили формальный и бестолковый характер, но всё же в этих выступлениях определённый смысл уловить было можно, и резолюции писались самим крестьянством.

4) Заметна громаднейшая тяга населения к землеустройству и переходу на многополье, чему благоприятствуют выдача кредитов и поощрение со стороны органов власти.

5) Недовольство властью, как в частных беседах с крестьянами, так и на собраниях, выявлено не было.

б) Во всех районах имеется желание увеличить количество школ в целях охвата обучением всех детей школьного возраста.

¹ Каждый сельсовет, входящий в волость, объединял несколько населённых пунктов, относящихся к одному району, и представлял собой не только административную, но и территориальную единицу.

7) В среде крестьянского населения имеется недовольство кооперацией, а именно: а) сплошь и рядом кооперация свои товары продаёт выше, нежели частный торговец; б) кооперация не предоставляет кредитов, каковые дают частные торговцы; в) кооперация не покупает молочно-мясные продукты, каковых населением сбывается много...

8) Чувствуется острая нужда населения в медицинской и ветеринарной помощи. 4 района высказались за организацию медпунктов, и при осуществлении вышеуказанного изживётся вера в колдунов и знахарок, в силу необходимости к которым приходится обращаться населению.

9) Все населённые пункты вышеперечисленных районов существуют и выплачивают налоги средствами, получаемыми через посредство побочного заработка... У населения имеется много претензий, а именно: благодаря плохо поставленной работе Комитета крестьянской взаимопомощи, труд населения слишком обесценивается. Пример: заработок с лошадей без ограничения рабочего времени в день равен 70 коп. — 1 руб. Несвоевременная выплата заработанных денег и насильное навязывание тех товаров, в которых население не нуждается, и по цене более дорогой, нежели можно купить этот товар в кооперации.

10) К вопросам о равноправии женщин у населения имеется громадное непонимание, а поэтому в большинстве случаев это равноправие принимается или насмешливо или враждебно.

11) Чувствуется необходимость и имеется у крестьян желание, чтобы город и местные власти почаще посылали агитаторские и организаторские силы как по толкованию существующих законов власти, так и по вопросам крестьянской общественной...»¹

Проделанной Логиновым работой и его анализом сложившейся в волости обстановки руководство Боровичского уезда осталось довольно, и через некоторое время его откомандировывают для проведения 2-го во-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1—2.

лостного съезда Советов Бельской волости¹. И он вновь успешно справляется с заданием.

Общественная работа Логинова не ограничивается разовыми поручениями. В январе 1927 года бюро Боровичского укома партии принимает решение «тов. Логинова приглашать на заседания бюро укома с правом совещательного голоса», а в марте вводит его в состав аттестационной комиссии укома². В это же время Логинов избирается делегатом 18-го съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Новгородской губернии³.

В 1926 году в ходе административно-территориальной реформы Новгородская губерния упраздняется и на её территории образуются два округа — Боровичский и Новгородский, которые входят в состав Северо-Западной области, переименованной 1 августа 1927 года в Ленинградскую. Преобразуется и структура местных органов власти и общественных организаций в Боровичах, и Логинов становится заместителем председателя окружного совета профсоюзов. Меняются и масштабы его деятельности: следует учесть, что огромная территория Ленинградской области образца 1927 года включала в себя всего 9 административных округов. Только вот трёх классов для профсоюзного лидера таких масштабов явно недостаточно. Фёдор много читает, но если нет глубоких системных знаний, методом самообразования трудно достичь чего-либо серьёзного. А областные курсы агитпрофорганизаторов, на которых ему приходилось учиться, даже с ликбезом сравнить трудно. Понимает это и окружное руководство, но не спешит что-либо предпринимать. Логинов — ценный работник, такими не разбрасываются, а отправишь человека на учёбу, — и ищи ветра в поле.

Было и ещё одно обстоятельство, о котором не знало начальство, но которое угнетало Фёдора не меньше, чем пробелы в образовании, — его стала тяготить профсоюз-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3.

² Там же. Л. 3—4.

³ Там же. Л. 2.

ная работа, будни, заполненные канцелярщиной и бюрократическими процедурами. По всему чувствовалось, что страна стояла на пороге больших дел, с каждым днём курс на индустриализацию, провозглашённый в декабре 1925 года XIV съездом ВКП(б), принимал всё более зримые очертания. Важно отметить, что этот же съезд, преодолев, по сути, капитулянтские настроения оппозиции, впервые чётко заявил о возможности построения социализма в одной стране, без оглядки на состояние рабочего движения в западных странах и ожидания мировой революции.

Солидный опыт политической работы, полученный Логиновым, подсказывал ему, что альтернативы курсу на превращение России из отсталой аграрной страны в развитую промышленную державу нет и не будет. К 1928 году страна по основным экономическим показателям достигла уровня 1913 года, но колоссальное отставание России от передовых западных стран приняло угрожающий характер. Нэп с его мелкотоварным производством и обожествлением мелкой торговли становился тормозом на пути дальнейшего развития, и не случайно ещё на XIV съезде звучали требования покончить с его «идеализацией». Было ясно, что тяжелейший кризис хлебозаготовок 1927 года, одной из причин которого хотя и стал серьёзный просчёт, связанный со снижением государственных закупочных цен на сельхозпродукцию, имел всё же более глубокие корни: селу с его устаревшей системой землеустройства, примитивными орудиями и организацией труда, традиционным патриархальным укладом было не под силу прокормить растущую армию промышленных рабочих и одновременно обеспечивать экспорт зерна, в те годы — основной источник поступления валюты, необходимой для закупки современных машин и оборудования.

Пожалуй, нельзя пройти мимо значимых событий в жизни страны, которые не оставляли в покое Логинова и в значительной степени повлияли на его выбор будущей профессии. В 1927 году было завершено строительство первой крупной отечественной гидроэлектростанции —

Волховской ГЭС им. В. И. Ленина¹. Для жителей страны, в первую очередь Ленинградской области и Новгородчины, это стало знаменательной вехой, поскольку сдача в эксплуатацию электростанции на реке Волхов свидетельствовала о серьёзности и последовательности намерений советского правительства по осуществлению плана ГОЭЛРО. К тому же Волховская ГЭС реально меняла облик предприятий и образ жизни многих районов Северо-Запада.

По нынешним меркам мощность электростанции была не слишком велика — 58 мегаватт. Но — лиха беда начало. Полным ходом разворачивалось строительство более мощной гидроэлектростанции на реке Свирь, а проектная мощность возводимой Днепровской ГЭС будет составлять уже 560 мегаватт.

...Большие дела манили, но с учёбой всё же пришлось повременить. 15 февраля 1928 года Фёдор Логинов решением президиума Боровичского окружного исполкома назначается управляющим солидным предприятием — Боровичским писчебумажным трестом² (Бумтрестом), в состав которого входили три бумажные фабрики, одна картонная, участки леса и сплавные конторы.

До назначения Логинова работа Бумтреста находилась в полном упадке. Специальная комиссия Рабоче-крестьянской инспекции во главе с заведующим окружным отделом РКИ Григорьевым вскрыла серьёзные недостатки в деятельности руководителей треста. В частности, комиссия отметила, что «в работе треста отсутствовало руководство со стороны управляющего. Увязки между производством и коммерческой частью не было. Каждая из них действовала по своему усмотрению... во вред делу... Личные взаимоотношения администрации треста ненормальны. Наблюдается не только неналаженность в работе, но и стремление свалить свои ошибки на других. В результате — полный разброд и упадок дела...».

¹ Имя основателя Советского государства и главного инициатора разработки плана ГОЭЛРО В. И. Ленина Волховская ГЭС носит и поныне.

² РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 1.

Комиссия РКИ постановила «дело о неправильных действиях и бесхозяйственности, допущенных администрацией треста, каковыми действиями Бумтресту причинён значительный убыток, передать окружному прокурору для расследования и привлечения виновных лиц к ответственности... Окружному отделу местного хозяйства срочно произвести углублённую ревизию Бумтреста, выяснив причины бесхозяйственной постановки дела в тресте, размеры убытков и лиц, виновных в бесхозяйственности, и наметить мероприятия, ведущие к улучшению постановки дела и оздоровлению работы треста»¹. Судя по сохранившимся документам, дело закончилось тем, что предшественник Логинова — И. У. Ульянов был освобождён от обязанностей управляющего Бумтрестом «согласно его заявления»².

Назначение Логинова, который должен был исправить положение дел в Бумтресте, следует рассматривать как свидетельство его безусловного авторитета среди руководящих кругов Боровичей.

Несмотря на то, что предприятие «лежало на боку» — все производственные связи крупного и довольно сложного хозяйства были разрушены, — Логинову приходилось львиную долю времени отводить решению проблем бюрократического свойства, далёких от насущных интересов производства. Так, Логинов не скрывает своего возмущения методами руководства окружного отдела местного хозяйства, требующего от него массу ненужных отчётов и справок, что «противоречит... положению о государственных промышленных трестах, утверждённых постановлением ЦИК и Совнаркома СССР и... основной директиве правительства и партии о сокращении административно-управленческих расходов, упрощении и сокращении отчётности, а также отходе от опеки к руководству...».

В официальном ответном письме от 20 апреля 1928 года он указывает, что «бессистемная работа нерационально загружает главным образом технический

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 18.

² Там же. Ед. хр. 22. Л. 7.

персонал канцелярской фантастической работой в ущерб живой оперативной, руководящей работе в производстве и создаёт тенденцию к увеличению аппарата служащих управления треста вместо его сокращения.

...В конечном результате эта работа ничего реального не может дать и, кроме того, она идёт вразрез с нашей текущей работой»¹.

Подобные отповеди вышестоящим органам вполне в характере Логинова. Но он на этом не останавливается и выкладывает своё недовольство «по полной программе»: «Издание таких приказов со стороны учреждения, в ведении которого состоит трест, заставляет меня сделать вывод, что оперативной деятельностью руководит не управляющий на основе данной ему доверенности, устава и положения о трестах, а отдел местного хозяйства, претендующий на непосредственное вторжение в мои права под видом пользы дела»².

Документ примечательный. По нему, конечно, трудно судить, насколько был прав Логинов, отработавший к тому времени на должности управляющего трестом менее двух месяцев, в оценках деятельности окружного отдела местного хозяйства. Но некоторые его характерные особенности как «неудобного» руководителя, которые будут свойственны ему и в дальнейшем, проявились здесь в полной мере. Для Логинова не существует авторитетов во властных структурах, он полон уверенности в собственных действиях, жёстко реагирует на любые посягательства на свои права и полномочия. Просматривается и его склонность к единоначалию, можно сказать, скорее к авторитарным, нежели к коллегиальным методам руководства, что нередко отличает людей, сознающих свою персональную ответственность за порученное дело. Во всяком случае, думается, что на тех гигантских стройках, которыми пришлось руководить Логинову, на тех должностях, которые он занимал в 1930-е годы и в период Великой Отечественной войны, его методы управления себя вполне оправдывали. Что,

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 38.

² Там же.

впрочем, не даёт нам права считать их единственно верными.

В Бумтресте Логинов не задержался. В июле 1928 года состоялся пленум ЦК ВКП(б), обсудивший в качестве одного из важнейших вопросов подготовку кадров для промышленного строительства. Все программы индустриализации и преобразования сельскохозяйственного производства упирались в проблему острой нехватки специалистов средней и высшей квалификации. По сведениям ряда исследователей, в годы нэпа один инженер приходился на две тысячи рабочих, занятых в промышленном производстве, один специалист — более чем на тысячу крестьянских хозяйств¹. По мнению некоторых историков высшего образования в СССР, это явилось серьёзным просчётом государственной власти, не имевшей до конца 1920-х годов чёткого видения перспектив количественной и качественной подготовки специалистов. Основное внимание в этот период, как известно, было сосредоточено на ликвидации неграмотности и создании условий для поступления в вузы рабочей молодёжи, не имевшей среднего образования, путём создания подготовительных курсов — рабфаков.

Июльский пленум ЦК ВКП(б) принял решение направить во вузы страны в 1928 году не менее одной тысячи коммунистов, «прошедших серьёзную школу партийной, советской или профессиональной работы, и практиковать эту меру ежегодно в течение ближайших лет». (Позднее ноябрьский пленум ЦК 1929 года счёл необходимым направить в 1930 году во вузы уже не менее двух тысяч, а в следующем году — не менее трёх тысяч человек.) Одновременно Центральному комитету ВЛКСМ было предложено ежегодно готовить во вузы и техникумы до пяти тысяч комсомольцев. В сентябре 1928 года Совнарком СССР принимает постановление об удвоении до конца пятилетки доли инженеров в крупной промышленности.

¹ См., например: *Гусарова М. Н.* Подготовка инженерных кадров в советской высшей технической школе в 1920—1930-е гг. // *Известия Алтайского государственного университета.* 2011. № 4—2. С. 87.

Основное внимание было сосредоточено на социальном составе студенчества: рабочую прослойку в вузах предполагалось увеличить до 65 процентов. Во многом это было связано с тем, что закончившимся так называемым Шахтинским делом, в ходе которого большую группу руководителей и специалистов обвинили во вредительстве и саботаже. В частности, Сталин, выступая перед активом ленинградской парторганизации с докладом «Об итогах июльского пленума ЦК ВКП(б)», отметил: «Урок, вытекающий из шахтинского дела, состоит в том, чтобы ускорить темп образования, создания новой технической интеллигенции из людей рабочего класса, преданных делу социализма и способных руководить технически нашей социалистической промышленностью»¹.

Мы не берёмся судить, послужило ли Шахтинское дело реальным толчком к пересмотру кадровой политики ВКП(б) или оно было действительно сфабриковано, как полагает ряд историков, и процесс стал лишь удобным поводом к смене курса в отношении старой интеллигенции. В любом случае необходимость экстраординарных мер в области высшего образования была очевидна, и вызвана она была в первую очередь серьёзными объективными причинами.

Помимо проведения партийных наборов были приняты и организационные меры, направленные на адаптацию студентов к учёбе и их ускоренную подготовку. Резко сокращались сроки обучения в технических вузах — до четырёх и даже трёх лет. Повсеместно внедрялись «групповые» («бригадные») методы обучения с упором на самоподготовку, лекционные курсы сводились к минимуму, зато до половины учебных часов занимала «непрерывная производственная практика», которая проводилась в заводских цехах и на строительных площадках.

Среди современных исследователей существует точка зрения, что с учётом слабой подготовки поступавших в вузы большинства рабочих сроки обучения, наоборот, следовало бы увеличить. Но они при этом забывают,

¹ Сталин И. В. Собр. соч. Т. 11. С. 215.

что шёл жесткий отсчёт времени, страна стояла на пороге грандиозной индустриализации и приступала к осуществлению первого пятилетнего плана. Кстати, уже к середине 1930-х годов был предпринят целый комплекс мер по возрождению и развитию традиционной, «классической» системы высшего образования, в институтах и университетах в полном объёме были восстановлены лекционные методы обучения, учебные курсы по общетеоретическим дисциплинам — математике, физике, химии, сопротивлению материалов...

Боровичский окружной комитет ВКП(б) летом 1928 года получил разнарядку направить по партнабору в Ленинградский политехнический институт двух человек. Кандидатура Логинова ни у кого не вызывала сомнения. Тем более что он сумел вывести Бумтрест из прорыва: как говорится в справке окружного отдела местного хозяйства, «с обязанностями управляющего Логинов справлялся с успехом»¹.

11 августа 1928 года бюро Боровичского окружкома ВКП(б) постановило командировать Логинова во втуз «в счёт предоставления окружкому 2-х мест»², и он оказывается в рядах первых «парттысячников». При выборе будущей специальности Фёдор не колебался — сразу высказал желание поступить на гидротехнический факультет.

Институт, в котором предстояло учиться Логинову в течение четырёх лет (ныне — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого), был основан в самом конце XIX столетия и стал одним из важнейших научных и культурных центров страны. Достаточно сказать, что в Ленполитехе учились и работали «отец советской физики» академик А. Ф. Иоффе, его воспитанники, будущие лауреаты Нобелевской премии П. Л. Капица и Н. Н. Семёнов, академик И. В. Курчатов и многие другие знаменитые деятели науки и техники.

Преобразования конца 1920-х годов в полной мере коснулись и Политехнического. В 1928 году вуз значи-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 4.

² Там же. Л. 3.

тельно расширил приём рабочей молодёжи, и уже к концу года число студентов в нём достигло восьми тысяч человек. В период учёбы Логинова институт затронула и другая большая реорганизация. Весной 1930 года в соответствии с решением Комиссии Совнаркома СССР по реформе высшего и среднего образования на базе имеющихся институтов стали создаваться узкопрофильные вузы, которые переходили в ведение промышленных объединений по отраслевому признаку. Несколько отраслевых институтов были созданы и на базе ЛПИ — гидротехнический, институт инженеров промышленного строительства, кораблестроительный, авиационный, электротехнический, химико-технологический, металлургический, машиностроительный, индустриальный сельского хозяйства, физико-механический, финансово-экономический и котлотурбинный. Так что поступал Логинов в Ленполитех, а оканчивал уже Ленинградский гидротехнический институт.

Как отмечается на официальном сайте Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, «активное внедрение группового метода и непрерывной производственной практики позволило факультетам, а затем отраслевым институтам за один год выпустить инженеров больше, чем за двенадцать предшествующих лет Советской власти»¹.

Чем выше статус вуза, тем труднее в нём учиться. Слишком уж невелик запас знаний, который Логинов получил в земском училище, вся учебная программа которого основывалась на трёх предметах: Закон Божий и Священное Писание, чтение по книгам гражданской и церковной печати и письмо, первые четыре действия арифметики. Основные предметы дополнялись занятиями по основам географии и истории. Тем не менее Фёдор сразу же, минуя рабфак, смог поступить на основное отделение, немало удивив преподавателей и своими способностями, и приличным уровнем знаний.

«Всякое настоящее образование добывается только путем самообразования» — эта давно утвердившаяся в

¹ См.: <http://www.spbstu.ru/university/about-the-university/history/>

общественном сознании мысль принадлежит знаменитому русскому книговеду и популяризатору науки Н. А. Рубакину, оставившему нам целый ряд трудов, посвящённых проблемам самостоятельной учёбы и непрерывного образования человека. Годы, предшествующие поступлению в Ленполитех, особенно после перехода на профсоюзную работу, Логинов не терял даром. Его главным учителем становится книга, причём он не только упорно занимается политической и профессиональной самоподготовкой, но и изучает предметы общеобразовательного цикла.

Можно сказать, что самообразование становится естественной потребностью Ф. Г. Логинова, атрибутом его образа жизни. Поэтому, поступив в институт, он погрузился в учебный процесс, в котором первостепенная роль отводилась самоподготовке студентов, словно в родную стихию.

Среди студентов Фёдор выделялся не только внешностью — у преподавателей вызывали уважение его способности и трудолюбие, наконец, солидный жизненный опыт. В те годы в Гидротехническом институте защита дипломов не практиковалась — знания и профессиональные навыки студентов проверялись в деле. На выпускном курсе Логинов направляется в недавно созданное Ленинградское отделение треста «Гидроэнергострой» Всесоюзного объединения энергетического хозяйства ВСНХ СССР. И отнюдь не рядовым практикантом, а сразу на должность заместителя главного инженера отделения, которое приступило к проектированию первых гидроэлектростанций на Волге, на реке Баксан и ряда других важнейших гидротехнических сооружений, открывших новый этап в реализации планов государственной электрификации России. Важнейшая роль в них отводилась тогда Верхней Волге.

Дело в том, что многие годы Волга рассматривалась советским правительством главным образом как транспортная артерия страны. Однако в начале 1930-х годов Центр обращает на неё внимание как на серьёзную энергетическую базу индустриализации страны, потенциальный источник электроэнергии и водных ре-

сурсов для ирригации засушливых районов Поволжья. Одновременно решалась задача и улучшения водоснабжения Москвы, для чего предусматривалось строительство канала Москва — Волга (позднее — канал им. Москвы).

В осуществлении комплексной программы коренной реконструкции Волги, получившей название «Большая Волга», большая роль отводилась Ленинградскому отделению Гидроэнергостроя, реорганизованному в 1932 году в Государственный трест по изысканиям и проектированию гидроэлектростанций «Гидроэлектропроект» Наркомата тяжелой промышленности СССР. Более того, как отмечают исследователи, на начальном этапе разработки проекта «Большая Волга» почти все проектно-изыскательные работы проводились именно в тресте «Гидроэлектропроект»¹.

Так что мы можем без преувеличения сказать, что ещё в период учёбы в институте Фёдор Логинов оказался причастным к большим делам государственного значения, которые ознаменовали начало крупномасштабного гидроэнергетического строительства на Волге, получившего широкий размах в конце 1930-х и особенно в 1950-х годах. Пройдут годы, и Логинов возглавит строительство на Волге крупнейшей (по тому времени) в мире ГЭС...

Отметим, что помимо чисто профессиональной подготовки участие в важнейших проектно-изыскательных работах существенно расширяло кругозор молодого специалиста, формировало навыки государственного мышления, позволившие ему впоследствии успешно руководить крупнейшими стройками страны и союзными министерствами.

А возможность почувствовать себя настоящим гидротехником дала Логинову первая производственная практика, которую он проходил на строительстве Днепровской ГЭС. Эту школу в жизни Логинова трудно пере-

¹ См.: Бурдин Е. А. Разработка планов хозяйственного освоения водных ресурсов Волги в 1930—1936 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 3. С. 116—117.

оценить, и недаром Л. И. Брежнев в своих мемуарах напоминает об этой странице в его биографии. На Днепрогэсе Фёдор работал десятником, то есть относился к низшему звену руководящего и технического персонала, но эта должность давала возможность воочию увидеть то, что изучали в институте, познать азы организации работы на стройке.

Днепровская гидроэлектростанция строилась по проекту И. Г. Александрова, который под его руководством разрабатывался с января 1921 года созданной в Москве проектной организацией «Днепрострой», где были тщательно изучены материалы ранее проведённых на Днепре геодезических и гидрологических изысканий. Опыта строительства таких крупных гидротехнических сооружений в Советском Союзе да и в Европе не было, поэтому после завершения проектных работ Александров был командирован в Америку для проведения консультаций со специалистами, одним из которых был известный американский гидростроитель Хью Купер, ставший в конечном счёте главным консультантом проекта.

В ноябре 1926 года ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли решение о строительстве Днепрогэса. Главным инженером, а позднее и начальником Днепростроя был назначен А. В. Винтер, а его заместителями — Б. Е. Веденеев и П. П. Роттерт. Заметим, что все названные нами специалисты, а также большинство других авторов проекта и руководителей Днепровской ГЭС, как и многих других крупнейших строек первой пятилетки, были представителями старшего поколения, которые прошли профессиональное становление ещё в дореволюционной России и стали тесно сотрудничать с новой властью сразу же после Октябрьской революции.

В связи с этим напомним, что Сталин, подводя итоги июльского пленума ЦК ВКП(б) 1928 года и говоря о необходимости создания новой технической интеллигенции, в то же время отмечал: «Мы всемерно, всеми силами будем и впредь привлекать беспартийных специалистов, беспартийных техников, готовых идти рука об руку с Советской властью в деле строительства нашей промышленности. Мы вовсе не требуем, чтобы они отреклись те-

перь же от своих социально-политических взглядов или чтобы они изменили их немедленно. Мы требуем только одного — чтобы они честно сотрудничали с Советской властью, раз они согласились на это добровольно»¹. Этот тезис, воплощённый в практику социалистического строительства, подтверждает, что многие важнейшие идеи и положения руководителя Советского государства не столь уж часто расходились с делами, как считают многие современные исследователи, утверждающие, что Сталин лишь прикрывал своей риторикой исключительно неблагоприятные цели. Если бы действительно было так, то неизвестно, какую страну мы имели бы к началу Великой Отечественной войны...

Логинова впечатлили прежде всего невиданные масштабы развернувшейся стройки. Посудите сами: если в марте 1927 года в Запорожье прибыли 650 первых строителей, то к концу года их насчитывалось уже 13 тысяч, в октябре 1931 года — 43 тысячи, а в 1932-м на строительстве Днепрогэса работали 63 тысячи человек.

Производили впечатление и реалии великой стройки, сильно разнящиеся с тем, о чём рассказывали передовицы и фоторепортажи центральных газет. Да, большинство рабочих демонстрировали массовый энтузиазм и самоотверженность, но значительную часть строителей составляли люди, приехавшие на стройку в поисках лучшей доли и возможности заработать хоть какие-то средства на существование. Немало среди них было и бывших заключённых, белогвардейцев и петлюровцев, откровенных бандитов и воров, а в жилых бараках процветали пьянство и воровство.

Но не только характер будущего выдающегося гидростроителя закалялся на Днепрогэсе. При всех неурядицах, тяжёлых проблемах и сложностях строительства гидроэлектростанции просматривалась чёткая организация труда, созданная под руководством начальника стройки Александра Васильевича Винтера, имевшего за плечами уникальный опыт возведения Шатурской ГРЭС, который он активно применял в Запорожье. Со-

¹ *Сталин И. В.* Собр. соч. Т. 11. С. 216.

временники вспоминают о Винтере как человеке жёстком, волевым и целеустремлённым, с прямолинейным и резким характером. Ходил он в высоких сапогах, всюду заглядывал, шупал всё руками, давал указания относительно малейших деталей. Мог устроить скандал, когда видел какое-то безобразие. Требовал от местного исполкома запретить продажу водки. Когда же за спиртным стали ездить в окрестные села, отправил телеграмму правительству УССР: «Прошу запретить продажу водки во всем районе».

Выдающийся советский гидростроитель И. И. Наймушин, хорошо знавший А. В. Винтера, вспоминал: «Когда Винтеру намекали на то, что он не слишком мягок в общении, он говорил:

— Да, я это знаю. Куда приятней было бы мне прослыть ангелом. Но надо же кому-то быть и неангелом»¹.

На первом плане у Винтера всегда стояли социально-бытовые вопросы. Так, ещё в Шатуре наряду с работами по осушению торфяных болот и разработке залежей торфа под его руководством были сооружены складские помещения, подсобные мастерские, проложены подъездные железнодорожные пути, но главное — были построены рабочий посёлок, столовая, школа, больница и другие бытовые объекты.

В Запорожье Винтер начал с того, что построил на правом берегу Днепра общественную столовую, рассчитанную на восемь тысяч обедов в день, оборудование для которой закупили в Германии. К 1928 году возвели пять поселков для строителей на правом берегу реки и один — на левом. Сейчас модно писать о том, что на Днепрогэсе, как и большинстве других великих строек первой пятилетки, якобы нещадно, на пределе человеческих возможностей эксплуатировался труд огромных масс рабочих. Мы не ставим своей целью ретушировать картину грандиозной стройки с её колоссальными проблемами, но и представлять её исключительно в мрачных красках

¹ Наймушин И. И. Мы строили Братск // Россия электрическая: Воспоминания старейших энергетиков / Сост. В. Ю. Стеклов. 2-е изд. М.: Энергия, 1980. С. 302.

не намерены — занятие это, прямо скажем, неблагоприятное. Прежде всего заметим, что не выдерживает критики сравнение «ужасающих условий» жизни и труда строителей с подневольным положением «фактических заключённых» (которых, кстати, на Днепрострое не было). Сразу скажем: никто и никого насильно на стройке не удерживал, о чём свидетельствуют показатели оборота рабочей силы. Так, в течение 1932 года на стройку было принято 90 тысяч человек, а уволено 60 тысяч.

Не обойтись и без некоторых важных документальных свидетельств.

«Были построены удобные жилые дома (всего — 658. — А. Ж.), фабрики-кухни, хлебозаводы, детские сады, столовые, бани, высажены деревья, цветы и кустарники, построен водопровод и канализация (добавим к этому перечню амбулаторию, фильтрационную и пожарную станции, школу, зимний и летний театры, другие социальные объекты. — А. Ж.). Многие советские и иностранные гости Днепростроя восхищались бытовой обстановкой в новых посёлках на берегу Днепра. Когда Винтер начал проводить социально ориентированную политику на Днепрострое, в Москву посыпались жалобы на то, что вместо сооружения плотины он занялся не тем, ради чего был назначен руководителем. Однако Винтера поддержал нарком Орджоникидзе. Расчёты Александра Васильевича оправдались: прочный тыл стройки был создан, что позволило развернуть основные работы на самом высоком уровне производительности труда. Стройка была основательно механизирована, оснащена вспомогательными производствами — механическими мастерскими, лесопильным, бетонным, кислородным заводами, компрессорными станциями, транспортным хозяйством. По тем временам Днепрострой был образцом стройки и первой школой высокомеханизированного строительства»¹.

¹ См.: *Волков Э. П.* Главный строитель Шатуры и Днепрогэса // Вестник Российской академии наук. 2003. № 11. Т. 73. <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VRAN/VINTER/VINTER.HTM>

Исключительно высоким было и качество строительного-монтажных работ. За долгие годы эксплуатации в потерны Днепровской ГЭС — бетонные тоннели в чреве гидроэлектростанции, обеспечивающие сбор и отвод протечек, — ежесекундно просачивался всего лишь стакан воды, что является показателем очень высокого качества бетона. На Днепрогэсе опробировались и внедрялись самые передовые средства механизации и организации труда. Здесь впервые в стране начал работать экскаватор по разработке скального грунта. Широкое распространение получили автогенная резка и сварка, электросварка, электростыковые аппараты для стыковки арматуры и другие механизмы. Для ликвидации дефицита кадров организовали много разных курсов и школ. Были созданы рабфак и два института — строительный и энергетический. Школы, курсы, институты строители посещали в основном без отрыва от производства. Детище Днепростроя — школа новых методов организации работ крупного строительства. Гидроэлектростанция дала путёвку в жизнь тысячам квалифицированных строителей...

Торжественное открытие Днепрогэса планировалось 1 октября 1932 года. Были уже отпечатаны пригласительные билеты и подготовлена прочая праздничная атрибутика. Но в самый последний момент И. В. Сталин посоветовал перенести пуск электростанции на 10 октября, приурочив его к дню рождения А. В. Винтера. Подобные факты не нуждаются в комментариях...

В марте 1944 года Днепрогэс снова ворвётся в жизнь Логинова, ворвётся огромным разломом плотины, грудой обломков и искорёженного металла, и многолетняя тяжёлая работа по восстановлению великого гидроузла, наверное, станет, наряду со строительством Сталинградской ГЭС и города Волжского, главным трудом его жизни. И то, что ему удалось воплотить в жизнь на этих грандиозных стройках, думается, заложили в него первые учителя, великие первостроители наших гидроэнергетических гигантов.

Хорошие учителя у него были...

ПРИЗНАНИЕ

Опыт работы на строительстве Днепрогэса, полученный во время производственной практики, был исключительно ценным. В то же время Логинов понимал, что для становления настоящего специалиста-гидротехника этого, конечно же, слишком мало. Поэтому после окончания Гидротехнического института, в конце июня 1932 года, он направляет заявление в сектор кадров ЦК ВКП(б):

«Будучи командированным в счёт первой парттысячи в 1928 году во втуз, сообщаю, что таковой в мае месяце сего года окончил. В своих неоднократных заявлениях в Энергоцентр¹ и НКтяжпром я писал, что своё использование по окончании втуза в течение первых 5 лет считаю крайне целесообразным только непосредственно на каком-либо крупном гидротехническом строительстве в качестве прораба... Зав. сектором кадров Ленобкома тов. Некрасов считал решённым вопрос о посылке меня на Мстинское стр-во в Боровичах.

Имея последние сведения о том, что эта стройка, возможно, в нынешнем году начата не будет, я настоящим прошу послать меня на работу в качестве прораба на одну из волжских строек, работы на которых будут развёрнуты в нынешнем году.

В случае невозможности моего использования на указанных объектах считаю необходимым заявить, что меня лично могут устроить любые географические условия, если я буду иметь возможность получить хорошую производственную практику непосредственно на стройке, применить свои теоретические знания и стать вполне полноценным инженером-гидротехником»².

Заметим, что письмо было отправлено Логиновым 27 июля, а уже 29-го (оперативно, без каких-либо бюро-

¹ В 1932 году Энергоцентр ВСНХ в связи с преобразованием ВСНХ и созданием народных комиссариатов был реорганизован в Главное управление энергетического хозяйства Наркомата тяжёлой промышленности (Главэнерго НКТП).

² РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 9.

кратических проволочек) на него была наложена резолюция: «На Баксанстрой инженером по специальности. Кушнарёв».

Так выпускник Ленинградского гидротехнического института Фёдор Логинов оказался в Кабардино-Балкарии, на реке Баксан.

Возможность использования этой водной артерии для производства электроэнергии рассматривалась ещё в дореволюционное время, но тщательное изучение её энергетических ресурсов и условий их применения для нужд народного хозяйства было завершено лишь в 1928 году. Обратим внимание, что первоначальный проект станции «доводился до ума» комиссией под председательством ленинградского профессора Г. О. Графтио — одного из руководителей «Волховстроя» и активного участника разработки плана ГОЭЛРО. Проектная мощность ГЭС — 27 мегаватт, среднегодовая выработка — 108 миллионов киловатт-часов.

В соответствии с планом ГОЭЛРО предполагалось, что Баксанская ГЭС обеспечит электроэнергией потребителей Кабардино-Балкарии, городов-курортов Кавказских Минеральных Вод и электрификацию железнодорожных веток Минводы — Кисловодск и Минводы — Железноводск. В 1930 году в 30 километрах от Нальчика был забит первый колышек на месте будущей ГЭС и развернулось строительство электростанции, которое осуществляло специально созданное для этого предприятие — Баксанстрой.

На строительстве Баксанской ГЭС Логинов был назначен начальником строительства 3-го участка электростанции — станционного узла, и было это назначение отнюдь не случайным: в разработке проекта ГЭС активное участие принимало Ленинградское отделение треста «Гидроэнергострой», где Фёдор Георгиевич в студенческие годы работал заместителем главного инженера и поэтому объект знал неплохо. Однако заметим: молодой специалист Логинов был назначен на ответственную должность с месячным испытательным сроком¹.

¹ Там же. Л. 5.

Уже само понятие «станционный узел» говорит о том, что Баксанская ГЭС являлась гидроэлектростанцией деривационного типа. В отличие от русловых ГЭС, которые обычно строятся на равнинных реках, деривационные электростанции сооружаются, как правило, на горных реках с большим уклоном, в местах, где плотина не позволяет накопить большие запасы воды. При этом вода забирается из основного русла реки и подводится путём деривации (от лат. *derivatio* — отведение, отклонение) — по каналам или системам водоводов к зданиям ГЭС на большой высоте.

Деривация Баксанской ГЭС, длина которой составляла около 10 километров, брала начало от бетонной водосливной плотины и проходила по левобережным надпойменным террасам реки Баксан. Деривационные сооружения, которые прокладывались в исключительно сложных топографических и геологических условиях, представляли собой открытый канал с железобетонной облицовкой протяжённостью более 6,5 километра и закрытые тоннели и акведуки общей длиной примерно 3,5 километра.

В конце деривации располагалось хозяйство Логинова, где началось строительство напорного бассейна и напорных водоводов, здания ГЭС и отводящего канала, через который вода возвращалась в Баксан.

Главная проблема, с которой сталкивались руководители работ на строительстве Баксанской ГЭС, — трудовые и производственные ресурсы. Основная масса строителей — бывшие чабаны и крестьяне, при этом практически отсутствовала современная техника и, как следствие, почти не использовались прогрессивные технологии, уже успешно опробированные и внедрённые на том же Днепрострое. Но не будем забывать о времени и условиях, в которых зарождались первые объекты гордости нашей гидроэнергетики. Вместе с их строительством стремительно преобразалась и наша жизнь. Правда, жизнь — не так быстро, как хотелось бы, но темпы качественного изменения экономики были впечатляющими. У авторитетного советского гидростроителя И. И. Наймушина в одном из очерков воспоминаний

есть очень простые и понятные слова, характеризующие суть этих изменений:

«Путь от Волховстроя до Братской ГЭС, от конных грабарок и тачек до шагающих экскаваторов и земснарядов — свидетельство не только небывалого роста техники, но символ преобразования всей нашей экономики. Её строили подлинные энтузиасты, самоотверженные люди»¹. Люди эти, приобретая профессию на стройках, постоянно пополняли бесценный фонд отечественных кадров — квалифицированных гидростроителей и энергетиков. Создавались и крепили традиции профессиональной преемственности. Настоящими учителями вчерашних крестьян на строительстве Баксанской ГЭС стали направленные сюда сотни специалистов, прошедших школу Днепростроя, шахтопроходчики из Донбасса, метростроевцы Москвы, добровольцы Урала, Ростова, Ленинграда и других индустриальных центров страны.

Сооружение Баксанской ГЭС положило начало большой энергетике в Ставропольском крае, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Под руководством уже хорошо знакомого нам академика А. В. Винтера в сентябре 1936 года был пущен первый гидроагрегат ГЭС, а на проектную мощность Баксанская гидроэлектростанция вышла в 1938 году.

В одной из публикаций, посвящённой истории энергетике Северного Кавказа, есть такие строки:

«Несмотря на примитивную строительную технику и технологию, БаксанГЭС была построена в относительно короткие сроки. Немалая заслуга в этом принадлежала прорабу строительства Ф. Г. Логинову, начальнику «Баксанстроя» М. С. Рубину, начальнику строительного участка Г. С. Маевскому...»² Обратим внимание, что в списке наиболее отличившихся руководящих сотрудников Баксанстроя имя Логинова стоит на первом месте.

¹ *Наймушин И. И.* Мы строили Братск // Россия электрическая. Воспоминания старейших энергетиков / Сост. В. Ю. Степков. 2-е изд. М.: Энергия, 1980. С. 288.

² История энергетике Северного Кавказа. <http://пустрана.рф/9028/Istoriya-energetiki-Severnogo-Kavkaza>

Но разворачивались работы на строительстве станционного узла ГЭС с большими трудностями, о чём свидетельствует письмо Логинова на имя сотрудника аппарата ЦК ВКП(б) Кушнарёва, отправленное в августе 1932 года:

«Согласно путёвки Главэнерго, согласованной с НКТП и ЦК ВКП(б), прибыл для работы на Баксанстрой. Через директора института и начальника сектора кадров... я узнал, что забронирован за строительством Верхней Волги и что командируюсь сейчас на такую стройку только до начала развёртывания работ на площадках Волги, причём имелось в виду, что здесь я за это время получу хорошую практику.

По прибытии на место я получил назначение, которое меня удовлетворило бы вполне, если бы производились работы. Но, к сожалению, в данный момент строительство переживает период полного затишья работ по причине отсутствия материалов, денег и рабсилы, на моём участке вместо того чтобы работало 1000 человек рабочих работает всего 20 человек (двадцать) на заготовке местных материалов.

Отсюда можно сделать вывод, что если строительство не получит материалов и денег, то навряд ли я смогу получить хорошую практику здесь на площадке.

...Я просил бы, если возможно, перебросить меня туда, где идёт гидростройка действительно социалистическими темпами, и я мог бы быть использован на все 100%»¹.

Вскоре Логинов получил своё письмо с припиской:

«Вы будете переброшены на одну из станций Средволгостроя после развёртывания (достаточного) там работы. Сейчас же перебросить вас на др. строительство не целесообразно.

С ком. прив. Кушнарёв».

Как говорится, лиха беда начало. Логинов сумел дела на своём объекте сдвинуть с мёртвой точки. О характере и объёме работ, выполненных под руководством Логинова, говорит акт передачи дел Фёдором Георгиевичем

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 8.

своему приемнику, новому начальнику 3-го участка К. К. Паскевичу. Осуществлены земляные работы, выемка грунта общим объёмом свыше 60 тысяч кубических метров на строительстве подходного канала, напорной камеры и водосброса, трассы трубопровода, котлована силовой станции, отводящего канала, откаточных путей по склону горы, выполнено мощение ливневой канавы, уложен рельсовый путь бремсберга, забетонированы 1-я очередь анкерной опоры, подготовительный слой под фундаментную плиту котлована, 1-я очередь фундаментной плиты 1-й и 3-й секций, уложена арматура во 2-ю секцию той же фундаментной плиты, полностью заготовлена арматура на турбинную плиту здания станции, вскрыт карьер инертных материалов и развёрнуты работы на нём. Построены и введены в эксплуатацию помещения цеховой конторы, столовой, кубовой и кладовой, каменные помещения кузницы и электросварочной, склада горючего и масел, бетонный завод, арматурная мастерская и ряд других объектов¹.

И в заключение нашего рассказа о «баксанском» периоде биографии Логинова приведём выписку из приказа начальника Баксанстроя М. Рубина: «Тов. Логинов с 13/V-с/г. от обязанностей начальника III участка... освобождён. Участок передан в полном порядке. За время работы на Баксанстрое тов. Логиновым была проявлена большая инициатива и настойчивость в руководстве работами по земляно-скальным, бетонным, арматурным и пр. работам по сооружению гидростанции. Им были приведены в порядок подсобные предприятия, разработаны схемы производства работ, подготовлены и укомплектованы бригады рабочих. Развёрнутое соцсоревнование и ударничество наряду с умелым хозяйственно-техническим руководством дало возможность добиться ряда успехов в развёртывании основных работ»².

В мае 1933 года Ф. Г. Логинов назначается сначала заместителем начальника, а затем начальником отдела инженерной геологии Управления по строитель-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 2.

² Там же. Ед. хр. 24. Л. 3.

ству волжских гидроэлектростанций Средволгостроя треста «Гидростройпроект»¹, приступившего к участию в разработке и реализации проекта «Большая Волга». Можно без преувеличения сказать, что подразделение Логинова стояло у истоков рождения двух крупных волжских гидроэлектростанций — Угличской и Рыбинской. В круг главных задач его отдела входили оценка геологических условий районов строительства гидроузлов, прогнозирование результатов взаимодействия геологической среды с гидротехническими сооружениями, наконец, обоснование целесообразности их строительства и эксплуатации в том или ином конкретном месте.

И без того непростые задачи отдела инженерной геологии усложнялись тем, что в начале тридцатых годов планы по коренной реконструкции Волги неоднократно пересматривались и менялись, поскольку многие инженерные решения были неоднозначными и нередко противоречили друг другу, порой вызывали серьёзные и обоснованные нарекания. Так, в соответствии с решением Правительства РСФСР «О строительстве электростанций на Волге», принятым в марте 1932 года, предполагалось построить три гидроузла — Ярославский, Горьковский (Балахнинский) и Пермский, однако вскоре в планы были включены ещё два объекта — Куйбышевский и Камышинский гидроузлы, причём проект последнего разработал И. Г. Александров. Однако в связи с обоснованными опасениями, что проект строительства ГЭС в Куйбышеве таит в себе угрозу обмеления Каспийского моря (их высказал профессор Г. К. Ризенкампф²), он был отправлен на доработку.

¹ Это название многих вводит в заблуждение: в ряде справочных материалов встречается ошибочная информация о том, что в 1933—1936 годах Логинов работал «на строительстве средневолжских электростанций», в то время как он занимался изыскательскими работами в районах строительства ГЭС, расположенных на Верхней Волге.

² *Георгий Константинович Ризенкампф* (1886—1943) — крупный гидротехник и мелиоратор, основатель и директор первого в стране Государственного научно-мелиорационного института.

Если разработка признанного несостоятельным проекта по Камышинскому гидроузлу была прекращена на стадии согласований и решений (об этом мы говорили ранее), то со строительством Ярославской гидроэлектростанции (вблизи Ярославля, в районе Верхнего острова и села Воздвиженского) всё было гораздо сложнее. В 1932 году был проведён призыв на стройку комсомольцев и молодёжи, развернулось строительство общежитий для строителей, мастерских, складов, дорог, готовились котлованы, закладывались первые фундаменты. Все работы осуществлялись специально созданным под руководством А. В. Винтера трестом «Средволгострой», находившимся в ведении Народного комиссариата тяжёлой промышленности СССР. По мере завершения работ по сооружению Днепрогэса тресту передавался кадровый аппарат и оборудование Днепростроя.

Наибольшие сложности создавали грунты, которые в зоне строительства Ярославской ГЭС были мягкими. Проблему решало создание глубокого котлована под гидросооружения, однако при заглублении сказывалось давление подземных вод, что значительно тормозило ход строительных работ. Тем не менее они шли уже полным ходом, когда группа молодых инженеров «Гидрострой-проекта» выдвинула альтернативный проект, предложив вместо гидроузла под Ярославлем построить две гидроэлектростанции — в Рыбинске и Угличе. Там грунты были более твёрдые, к тому же значительно меньше была площадь затопляемых территорий, сохранялись Рыбинск и целый ряд других населённых пунктов, которые в случае реализации ярославского проекта оказались бы под водой (правда, пришлось всё же пожертвовать городом Молога с населением шесть тысяч жителей). Более того, проектная суммарная мощность двух электростанций (440 тысяч киловатт) была намного больше проектной мощности Ярославской ГЭС (300 тысяч киловатт). А создание крупного водохранилища в Молого-Шекснинской низменности поднимало уровень Волги и обеспечивало надёжное судоходство по ней, глубоководный выход канала Москва — Волга в сторону Нижней Волги и Волго-Балтийской водной системы через реку Шексну

делал возможным эффективное использование водно-энергетических ресурсов выше Рыбинска.

Этот проект поддержал авторитетный советский гидротехник С. Я. Жук (он приобрёл известность как главный инженер строительства Беломорско-Балтийского канала), и после правительственной экспертизы было принято решение строительство Ярославского гидроузла как неэффективного прекратить. Вскоре развернулись изыскательские работы в Рыбинске и Угличе, для участия в которых Ф. Г. Логинов и был отозван с Баксана.

А после того как основные изыскания на Верхней Волге были в основном завершены, в сентябре 1935 года было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О строительстве гидроузлов в районе Углича и Рыбинска», в соответствии с которым был образован Волгострой — специальное строительно-монтажное управление НКВД. Чуть позже был образован и Волголаг — Волжский исправительно-трудовой лагерь.

«На строительстве было занято большое количество заключённых, которые были сконцентрированы в Волголаге.

Волголаг, управление которого располагалось в селе Переборы, был создан в декабре 1935 года. Численность заключённых в лагере составляла тогда около 19 тысяч человек, но с ростом объёмов строительства увеличивалась и численность заключённых. Например, в 1937 году в лагере находилось 35 тысяч человек, а максимальное число заключённых было в лагере к началу войны — 85 тысяч человек. Вопреки расхожему мнению, две трети заключённых Волголага представляли собой обычный уголовный элемент и только 15—20 процентов заключённых в разные годы были осуждены по печально знаменитой 58-й статье Уголовного кодекса, то есть являлись “политическими”. Для них заключение в лагере, несомненно, являлось огромной личной трагедией»¹.

¹ Рязанцев Н. П., Салова Ю. Г. 1928—1936: Ярославский край в годы первых пятилеток. <https://yarwiki.ru/article/33/yaroslavskij-kraj-v-gody-pervyh-pyatiletok-19281936-gg>

Вполне естественно, что почти всё это время, в течение трёх лет, Логинов проводил в районах будущих ГЭС, а в Ленинград, в трест «Гидростройпроект», навещался лишь изредка, по мере необходимости. Более того, он активно занимается и общественной работой, избирается членом бюро технической части Средволгостроя¹. «Волжский» период биографии Фёдора Георгиевича стал, безусловно, важной ступенью его профессионального роста, который, как мы увидим, не остался незамеченным. А приобретённый опыт работы со «спецконтингентом» пригодится Логинову в первые годы строительства Сталинградской ГЭС, где также были задействованы заключённые.

В эти же годы разворачивалось строительство крупных гидроэлектростанций в Узбекистане, на реке Чирчик — самом полноводном притоке Сырдарьи. Одно из названий, которое Чирчик носил в средневековую эпоху (принадлежало оно арабским географам), — *Парак* (*Фарак*), что значит «стремительная», «летающая» река.

Это название подчёркивало красоту и характер горной реки, за которыми в течение многих веков таилось одно из важнейших её достоинств. Комиссию ГОЭЛРО заинтересовал энергетический потенциал реки, и уже в 1923 году к верховьям Чирчика прибыла научная экспедиция во главе с И. Г. Александровым для проведения гидротехнических изысканий. Через три года кропотливой работы были представлены их итоги: река Чирчик обладает большими ресурсами и на ней можно построить каскад гидроэлектростанций.

В том же 1926 году была опубликована крупная работа инженера К. А. Дреннова «План электрификации Узбекистана и Таджикистана», а вскоре увидел свет и другой его основательный труд, тесно связанный с первым, — «Проблемы развития азотной промышленности для сельского хозяйства Узбекистана». В апреле 1932 года Совет труда и обороны СССР утвердил план строительства двухступенчатой гидроэлектростанции и завода по производству минеральных удобрений — ам-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 10.

миачной селитры и постановил для их сооружения образовать Государственное управление «Чирчикстрой»¹ по типу крупнейших в стране строек, Магнитогорска и Кузнецка, с непосредственным его подчинением Народному комиссариату тяжёлой промышленности.

Такова вкратце история рождения Чирчикской ГЭС, названной позднее Комсомольской — в честь большого числа молодёжи, откликнувшейся на обращение VI съезда комсомола Узбекистана установить шефство над Чирчикстроем и приехавшей на стройку по комсомольским путёвкам. Впоследствии этой гидроэлектростанции присвоят имя Ф. Г. Логинова, который летом 1936 года был назначен директором строительства Чирчикской ГЭС.

В ведении управления Чирчикстроя входило строительство ещё одной электростанции — Тавакской (Таваксайской) ГЭС. Обе станции входили в единый комплекс, представляли собой систему одного двухступенчатого каскада. От головного узла с плотиной длиной 200 метров строителям предстояло провести и одеть в бетон общий деривационный канал чирчикских ГЭС протяжённостью (до канала Бозсу, откуда вода поступала во множество ирригационных ответвлений) 27 километров. Длина участка канала от головного узла до будущей Тавакской ГЭС — 16,9 километра, от станционного узла Тавакской ГЭС до строящейся Комсомольской ГЭС — 7,5 километра.

Проектная мощность Комсомольской гидроэлектростанции составляла 88 мегаватт и в 3,1 раза превышала суммарную мощность всех электростанций Узбекистана того времени, проектная мощность Тавакской ГЭС была немного меньше — 73,6 мегаватт.

Чирчикские гидроэлектростанции станут важнейшим звеном Чирчик-Бозсуйского каскада ГЭС, ставшего основой гидроэнергетики Узбекистана. К тому времени этот каскад включал относительно небольшой мощности Бозсуйскую ГЭС (первая электростанция, по-

¹ В июне 1934 года управление «Чирчикстрой» было реорганизовано в Государственный союзный строительно-монтажный трест «Чирчикстрой».

строенная в республике по плану ГОЭЛРО) и строящиеся более мощные Кадырьинскую (пущена в 1933 году) и Бурджарскую (строительство завершено в 1937 году) гидроэлектростанции. Не будем забывать, что сооружение гидроузлов и деривационных каналов играло огромную роль в развитии ирригационных систем республики, обеспечивало орошение тысяч гектаров засушливых земель.

Строительство чирчикских ГЭС имело и важное стратегическое значение, поскольку их первоочередной задачей было обеспечение электроэнергией крупного и единственного тогда в стране азотно-тукового предприятия — Чирчикского электрохимического комбината (ЧЭХК), а для проверки и отработки новых технологий, ранее в СССР не применявшихся, было решено построить неподалёку и опытный завод.

О каких технологиях идёт речь? Прежде всего о тех, при помощи которых методом электролиза сначала выделяли из воды водород¹, а затем под высоким давлением смешивали его с азотом, что позволяло получать азотистые соединения для производства аммиачной селитры, которая могла использоваться и как азотное удобрение, и как компонент взрывчатки. Последнее обстоятельство объясняло пристальное внимание руководства страны к масштабной стройке на Чирчике, многие объекты которой носили секретный характер. Внимание это, как мы увидим, для некоторых руководителей Чирчикстроя имело тяжёлые последствия...

На Чирчике разворачивались грандиозные строительные работы, которые по объёму, как свидетельствуют многие источники, превосходили Днепрострой. Как и все крупные стройки в СССР, Чирчик сооружался при братской помощи всех союзных республик, людей разных национальностей, прежде всего русского народа. Чирчикстрой финансировался из союзного бюджета. Проект гидроэнергетической части стройки был разработан Ленинградским отделением Гидроэнергопроект-

¹ В производственных затратах на получение водорода стоимость электрической энергии составляет примерно 85 процентов.

та с учётом предварительных проектов и предложений академика И. Г. Александрова и ряда других проектных организаций и специалистов. Проектирование так называемой химической части строительства — азотно-тукового комбината осуществлялось коллективами московских институтов по проектированию азотных и химических предприятий — Гипроазот и Гипрохим.

Посетивший в 1934 стройку знаменитый чешский писатель и публицист, убеждённый антифашист Юлиус Фучик писал: «Так же, как во всём мире звучало слово “Днепрострой”, вскоре будет звучать “Чирчикстрой”. Потому что на Чирчике воздвигается подлинный Днепрострой Средней Азии... Река Чирчик будет давать энергию и сырьё, другую часть даст воздух над ней, и из Чирчикской долины будут поступать не только электричество и минеральные богатства узбекских гор, но и удобрения, необходимые растениям и, главное, хлопку».

Кроме упомянутых нами главных объектов, на «Среднеазиатском Днепрострое» предстояло построить 45 километров шоссейных дорог, 50 километров железнодорожной ветки Чирчик — Ташкент, десять посёлков для рабочих, ввести в строй целый ряд подсобных предприятий, создать продовольственную базу. И всё это, особенно на первых порах, в тяжёлых условиях труда и быта. Достаточно сказать, что только часть первостроителей, прибывших летом 1932 года, была расселена в палатках, первое время большинство из них жили прямо под открытым небом. Лишь к 7 ноября близ Комсомольской ГЭС было построено первое общежитие барачного типа.

К работам на Чирчикстрое, включая и Заводстрой (такое название получило строительство азотно-тукового комбината), широко привлекалось сельское население из окрестных кишлаков и колхозов, которое было занято в основном на земляных и других неквалифицированных работах. Численность таких сезонных рабочих доходила до 2,5 тысячи человек, эти люди вынули и переместили из котлованов и будущих деривационных каналов тысячи тонн грунта с помощью самых примитивных орудий труда — лопат, тачек, носилок, а то и обычных мешков.

Отметим, что такая картина была характерна лишь для начального периода строительства, и, ни в коем случае не преуменьшая трудностей, с которыми пришлось столкнуться на Чирчике первостроителям, мы не можем согласиться с теми авторами, которые преподносят дело так, словно чирчикские ГЭС строились в феодальную эпоху, порой сравнивая обязанности руководителей низшего звена с функциями «надсмотрщиков». Это противоречит действительности и не отражает исторической правды. Во-первых, стройка постоянно насыщалась техникой и механизмами, особенно после завершения работ на Днепрогэсе. Во-вторых, по мере ввода в строй важнейших предприятий машиностроения первой и второй пятилеток сюда стали поступать экскаваторы, автомобили и разнообразные средства механизации отечественного производства, многие из которых по качеству не уступали западным, а порой и превосходили их.

Кроме того, здесь активно внедрялись передовые методы строительных работ, применявшиеся в мировой практике. А изучал лучший опыт проектирования и строительства гидросооружений главный инженер И. К. Кандалов, который в 1935 году с этой целью провёл четыре месяца в Западной Европе и США. Поездка не прошла даром: многое из того, что ему удалось увидеть и изучить, было успешно внедрено на Чирчикстрое. Так, впервые для перемещения грунта здесь стал широко использоваться гидротранспорт, при бетонировании откосов каналов начали применять металлическую опалубку, для уплотнения лёссовых дамб — шиповые катки, передвижные леса — для бетонирования акведуков, для экономии цемента использовались тонкомолотые добавки в бетон, внедрили поточно-скоростной метод возведения однотипных домов, ускорило строительство жилья и применение литой штукатурки для потолков...

Восприимчивость к новому и передовому отличало трудившихся на Чирчикстрое высококвалифицированных специалистов и рабочих, прошедших хорошую профессиональную школу на других крупных стройках страны. Среди них был и Фёдор Логинов, который при-

был на Чирчик не только как директор строительства электростанции, но и как руководитель большой группы молодых инженеров. В составе этой группы приехал на стройку и молодой инженер-проектировщик гидроэлектростанций (в будущем — крупнейший энергетик страны, министр энергетики и электрификации СССР с 1962 по 1985 год) П. С. Непорожний, который был назначен начальником технического отдела Чирчикстроя. Именно Пётр Степанович оставил, на наш взгляд, наиболее ценные воспоминания о том, как строились чирчикские гидроэлектростанции. В частности, читаем:

«Надо отметить, что по целому ряду показателей наше строительство было уже шагом вперёд по сравнению с Днепростроем (курсив мой. — А. Ж.). Если там работали экскаваторы только зарубежные, то на Чирчике они все были отечественного производства и работали ничуть не хуже заграничных. Там велось тромбование бетона ногами, здесь же имелось специальное вибротромбовочное хозяйство. У нас было больше специальных механизмов как заводского производства, так и самодельных. Но, конечно... ручного труда затрачивалось ещё очень много...

В кадрах особого недостатка мы не ощущали... Местное население приходило на стройку семьями с большим количеством детей. Из-за этого на Чирчикстрое был очень большой коэффициент семейности. Если на других гидроэнергостройках он был два-три, то здесь доходило до десяти. Нас за такой показатель нередко ругали в Главэнерго Наркомтяжпрома, но мы не видели иного пути. Надо же было создавать национальные кадры гидроэнергостроителей»¹.

Затронутый Непорожним вопрос формирования национальных кадров — отнюдь не праздный, ему уделялось особое внимание на всех этапах развития Советского государства. Трудно переоценить тот вклад, который внесли в его решение специалисты российских научных, образовательных и индустриальных центров — инжене-

¹ Непорожний П. С. Стройки, люди // Россия электрическая: Воспоминания старейших энергетиков / Сост. В. Ю. Стеклов. 2-е изд. М.: Энергия, 1980. С. 17.

ры, учёные, преподаватели вузов и учителя, квалифицированные рабочие, которые щедро делились своими знаниями, навыками, опытом с населением отсталых районов, национальных окраин. В последнее время можно встретить немало публикаций, в которых утверждается, что благородство и интернационализм, бескорыстие и самоотверженность этих людей якобы имеют и свою обратную сторону: рост образовательного и профессионального уровня местного населения союзных республик и автономий, по мнению некоторых авторов, не только способствовал развитию у него естественного чувства национального достоинства, но и породил национализм, стремление к национальной обособленности. Думается, сторонники такой точки зрения, как и те, кто до сих пор ищут причины распада Советского Союза в истоках его образования, или сознательно выворачивают наизнанку исторические реалии, или плохо представляют истинную природу национализма. При этом затушёвывается деструктивная роль местных политических «элит», которые в своём стремлении прорваться к безграничной власти и откусить побольше от союзного пирога спекулировали на национальных чувствах людей, используя цепь серьёзных просчётов руководства СССР и КПСС, допущенных в послевоенные, особенно в 1980-е годы в области экономики и в решении накопившихся социальных проблем.

Интернационализм, взаимопомощь народов СССР способствовали укреплению их искренней дружбы и сплочению, что было важно перед лицом грядущих испытаний, причём большинство историков отмечают, что в Великой Отечественной войне морально-политическое единство советских людей достигло своей наивысшей прочности. Единство это крепилось прежде всего в совместном труде, его утверждали такие преданные своему делу руководители, как Ф. Г. Логинов. Вернёмся к воспоминаниям Непорожного:

«Фёдор Георгиевич был хорошим товарищем и исключительным организатором производства, он прекрасно подбирал и расставлял кадры. Очень много сделал Ф. Г. Логинов для воспитания местных национальных

специалистов. Именно при нём появились на стройке начальники участков — узбеки. Среди них был и Ниязов¹, ставший впоследствии первым секретарём ЦК партии Узбекистана»². Заметим, что присвоение Чирчикской (Комсомольской) ГЭС имени Логинова является, безусловно, признанием и его интернациональных заслуг.

Воспоминания П. С. Непорожного обогащают наше представление о Логинове и как о руководителе, и как о человеке. Особая их ценность заключается в том, что они принадлежат человеку, прекрасно разбиравшемуся в специфике гидростроительства, прошедшему большой и сложный путь от первых строек до крупного советского руководителя:

«Строительство чирчикских ГЭС было для меня школой, и очень полезной также и в организационном отношении. Моими учителями были начальник строительства Фёдор Георгиевич Логинов и главный инженер Иннокентий Иванович Кандалов. Совершенно разные были люди, но в совместной работе удивительно удачно дополняли друг друга.

Фёдор Георгиевич Логинов — крупный мужчина высокого роста. Силу физическую имел невероятную: шутя гнул подковы. Сын бондаря и сам бондарь в юности, он учился на рабфаке, потом в институте...

Фёдор Георгиевич в юности увлекался борьбой. Вспоминаю, как временами после затянувшихся вечерних совещаний он говорил: «Дадим отдых мозгам, нагрузку мускулам» — и предлагал бороться. Против него выступали обычно по три-четыре человека подряд, но несмотря на их старания, никому никогда не удавалось положить его на лопатки»³.

Когда Логинов прибыл на Чирчик, трест «Чирчикстрой» возглавлял Д. П. Розит — по отзывам людей, хорошо знавших его, — прекрасный человек, активный участник Октябрьской революции и Гражданской вой-

¹ Армин Ирматович Ниязов (1903—1973) возглавлял ЦК компартии Узбекистана с 1950 по 1955 год.

² *Непорожный П. С.* Указ. соч. С. 16.

³ Там же.

ны, довольно близко знакомый с И. В. Сталиным, с которым у него в конце 20-х годов возникли серьёзные разногласия, наиболее выпукло проявившиеся на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Как известно, на этом пленуме Сталин выступил с большой речью «О правом уклоне в ВКП(б)», подвергнув резкой критике группу Бухарина (Бухарин, Рыков, Томский) и их сторонников. «Удостоился» внимания вождя и Розит, который был в то время членом Центральной контрольной комиссии (ЦКК) и на пленуме активно поддерживал бухаринцев, вступив в полемику со Сталиным и неоднократно прерывая его доклад репликами. Сталин подвёл итог этой полемике следующим образом:

«Я вижу, что Розит поклялся услужить Бухарину. Но услуга у него получается медвежья, ибо он, желая спасти Бухарина, на самом деле топит его без остатка. Недаром сказано, что “услужливый медведь хуже врага”»¹.

Полагают, что из-за своей политической неуступчивости Розит и был отправлен «на периферию», подальше от Москвы и назначен председателем Госплана Узбекской ССР, кем и работал до Чирчикстроя.

Очевидно, что конфликт со Сталиным сыграл свою роль в дальнейшей трагической судьбе Розита. Руководителю Чирчикстроя не удалось справиться с огромным валом проблем, которые обрушились на него в первые годы строительства, выдержать ритм работ, предусмотренный планом. Хотя причины срыва плановых заданий в большинстве случаев не были связаны с деятельностью руководства всесоюзной стройки. Сказывались прежде всего недопоставка материалов и оборудования, недостаточное финансирование, а бытовая неустроенность и тяжёлые условия труда приводили к высокой текучести кадров, что в общем-то было свойственно многим масштабным стройкам и в последующие годы. Безусловно, имелись недостатки и в организации работы подразделений: во многих из них была низкая производительность труда, превышалась сметная стоимость строительства.

¹ См.: *Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г.* // Собр. соч. Т. 12. С. 28—30.

Впрочем, любой опытный гидростроитель без особого труда назовёт ещё целый ряд проблем, которые практически неизбежны при возведении крупных гидроэлектростанций.

В августе 1936 года на построенном опытном электрохимическом заводе начали обрабатывать технологии, которые предполагалось внедрить на электрохимкомбинате. А 17 ноября того же года на строительстве, которое возглавил в июне Логинов, состоялся торжественный митинг с участием руководства Узбекской ССР, посвящённый закладке первого кубометра бетона в котлован под будущую Комсомольскую ГЭС. Выступивший на митинге управляющий Чирчикстроем Розит выразил уверенность, что первый агрегат электростанции даст ток к 20-й годовщине Октябрьской революции. По сути дела, это был отчаянный призыв к ускорению работ, так как плановые сроки возведения объектов, в том числе и азотно-тукового комбината, не выдерживались.

Через два месяца после этого события Д. П. Розит был арестован, осуждён «за участие в контрреволюционной террористической организации» и расстрелян. Через некоторое время арестовали К. А. Дреннова, работавшего заместителем главного инженера стройки (по некоторым данным — первый главный инженер Чирчикстроя), и ряд других специалистов.

На Чирчикстрое, который временно возглавил главный инженер И. И. Кандалов — прекрасный специалист, но очень мягкий человек, не склонный к волевым решениям, — как не сложно предположить, воцарилось чувство подавленности и смятения. Трудно сказать, поверил или нет обвинениям в адрес Розита Ф. Г. Логинов, который знал управляющего Чирчикстроем всего несколько месяцев. Вряд ли он, как представитель молодого, сталинского поколения молодых хозяйственных руководителей и специалистов, подвергал сомнению политику вождя и советского руководства. К тому же Логинов не раз указывал в анкетах, что «колебаний в линии партии не было, в группировках не участвовал»¹, и

¹ См., например: РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 4.

предпочитал не вмешиваться во внутрипартийные разногласия и всевозможные распри.

Вместе с тем у нас есть полные основания считать, что в это тревожное время Ф. Г. Логинов не проявил ни малейшего малодушия и оставался верен своим жизненным принципам, занимал твёрдую позицию. Как один из руководителей строительства, он прекрасно видел несуразность обвинений, выдвинутых против отдельных людей, которых он хорошо знал, и не скрывал своего мнения о них. И это не осталось незамеченным в партийных инстанциях: 20 апреля 1937 года он получает выговор Чирчикского парткома КП(б) Узбекистана «за активное участие в даче характеристики контрреволюционному троцкисту Пурынычеву, исключённому из ВКП(б) и осуждённому»¹.

Отголоски прокатившихся по строительству чирчикских ГЭС и электрохимического комбината репрессий ещё долго давали о себе знать. Так, 14 марта 1938 года, когда Логинов уже руководил Чирчикстроем, местная многотиражка «Стахановец» писала: «Предатели Родины — Икрамов², Ходжаев³, Розит приложили свою грязную лапу и к строительству “Чирчикстроя”. Своими вредительскими действиями они затягивали сроки окончания стройки, разбрасывали на ветер государственные средства и выживали честных людей со стройки. Вместе с тем они засоряли стройку чуждыми людьми, бандитами всех мастей. Мы, коллектив “Чирчикстроя”, единодушно приветствуем вынесенный приговор Верховного суда об уничтожении этой подлой шайки бандитов-наймаков фашизма».

Положение дел на Чирчике сильно беспокоило Центр, о чём свидетельствуют различные поздние источники. Особую тревогу руководства страны вызывало положение дел на строительстве азотно-тукового (электрохимического) комбината — стране была нужна взрывчатка.

¹ ЦДНВО. Ф. 113. Оп. 49. Ед. хр. 920. Л. 2.

² Акмаль Икрамович Икрамов (1898—1938) — первый секретарь ЦК ВКП(б) Узбекистана в 1929—1937 годах.

³ Файзулла Губайдуллаевич Ходжаев (1896—1938) — председатель Совнаркома Узбекистана в 1925—1937 годах.

В том, что СССР не оставят в покое и страна рано или поздно будет втянута в глобальные столкновения, новые войны, уже никто не сомневался.

На международной арене разворачивались события, не оставлявшие советским людям надежд на долгую мирную жизнь. В октябре 1935 года Италия вторгается в Эфиопию и, захватив её, провозглашает в 1936 году Итальянскую империю. В марте 1936 года немецкие войска занимают Рейнскую демилитаризованную зону. 25 ноября 1936 года Германия и Япония заключают Антикоминтерновский пакт о совместной борьбе с коммунизмом, а через год к пакту присоединяется Италия. В июле 1937 года Япония предпринимает новую агрессию против Китая, разгорается полномасштабная японо-китайская война. В марте 1938 года Германия беспрепятственно присоединит к себе Австрию, а в сентябре, в результате Мюнхенского сговора между Чемберленом, Даладье, Муссолини и Гитлером, — Судетские области Чехословакии...

П. С. Непорожний в своих воспоминаниях, к которым мы уже обращались, вкратце рассказывает об одном событии в жизни Чирчикстроя, которое никак нельзя отнести к разряду рядовых, поскольку оно имело ряд серьёзных последствий. Пётр Степанович пишет, что в 1937 году стройку посетил представитель Наркомтяжпрома, но не называет его имени: когда выходил в свет сборник «Россия электрическая» (2-е издание вышло в 1980 году), лишний раз имя Л. М. Кагановича (а речь идёт именно о нём) упоминать было не принято. Но позднее Непорожний рассказал о визите Кагановича, который в то время был членом Политбюро ЦК ВКП(б) и руководил Наркомтяжпромом, более подробно, о чём поведала в своём очерке, опубликованном на литературно-художественном портале «Имба-читальня», Л. Боброва¹.

Примечательный этот визит состоялся осенью. О времени посещения Кагановичем Чирчикстроя можно судить по ряду источников и по тому, что в числе сопро-

¹ Боброва Л. Пётр Степанович Непорожний: Вся моя жизнь в энергетике. <https://www.chitalnya.ru/work/194087/>

вождавших в этой поездке могущественного и грозного гостя, сосредоточившего в своих руках огромные властные функции, был У. Ю. Юсупов — первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, избранный на эту должность в сентябре 1937 года. Да и Каганович стал наркомом тяжёлой промышленности лишь незадолго до этого — в августе. В очерке Л. Бобровой читаем: «После ареста Розита Сталин прислал Кагановича разобраться, когда же будет взрывчатка, в конце концов. Повезли его по всему каскаду, а на самом верху, на смотровой площадке, Кандалов (напомним: исполняющий обязанности начальника и главный инженер Чирчикстроя. — А. Ж.) и говорит Кагановичу, мол, смотрите, какая панорама, вся стройка видна, канал, электростанции. А Каганович ему в ответ: “Это не панорама, господин Кандалов, а Панама!” Тогда строили Панамский канал, и он очень трудно шёл, Панама — это был позор. <Непорожний:> “Приехали назад, все прошли в кабинет начальника строительства, а у Кандалова сердечный приступ — остался он у себя в кабинете, маленький такой кабинетик. Его оттуда и в больницу увезли. Так он больше и не поднялся”».

Итоговый доклад тогда пришлось делать Непорожнему, который был к тому времени заместителем главного инженера Чирчикстроя. Доклад получился обстоятельным и аргументированным, и Непорожний, по распоряжению Кагановича, был срочно переведён в Москву, где ему было поручено сформировать и возглавить производственно-распорядительный отдел Главгидроэнергостроя Наркомтяжмаша. По сути дела, это было аналитическое подразделение, следившее за ходом строительных работ на всех гидроузлах, гидроэлектростанциях и смежных предприятиях и осуществлявшее оперативное информирование правительства о состоянии дел на них. Хотя отдел находился в ведении Главгидроэнергостроя¹, Непорожний подчинялся непосредственно Кагановичу и его заместителю по Наркомтяжпрому М. Г. Первухину

¹ Главгидроэнергострой возглавлял Б. Е. Веденеев — крупный учёный, академик, руководитель основных работ на строительстве Волховской ГЭС, главный инженер Днепростроя.

(с января 1939 года — народный комиссар электростанций и электропромышленности¹).

Визит Кагановича сыграл важную роль и в судьбе Ф. Г. Логинова. Кремлёвский «небожитель» обратил на него внимание не только потому, что среди руководителей стройки Фёдор Георгиевич выделялся ростом и могучим телосложением. Логинов прекрасно владел положением дел на стройке, знал все её проблемы, а главное — видел и пути их решения. Все понимали, что Чирчикстрой, перед которым стоял целый ряд неотложных задач, оказался фактически обезглавленным. Нужно было срочно найти человека, способного вывести важнейшую стройку страны из прорыва.

Выбор пал на Логинова.

По некоторым сведениям, Логинов был утверждён управляющим трестом «Чирчикстрой» в ноябре 1937 года. Сам же он в анкетах указывает другую дату — январь 1938 года. Впрочем, на наш взгляд, это расхождение существенного значения не имеет. Гораздо важнее другое: обсуждая кандидатуру Логинова, руководители и страны, и Узбекистана прекрасно знали, что он не относится к числу «удобных» и податливых людей, не подвержен давлению «сверху», имеет свой взгляд на то, как можно преодолеть накопившиеся на стройке проблемы, способен до конца отстаивать свою точку зрения, если считает её верной. А главное — человек не нуждается в мелочной опеке, поскольку умеет всё взять в свои руки, навести порядок, создать деловую атмосферу.

Хотелось бы обратить внимание на один любопытный момент: Логинов был назначен руководителем строительства после того, как получил выговор за поддержку исключённого из партии и осуждённого «контрреволюционного троцкиста». Более того, через несколько месяцев после того, как он возглавил Чирчикстрой, в декабре 1938 года, он получает ещё одно серьёзное партийное взыскание — строгий выговор «за игнорирование бюро

¹ В 1930—1933 годах М. Г. Первухин работал начальником электроцеха и главным механиком Сталинградского завода «Баррикады».

РК КП(б) Уз. и заказчиков, за неправильную информацию секретарей Ташкентского обкома». Интересно, что первый выговор был снят в январе 1943 года, а второй — лишь в мае 1945-го. Заметим, с этими партийными взысканиями Логинов получил целый ряд новых крупных назначений.

На какие мысли это наталкивает? Если человек был способен на большие дела, если ему можно было доверить то, что другим не под силу, на подобные прегрешения или закрывали глаза, или вовсе не принимали их во внимание. Как показывает и более позднее время, довольно снисходительно относились и к известным сложностям характера Логинова, о которых мы уже раньше говорили, — на первом месте стояли интересы дела.

Успешной деятельности Логинова на посту руководителя Чирчикстроя способствовали, если можно так сказать, и серьёзные сопутствующие обстоятельства.

Пожалуй, главное из них заключается в том, что Фёдор Георгиевич мог работать относительно спокойно, если в данном случае вообще уместно говорить о каком-либо спокойствии. И всё же при всех многочисленных сложностях, с которыми ежедневно приходилось сталкиваться, ему уже не выкручивали руки, вынуждая любой ценой форсировать завершение работ в нереальные сроки. И здесь в первую очередь видится заслуга П. С. Непорожного, сумевшего убедить Кагановича и Первухина (а через них и Сталина) в необходимости перенести сроки сдачи важнейших объектов, прежде всего гидроэлектростанций и электрохимического комбината, на 1940 год (первоначально их предполагалось ввести в строй действующих в 1936 году). Что обращает на себя внимание? То, что Непорожному в ту пору было всего 27 лет. Однако вряд ли тогда это кого удивляло, его возраст не отразился на убедительности аргументов доклада, который он представил сначала на совещании в Чирчикстрое, а затем и в Москве, — молодых и способных специалистов ценили, им доверяли, смело выдвигали на ответственные руководящие посты.

Именно тогда, в тридцатые годы и в начале сороковых, возникло новое поколение государственных руко-

водителей — «сталинских наркомов», важнейшей отличительной особенностью которых была их молодость. Уместно напомнить, что А. Н. Косыгин в 34 года стал председателем исполкома Ленсовета, в 35 — наркомом текстильной промышленности СССР (многие историки и экономисты полагают, что если бы косыгинские реформы шестидесятых годов удалось осуществить, то мы, возможно, жили бы сейчас в другой стране — да простит автор читатель за сослагательное наклонение). Д. Ф. Устинов в 32 года — нарком вооружения (министр оборонной промышленности) СССР, причём успешно работает на этом посту в течение шестнадцати лет, включая трудные военные годы. Н. К. Байбаков в 29 лет назначен заместителем наркома, а в 33 года — наркомом нефтяной промышленности. Н. Г. Кузнецов в 34 года — нарком ВМФ (накануне нападения Германии на СССР адмирал Кузнецов принял действенные меры по повышению боеготовности флотов, а в ночь на 22 июня отдал приказ о приведении их в полную боевую готовность, что позволило избежать потерь кораблей и морской авиации).

Д. Г. Жимерин, под непосредственным руководством которого в течение многих лет довелось работать Логинову, в 34 года (в 1940 году) назначается первым заместителем наркома, а через год — наркомом электростанций СССР.

В молодые годы стали наркомами А. И. Микоян, А. Г. Зверев. И, конечно, не счесть, сколько талантливой молодёжи, проявившей себя в производственной, научной, управленческой сферах, было выдвинуто на другие ответственные руководящие должности. Напомним, что подавляющее большинство из них с достоинством выдержали тяжёлые испытания военных лет.

Политика советского правительства, направленная на омоложение руководящих кадров, не являлась самоцелью. Тогда никто не рассуждал о призрачных «социальных лифтах» — путь на верхние социальные этажи был открыт всем, кто проявлял способности и профессионализм, обладал навыками организатора, был предан своему делу и интересам народа, не боялся ответственности...

После визита Кагановича была значительно улучшена координация деятельности, повышена ответственность наркоматов, союзных и республиканских ведомств, ранее недооценивших значение «Среднеазиатского Днепростроя» как всесоюзной стройки, за сроки и объёмы поставок на стройку материалов, техники и оборудования, необходимых для строительства и оснащения гидроэлектростанций и заводов, возведения жилья. А в условиях, когда успех строительства напрямую зависел от своевременного поступления продукции от более чем 170 предприятий, расположенных практически во всех концах Советского Союза, чёткий график снабжения Чирчикстроя имел первостепенное значение. Можно отметить большой вклад в сооружение важнейших объектов ленинградских предприятий — металлургического завода и завода «Электросила», изготовивших для чирчикских ГЭС мощные турбины и генераторы. Главным предприятием по изготовлению первых советских электролизёров для получения водорода на электрохимкомбинате стал Киевский завод «Большевик», а задействованы в их производстве были ещё 13 других предприятий. Компрессоры для сжатия азотно-водородной смеси выпускал Сумской завод им. М. В. Фрунзе. Кузнецкий металлургический завод осуществлял прокатку листов для электродов... Об объёме поставок можно судить по такому примеру: только за первое полугодие 1940 года на Чирчикстрой прибыло около 10 тысяч вагонов со строительными материалами и оборудованием.

Нетрудно догадаться, что лучше всех понимало свою ответственность за положение дел на Чирчикстрое новое руководство Узбекистана, сменившееся после прокатившейся волны репрессий, — первый секретарь ЦК ВКП(б) Узбекистана Усман Юсупов и председатель Совнаркома республики Абдуджабар Абдурахманов. В какой-то мере дополнительный вес Логинову придавало то обстоятельство, что он был, по сути, назначенцем Москвы и получил от Центра своеобразный карт-бланш. Однако настоящий авторитет можно снискать только реальными делами и результатами. А они были

налицо, что, как показало развитие событий, было по достоинству оценено первыми лицами Узбекистана, полным доверием и поддержкой которых пользовался Фёдор Георгиевич.

Важна атмосфера, воцарившаяся в то время в республике, жившей в предвоенные годы в исключительно напряжённом трудовом ритме. Обеспечение успешной деятельности Чирчикстроя было тогда одной из важнейших, но далеко не единственной заботой руководства республики. В конце 1930-х годов перед ним стояло несколько приоритетных задач, и во главе угла — конечно же, хлопок.

В 1939 году развернулось строительство одного из крупнейших гидросооружений СССР — Большого Ферганского канала, которое было осуществлено в кратчайшие сроки методом народной стройки (к работам было привлечено 160 тысяч крестьян). Канал протяжённостью свыше 350 километров (основная его часть длиной 283 километра пролегла по Узбекистану, меньшая — по территории Киргизии и Таджикистана) должен был оросить в общей сложности около 500 тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий. Руководил строительством канала крупный советский учёный-гидротехник А. Н. Аскоченский, работавший позднее вместе с Логиновым главным инженером Чирчикстроя и сменивший Фёдора Георгиевича на посту управляющего трестом после того, как тот был выдвинут руководством Узбекистана на новую должность. Признанием несомненных заслуг в организации строительства первого секретаря ЦК компартии Узбкистана явилось присвоение каналу в 1966 года имени Усмана Юсупова.

В то время, когда завершалось строительство Ферганского канала, а на Чирчикстрое готовились к введению в строй основные объекты, Юсупов одолевала ещё одна серьёзная проблема, которую необходимо было решить во что бы то ни стало. Хлопковые плантации поразила опасная болезнь — вилт, принимавшая всё более угрожающие масштабы. Нужны были новые семена, устойчивые к смертельно опасному заболеванию хлопка, и они были выведены специалистами Ферган-

ской опытной станции, в числе которых был и известный агроном Л. В. Румшевич¹. Однако поскольку эти семена не прошли должных испытаний, требующих длительного времени, никто не гарантировал успеха их внедрения, не было определённости и в позиции Наркомата сельского хозяйства СССР. Юсупову, по сути дела, единолично пришлось взять ответственность на себя, и в 1940 году в Узбекистане развернулась настоящая эпопея под названием «сортосмена хлопчатника». Риск оправдался. Уже в более поздние годы многие специалисты говорили, что если бы не внедрили тогда новые семена, то в годы войны плантации могли погибнуть от вилта.

«Чирчикский <электрохимический> комбинат, — пишут авторы биографической книги, посвящённой Юсупову, — третья забота того (1939-го. — А. Ж.) года, третье звено в заботах Юсупова о хлопке завтрашнего дня; свидетельство не только его неукротимого напора, но и завидной последовательности, и разумно обоснованной целеустремлённости в действиях.

В Ташкенте, в ЦК, среди обязательных утренних докладов было непременно и сообщение о строительстве первой очереди каскада чирчикских ГЭС...

В декабре было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о Чирчикстрое. Был указан срок ввода азотно-тукового: сентябрь 1940 года»².

Авторы книги, изданной в 1976 году, пишут об электрохимическом (азотно-туковом) комбинате только как о предприятии, которое должно было решить важнейшую для Узбекистана проблему — обеспечить хлопкоробов азотными удобрениями, в которых остро нуждались хлопковые плантации. Но они не упоминают, ввиду секретности, о другой продукции комбината — взрывчатке,

¹ В 1949 году заместитель директора Ферганской хлопково-люцерновой опытной станции Л. В. Румшевич был удостоен Сталинской премии — за выведение и внедрение в сельское хозяйство нового скороспелого сорта хлопчатника.

² Ресков Б., Седов Г. Усман Юсупов. М.: Молодая гвардия, 1976. С. 141—142.

выпуска которой, как мы знаем, с нетерпением ожидало руководство Советского Союза. И, естественно, не только удобрения явились причиной того, что положение дел на Чирчикстрое находилось в центре повседневного внимания ЦК КП(б) Узбекистана, его первого секретаря. А поддержку Юсуповым Логинова, впервые в жизни столкнувшегося с такими масштабными работами, трудно было переоценить. Немаловажное значение имел и тот факт, что Юсупов пользовался доверием и особым расположением Сталина, во всяком случае до тех пор, пока в 1946 году на основании анонимного заявления о злоупотреблениях партийного руководителя Узбекистана не было заведено «дело Юсупова» (убедить Сталина в том, что это был навет недоброжелателей, сумел Н. С. Патоличев¹).

В период наивысшего накала строительных работ на Чирчике, с приближением сроков сдачи пусковых объектов Логинову при помощи руководства республики удалось решить, пожалуй, наиболее острую проблему стройки, которая заключалась в нехватке рабочих рук. А своевременный пуск первой очереди электрохимкомбината считался почётной задачей всей общественности Узбекистана. Призывами и лозунгами дело не ограничивалось. Так, к февралю 1940 года к участию в строительстве Чирчикских ГЭС и комбината было привлечено 2,5 тысячи крестьян и около пяти тысяч рабочих и служащих, направленных из Ташкента и других городов республики.

7 августа 1940 года состоялся торжественный пуск головного узла гидроэлектростанций и деривационного канала. В качестве инспектора Народного комиссариата электростанций в Чирчик прибыл академик Г. О. Графтио, который, как и члены Государственной комиссии, высоко оценил осмотренные гидротехнические сооружения. А вскоре, 30 сентября 1940 года, был пущен первый агрегат Комсомольской ГЭС. В октябре на электрохимическом комбинате были получены про-

¹ Н. С. Патоличев был в то время секретарём ЦК ВКП(б) и начальником Управления по проверке партийных органов ЦК.

мышленные азот, а через несколько дней — водород и кислород. В ноябре предприятие выдало первую партию аммиачной селитры, а в декабре колхозы республики начали получать высококачественные азотные удобрения. Первая очередь ЧЭХК была официально пущена в январе 1941 года, за несколько месяцев до начала войны, что стало заметной вехой в огромной работе Советского государства по укреплению обороноспособности страны.

СЛАГАЕМЫЕ ПОБЕДЫ

В ряде источников можно встретить сведения о том, что ещё до сдачи первых важнейших объектов на Чирчике Ф. Г. Логинов назначается председателем Госплана Узбекской ССР, продолжая руководить трестом «Чирчикстрой». Вполне возможно, что это так и было (документальных свидетельств никто не приводит), хотя, на наш взгляд, занимать такую государственную должность «по совместительству» было бы большой роскошью: при всей важности строительства на Чирчике у Госплана республики была уйма и других больших забот. В учётных партийных документах, хранящихся в архивах, указывается, что Логинов занимал должность председателя Госплана с октября по декабрь 1941 года, а партийные инстанции, как известно, были в этих вопросах скрупулёзны. Интересно, что сам Фёдор Георгиевич в анкетах и автобиографиях, которые удалось обнаружить автору, об этом вообще не упоминает. Впрочем, некоторые расхождения хронологических сведений, связанные с биографией Логинова, имеются во многих встречавшихся нам источниках, но они не настолько важны, чтобы заострять на них внимание или делать предметом полемики.

Итак, в октябре 1941 года Ф. Г. Логинов приступает к обязанностям председателя Госплана республики, а вскоре, уже в декабре, его избирают секретарём ЦК КП(б) Узбекистана, поручив ему вопросы энергетики, топлива и электропромышленности.

С началом войны и эвакуацией в Узбекистан большого числа промышленных предприятий энергетические потребности республики резко возросли. Как известно, буквально в считанные дни и недели (уже 4 июля Государственный Комитет Оборона поручил председателю Госплана СССР Н. А. Вознесенскому разработать подробный план создания на востоке основной военно-экономической базы страны) перемещение людей и промышленного оборудования примет лавинообразный характер, невиданный в истории человечества масштабы. В своей книге «Россия в войне 1941—1945» известный английский публицист Александр Верт (автор программы Би-би-си «Русские комментарии», собиравшей в годы войны на Западе многомиллионную аудиторию) писал: «Эвакуацию промышленности во второй половине 1941 г. и начале 1942 г. и её “расселение” на востоке следует отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны».

С августа 1941 года в Узбекистан начали прибывать эшелоны с эвакуированным населением, а всего республика приняла свыше миллиона человек, из них около 200 тысяч детей и подростков.

В 1941—1942 годах в Узбекистан было перемещено из западных и других районов страны 104 промышленных предприятия, среди них ленинградские заводы текстильных машин и «Электропульт», ростовские «Ростсельмаш» и «Красный Аксай», воронежский «Коминтерн», московские инструментальный и авиационный заводы, Днепропетровский вагоноремонтный завод, Сталинградский химкомбинат, харьковский «Электростанок» и целый ряд других. Республика оказала им огромную помощь в размещении и монтаже оборудования, полностью обеспечила их энергоснабжение, предоставила жильё и питание рабочим и специалистам, сделала всё, чтобы они смогли в кратчайшие сроки наладить выпуск необходимой для фронта продукции.

В 1942 году на базе электромеханических мастерских треста «Чирчикстрой» и эвакуированного из Ленинграда завода «Электропульт» был организован завод «Элект-

рошит», который стал единственным в Средней Азии предприятием, выпускавшим в годы войны электрошиты, силовые трансформаторы, подстанции и другие электрические аппараты и оборудование.

Многие из эвакуированных предприятий, ранее никогда не выпускавшие оборонную продукцию, как, например, завод текстильных машин, были переведены на производство боеприпасов. Ростсельмаш начал подготовку к выпуску новой продукции — снарядов для «катюш» и 120-миллиметровых миномётов — ещё в пути. Уже к концу 1941 года было введено в эксплуатацию более 50 эвакуированных предприятий. А в середине 1942 года все перебазированные в Узбекистан предприятия работали на полную мощность. Фронт получал из Узбекистана самолёты, авиационные моторы, миномёты, бомбы, снаряды и мины, обмундирование и обувь, продовольствие.

Несмотря на то что круг обязанностей Ф. Г. Логина значительно расширился и он отвечал фактически за всю энергетику республики, в центре его внимания по-прежнему находились гидроэлектростанции, естественно, и чирчикские ГЭС. В это время форсированными темпами идёт подготовка к пуску очередных агрегатов Комсомольской ГЭС, в конце 1941 года выходит на полную мощность Тавакская электростанция. Уже в ноябре 41-го дал продукцию размещённый в Чирчике Сумской механический завод, сюда, поближе к источникам энергии, были эвакуированы и другие предприятия.

В срочном порядке началось возведение сразу нескольких новых гидроэлектростанций. В короткие сроки на деривационных каналах, отходящих от реки Чирчик, были возведены и начали работать ГЭС Аквавак-1, Кибрайская, Саларская, Ак-Тепинская, Нижне-Бозсуйская-1 гидроэлектростанции. Еще одна небольшая ГЭС, Талигулянская-1, была построена на реке Зеравшан. Масштабной стройкой стало возведение самой крупной в Узбекистане Фархадской ГЭС мощностью 126 мегаватт на реке Сырдарье, но её строительство, которое было начато в 1942 году, завершилось уже после войны.

Логинову пришлось решать не только организационные вопросы. «Проблема рабочей силы была решена мобилизацией населения и использованием методов народной стройки, а вот с гидротурбинами было сложнее — их основным производителем, Ленинградский металлический завод, оказался в блокадном Ленинграде. Выход был найден в использовании эвакуированных с гидроэлектростанций Карелии и Мурманской области гидроагрегатов — пожалуй, впервые в мировой практике не турбины проектировались для ГЭС, а наоборот»¹. Например, на новых станциях Чирчик-Бозсуйского каскада были установлены три гидроагрегата, поступивших с Кондопожской ГЭС, два — с Нижне-Тулумской ГЭС и один — с ГЭС Нива-2.

Всего за годы войны в Узбекистане было построено семь ГЭС, в результате их пуска выработка электроэнергии в республике уже в 1943 году по сравнению с 1940 годом увеличилась в 3,5 раза. Это позволило республике обеспечить надёжную работу предприятий и своевременный выпуск продукции, в которой так остро нуждался фронт.

Возведённым на Чирчике объектам вскоре предстоит сыграть важную роль в решении ещё одной стратегической задачи — осуществлении атомного проекта, разработка которого началась ещё в военные годы. «Производство необходимых для ядерного оружия компонентов, в частности тяжёлой воды, требовало больших затрат электроэнергии, и именно поэтому первая в СССР установка по производству тяжёлой воды была запущена именно на Чирчикском электрохимическом комбинате в октябре 1945 года»².

...В 1942 году тяжёлые испытания выпали не только на долю тех, кто сражался на фронтах Великой Отечественной войны. Этот год стал, пожалуй, наиболее напряжённым и для экономики страны. Несмотря на энергичные меры, предпринятые руководством СССР и героические

¹ Вестник РусГидро. <https://vestnik-rushydro.ru/detail/kak-voevali-plotiny-8/>

² Там же.

усилия тружеников тыла, компенсировать нанесённый врагом урон народному хозяйству не удавалось. Несмотря на то что уже в марте 1942 года только в восточных районах страны продукции военного назначения производилось столько, сколько в начале нападения Германии на СССР на всей его территории (её доля в промышленности увеличилась с 26 до 68 процентов), произошёл большой спад производства в целом ряде отраслей. Особенно остро ощущался недостаток в топливе, электроэнергии, металле. Так, если в 1-м полугодии 1941 года в стране производилось 27,4 миллиарда киловатт-часов электроэнергии, то в 1-м полугодии 1942 года — только 14,1 миллиарда, во 2-м — 15 миллиардов киловатт-часов¹.

Суммарная установленная мощность электростанций и производство электроэнергии снизились до уровня 1934 года. Не будем подробно останавливаться на причинах такого падения — все они, связанные с варварским нашествием гитлеровцев, хорошо известны. Укажем только, что на захваченной немецкими оккупантами советской земле находились такие мощные энергетические системы, как Донбасская, Приднепровская, Киевская, Харьковская, Одесская, Ростовская, Белорусская, часть Московской, Ленинградской, Карельской и некоторых других энергосистем. Были разрушены свыше 60 крупных электростанций общей мощностью 5,8 тысячи мегаватт, выведено из строя 10 тысяч километров линий электропередач. Специально созданные отряды немецких войск демонтировали и вывезли в Германию 1400 паровых и гидравлических турбин, такое же количество паровых котлов, 11 300 различных генераторов, большое количество электромоторов, трансформаторов, силовых, контрольных и телефонных кабелей, приборов измерения и защиты. Кроме того, было приостановлено строительство новых электростанций общей мощностью около тысячи мегаватт.

В этой сложной обстановке Ф. Г. Логинов назначается заместителем наркома электростанций СССР.

¹ См.: *Панов В. П. Это было...* М.: Молодая гвардия, 1990. С. 238—239.

В то время случайные люди на такие должности не назначались. Шесть с лишним лет работы Логинова в Узбекистане показали, что энергетическая отрасль страны обрела крупного руководителя и профессионала, талантливого организатора, способного к самостоятельному решению масштабных и сложных проблем и сознающего при этом свою личную ответственность за вверенное ему дело.

Не секрет, что в годы войны строительство многих гидроэлектростанций, требовавшее огромных материальных и людских ресурсов, было приостановлено. Сыграл свою роль и фактор времени: все задачи, стоявшие перед энергетикой страны, должны были решаться в неизменно сжатые сроки. Тем не менее было решено продолжить строительство Рыбинской ГЭС, необходимой для энергоснабжения Москвы. С большим трудом, под постоянными бомбёжками вражеской авиации в конце 1941-го — начале 1942 года удалось пустить два первых гидроагрегата электростанции (оставшиеся четыре были введены в эксплуатацию уже после войны). Было закончено строительство трёх малых электростанций (мощностью по 2,5 мегаватта каждая) Алма-Атинского каскада в Казахстане. Две небольшие электростанции введены в строй действующих в Киргизии — Лебединовская (7,6 мегаватта) и Аламединская ГЭС-1 (2,2 мегаватта).

Не все сравнения уместны, но на этом фоне наиболее успешно в годы войны развивалась гидроэнергетика в Узбекистане, где было построено 6 электростанций общей мощностью 85 мегаватт.

При новом назначении Логинова учитывался, несомненно, его вклад в развитие энергетического потенциала республики и успешный пуск столь нужного стране Чирчикского электрохимического комбината.

К своим новым обязанностям Фёдор Георгиевич приступил в ноябре 1942 года.

Круг основных обязанностей заместителя наркома Логинова вытекал из главной задачи, стоявшей в то время перед энергетической отраслью и, соответственно, Народным комиссариатом электростанций — в кратчай-

шие сроки возместить потери генерирующих мощностей и в полном объёме обеспечить электроэнергией военную промышленность. Естественно, в центре внимания были предприятия, эвакуированные в восточные регионы СССР — на Урал, в Западную Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Нарращивание энергетических мощностей на востоке страны требовало и развернувшееся здесь интенсивное строительство новых промышленных объектов.

Доминирующее положение среди восточных районов, в которых производилась основная масса промышленной продукции, занимал Урал — становой хребет обороны страны. Поэтому именно на уральские электростанции поступила бóльшая часть эвакуированного из западных районов страны энергетического оборудования. За счёт этого уже к декабрю 1941 года удалось увеличить мощность генерации Урала на 10 процентов, стремительно возростала она и в дальнейшем: к концу 1942 года мощность электростанций региона увеличилась на 36,8 процента, в 1943-м — ещё на 72 процента. К концу 1944 года по сравнению с довоенным временем она почти удвоилась — главным образом за счёт расширения и наращивания построенных ранее ГРЭС и ТЭЦ, строительства новых тепловых электростанций, — и энергосистема Урала стала самой мощной в стране. Менялась и структура энергетического хозяйства страны, были созданы шесть новых энергосистем в районах Томска, Омска, Красноярска, Уфы, Барнаула и Чкалова (ныне Оренбург).

Сразу отметим, что в конце 1945 года установленная мощность электростанций СССР достигла уровня 1940 года, а в 1946 году Советский Союз прочно занял второе место в мире и по мощности электростанций, и по производству электрической энергии, уступая лишь США. Но, как известно, на территории этой страны военных действий не велось.

...Излишне говорить о той ответственности, которая легла на руководителей Народного комиссариата электростанций, образованного в апреле 1940 года после реорганизации Наркомата электростанций и элект-

ропромышленности, который возглавлял М. Г. Первухин¹. Первый нарком электростанций А. И. Летков после начала войны руководил эвакуацией оборудования энергетических объектов и созданием новых мощностей в районах эвакуации промышленных предприятий. Без преувеличения можно сказать, что он погиб на боевом посту: в январе 1942 года скончался от инфаркта во время аварии на электростанции в Челябинске, где базировался в то время наркомат. Было ему всего 38 лет.

Сменивший его на посту наркома Д. Г. Жимерин (он был ещё моложе — незадолго до назначения ему исполнилось 35 лет) летом 1942 года разделил единую энергосистему «Уралэнерго» на три самостоятельные — «Свердловэнерго», «Челябэнерго» и «Молотэнерго» («Пермэнерго»)² и большую часть наркомата перенёс в Свердловск, что значительно сэкономило время на переезды между важнейшими и промышленными объектами региона. В его приказе, в частности, указывалось: «Учитывая расположение Свердловска в центре Урала, его прямые связи с Москвой, сибирскими и среднеазиатскими центрами... сосредоточить в нём главную и оперативную часть наркомата (управление, руководство строительными организациями и др.)».

Благодаря видному советскому и российскому историку академику Г. А. Куманёву, сохранились ценные

¹ *Михаил Георгиевич Первухин* (1904—1978) — видный государственный и политический деятель СССР. В 1940 году назначен заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР и председателем Совета по топливу и электрохозяйству при СНК СССР; с 24 июня 1941 года — заместитель председателя Совета по эвакуации при Совнаркоме СССР, затем — уполномоченный ГКО по Управлению военно-химической защиты РККА, народный комиссар химической промышленности. Был одним из руководителей советского атомного проекта, курировавший, в числе других, предприятия по производству тяжёлой воды (вспомним историю Чирчикского электрохимического комбината).

² О продуманности решения Д. Г. Жимерина свидетельствует тот факт, что образованные в 1942 году основные генерирующие и распределительные системы Урала просуществовали более 60 лет — до 2005 года.

воспоминания Д. Г. Жимерина¹, позволяющие нам судить не только о личности человека, являвшегося в течение нескольких лет непосредственным руководителем Ф. Г. Логинова, но и о характере работы в военные годы и послевоенное время самого Фёдора Георгиевича. Чем, безусловно, импонировал нарком Логинову, так это своей бескомпромиссностью, готовностью отстаивать свою точку зрения в высших эшелонах власти, невзирая на лица и не тушуясь перед оппонентами. Осведомлён был Логинов и о первой беседе Жимерина со Сталиным, которая состоялась накануне назначения Дмитрия Георгиевича наркомом электростанций. Больше всего Сталина беспокоила проблема падения частоты переменного тока в энергосистеме Урала, что приводило к сбоям работы оборонных предприятий. Жимерину удалось убедить Сталина в том, что исправить положение и нормализовать потребление энергии предприятиями, сохранив при этом объём производства, можно только снижением нагрузки на 10—15 процентов в утренние и вечерние часы. А для этого необходимо было ни много ни мало сменить график работы заводов.

(Кстати, такая же проблема актуальна для современных мегаполисов, хотя сейчас она решается при помощи манёвренной мощности гидро- и гидроаккумулирующих электростанций, которых тогда на Урале не было, и они не могли быть построены за короткие сроки.)

Жимерин рассказывал: «Предложение было принято, частоту электропотока удалось восстановить, и вскоре с новым ответственным поручением я выехал на Урал...

(Позднее я смог убедиться, насколько прекрасной памятью обладал вождь, ибо на заседаниях, где обсуждались энергетические проблемы, он разбирался в них уже довольно свободно и в основном со знанием дела.)»².

И ещё один яркий эпизод (относится он к более позднему времени), о котором поведал Жимерин:

¹ См.: Куманёв Г. А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005.

² Там же. С. 401.

«Я написал записку Сталину относительно того, что сооружение гидроэлектростанций нужно планировать не по пятилеткам, а на 15-летний срок. Доказывал всем, что гидроэлектростанции — сложные сооружения и их строительство никак не укладывается в 5-летний срок...

Обсуждается данный вопрос у Сталина. И вдруг на этом заседании выступает Вознесенский с разгромной речью, причём, я бы даже сказал, с подлой речью. Он не рассматривал этот вопрос по существу, не опровергал мои предложения, обоснования, выводы. Он построил свою речь по-другому. Что вот Жимерин ставит своей целью разломить, разрушить стройную систему сталинских пятилеток. Предлагая сооружать электростанции в течение 15-летнего срока, он, мол, подрывает сталинские пятилетки. Такова была программная речь председателя Госплана СССР.

...Мне фактически были предъявлены политические обвинения с наличием таких формулировок, как “сознательный подрыв сталинских пятилеток”, под них, мол, я вроде будто подкладываю бомбу... Я понимал так: если промолчу или займу чисто оборонительную позицию, то, наверное, тогда результат для меня может оказаться весьма плачевным. Поэтому я решил разговор перенести от чисто практических дел тоже в своего рода политику. Я выступил с очень резкой речью (а Сталин был здесь, молча слушал мой доклад, также молча — и выступление Вознесенского) и с самого начала стал рубить с плеча. Я сказал, что товарищ Вознесенский не понимает особенности строительства гидроэлектростанций. Он, видимо, некомпетентный в этом деле человек. И вместо того чтобы разобраться, как ему положено в качестве председателя Госплана, Николай Алексеевич встал на путь чисто формального обвинения.

Тут уж я решил “или, или”, вроде как терять мне было нечего. И должен сказать, что Сталин, вероятно, всё понял, потому что он не остановил Вознесенского, а потом не остановил и меня с моей резкой речью.

А когда окончилась эта перепалка, Сталин спокойно сказал буквально несколько слов. (И начал он не с критики ни меня, ни Вознесенского.) Вот, говорит, товарищ

Жимерин внёс предложение — 15 лет отвести на сооружение гидроэлектростанций. Я, думаю, он увлекается: 15 лет — это очень длительный срок строительства. Но, с другой стороны, товарищ Жимерин прав: за пять лет крупную гидроэлектростанцию соорудить невозможно. Вот 10 лет, это, наверное, наиболее подходящий срок.

И потом Сталин сказал следующее (меня особенно поразила его логика). *Откуда, говорит, родилась пятилетка? Она родилась как среднее. Для тяжёлой промышленности, например, для металлургии, энергетики она мала. Там за 5 лет строить очень трудно. А для лёгкой промышленности пятилетка велика. Любое предприятие лёгкой промышленности мы можем и строим за 3 года. Поэтому и был выбран такой средний вариант — 5 лет* (курсив мой. — А. Ж.).

Другими словами, Сталин сразу отвёл политические обвинения относительно подрыва пятилеток. А в итоге заявил: наверное, всё-таки нам нужно принять решение, чтобы строительство гидроэлектростанций планировать на 10 лет. И такое решение было принято»¹.

Кому-то эта цитата покажется излишне длинной. Но в этом эпизоде затрагивается исключительно важная, а порой и болезненная тема, касающаяся плановых сроков строительства гидроэлектростанций, которые очень часто не выдерживались. И Логинову пришлось не раз сталкиваться с этой проблемой, о чём мы уже знаем из истории чирчикских ГЭС. Большие сложности с выполнением плановых заданий возникнут у него и на строительстве Сталинградской ГЭС, которая была сдана на пять лет позже первоначально намеченного срока. Есть красноречивые примеры и из более позднего времени. Одна из мощнейших гидроэлектростанций мира — Саяно-Шушенская ГЭС была задумана в первой половине XX века, спроектирована в середине прошлого столетия и построена лишь к его завершению. Символом отечественного «долгостроя» стала Богучанская ГЭС, возведение которой затянулось на четыре десятилетия.

¹ Куманёв Г. А. Указ. соч. С. 412—413.

Так что полемика между Жимериным и Вознесенским в присутствии Сталина, в которой был поднят вопрос об особенностях гидроэнергетического строительства, не потерял и поныне своей злободневности. Хотя очень часто за этой проблемой кроются не столько объективные причины, которые имел в виду нарком электростанций, сколько субъективные факторы...

Более полно понять обстановку, в которой приходилось работать руководству Наркомата электростанций, помогают короткие, но ёмкие характеристики Жимерина своих кураторов из высшего эшелона власти, людей из окружения Сталина. О Молотове¹:

«У меня сложилось мнение, что человек он был несколько тяжеловесный. Но тем не менее эта тяжеловесность связана с прочностью мышления. Однажды, находясь на Урале, я получил задание подготовить проект одного постановления ГКО. Я был тогда ещё человек недостаточно обстрелянный... Я составил проект постановления. Всего там было полно. Возвращаюсь в Москву, прихожу к Молотову.

Он прочитал проект этого документа. И потом стал меня издевательски ругать. Говорит: “Вот ты пишешь — дать тебе металл, строительные материалы, дать того, другого. Но ты не пишешь — дать своим рабочим телогрейки, валенки, тёплые рукавицы. Не пишешь о выдаче спирта, о том, как решить проблему питания, жилья. Ты что думаешь, у тебя там люди будут трудиться разутыми, раздетыми в суровых зимних условиях? Монтажники, между прочим, должны получить по 100 г водки...”

На мой взгляд, это всё мог заметить отнюдь не тупой человек (Жимерин имеет в виду характеристики, которые давали ему некоторые горе-«историки» позднего времени. — А. Ж.). Хочу ещё раз подчеркнуть, что в своих устремлениях Молотов был человек каменный, сдвинуть его в сторону было невозможно или очень трудно»².

¹ В. М. Молотов в военные годы, как заместитель председателя Государственного Комитета Обороны и первый заместитель председателя Совнаркома, занимался, среди прочего, вопросами, связанными с деятельностью Наркомата электростанций.

² *Куманёв Г. А.* Указ. соч. С. 409.

О Маленкове¹: «Несомненно, одарённый человек. Несмотря на его тучность, был энергичный и взрывной. Понимал всё с полуслова и работал буквально за двоих. Много раз, особенно когда я находился в непосредственном подчинении Маленкова, мне приходилось наблюдать за его реакцией, быстрой и в основном правильной. Думаю, что Сталин держал его на таком высоком посту не случайно и не зря. Он знал, что если он Маленкову что-то поручает, то тот обязательно это выполнит.

Приведу один небольшой, но характерный пример. Сталиногорская станция. Работала на подмосковном угле. Ночью мне звонят и говорят, что станция накануне остановки, потому что запасов угля нет. Железнодорожники эшелон угля, который шёл на Сталиногорскую станцию, бросили на пути, отцепили паровоз. Через 3—4 часа станция должна остановиться.

Я вижу, что мне уже не удастся сдвинуть этот поезд, тем более что паровоз уже отцепили. В отчаянии звоню Маленкову. (Напомню, что дело было ночью.) Говорю ему, что вот такое создалось положение. Маленков слегка меня обругал (я говорю “слегка”, потому что это был человек исключительно вежливый, тактичный) и, естественно, тут же принял меры, этот эшелон угля был доставлен вовремя, и станцию не отключили.

Таких примеров было очень много. Это был динамичный и, я бы сказал, доброжелательный человек...

Я был продолжительное время после Маленкова в подчинении у Берии². Нужно сказать, что каждый из них при первой беседе со мной заявил, правда, по-

¹ Г. М. Маленков в 1943 году возглавил Комитет по восстановлению освобождённых районов. После войны и особенно в последние годы жизни Сталина прочно занимал позиции второго человека в государстве и партии, а после смерти вождя стал председателем Совета министров СССР. Неплохо разбирался в вопросах электроэнергетики — в 1920-е годы он окончил электротехнический факультет МВТУ. Кстати, после смещения с этого поста в 1955 году был назначен министром электростанций.

² Л. П. Берия — с 1941 года — заместитель председателя СНК (с 1946 года — Совет министров) СССР, курировал работу силовых структур НКВД (МВД) и НКГБ (МГБ).

разному: “Ты отвечаешь за энергетику, отвечаешь головой. Ни на кого не ссылайся, а приучись за всё отвечать. Тебе нужна помощь, своевременно обращайся”. Маленков это сказал очень вежливо, очень мягко, я бы сказал, приятно.

Берия ту же мысль выразил по-другому: “Ты (мать твою и т. д.) думаешь, что ты теперь нарком? Ты сегодня нарком, а завтра тебя ногами вперёд на кладбище”. (Вот такое “ободряющее” вступление.) А потом он примерно сказал то, что и Маленков. Берия заявил: “Я (т. е. Берия) ничего не понимаю в энергетике, ты несёшь полную ответственность, ты принимаешь решения и будешь отвечать за них соответственно. Ты это учти”.

Но я должен заметить, что, с точки зрения авторитета во всякого рода учреждениях, и тот, и другой имели, я бы сказал, очень высокий рейтинг, перемешанный, правда, со страхом. И скажу откровенно — я этим пользовался. Когда я говорил, что выполняю поручение Берии, то все это принимали во внимание и мои просьбы выполняли. Потому что знали — это не моя прихоть, а тех, кто стоит за мной.

Поэтому, если говорить о сути... они, я считаю, исходили из правильного принципа: или держи человека, если ты ему доверяешь, или, если ты ему не доверяешь и он не соответствует своему назначению, сними его. Я думаю, что в этом отношении их тактика была абсолютно правильная»¹.

Свидетельство Жимерина, как и воспоминания многих других видных хозяйственных деятелей эпохи позволяют нам судить о принципах подхода советского руководства к подбору управленческих кадров. На важнейшие государственные посты назначались профессионалы (а не «свои люди», как это часто случается в наши дни). И, в полном соответствии со своими возможностями и деловыми качествами, они получали от первых лиц страны большой кредит доверия, освобождавший от мелочной опеки и позволявший работать и принимать

¹ См.: *Куманёв Г. А.* Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005. С. 409—411.

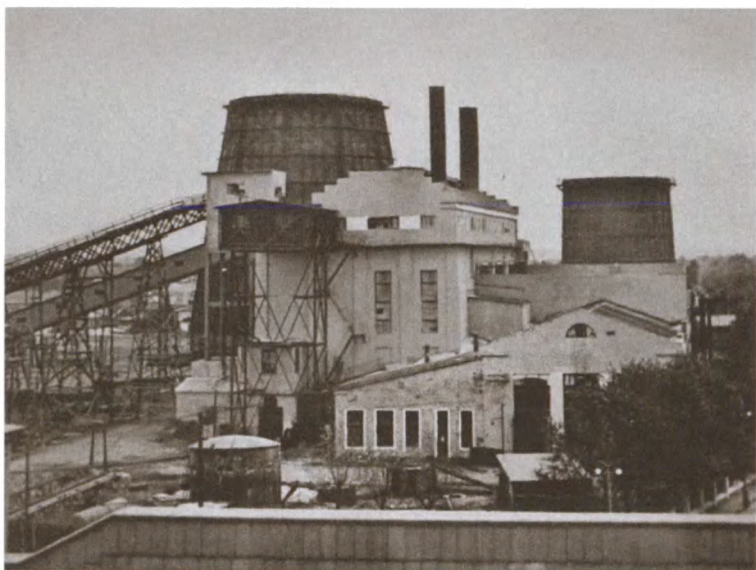

Norman

Старые Боровичи

Завод «Красный керамик» —
школа пролетарской закалки Ф. Г. Логинова

Будущий гидротехник, студент-«парттысячник» Фёдор Логинов. 1928 г.

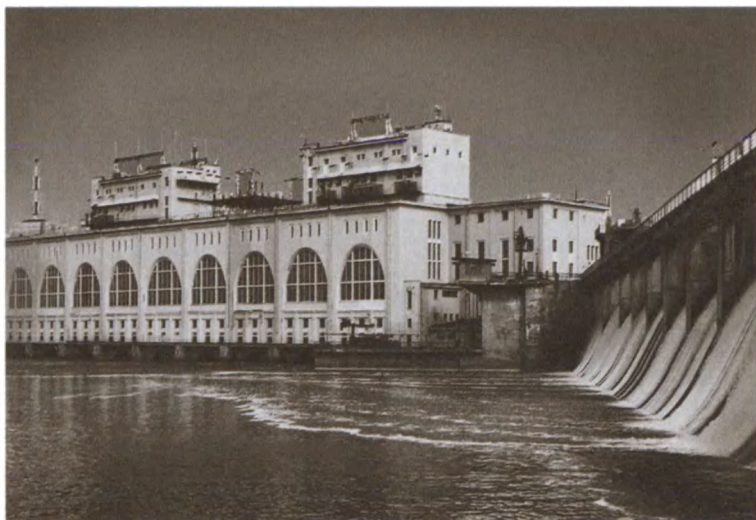

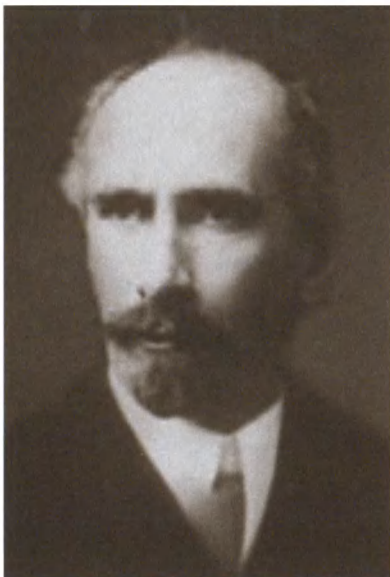
Автор проекта и первый руководитель строительства Волховской ГЭС академик Г. О. Графтио

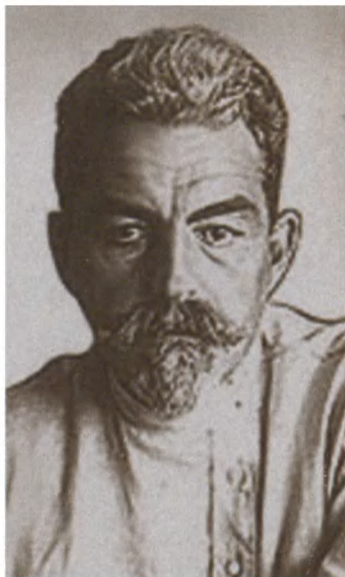
Председатель комиссии ГОЭЛРО Г. М. Кржижановский

Волховская ГЭС — первая крупная гидроэлектростанция, построенная по плану ГОЭЛРО

Академик И. Г. Александров,
автор проекта Днепрогэса

Академик А. В. Винтер, начальник
строительства Днепрогэса

На строительстве Днепрогэса Ф. Г. Логинов работал десятником

Пуск Днепрогэса. *Октябрь 1935 г.*

На строительстве Баксанской ГЭС Ф. Г. Логинов руководил работами на станционном узле

Гидростроитель Фёдор Логинов. У деривационного канала

На строительстве Чирчикской ГЭС.
Художник К. П. Чепраков

Ф. Г. Логинов на строительстве Чирчикской ГЭС

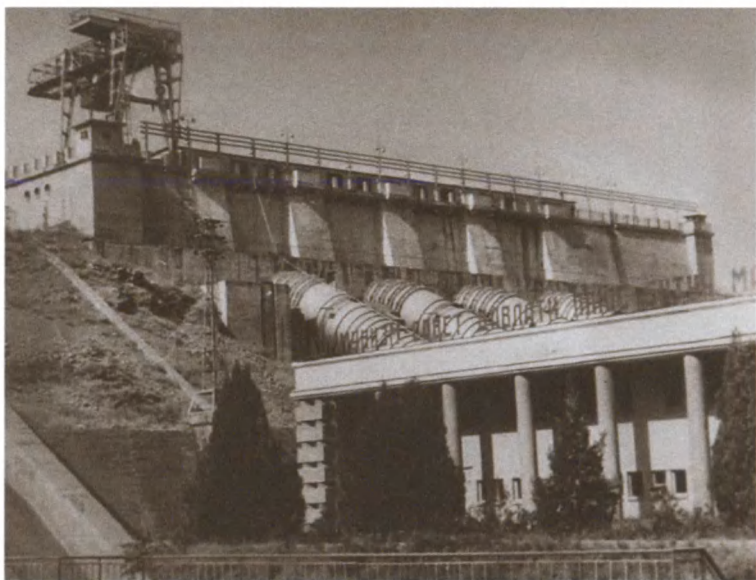

Министр энергетики и электрификации СССР П. С. Непорожний на строительстве чирчикских электростанций работал вместе с Ф. Г. Логиновым

Первый народный комиссар электростанций и электропромышленности СССР М. Г. Первухин

Чирчикская ГЭС им. Ф. Г. Логинова

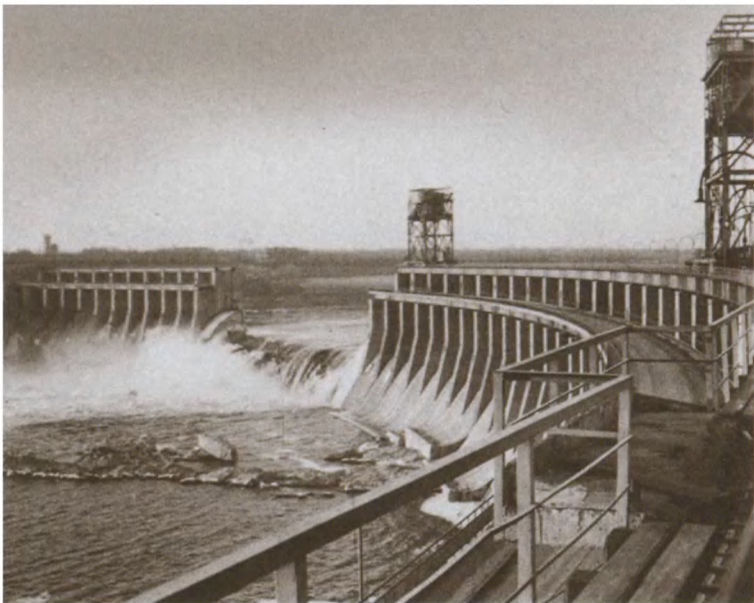
Руководитель Главгидроэнергостроя Наркомтяжмаша академик
Б. Е. Веденеев и начальник Чирчикстроя Ф. Г. Логинов

Удостоверение замаркома электростанций СССР

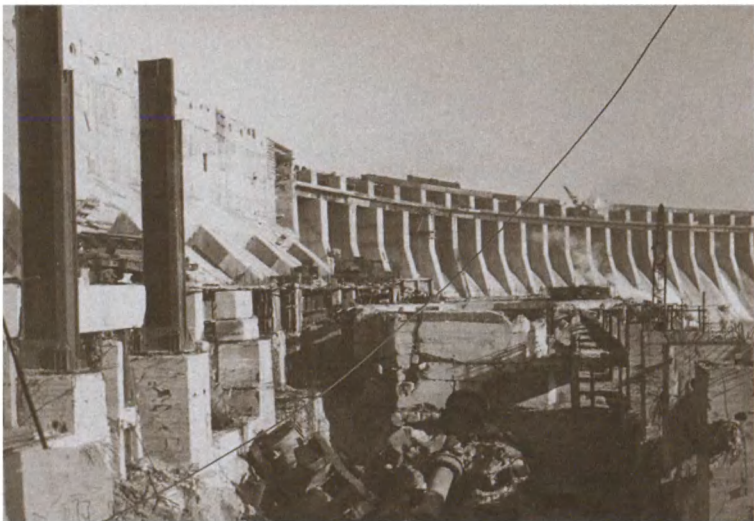
Старый Чирчик — город, рождённый вместе со строительством чирчикских ГЭС и электрохимического комбината

Плотина Днепровской ГЭС была взорвана при отступлении частей Красной армии

Всё оборудование Днепрогэса было взорвано немецкими захватчиками перед освобождением Запорожья

Восстановление Днепрогэса. Художник М. П. Волошин. 1947 г.

Ф. Г. Логинов после награждения вторым орденом Ленина. 1945 г.

Министр электростанций СССР Д. Г. Жимерин (в центре) и начальник Днепростроя Ф. Г. Логинов (слева) во время восстановления ГЭС

Днепрогэс восстановим!

Начальник Днепростроя Ф. Г. Логинов

решения самостоятельно, без оглядки на вышестоящие инстанции. Но и спрос с них был соответствующим, порой необоснованно суровым. Однако, вопреки расхожему мнению, побуждал их трудиться на пределе сил и возможностей не страх перед сильными мира сего (он был свойствен, скорее, чиновникам средней руки), а понимание исключительно высокой личной ответственности.

Ф. Г. Логинов, с его характером и жизненными принципами, вполне вписывался в эту жёсткую, но довольно ясную систему взаимоотношений в верхних эшелонах власти, где о человеке судили не по количеству взысканий или наград, а по тем конкретным результатам, которых он добивался на своём участке работы (в 1943 году заместитель наркома Логинов был награждён орденом Ленина). Этот принцип позволяет яснее понять важные этапы биографии Логинова, в том числе связанные с его работой на строительстве чирчикских ГЭС, восстановлении Днепрогэса, строительстве Сталинградской гидроэлектростанции...

Назначение Логинова заместителем наркома электростанций совпало с периодом проведения широкомасштабных восстановительных работ на энергетических объектах, которые начались ещё в конце 1941 года, вслед за переходом Красной армии в контрнаступление под Москвой. Ускоренными темпами шло возрождение Московской энергосистемы, в 1942 году удалось восстановить практически довоенный уровень мощности Ивановской ГЭС — первой гидроэлектростанции, построенной на Волге, Каширской, Сталиногорской (ныне — Новомосковской), Шатурской ГРЭС и других электростанций.

Жизненно важное значение для блокадного Ленинграда имело восстановление Волховской ГЭС. При приближении врага её оборудование было эвакуировано, но после стабилизации фронта, уже 27 декабря 1941 года, было принято решение о восстановлении гидроэлектростанции, и к концу мая 1942 года на ней были смонтированы и опробованы три гидроагрегата. Однако передать выработанную электроэнергию в осаждённый

город можно было только одним путём — через Ладожское озеро. Более 100 километров бронированного кабеля, выдерживающего напряжение в 100 000 вольт, было изготовлено на находящемся в блокадном городе заводе «Севкабель» и проложено по дну озера. В результате героических усилий ленинградских рабочих, строительных батальонов, матросов специально оборудованного судна (16 человек его экипажа, в том числе капитан, погибли при налёте немецкой авиации), водолазов и связистов 23 сентября 1942 года энергия Волховской ГЭС стала поступать в Ленинград¹. Дополнительно к кабельной линии в январе 1943 года начала действовать воздушная ЛЭП, столбы которой были заморожены прямо в ладожский лёд. А в августе 1944 года электростанция заработала на полную мощность.

В 1943 году восстановительные работы по возрождению энергетики были перенесены на юг страны — в Сталинград², Ростов, на Северный Кавказ и Донбасс.

На Северном Кавказе больше всего пострадали построенные по плану ГОЭЛРО Гизельдонская гидроэлектростанция, расположенная в Северной Осетии, и Баксанская ГЭС, где на строительстве станционного узла прошёл первую серьёзную проверку делом молодой гидротехник Фёдор Логинов.

После восстановления Баксанскую ГЭС, первый гидроагрегат которой был запущен уже в декабре 1943 года, стали называть «птицей Феникс отечественной гидроэнергетики». О том, какие ожесточённые бои шли в Баксанском ущелье, напоминает нам одна из самых любимых в народе военных песен — «Баксанская», написанная на музыку композитора Бориса Терентьева группой советских воинов-альпинистов, противостоявших горным стрелкам немецкой дивизии «Эдельвейс»:

¹ Кабель, по которому поступала электроэнергия с Волховской ГЭС в блокадный Ленинград, служит городу до сих пор — он был поднят со дна Ладожского озера и проложен под тротуаром Невского проспекта.

² В 1943—1944 годах была полностью восстановлена Сталинградская ГРЭС, построенная по плану ГОЭЛРО и сильно пострадавшая во время Сталинградской битвы.

Помнишь, товарищ,
Белые снега,
Стройный лес Баксана,
Блиндажи врага,
Помнишь гранату и записку в ней
Под скалистым гребнем для грядущих дней...

Баксанскую ГЭС взрывали дважды. Сначала наши бойцы при отступлении вывели из строя несколько гидротехнических сооружений с таким расчётом, чтобы потом восстановить их в короткие сроки. Но вот отступавшие фашисты взрывчатки не пожалели, и от красивой ГЭС страны после их нашествия осталась груда металлолома — было уничтожено практически всё оборудование, в том числе все три гидроагрегата.

По воспоминаниям очевидцев, жители, в основном женщины, «чуть ли не на следующий день вышли восстанавливать Баксанскую ГЭС. Разрывали, разгребали и выкапывали. Чаще всего вручную. Машин почти не было». Спешили ввести станцию в строй не только потому, что окрестные поселки на долгие месяцы остались без электричества. Главное, и это понимали все, — нужно было дать электроэнергию на Тырныаузский вольфрамо-молибденовый комбинат, который был основным потребителем Баксанской станции. Из вольфрама изготавливали сердечники подкалиберных бронебойных снарядов, способных пробивать даже броню немецких тяжёлых танков «Тигр» и самоходно-артиллерийских установок «Фердинанд». Ценой невероятных человеческих усилий поставленная задача была решена в кратчайшие сроки.

В военные годы судьба не раз возвращала Логинова туда, где на важнейших гидроэнергетических стройках страны проходило его становление как крупного специалиста. Но если восстановление Баксанской ГЭС, строительство Рыбинской ГЭС и электростанций на Чирчике вошли в круг забот Фёдора Георгиевича наряду с многочисленными проблемами, которые приходилось решать ему как одному из руководителей Народного комиссариата электростанций, то задача, поставленная перед ним

в марте 1944 года, требовала полной концентрации сил и была, конечно, несовместима с другими обязанностями заместителя наркома.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДНЕПРОГЭСА

23 февраля 1944 года Государственный Комитет Обороны принял решение о восстановлении Днепрогэса. Чтобы понять объёмы предстоящих работ, какой груз лёг на плечи Логинова, назначенного начальником Днепростроя, надо иметь представление и о масштабах разрушения знаменитой электростанции, являвшейся для советских людей символом великих свершений первой пятилетки.

Из воспоминаний М. Г. Первухина (в 1941 году — заместитель председателя СНК СССР), которому было поручено вывести из строя Днепровскую гидроэлектростанцию:

«При приближении немецких частей к Днепру Верховное Главнокомандование вынесло решение немедленно взорвать часть плотины и мостовой переход через неё, чтобы вражеские войска не могли с ходу перейти на левый берег и таким образом продолжить своё наступление.

Мне было поручено организовать это дело и проследить, чтобы взрыв был произведён вовремя. Как ни тяжело мне, энергетiku, было принять такое решение, военная обстановка требовала сделать это без колебаний.

Вместе с руководителями наркомата (электростанций. — А. Ж.) мы наметили, как осуществить намеченное. Прежде всего требовалось помешать противнику перейти на левый берег Днепра. Для этого достаточно было взорвать только верхнюю часть плотины, на что опирается мостовой переход, а всё её остальное тело сохранить, имея в виду, что после разгрома врага мы вернёмся и быстро восстановим Днепровскую ГЭС.

Поэтому в верхнем тоннеле заложили взрывчатку, обеспечив мешками с песком направленный взрыв. Всё было готово. От командующего войсками Юго-Запад-

ного фронта маршала Семёна Михайловича Буденного прибыл специальный представитель, уточнивший, когда надо произвести взрыв. Причём меня предупредили: его надо сделать во время, когда основные части Красной Армии перейдут на левый берег Днепра, но никак не допустить, чтобы проскочили немецкие танки...

В течение суток через каждый час, максимум через два я связывался с управляющим Днепроградской станцией и секретарём Запорожского обкома партии, которые следили за обстановкой и информировали меня, как обстоит дело.

Наступило 18 августа 1941 г. Мы были наготове. Несколькими раз я звонил утром и в обед. Никаких немцев нет. Наши части постепенно отходили.

Вечером появились вражеские танки. И тогда без звонка в Москву был произведён взрыв. Хлынула огромная масса воды, смыв немецкие войска и всю их технику. Ниже Днепрогэса оказались разрушенными <возведённые> противником переправы для форсирования реки.

Я... доложил Молотову, что взрыв произведён, хотя его исполнители мне лично об этом не сообщили. Он меня стал критиковать. Мол, как же так: вам поручили такое важное дело, а вы упустили руководство из рук. Мне было неприятно, ибо получалось, что я вроде не справился со своим заданием.

Вечером, когда я уже находился в Ставке Верховного Главнокомандования, Сталин подошёл ко мне и спросил:

— Ну как, взорвали плотину?

— Взорвали, товарищ Сталин, — ответил я со вздохом.

— Ну и хорошо. Правильно сделали. Иначе немцы могли бы проскочить со своими танками...

Следует заметить, что этот взрыв помог нам эвакуировать заводы Запорожья: Запорожский завод ферросплавов, “Запорожсталь”, “Днепроспецсталь”, Запорожский алюминиевый завод и ряд других предприятий. В течение примерно более месяца мы имели возможность всё первоочередное демонтировать, причём демонтировали ценное оборудование практически вручную, ибо многих кранов и механизмов не было. Работа по демонтажу и погрузке эвакогрузов велась преимущественно ночью,

т. к. противник интенсивно обстреливал левый берег Днепра.

Вот на такие жертвы нам приходилось идти во время войны. Всё, что доводилось уничтожать или разрушать при отступлении, мы, естественно, относили на счёт агрессора... Нашему народу и руководству пришлось приложить огромные усилия, вложить огромные средства, чтобы восстановить ДнепрогЭС, которая носит имя В. И. Ленина»¹.

Для контроля за демонтажом оборудования Днепрогэса в Запорожье был направлен заместитель наркома электростанций Д. Г. Жимерин, который присутствовал при взрыве плотины и оставил свои воспоминания об этом трагическом эпизоде:

«Реальная угроза нависла над гордостью отечественной энергетики — крупнейшей в стране Днепровской ГЭС. Получив приказ — приступить к её демонтажу, я немедленно отправился в Запорожье. По дороге чуть было не попал в лапы немецкого парашютного десанта. Но помогли наши посты, которые заблаговременно расставил директор местных электросетей Григорий Малкин. Мне был указан менее рискованный и более безопасный путь.

...Самоотверженно в полуокружении, буквально под огнём врага трудился весь коллектив Днепрогэса, возглавляемый управляющим Днепровской энергосистемы Дмитрием Гуменюком и главным инженером Львом Тополянским... Так как у плотины имелось два перехода, по которым свободно могли проходить танки, орудия и другая военная техника, все мы пришли к выводу, что эту часть плотины придётся взорвать. Такая операция была проведена после того, как по плотине прошли последние отступавшие части Красной Армии.

Поздно ночью с левого берега Днепра мы с группой товарищей пошли на плотину. Перед нами предстала печальная, просто драматическая картина. Проезжая часть ГЭС тряслась, как в лихорадке: мощный поток

¹ Куманёв Г. А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005. С. 139—140.

воды с оглушающим рёвом рвался через образованную в результате взрыва большую брешь. Всех нас обволакивал густой туман из мелких брызг. С болью в сердце смотрели мы на изуродованное тело плотины, внутри которой — в машинном зале — бушевало багровое пламя пожара... Определённой отрадой было сознание того, что наиболее ценные детали трёх гидротурбин всё же удалось эвакуировать в тыл, хотя демонтаж и вывоз всего тяжёлого оборудования как Днепрогэской ГЭС, так и Зуевской ГРЭС, ТЭЦ Запорожстали, Кураховской ГРЭС и других мощных энергетических предприятий оказался практически невозможным»¹.

Заметим, что в последние полтора десятилетия события, связанные со взрывом Днепрогэса 18 августа 1941 года, рядом современных украинских историков и журналистов националистического толка трактуются весьма тенденциозно. Так, далеко за пределы реальности выходят некоторые оценки количества погибших в результате прокатившегося вниз по течению Днепра мощного вала, возникшего после того, как в стометровую брешь, образовавшуюся в теле плотины после взрыва, хлынула вода. Однако современные мифы о многих тысячах погибших советских воинов и мирных жителей не имеют под собой никакой фактической и документальной основы и не выдерживают критики. Прорывная волна была действительно внушительной (её первоначальная высота составляла около 12 метров, но не 20—30, как утверждается в украинской печати), но сразу же после плотины она рассеялась по фронту шириной 1200 метров, и примерно через полтора километра, в районе острова Хортица, её высота уже не превышала 1,5 метра. К тому же перед взрывом, ещё утром 18 августа, были открыты сливные отверстия плотины, ослабившие напор воды и значительно поднявшие горизонт нижнего бьефа. Мы основываемся на выводах специалистов, в правомерности которых может убедиться любой человек, добросовестно изучавший математику и физику в средней школе.

¹ Там же. С. 398.

Взрыв был произведён после того, как последние части дивизии НКВД, оборонявшие плотину, перешли на левый берег через потерну — служебный тоннель в теле плотины, так как сама плотина находилась под сильным обстрелом противника. Якобы «смытые» волной целые соединения и части 2-го кавалерийского корпуса, 18-й и 9-й армий Южного фронта отошли на левый берег Днепра по паромным переправам, возведённым в районах, расположенных на расстоянии 125—160 километров от плотины Днепрогэса. Любители преувеличивать последствия взрыва в качестве примера часто приводят судьбу монитора «Волочаевка», выброшенного волной на берег. При этом умалчивается, что этот монитор был отбуксирован из Киева в Запорожье в недостроенном состоянии, стоял на приколе недалеко от плотины и, как и все речные суда такого класса, имел малую осадку и очень низкий надводный борт.

Никто и никогда не отрицал, что взрыв Днепрогэса, который возводился героическими усилиями многих тысяч строителей и потребовал концентрации огромных ресурсов страны, стал для неё большой трагедией. Но напомним читателю слова М. Г. Первухина о том, что «на такие жертвы нам приходилось идти во время войны. *Всё, что доводилось уничтожать или разрушать при отступлении, мы, естественно, относили на счёт агрессора* (курсив мой. — А. Ж.)». Для тех, кто ясно понимает смысл фразы, выделенной курсивом, добавим, что в той обстановке, которая сложилась в августе 1941 года, не всё, конечно, можно было предусмотреть и просчитать. Отсчёт времени шёл тогда буквально по часам и минутам, а на доставку и закладку взрывчатки — двадцати тонн анномала — отводилось 2—3 дня. Подрывникам и специалистам станции (она давала электроэнергию для предприятий и населённых пунктов, расположенных на левом берегу реки, буквально до последнего часа) приходилось работать под постоянными артиллерийскими и миномётными обстрелами врага, занявшего расположенный рядом остров Хортица.

Да, не все были согласны с тем, что Днепрогэс придётся взорвать. Но были и те, кто, отдавая такие рас-

поражения, не боялся брать на себя тяжёлую ношу ответственности и человеческого горя. В конечном счёте именно эти люди и привели страну к победе.

Читая публикации, посвящённые трагедии на Днепре, невольно удивляешься, что во многих из них немцы, решившие восстановить электростанцию, представлены не безжалостными оккупантами, а едва ли не благодетелями, которых очень сильно удивило, как могли русские решиться на такой шаг. Видимо, некоторые из авторов подобных материалов действительно полагают, что ДнепрогЭС был нужен фашистам для налаживания мирной жизни, а не для наращивания мощи своей военной машины, нёсшей на нашу землю смерть и разрушение. В 1942 году электростанцию даже посетил сам рейхсминистр вооружения и боеприпасов, генеральный инспектор водных и энергетических ресурсов Германии Альберт Шпеер.

На восстановлении плотины и станции немцы использовали труд трёх тысяч заключённых, согнали несколько тысяч жителей Запорожья и других населённых пунктов области. Два гидроагрегата им удалось восстановить, но радоваться захватчикам пришлось недолго. В начале февраля 1943 года полным разгромом немецко-фашистских войск завершилась Сталинградская битва, положившая начало коренному перелому в Великой Отечественной войне.

При отступлении гитлеровцы планировали уничтожить ДнепрогЭС. В операции по спасению электростанции, разработанной по приказу командующего Юго-Западным фронтом Р. Я. Малиновского, особо отличились 203-я дивизия под командованием полковника Г. С. Здановича, бойцы подразделений майора Бубенцова и капитана Сошинского, установившие, где находится заложенная в плотине взрывчатка, и сумевшие обезвредить её. Трудно представить, что бы произошло, если бы фашистам удалось взорвать 200 тонн заложенного тротила и 100 авиабомб, замурованных в бетон. От плотины, скорее всего, ничего бы не осталось. В ночь на 30 декабря 1943 года, когда наступавшие части Красной армии форсировали Днепр в районе Запорожья, немцы решили

привести в исполнение свой зловещий замысел. Но основная масса взрывчатки не сработала — наши разведчики и сапёры накануне перерезали провода, ведущие к детонаторам. ДнепрогЭС устоял благодаря подвигу советских солдат.

Однако значительную часть объектов ГЭС, бетонных сооружений и металлоконструкций противнику всё же удалось подорвать и вывести из строя. Из сорока семи водосливных пролётов уцелело четырнадцать, было уничтожено практически всё оборудование электростанции.

Как считал Логинов, который в марте 1944 года детально, как говорится, воочию ознакомился с характером разрушений, немцы, захватив ДнепрогЭС, одновременно разработали и осуществляли два проекта: проект восстановления и проект полного разрушения днепровских сооружений.

«Доказательством этого, — по мнению Логинова, — является заделанный во второе донное отверстие плотины заряд из ста полутонных авиабомб и 3,5 тонны тола. Кроме того, десятки небольших зарядов были уложены в специально выдолбленные в теле бычков¹ камеры.

Начинка взрывчаткой служебных тоннелей плотины и щитовой стенки, каждого бездействующего прибора, механизма, установка больших зарядов в машинах показывает, что на всё это времени было затрачено не меньше, чем на восстановление станции. Разработкой и осуществлением проекта минирования сооружений Днепрогэса руководил специальный отдел ставки Верховного главнокомандования немецкой армии»².

Логинов перечисляет только наиболее существенные разрушения, но и они позволяют нам яснее представить, что после себя оставляли на нашей земле немецкие оккупанты.

При отступлении фашисты вывели из строя шлюз, подорвав главные его сооружения — ворота, арочный

¹ Несущие элементы конструкции плотины, обеспечивающие её жёсткость.

² *Логинов Ф. Г.* Возрождение Днепрогэса. Киев: Государственное издательство технической литературы Украины, 1951. С. 13—14.

бетонный мост и пульт дистанционного управления механизмами шлюза. Была взорвана подстанция, снабжавшая электричеством левый берег, огнём и взрывами уничтожены все строения речного порта, в груды изуродованного металла превращены порталные и козловые краны ГЭС.

Было подорвано множество бычков в местах их сопряжения с водосливной гранью плотины, взрывы уничтожили служебный и проезжий мосты плотины. Если мощнейший заряд из ста авиабомб и нескольких тонн тротила гитлеровцам помешали взорвать наши бойцы, то другой, не меньшей силы, разрушил сопрягающий устой, три правобережных бычка плотины и пролёты грязеспуска. Был взорван и железный мост через аванкамеру¹.

Фашисты произвели взрывы огромной силы в смотровой галерее щитовой стенки и в помещении компрессорной. В здании станции мощные заряды взрывались прямо на крышках турбин.

Сотнями других зарядов было уничтожено всё, что могло быть использовано в будущем.

«Сооружения Днепрогэса, — пишет Логинов, — были превращены в груды развалин. Остатки взорванной плотины представляли собой страшное зрелище... Вода прорывалась в нижний бьеф через разрушенные пролёты и бычки плотины и развалины сопрягающего устоя и щитовой стенки гидростанции. Вода проходила через разрушенное здание станции почти по всей его длине.

Несколько опор выходных порталов, к которым когда-то были подвешены провода высокого напряжения, шедшие от трансформаторов гидростанции через аванкамеру на главную распределительную подстанцию, лежали на развалинах щитовой стенки.

Поток воды размывал грунт берега со стороны западного торца здания станции. Количество смытого грунта исчислялось тысячами кубометров...

¹ Важный элемент гидротехнических сооружений первой очереди Днепрогэса, бассейн с бетонированными откосами и дном, откуда вода поступала во входные отверстия водоводов гидроагрегатов.

Каркас здания станции был деформирован во всех плоскостях и направлениях. На полу машинного зала лежали несущие крестовины — “пауки” — агрегатов, многие из них перевёрнуты на 180 градусов; статоры машин обнажены, а роторы генераторов, весившие сотни тонн, были выброшены со своего места; валы турбин диаметром свыше метра — переломаны взрывами как спички; нижние крестовины с направляющими подшипниками — оторваны и выброшены из шахт на поверхность.

Крышки турбин весом в несколько десятков тонн, корпуса направляющих подшипников турбин и кольца вращения лопаток направляющего аппарата, рабочие колёса турбин весом 100 тонн каждое были разбиты взрывами на мелкие куски. Через обломки конструкции и оборудования станции с шумом стекала вода. Кое-где в воде можно было увидеть невзорвавшиеся заряды взрывчатки от 10 до 100 килограммов.

На месте моста через аванкамеру остались бычки и изуродованные конструкции ферм, частично погружённые в воду.

Пробитые пулями и осколками снарядов металлоконструкции и масляные выключатели, разбитые изоляторы и оборванные провода — так выглядела главная распределительная подстанция.

Акватория порта высохла; от служебных и жилых зданий остались одни фундаменты; от портовых кранов — бесформенные груды изуродованного металла.

Не менее страшную картину представляли вспомогательные сооружения Днепрогэса и окрестные посёлки.

От механического завода сохранились лишь коробки основных цехов с частью кровли. Деревообделочный завод и посёлок при нём, когда-то утопавший в зелени, были сожжены. В посёлках правого берега не уцелело ни одного здания.

Такую картину разрушения застали первые восстановители Днепрогэса, прибывшие сразу после освобождения его нашими героическими войсками.

Ясно, что для выполнения грандиозных восстановительных работ необходимо было создать мощную строи-

тельную организацию, обеспеченную большим количеством квалифицированных рабочих, а также мощными механизмами и всеми видами материалов»¹.

Книга Логинова «Возрождение Днепрогэса», которую мы цитируем, — это своеобразный отчёт по итогам тяжёлых и напряжённых восстановительных работ, сопоставимых по размаху лишь со строительством электростанции на Днестре в годы первой пятилетки. Она написана человеком, возглавлявшим эпопею восстановления знаменитой ГЭС с первого до последнего дня, а потому представляется, наряду с материалами, хранящимися в Российском государственном архиве экономики, наиболее важным источником, позволяющим за лаконичными, без лишних эмоций и пафоса строчками увидеть, сколько сил и труда потребовалось для того, чтобы крупнейшая электростанция страны обрела своё второе рождение.

Буквально в считанные дни после принятия постановления ГКО о восстановлении Днепрогэса было создано специальное строительно-монтажное управление Днепрострой при Наркомате электростанций СССР. За Логиновым, назначенным начальником управления, сохранялся статус заместителя наркома. 11 марта 1944 года на электростанцию, а точнее — на её развалины, прибыла группа руководителей и ведущих специалистов Днепростроя из одиннадцати человек во главе с Логиновым, которой предстояло наметить план первоочередных подготовительных работ.

Не будем забывать, что решение о восстановлении Днепрогэса было принято в период, когда страна напрягала все силы, чтобы обеспечить разгром немецко-фашистских захватчиков. Как известно, 1944 год стал для Красной армии годом решающих побед, однако раненый фашистский зверь ожесточённо сопротивлялся. Из 376 дивизий, которыми располагали Германия и её сателлиты к началу 1944 года, 257 дивизий сражались против советских войск. Германская промышленность и предприятия оккупированных стран давали фашист-

¹ Логинов Ф. Г. Указ. соч. С. 18—19.

ским войскам больше военной техники, чем когда-либо раньше. Положение СССР могло бы облегчить открытие второго фронта, однако высадка союзников в Западной Европе несколько раз в течение двух лет (с мая 1942-го до июня 1944 года) откладывалась.

Но даже в этих сложных условиях советское правительство сумело обеспечить Днепрострой необходимыми строительными механизмами. Например, уже в 1944 году на восстановлении Днепрогэса работали 14 передвижных кранов, а через год их уже было 22. Стройка с самого начала была обеспечена мощными компрессорами, пневматическими инструментами, сверлильными и райберовочными машинами и другой техникой, без которой было бы невозможно обеспечить разборку огромных завалов и справиться с тяжёлыми подготовительными работами. А первые автомашины на Днепрострой поступили в качестве подарка от Красной армии.

Естественно, в военное время и первые послевоенные годы существовали большие трудности с получением многих необходимых материалов, в размещении заказов на изготовление металлоконструкций, механизмов и деталей к ним. Опираясь приходилось главным образом на собственные возможности. Выступая на совещании руководящих работников Днепростроя 20 июля 1946 года, министр электростанций СССР Д. Г. Жимерин обозначил проблему предельно чётко: «Конечно, будем стремиться к тому, чтобы привлечь заводы <страны> к восстановлению Днепрогэса, но у вас база должна быть рассчитана на полное удовлетворение потребностей строительства»¹.

Но об этом можно было и не напоминать — днепростроевцы и так старались как можно меньше просить помощи у государства. Чтобы обеспечить бесперебойную работу Днепростроя, был создан целый ряд разнообразных и мощных подсобных предприятий. Уже в августе 1945 года Логинов докладывал участникам совещания хозяйственно-партийного актива Днепровского строительства:

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 75.

«На протяжении 1944 года и в 1945 году мы большое место уделили решению задач, связанных с ведением основных работ...

Мы организовали мощный лесокombинат, который призван заготавливать древесину в лесу всех лесосечных фондов...

(Для обеспечения строительства древесиной Днепрострою были выделены лесосеки на Украине и в Белоруссии, где было заготовлено и доставлено сплавом по Припяти и Днепру сотни тысяч кубометров леса, необходимого прежде всего для опалубки бычков, и блоков гидроагрегатов, сооружения домов для рабочих. Основная его часть прибывала в Днепропетровск, однако тысячи кубометров удавалось сплавливать через пороги прямо до лесопильного завода Днепростроя. Кроме основной продукции на лесозаводе были изготовлены десятки тысяч табуреток, столов, шкафов и прочей мебели, сотни школьных парт. — А. Ж.)

Мы восстановили мощный механический завод с цехами: металлоконструкций, литейный, механический, кислородный... мощный кузнечный цех и другие цеха.

Мощность завода по стоимости выпущенной валовой продукции превышает ежемесячно 1 млн. руб.

Завод при помощи правительства нам удалось оснастить значительным количеством мощных, новейших, современных станков. При помощи механизмов этого завода и при далеко неквалифицированном составе работающих нам удалось решить и целый ряд других важнейших задач...

(Следует заметить, что механический завод Днепростроя обеспечивал потребности в металлоконструкциях, механизмах и приборах не только собственной стройки. Так, здесь были изготовлены конструкции козлового крана для Сталинградской ГРЭС, сыгравшей огромную роль в восстановлении Сталинграда. — А. Ж.)

Мы организовали железнодорожное хозяйство, где протяжённость путей превышает 55 км, обслуживают их пока до 10 паровозов и порядка 200 единиц подвижного состава. Паровозов мы имеем больше, но все они не могут работать сейчас.

Организовали автотранспорт с количеством машин свыше 200... Организовали ремонт этих машин, создав авторемонтные мастерские. оснатив их соответствующей техникой.

Организовали гужтранспорт с количеством лошадей 400 шт. Организовали водный транспорт, где имеется свыше 15 единиц моторного флота...

Построили два бетонных завода на правом и левом берегах, причём основное оборудование этих бетонных хозяйств — бетономешалки и камнедробилки не являются продуктом производства нашего механического завода. Что же касается всего остального — транспортёра с роликами, приводные станции, бункера — всё это изготовлено на нашем механическом заводе»¹.

Трудно переоценить роль Ф. Г. Логинова в организации восстановительных работ, которые осуществлялись на основе чёткой и всесторонне продуманной системы планирования. Исходя из утверждённых правительством заданий, на Днепрогэсе разрабатывались директивные подекадные графики работ на год и уже на их основе формировались ежемесячные посуточные графики-планы для каждого подразделения вплоть до смены и бригады. Таким же образом планировалась и работа подсобных предприятий. Все планы жёстко увязывались с технологией строительно-монтажных работ, с проектами их организации, со сроками поставок подсобными предприятиями материалов, строительных конструкций, механизмов и с работой смежных подразделений.

Планирование — настолько обычное дело для советской экономики, что организация этого процесса в Днепрострое, может быть, и не заслуживала бы отдельного внимания, если бы не одно «но». Речь идёт о методике подхода к планированию. В своей книге «Возрождение Днепрогэса» Логинов рассказывает о том, что при составлении планов-графиков пришлось сталкиваться с попытками отдельных подразделений «идти по линии наименьшего сопротивления, то есть планировать рабо-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 64—65.

ты, которые дают большую стоимость при сравнительно небольших затратах квалифицированного труда, добиваясь выполнения плана в ценностном выражении. На номенклатуру же плана и другие показатели обращается незначительное внимание. Разработанные подразделениями планы работ анализировались производственно-техническим и планово-экономическим отделами с увязкой отдельных показателей и контролем соблюдения сроков выполнения отдельных заданий и всего комплекса работ». Рассмотренные проекты-планы утверждались приказами по строительству, в которых «указывался общий объём и стоимость работ, а также давалась полная расшифровка всех видов работ, цен за единицу работы по объектам и конструктивным элементам. В приказах устанавливались промежуточные сроки для выполнения отдельных работ, особенно тех, которые выполнялись многими смежными предприятиями»¹.

Логиновский подход к планированию говорит не только о том, что Фёдор Георгиевич как руководитель прекрасно владел всеми тонкостями организации производственного процесса. Думается, он одним из первых крупных руководителей-производственников заметил опасную тенденцию в советской экономике — стремление оценивать результаты производственной деятельности преимущественно в стоимостных, денежных показателях. В результате в стране со временем утвердилась затратная, по существу, экстенсивная система хозяйствования, олицетворением которой стал так называемый «воздушный вал»², который и явился одной из основных причин стагнации экономики СССР в 1980-е годы.

¹ Логинов Ф. Г. Возрождение Днепрогэса. Киев: Государственное издательство технической литературы Украины, 1951. С. 29.

² Понятие «воздушный вал», который формировался в результате суммирования, повторного счёта стоимости продукта, созданной на всех этапах его передела, в результате чего статистические показатели экономики страны значительно превышали реальную стоимость созданных товаров и услуг, введено в оборот крупным советским экономистом, специалистом в области макроэкономики Д. В. Валовым. По подсчётам Валового, объём «воздушного вала» в структуре общественного продукта страны с 1965 по 1985 год увеличился в три раза и достиг 40 процентов.

Впрочем, основной современный показатель экономического развития — ВВП (валовый внутренний продукт) ещё меньше соответствует реальному положению дел в этой жизненно важной для каждого человека сфере, маскирует фактическое падение темпов роста экономики. Либералы-экономисты давно отвергли вывод классической политэкономии о том, что источником и мерой богатства является производительный труд, и исповедуют идею американского экономиста Д. Б. Кларка, считавшего, что любой труд является производительным и чем выше доход, тем производительнее труд. А потому в ВВП сейчас включаются финансовая деятельность, спекулятивные операции с недвижимым имуществом, всевозможные рыночные сделки и аферы, не создающие никакой стоимости. Почти половина мирового ВВП — это мыльный пузырь, тот же «воздушный вал», не имеющий ничего общего с реальной экономикой. К примеру, в России в его структуре большое место занимают налоги на продукты — 11 процентов. А удельный вес сельского хозяйства в ВВП страны, где и создаются эти продукты, составляет всего лишь 4 процента.

О том, что ВВП в том виде, в котором он ныне существует, не может служить мерой реального экономического развития, говорил, в частности, в 2016 году на давосском форуме лауреат Нобелевской премии американский экономист Джозеф Стиглиц. Он и ещё двое других крупных учёных-экономистов современности — Амартия Сен и Жан-Поль Фитусси стали авторами известной книги «Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла?»¹, в основу которой лёг доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса, созданной по инициативе бывшего президента Франции Н. Саркози...

Однако не будем слишком далеко уходить от основной темы нашей книги. Большинство исследователей

¹ См.: *Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П.* Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.

истории возрождения Днепрогэса в качестве одной из главных проблем, с которой столкнулись днепростроевцы, отмечают отсутствие в практике отечественной и мировой гидротехники какого-либо опыта восстановления крупных гидротехнических сооружений. У руководства Днепростроя не было готовых ответов на большинство сложных вопросов, связанных с методами проектирования и приёмами восстановительных работ, с массой возникавших технологических проблем.

В решении стоявших задач, многие из которых казались специалистам просто неразрешимыми, Ф. Г. Логинов опирался на своих ближайших помощников, прежде всего на главного инженера Днепростроя Иннокентия Ивановича Кандалова, с которым ему довелось несколько лет бок о бок трудиться на строительстве чирчикских ГЭС. Не принято повторяться, но в данном случае уместно будет напомнить, что П. С. Непорожний, почти четверть века возглавлявший Министерство энергетики и электрификации СССР, приобретал свой первый опыт инженера-гидротехника на Чирчике именно под руководством Логинова и Кандалова и считал их своими учителями. «Совершенно разные были люди, но в совместной работе удивительно удачно дополняли друг друга» — к этим словам Непорожного, имевшего в виду «крутой» нрав Логинова и мягкий, интеллигентный характер Кандалова, трудно что-либо добавить. За исключением, пожалуй, одного: судьба вновь свела Логинова и Кандалова не «по знакомству». Иннокентий Иванович был направлен на восстановление электростанции, поскольку досконально знал все особенности и секреты Днепрогэса, так как в 1927—1933 годах входил в руководство главной стройки страны — являлся начальником гидротехнических работ правого берега Днепра.

Судя по всему, не случайно в организации восстановительных работ присутствовал тот же самый принцип, что и при строительстве Днепрогэса, — «берег левый — берег правый». В структуре нового Днепростроя были созданы три основные конторы: контора начальника работ правого берега, контора начальника работ левого берега и контора начальника монтажных работ. Что ин-

интересно, спустя несколько лет этот же принцип Логинов положит в основу работы Сталинградгидростроя при возведении Сталинградской ГЭС.

В одной из своих статей, подготовленных по горячим следам, И. И. Кандалов писал, что опыт восстановления Днепрогэса будет изучаться гидротехниками и студентами, и особенно их внимание будут привлекать решения тех технических задач, которые связаны с самыми захватывающими днями на Днепрострое. И в этом нет никакого преувеличения заслуг инженерно-технического состава стройки, внёсшего решающий вклад в самоотверженную борьбу днепростроевцев на начальном этапе восстановительных работ за пропуск воды Днепра при помощи донных отверстий, а также предопределившего успех поединка коллектива с весенним паводком 1945 года.

Этим же проблемам в своей книге «Возрождение Днепрогэса» уделил первоочередное внимание и Ф. Г. Логинов. Для разборки завалов, разрушенных конструкций и определения объёмов предстоящих восстановительных работ необходимо было понизить горизонт воды у плотины настолько, чтобы полностью обнажить основание сохранившейся части плотины и других сооружений. Для этого было найдено оригинальное, сложное, но наименее трудоёмкое решение — понижать горизонт верхнего бьефа через пробитые в теле плотины тоннели, основание которых было заложено на отметках, обеспечивавших наибольшее понижение уровня воды. Донные отверстия сечением 25 квадратных метров каждое пробивались с помощью взрывов. В самом начале их сооружения был обнаружен заложенный немцами заряд огромной разрушительной силы — разминированием сопровождались не только дальнейшая тоннельная проходка, но практически и все другие работы: только на основных сооружениях было извлечено и обезврежено 360 тонн взрывчатых веществ.

В кратчайшие сроки, уже в мае 1944 года, была завершена проходка первых девяти донных отверстий, что позволило понизить верхний бьеф, устранить угрозу паводков и начать разборку завалов (всего было разобрано

240 тысяч кубометров обломков бетона и демонтировано более 26 тысяч тонн разрушенных металлоконструкций и оборудования). Но этого оказалось недостаточно для начала работ по восстановлению значительной части плотины, сопрягающего устоя¹ и щитовой стенки² гидростанции. Поэтому пришлось дополнительно пробить ещё шесть донных отверстий, после чего появилась возможность насухо готовить основание восстанавливаемых сооружений под новый бетон.

В войну посёлки Днепрогэса, особенно те, что располагались на правом берегу, были уничтожены практически полностью, поэтому с первых дней восстановления ГЭС были развёрнуты работы по приспособлению под жильё сохранившихся коробок разрушенных и сожжённых жилых зданий. «Строителям довоенного и послевоенного периода, — писал Логинов, — будет непонятен термин “приспособление под жильё”». Он был вызван тяжёлыми условиями, в которых разворачивались восстановительные работы. Все здания были в той или иной степени разрушены. Даже уцелевшие дома были непригодны для жилья. Провалившаяся крыша, потрескавшиеся, пробитые снарядами стены — так выглядели многие здания города. Не было, конечно, и бытового инвентаря — кроватей, столов, стульев, умывальников, осветительных приборов и т. п. <...> Эти помещения первое время освещались коптилками, сделанными из гильз снарядов, патронов противотанковых ружей, и лишь немногие имели фонари “летучая мышь” или карбидные лампы»³.

Приспособление под временное жильё уцелевших строений дало возможность создать необходимый трудовой коллектив, способный решать задачи восстанов-

¹ Конструкция, с помощью которой бетонная плотина примыкает к берегам и другим сооружениям гидроузла — земляной плотине, зданию ГЭС, шлюзу, рыбоходу.

² В щитовой стенке (её длина на Днепрогэсе составляла 216 метров) помещаются главные металлические щиты станции, открывающие и закрывающие доступ воды в напорные трубы турбин из аванкамеры.

³ Логинов Ф. Г. Возрождение Днепрогэса. Киев: Государственное издательство технической литературы Украины, 1951. С. 36—37.

ления Днепрогэса в тяжёлое военное время и первые послевоенные годы. Если в марте 1944 года Днепрострой сумел приютить лишь несколько сотен рабочих, то в августе 1945 года в приспособленном и вновь построенном жилье проживали 15 тысяч человек. Были созданы культурные учреждения, в том числе два клуба и два парка, организованы детсады и ясли, отремонтированы школы, построены столовые и магазины, а при помощи продукции подсобных хозяйств Днепрострой получил возможность предоставлять ежедневное дополнительное питание каждому рабочему, перевыполняющему производственные нормы¹.

Логинов хорошо понимал, что создание необходимых бытовых условий для людей — далеко не единственное условие формирования сплочённого и работоспособного коллектива. Днепрострою нужны были не только разнорабочие — стройке требовались квалифицированные специалисты, владеющие строительными профессиями. Однако большинство прибывающих на стройку не владели необходимыми трудовыми навыками. Это были, особенно в начале строительства, главным образом молодые люди, в основном вчерашние школьники, девушки, многим из которых не исполнилось и восемнадцати. Фёдор Георгиевич сохранил верность одному из своих главных принципов, которым он руководствовался со времени работы на Чирчике: решать сложные задачи, связанные со строительством гидротехнических сооружений, могут только квалифицированные рабочие и специалисты. И уделял первостепенное внимание их подготовке на стройках, которые довелось ему возглавлять. К примеру, только в 1944 году на Днепрострое профессиональное обучение прошли полторы тысячи человек.

Конечно, люди испытывали большие лишения, сказывалась нехватка элементарных строительных материалов и механизмов. Но днепростроевцы прекрасно понимали, что все силы страны направлены в первую очередь на обеспечение нужд Красной армии, что тем, кто на фронте, кто каждый день глядит в лицо смерти, несрав-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 66.

нимо тяжелее. И трудились, не жалея сил и здоровья, а подчас и рискуя собственными жизнями. В частности, с большой опасностью был связан сплав плотов через Днепровские пороги, где особенно отличились семидесятилетний лоцман К. И. Козинец и его помощники — Павловский и Дикун. Не менее опасной были и работы по проходке донных отверстий с помощью взрывов, которыми руководил бывший офицер инженерных войск А. В. Поляков. Причём среди подрывников было немало женщин (мужчин на стройке не хватало), среди которых своей отвагой выделялись Паша Авраменко, Полина Сологуб, Екатерина Дякун. А Анастасия Баландина, возглавлявшая большую группу сапёров и минёров (впрочем, в характере выполняемых ими на стройке работ не было никакой разницы), получила на стройке уважительное прозвище — Настя Громовержец.

Одна из героических страниц в истории возрождения Днепрогэса — наведение висячих мостов над разбитыми пролётами плотины, позволивших наладить сообщение между правым и левым берегами Днепра. С этой задачей с честью справилась бригада монтажников под руководством Андрея Евграфова, который, рискуя жизнью, сумел закрепить монтажный трос над стометровым проёмом плотины. Наведённые его монтажниками висячие мосты, соединившие уцелевшие части плотины, строители звали «чёртовыми мостиками Евграфова» — ходить по ним над бурлящей рекой было опасно, но в первые месяцы восстановления это был единственный путь, по которому можно было перейти с правого берега на левый.

Не меньшей самоотдачи и мужества требовал и труд водолазов, инженеров и рабочих-бетонщиков, занимавшихся закрытием донных отверстий, строителей многих других специальностей. По мнению Логинова, одним из самых ярких эпизодов, свидетельствующих о бесстрашии днепростроевцев, явилось бетонирование и закрытие второго донного отверстия плотины. Дело в том, что перед бетонированием все донные отверстия сначала закрывались сконструированными инженерами Днепростроя хитроумными металлическими щитами-«хлопушками» (при погружении в воду они захлопы-

вались под напором течения). Однако при опускании очередного щита, «несмотря на все старания, остался неприкрытым большой угол отверстия, в который с шумом прорывалась вода. Монтажники бригады Ивана Столярова частично прикрыли оголённый угол специальными приспособлениями. Монтажников заменили водолазы гг. Марков, Частий, Воробьёв и Борщев. Опуститься в воду к щиту можно было только в специальной металлической клетке, предохранявшей водолаза от засасывания в оставшиеся щели. По всем инструкциям работать в таких условиях нельзя было. Но люди, зная, что битву без риска выиграть невозможно, самоотверженно боролись со стихией». Когда в донное отверстие вошли строители, по полу проносилась метровым слоем вода со скоростью до восьми метров в секунду. «Метр за метром уходили строители в чёрный провал донного отверстия над ревушим потоком. Лишь на седьмые сутки усталые, промокшие до костей люди добрались на специально смонтированном помосте к щиту, прикрывающему донное отверстие со стороны верхнего бьефа... Началась борьба за сооружение перемычки в узком пространстве донного отверстия. Вода валила людей с ног, несколько раз ломала и рвала возводимые перемычки. Наконец с неимоверными трудностями укрощённый поток был взят в большие металлические трубы»¹.

При восстановлении плотины приходилось решать и немало других сложных технических задач. Достаточно сказать, что в её тело требовалось уложить (с учётом заделки донных отверстий) около 80 тысяч кубометров нового бетона и железобетона. Примерно 120 тысяч кубометров повреждённой бетонной кладки нуждались в серьёзном «лечении», необходимом для обеспечения достаточной водонепроницаемости и прочности. Таким образом, общий объём тела плотины, подлежащий восстановлению, составил около 200 тысяч кубометров, или треть от полного объёма бетона, уложенного в плотину при её возведении. И эти тяжелейшие работы, проходившие в жестокой борьбе с водной стихией, выполняли в

¹ *Логинов Ф. Г.* Указ. соч. С. 78—79.

основном женщины, которым приходилось трудиться в жару и стужу, в ледяной воде и на головокружительной высоте. Недаром, отмечает Логинов, комсомольско-молодёжные бригады девушек-бетонщиц называли «фронтowymi бригадами». Заметим, однако, что звание «фронтowych» получали только лучшие комсомольско-молодёжные коллективы. Девушки, которые первое время боялись даже взойти на разрушенную плотину, отбили натиск воды, сантиметр за сантиметром шли вверх, опережая рост горизонта воды в Днепре.

«Только наши советские девушки, воспитанные комсомолом, могли участвовать в этой поистине героической работе наравне с мужчинами.

Своим трудом... комсомолки-бетонщицы вписали одну из ярчайших страниц в историю возрождения Днепрогэса, в историю ордена Ленина комсомольской организации Днепростроя¹»².

Традиции комсомольцев первого призыва, строивших Днепрогэс, продолжили и те, кто соорудил защитную дамбу к весеннему паводку 1945 года. Для её строительства требовалось 10 тысяч кубометров бутовой кладки, более 15 тысяч кубометров брусьев или 25 тысяч кубометров круглого леса. Поскольку таким количеством материалов восстановители не располагали, было принято оригинальное решение: соорудить дамбу из обломков бетона и металлолома, а для уменьшения фильтрации прикрыть её со стороны верхнего бьефа брезентовым экраном площадью свыше 8 тысяч квадратных метров.

В постройке защитной дамбы большую помощь Днепрострою оказал Запорожский обком комсомола, сформировавший комсомольско-молодёжные отряды численностью по 1500—2000 человек во главе с секретарями райкомов комсомола. Каждому отряду и бригаде отводился отдельный участок работ по разработке завалов и отсыпке дамбы. Работали по-ударному, а на сопрягающем устое правой части плотины трудились кругло-

¹ Комсомольская организация Днепростроя была награждена орденом Ленина 17 сентября 1932 года.

² *Логинов Ф. Г. Указ. соч. С. 84.*

суточно. Люди победили стихию — дамба устояла перед мощным весенним паводком.

Паводок 1946 года, подготовка к которому также потребовала мобилизации всех сил и средств Днепростроя, был принят уже напорным фронтом восстановленной щитовой стенки и пропущен через донные отверстия водосливной плотины.

В апреле 1946 года Логинов, отвечая на вопросы журналистов о ходе восстановления Днепрогэса, отмечал:

«Молодёжь и комсомольцы к общему количеству работающих на стройке составляет 35 процентов.

На Днепрострое имеется 115 комсомольско-молодёжных бригад, которые охватывают 1269 человек. Комсомольско-молодёжные бригады соревнуются между собой, считаются передовыми и по итогам только марта месяца 17 комсомольско-молодёжным бригадам присвоено звание “Бригада Победы” а 12 комсомольско-молодёжным бригадам — звание “Стахановских”. Комсомольцы и молодёжь на Днепрострое являются запевалами целого ряда важнейших мероприятий. Целый ряд комсомольско-молодёжных бригад из месяца в месяц держат высокие темпы производительности труда и их средне-месячные показатели чрезвычайно высокие.

Так, например, бригада бетонщиц Паши Коробовой в марте добилась производительности труда 194 процента. В связи с тем, что она держит первенство в соревновании в течение 6 месяцев, вся бригада занесена в Книгу почёта. Бригада электросварщиков М. Гришко механического завода в марте добилась производительности 169 процентов... Крановая бригада Л. Стеба в январе имела производительность труда 130 процентов, в феврале — 179 процентов, а в марте — 181 процент.

По молодёжи равняются и старики...

Коллектив Днепростроя решение XV пленума ЦК ВЛКСМ о шефстве над стройкой¹ принял с большим

¹ XV пленум ЦК ВЛКСМ, обсудивший задачи по досрочному выполнению IV пятилетнего плана — плана восстановления и развития народного хозяйства в 1946—1950 годах и принявший решение о шефстве над Днепростроем, состоялся в апреле 1946 года.

воодушевлением и считает, что комсомольцы сумеют оказать существенную помощь Днепрострою во всей его многосторонней и многогранной деятельности.

Старый Днепрострой строила вся страна, выдающаяся роль комсомола в строительстве Днепрогэса оценена высокой правительственной наградой — орденом Ленина.

В восстановлении Днепрогэса роль комсомола такая же огромная, как и в строительстве его»¹.

Сказано не ради красного словца. Опыт, накопленный Логиновым на строительстве Баксанской, верхневолжских, чирчикских гидроэлектростанций, позволял ему в полной мере оценить роль общественных, партийных и комсомольских организаций в мобилизации коллективов на выполнение самых сложных задач, которые порой казались просто невыполнимыми. На кого ещё могло опереться руководство строительства, которое велось в неимоверно тяжёлых, порой нечеловеческих условиях? Не следует думать, что все строители приехали восстанавливать Днепрогэс, руководствуясь исключительно высокими побуждениями, и что весь многотысячный коллектив Днепростроя был охвачен энтузиазмом и стремлением справиться со своими задачами в кратчайшие сроки. Отношение к труду было разное. Так, на собрании партийного актива стройки, состоявшемся в августе 1945 года, Логинов отмечал:

«Мы считаем трудовую дисциплину на Днепрострое чрезвычайно низкой... Возьмём, к примеру, опоздания на работу, прогулы и самостоятельные уходы с работы. За истекшие семь месяцев <1945 года> зафиксирован 1041 случай...

Имеем мы также 618 дезертиров с производства за истекшие 7 месяцев. На всех этих дезертиров и нарушителей трудовой дисциплины большое количество дел передано органам суда... Если бы у нас была надлежаще поставлена воспитательная работа не только общественных организаций, но и руководящего состава строительства, случаев нарушения трудовой дисциплины было

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 156—157, 163.

бы меньше и эффективность использования рабочих на производстве значительно бы возросла»¹.

Понимание, что одними административными методами воздействия надлежащего порядка и результатов не добьёшься, отличало не только Логинова, но и руководителей всех рангов, причастных к возрождению Днепрогэса. Не случайно в июле 1946 года, когда широким фронтом развернулись работы по монтажу агрегатов первой очереди ГЭС, министр электростанций СССР Д. Г. Жимерин, выступая перед руководством Днепростроя, счёл необходимым обратиться и к партийному активу стройки: «Я прошу партийную организацию, чтобы она самым решительным образом поправила дело в сторону нажима и контроля, включила в это дело всю коммунистическую прослойку строительства. Такой объём работ чисто административным путём провести невозможно, требуется общественная помощь»².

При монтаже гидроагрегатов возникло много непредвиденных сложностей. Чрезвычайно трудоёмкой оказалась работа по подготовке к монтажу, в ходе которой пришлось вырубить сотни кубометров густо армированного железобетона и бетона. Кратеры агрегатов необходимо было очистить от обломков турбин и генераторов, а также разрушенных конструкций здания электростанции. Но главной причиной, задерживающей ход монтажных работ на первых трёх агрегатах, было то, что сроки поставки основного оборудования американскими фирмами постоянно срывались³. Нарушалась и последовательность отгрузок: детали, которые должны были прийти первыми, приходили в последнюю очередь, и наоборот. Кроме того, в поставленном оборудо-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 69—70.

² Там же. Ед. хр. 2. Л. 70.

³ Для первых трёх агрегатов гидротурбины поставляла фирма Newport News, генераторы — General Electric (США). На остальных шести гидроагрегатах, введённых в эксплуатацию в 1948—1950 годах, были установлены турбины Ленинградского металлического завода и генераторы Ленинградского ПО «Электросила».

вании имелось много заводских недоделок, заводского и проектно-конструкторского брака¹.

Особенно много нареканий вызывали подпятники гидроагрегатов. Они оказались настолько недоброкачественными, что подпятник 1-го агрегата подгоняли целый месяц, а для 2-го и 3-го агрегатов пришлось вместо новых восстанавливать и приспособливать подпятники старых, взорванных агрегатов, на что также потребовалось немало времени.

Но в то время, когда за подготовкой к вводу в строй первой очереди Днепрогэса следила вся страна, решение подобных проблем было «внутренним» делом днепростроевцев, а перенос сроков пуска 1-го агрегата и вовсе считался недопустимым. Об этом постоянно напоминал руководителем Днепростроя и Д. Г. Жимерин. Первая турбина должна быть введена в строй в декабре 1946 года. Если машина не будет пущена в срок, «то это будет серьёзным уроном не только для строительства и Министерства — это будет серьёзным уроном для всей нашей страны»².

Этот же вопрос стоял в центре внимания коллегии Министерства электростанций СССР, обсудившей 22 июля 1946 года работу по восстановлению Днепрогэса. Подводя итоги обсуждения, Жимерин отметил, что на Днепрострое «своевременно были организованы: собственная база в виде мощного, хорошо оснащённого станками механического завода, способного делать сложные металлоконструкции, свои лесоразработки и лесозавод, что позволило строительству перейти на собственные заготовки и решить вопрос с жильём, снабжения лесоматериалами основного строительства, в том числе опалубочных работ. Была создана и мощная продовольственная база, что позволило обеспечить дополнительное питание рабочих, чего почти нет на других стройках.

Днепрострой оснащён хорошими железнодорожными кранами, кранами на гусеничном ходу, автомобиль-

¹ *Логинов Ф. Г.* Возрождение Днепрогэса. Киев: Государственное издательство технической литературы Украины, 1951. С. 103.

² РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 68.

ными кранами, компрессорным хозяйством... имеет собственную кислородную установку».

«Однако, — подчеркнул министр, — необходимо указать на ряд серьёзных недостатков и промахов в работе Днепростроя.

Крупнейшим недостатком является то, что строительство ещё не сделало серьёзного поворота от строительных к монтажным работам. Товарищу Логинову не о чем было докладывать коллегии, так как эти важнейшие работы ещё не развёрнуты.

По-видимому, руководители Днепростроя недооценивают объёма и сроков предстоящих монтажных работ. Ведь до пуска первого агрегата осталось пять месяцев. Предстоит большой объём работ, а по электромонтажным работам ещё ничего не сделано. По механическому монтажу только начаты работы.

Проведённое мной совещание непосредственно на Днепрострое показало, что график работ грубо нарушается самими строителями. Сроки работ по штрабовке бетона, по подготовке фронта работ систематически нарушаются, и виновники остаются безнаказанными.

Если начальник и главный инженер и дальше не примут крутых мер, то срок пуска первого агрегата в декабре месяце не может быть выдержан.

Каждый работник Днепростроя должен понять, что сейчас основное — это монтажные работы, и им должно быть подчинено всё, строители должны находиться в подчинении монтажников»¹.

Добавим, что критика Жимерина была обоснованной — министр проводил на Днепрострое много времени и прекрасно знал проблемы строительных и монтажных работ по восстановлению гидроузла и электростанции.

23 ноября 1946 года состоялся слёт стахановцев Днепростроя, обсудивший график завершения строительномонтажных работ по пуску первого агрегата. Этот график был представлен в Запорожский областной комитет ВКП(б), который в то время уже возглавлял Л. И. Брежнев. Основное, что было отмечено обкомом, — серьёзное

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 93—95.

отставание в его выполнении¹. А 27 ноября состоялось открытое партийное собрание Днепроостроя, обсудившее решение обкома партии по пусковым графикам. Логинов был предельно самокритичен: «Наш предпусковой график работ, утверждённый в июле, в котором мы намечали постановку на сушку первого агрегата 5 декабря, по существу сорван. Причин этому много, но основные причины заключаются в том, что руководство Днепроостроя в моём лице и руководители отдельных структурных подразделений... несмотря на то, что принимался целый ряд мер к выполнению намеченных графиками работ, работы эти в срок не выполнили, не обеспечили своевременного разворота работ, которые тесно переплетаются между строителями и монтажниками»².

Как видим, проблем на Днепрострое было немало, и именно с ними в первую очередь были связаны трения, возникавшие между Логиновым и областным партийным руководством. Но отнюдь не с низкими деловыми качествами и уровнем компетентностью людей, возглавлявших Запорожскую область и отвечавших за восстановление города и важнейших индустриальных объектов, как безосновательно утверждают некоторые исследователи. А ведь помимо всего прочего, люди эти были хорошо подготовлены технически. К примеру, Л. И. Брежнев в молодости работал слесарем, а затем инженером на Днепровском металлургическом заводе, ещё до войны прошёл солидную школу партийной работы и, конечно же, не случайно избирался секретарём Днепропетровского обкома ВКП(б)У по оборонной промышленности — в то время верхоглядов на такие должности не ставили. Второй секретарь Запорожского обкома А. П. Кириленко (в будущем — также видный партийный деятель, член Политбюро и секретарь ЦК КПСС) работал шахтёром в Донбассе, был инженером-конструктором Запорожского моторостроительного завода, воевал, а затем был назначен уполномоченным ГКО на крупном авиационном заводе. Н. П. Моисеенко, секретарь Запорожского гор-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 371.

² Там же. Л. 372.

кома партии, прекрасно разбирался в вопросах гидротехники, участвовал в строительстве Днепрогэса.

Кстати, много света на взаимоотношения руководителей Запорожья и запорожских строек, в том числе Логинова и Брежнева, проливает написанная сыном Н. П. Моисеенко — Г. Н. Моисеенко документальная повесть¹, в основу которой легли воспоминания и архивы отца. Прежде всего надо отметить, что Николай Петрович Моисеенко, по сути возглавлявший горком партии (даже после того, как Брежнев был избран первым секретарём обкома и «по совместительству», скорее — формально, первым секретарём горкома), относился к Логинову с большим уважением. Моисеенко подкупало то, что «Фёдор Георгиевич был влюблен в гидротехнику, гидротехнические сооружения и Днепрострой ещё с первых пятилеток, когда он, будучи студентом Ленинградского политехнического института, проходил практику, работая десятником на стройке. Поэтому он болезненно воспринимал какое-либо невнимание к этому делу» (Логинов считал, что областные и городские руководители были чрезмерно «увлечены запорожсталеваскими делами»: определённые поводы для такой, прямо скажем, не вполне обоснованной, «ревности» были: так, у Брежнева был свой кабинет непосредственно на территории Запорожстали, рядом с домной № 3. — А. Ж.).

«На первых порах, — вспоминает Моисеенко, — между нами были противоречия, которые возникали, когда речь заходила о помощи при восстановлении города, которую он хоть и с сопротивлением, но всё же оказывал. — И продолжает: — Логинов с фанатичной настойчивостью отправлял каждый кубометр бетона в тело плотины, и выпросить у него хотя бы кубометр для городских или хозяйственных нужд — это было что-то!

...Он, крупный и талантливый руководитель, привыкший во многом самостоятельно решать вопросы и выходить со своими проблемами наверх, был осажен в одном из вопросов Леонидом Ильичом, который застав-

¹ Моисеенко Г. Н. Эпоха победителей: Документально-историческая повесть. М.: ИТРК, 2014.

лял его больше считаться с областным руководством. Логинов Ф. Г. вспыхнул, но сдержался, старомодные чётки, которые он использовал для успокоения, так и заходили в его руках. Но обиду не мог забыть ещё долго. С тех пор он некоторое время старался действовать через меня. Мы с ним работали давно и были в хороших отношениях. Я это прекрасно понимал и пытался сгладить страсти. Вскоре эта размолвка осталась позади и была забыта как недоразумение. Но всё равно подчинялся он новому человеку (имеется в виду Брежнев. — А. Ж.) трудно. За плечами у него было пять электростанций, воевал он на фронтах Гражданской войны и был человек, в общем, своенравный, хотя и вполне разумный, достаточно грамотный и заслуженный руководитель...

Но гораздо позже... эти взаимоотношения всё-таки прорвало, и на одном из собраний Леонид Ильич выступил с резкой критикой в адрес Логинова¹... Когда казалось, что ситуация для Фёдора Георгиевича резко ухудшилась и он, казалось, прямо скажем, зашатался, — Леонид Ильич смягчил свой резкий тон и дал возможность Логинову остаться на плаву. В этом и была одна из положительных черт Брежнева. Он мог ценить способных людей»².

Этой же темы касается в своих воспоминаниях Н. А. Щёлоков, работавший в то время заместителем секретаря ЦК компартии Украины по промышленности. Эти воспоминания, которые воспроизводит автор книги о Щёлокове М. А. Брежнев, перекликаются с тем, о чём рассказывал Н. П. Моисеенко:

«Логинов — начальник Днепростроя, он же заместитель министра СССР, был волевой, решительный, опытный, сложившийся крупный гидростроитель. Но человек своенравный, иногда даже грубый и несдержанный в обращении с людьми. Он отказывался приходить на заседания горкома партии и вообще с горкомом был, что называется, “не в ладах”. Горком партии (секретарь —

¹ Речь идёт о партийном собрании, состоявшемся на Днепрострое 1 ноября 1947 года.

² См.: *Моисеенко Г. Н.* Эпоха победителей. М.: ИТРК, 2014. Гл. 9. Быстрый взлёт с Л. И. Брежневым.

т. Моисеенко) объявил ему даже выговор, но и после этого Логинов оставался таким же, каким был.

Только Леонид Ильич, будучи первым секретарём Запорожского обкома, сумел подобрать ключи к этому крупному организатору и отличному, но очень своенравному специалисту. Логинов не только стал ходить в горком и областной комитет партии, его избрали членом горкома и депутатом Верховного Совета Украины от Запорожья.

В уборочную кампанию Логинов раньше категорически отказывался поставлять сотню автомобилей. По просьбе же Леонида Ильича он для вывозки зерна посылал в районы тысячу автомашин¹.

Относительно количества автомобилей, которые Логинов выделял для проведения уборочной кампании, возникают сомнения (вряд ли он располагал такими возможностями), но суть взаимоотношений начальника Днепростроя и партийных органов Запорожья передана Щёлоковым довольно точно, что, как мы увидели, подтверждается и другими источниками.

И уж совсем несерьёзными и безосновательными выглядят попытки некоторых авторов представить дело так, что Брежнева якобы «убрали» из Запорожья, чтобы он «не мешал» работать Логинову: мол, таких, как Брежнев, у Сталина было много, а таких, как Логинов, — единицы. Однако все, кто неплохо знаком с историей послевоенного восстановления страны и биографией Брежнева, расценивают очередное назначение Леонида Ильича (избрание его первым секретарём Днепропетровского обкома и горкома партии) как крупное повышение, поскольку Днепропетровская область была в то время одной из крупнейших на Украине и обладала мощным промышленным потенциалом. О том, что это назначение стало важной вехой в судьбе генсека, свидетельствуют многие источники. Этой же точки зрения придерживается в своём исследовании и Л. М. Млечин, большой любви к Брежневу не испытывающий².

¹ См.: *Брежнев М. А.* Министр Щёлоков. М., 2008. С. 83.

² См.: *Млечин Л. М.* Брежнев. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 82.

На наш взгляд, все сложности, разногласия и конфликты в Запорожье носили чисто рабочий характер. Всех в конечном счёте объединяла одна цель — как можно скорее восстановить промышленные и энергетические объекты, варварски разрушенные захватчиками, наладить нормальную жизнь людей, перенёсших тяготы военных лет. А те или иные расхождения на пути достижения этой цели носили не принципиальный характер, а были обусловлены индивидуальными особенностями людей, преданных общему делу. И все они прекрасно справились с возложенными на них обязанностями. К примеру, и Брежнев, и Логинов были награждены орденами Ленина: один — за успехи в возрождении завода «Запорожсталь», другой — за успешный ввод в строй действующих первой очереди Днепрогэса.

...Вечером 3 марта 1947 года первый восстановленный агрегат Днепрогэса принял промышленную нагрузку. Это была и первая большая победа днепростроевцев, о которой они рапортовали И. В. Сталину:

«Коллектив строительства “Днепростроя” счастлив доложить Вам, что гордость нашего народа — Днепровская гидростанция имени В. И. Ленина, варварски разрушенная немецкими захватчиками, поднята из руин и вступила в строй действующих электростанций...

Пуск первого агрегата — это начало большой работы, которую нужно выполнить коллективу Днепростроя. В 1947 году по утверждённому Правительством плану мы должны смонтировать и включить в эксплуатацию ещё два агрегата, закончить восстановление шлюза и порта и открыть сквозное судоходство. До конца новой сталинской пятилетки гордость нашей страны, крупнейший гидроэнергетический узел — Днепровская ГЭС имени В. И. Ленина будет восстановлена нами во всей своей мощи и ещё лучше, чем она была до разрушения».

Своё обещание днепростроевцы сдержали. 13 декабря 1947 года с вводом в эксплуатацию третьего агрегата было завершено восстановление первой очереди Днепрогэса. Сотни наиболее отличившихся рабочих и специалистов стройки были награждены орденами и медалями. Орденом Ленина было награждено специальное

строительно-монтажное управление «Днепрострой», высшей награды Родины был удостоен и его руководитель — Ф. Г. Логинов.

В одной из публикаций довелось прочесть, что по поводу массового награждения отличившихся днепростроевцев якобы появилась язвительная шутка: на Днепрострой, мол, прислали целую баржу с медалями. Каждый, конечно, волен к этому событию относиться по-своему. Родина отметила тех, кто заслужил её награды героическим и самоотверженным трудом в неимоверно тяжёлых условиях военных и первых послевоенных лет. Тех, кто своим отношением к делу и энтузиазмом, готовностью к самопожертвованию, стремлением внести свой вклад в её процветание, верой в её будущее создавал особую атмосферу, которой дышала вся страна, наращивая экономическое могущество — основу своего авторитета на международной арене. Атмосферу, которую трудно передать словами, но которую сумел воссоздать наш великий композитор Георгий Свиридов в бессмертной сюите «Время, вперёд!».

И люди по праву гордились своими наградами.

Логинов, как крупный руководитель, хорошо знал цену этим людям. Показательно его выступление на митинге в июне 1950 года, посвящённом пуску последнего агрегата возрождённого Днепрогэса. В нём не было непременно для такого знаменательного события победных реляций, высоких фраз и торжественных обещаний — оно шло от сердца и было посвящено в первую очередь простым рабочим-строителям, благодаря которым и была одержана историческая победа.

«На протяжении шести лет, в летний зной и зимнюю стужу, днём и ночью шло на Днепре величайшее трудовое сражение, чтобы приблизить этот день, чтобы вернуть стране творение и гордость нашего народа — Днепровскую гидроэлектростанцию имени Ленина.

Мы не просто восстанавливали гидроэлектростанцию. Мы стремились сделать её ещё более мощной, ещё более красивой. И вот сегодня, когда принял промышленную нагрузку последний агрегат, мощность Днепрогэса стала почти на 100 тысяч киловатт больше довоенной...

Многие из вас, очевидно, хорошо помнят ту страшную картину разрушений, которая предстала перед нами в памятную весну 1944 года.

Даже старые строители в первый момент растерялись при виде мёртвых груд железа и камней, через которые тут и там переливалась мутная вода. А что переживали тогда наши девушки, только что пришедшие из колхозов! Я хорошо помню их растерянные лица. Испуганными глазами смотрели они на огромные глыбы бетона и куски металла, нависшие над стремительными потоками весеннего половодья. Помню, как первые дни они боялись проходить на плотину. И вот эти самые девушки три месяца спустя уже укладывали в плотину свежий бетон. А ведь прежде чем уложить новый, надо было разобрать старый, разрушенный бетон.

И если, посылая девушек на верхние отметки плотин, первое время мы говорили им: “Смелее, девушки, ничего опасного там нет”, то вскоре нам пришлось уговаривать их: “Ради бога, осторожнее!”...

Особой славой покрыли себя комсомольско-молодёжные бригады бетонщиц на закрытии донных отверстий в плотине, на этой исключительно сложной и трудной работе, требовавшей от людей, участвовавших в ней, большой смелости и мужества.

Примеров самопожертвования и трудового героизма, проявленных на стройке людьми всех профессий, можно привести массу.

...Наша сегодняшняя победа является победой всего советского народа, ибо весь советский народ участвовал в возрождении гидростанции»¹.

Уже работая начальником Управления строительства Сталинградской ГЭС, Логинов сделал в своём рабочем дневнике короткую запись: «Узнал, что комиссия по приёмке Днепрогэса восторгалась проделанной работой»².

Видно, членам комиссии было чем восторгаться...

(Из сообщений СМИ в апреле 2016 года: с фронтона Днепровской гидроэлектростанции сбили надпись

¹ См.: РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 54—58.

² Там же. Ед. хр. 5. Л. 108.

«имени В. И. Ленина» и изображение ордена Трудового Красного Знамени...)

Завершающий этап восстановления Днепрогэса совпал с началом реализации в СССР важных строительных проектов, получивших название «великие стройки коммунизма» или, как их ещё называли, «великие стройки сталинской эпохи». Планами четвёртой пятилетки и рядом специальных правительственных постановлений предусматривалось строительство мощных гидроэлектростанций — Куйбышевской, Сталинградской, Каховской, Цимлянкой, сооружение Волго-Донского судоходного канала, Главного Туркменского канала, Южно-Украинского и Северо-Крымского каналов, а также нескольких крупных оросительных систем в прилегающих к ним районах.

Верили ли советские люди в светлое будущее своей страны под названием «коммунизм»? Однозначно ответить на это трудно — социологических замеров на этот счёт не проводилось. Но, думается, наибольшая, социально активная часть населения страны, народа, одержавшего победу над самым опасным врагом в истории человечества, успешно завершавшего восстановление народного хозяйства, о чём свидетельствовало и второе рождение Днепрогэса, верила в конечное торжество коммунистических идеалов. По крайней мере, до тех пор, пока веру эту не подорвали волюнтаристские шаги руководства страны, предпринятые в 1950-е — начале 1960-х годов в области политики и экономики. Своеобразным «венцом» этих шагов стали решения XXII съезда КПСС и принятая на нём новая, третья программа партии, провозгласившая о скором завершении построения коммунистического общества. Причём сроки были определены весьма конкретные: к 1970 году было намечено превзойти по производству продукции на душу населения США, а к 1980 году — создать материально-техническую базу коммунизма, обеспечивающую изобилие материальных и культурных благ для всего населения. Именно таким образом к этому времени планировалось в основном построить коммунистическое общество.

Можно, конечно, сказать, что и сам Н. С. Хрущёв, и люди из его ближайшего окружения были не слишком образованными марксистами. Но в данном случае речь идёт не о научной теории, а об обычном здравомыслии...

Строительство новых крупных гидроузлов и электростанций на Волге, Дону и Днепре предполагалось самым тесным образом увязать с проблемами орошения и обводнения земель, решение которых позволило бы значительно расширить полезные площади и повысить плодородие сельскохозяйственных угодий. Однако «сталинский план по преобразованию природы» не был безукоризненным. Если задачи по наращиванию энергетической мощи страны были в основном успешно решены, то многие проекты строительства новых оросительных каналов и систем оказались невыполнимыми. Так, в 1953 году были приостановлены строительные работы на Главном Туркменском канале. Реализация нового, более удачного проекта — строительства Каракумского канала — потребовала много лет, но всё же в конце концов была завершена. Это позволило многократно увеличить орошаемые площади южных и юго-западных районов Туркмении, но вместе с тем породило и массу больших экологических проблем. Основная (но далеко не единственная) из них заключается в том, что канал отбирает у Амударьи около 45 процентов её вод, а вследствие этого гибнет Аральское море, бывшее когда-то по величине четвёртым озером в мире.

Неизвестно, какими проблемами могло бы обернуться сооружение канала Волга—Урал, предусмотренного постановлением Совета министров СССР «О строительстве Сталинградской гидроэлектростанции на р. Волге, об орошении и обводнении районов Прикаспия», если бы его прокладку не остановили в самом начале.

Предпринятые попытки параллельно со строительством ГЭС решить целый ряд и других народно-хозяйственных проблем, большинство из которых было тогда нацелено на подъём сельского хозяйства, не всегда заканчивались успехом. Однако не будем забывать о главной задаче, выдвинутой правительством в упомянутом постановлении по Сталинградской ГЭС:

«Построить на реке Волге в районе г. Сталинграда гидроэлектростанцию мощностью не менее одного миллиона семисот тысяч киловатт с выработкой электроэнергии около десяти миллиардов киловатт-часов в средний по водности год.

Строительство гидроэлектростанции начать в 1951 году и ввести в действие на полную мощность в 1956 году».

Согласно постановлению Сталинградская ГЭС должна была обеспечить «дополнительное снабжение электроэнергией Центра, Поволжья и Центрально-Чернозёмных областей».

Решением правительства предусматривалось:

«Для осуществления строительства Сталинградской гидроэлектростанции создать строительную организацию — “Сталинградгидрострой”.

Назначить начальником “Сталинградгидростроя” т. Логинова Ф. Г. и главным инженером строительства т. Медведева С. Р.

...Возложить на Гидропроект (т. Жук С. Я.) выполнение всех проектно-изыскательских и исследовательских работ...»¹

...Логинов ещё в 1925 году, будучи начинающим профсоюзным активистом, на вопрос: «В какой области профдвижения вы желали бы работать?» — ответил так: «На какую буду выдвинут партией и волею рабочих». Именно так, как и большинство других членов ВКП(б), понимал он свой долг перед страной и народом.

Думается, что, назначив Логинова начальником строительства крупнейшей в мире гидроэлектростанции, руководство страны не ошиблось. Хотя порой его действия и вызвали недовольство партийных и хозяйственных органов.

¹ Постановление Совета министров СССР «О строительстве Сталинградской гидроэлектростанции на р. Волге, об орошении и обводнении районов Прикаспия» / Правда. 1950. 31 августа.

Часть вторая
СТАЛИНГРАДСКАЯ
ГЭС

ПЕРВОСТРОИТЕЛИ

Сразу и не верится, что эти не лишённые поэзии строки принадлежат не впечатлительному журналисту, а суровому руководителю, прошедшему огонь и воду на крупнейших гидроэнергетических стройках страны:

«На берегах Волги, чуть к северу от Сталинграда, шумят моторы буровых вышек. Они не затихают и ночью. Лишь спустится на землю вечерняя мгла — и загораются электрические огни, то тут, то там полыхает на ветру пламя походных костров. На восток от Волги, в глубине заволжских степей, тоже горят в ночи огни. Геологи, топографы, буровые мастера исследуют там трассу гигантского 650-километрового канала, который свяжет Волгу с Урал-рекой. Разведчики великой стройки широким фронтом ведут исследовательские работы. Они как бы прокладывают дорогу армии строителей, которая развернёт свои силы на волжских берегах в 1951 году. На нужды этой армии уже работают десятки заводов. Из разных городов в Сталинград прибывают эшелоны. На вагонах — короткая выразительная надпись: “Сталинградгидрострою”. Страна вооружает строителей Сталинградской гидроэлектрической станции могучей техникой, оборудованием. Героический Сталинград становится центром одной из великих строек сталинской эпохи»¹.

Таким предстал перед Логиновым район строительства крупнейшей в мире Сталинградской ГЭС, куда он прибыл в начале сентября 1950 года. И именно такими

¹ Волжский историко-краеведческий музей. Ед. хр. 3654 оф.

словами начинался один из первых докладов начальника Сталинградгидростроя, с которым он, как следует из рабочего дневника Логинова, выступил на собрании комсомольского актива Сталинградской области буквально через несколько дней после прибытия в Сталинград, 16 сентября.

Это и последующие выступления Логинова перед различными аудиториями Сталинграда подкупают своей простотой и доходчивостью. Благодаря им даже люди, далёкие от гидротехники и несведущие в проблемах гидроэнергетики, могли составить полное представление о грандиозной стройке, разворачивавшейся на Волге, о её огромном значении для экономики региона и страны.

Коротко и ясно обосновывал Логинов необходимость строительства ГЭС, те народно-хозяйственные задачи, которые она будет решать:

«Энергетическое хозяйство нашей страны должно быть таким, чтобы оно способствовало и соответствовало развитию других отраслей народного хозяйства, а не тормозило их, как это, к сожалению, на сегодняшний день имеет место в целом ряде промышленных районов нашей страны.

Да что греха таить, возьмите Сталинград — город с крупной промышленностью, где, несмотря на наличие хорошего энергетического источника, избытка электрической энергии на сегодняшний день всё ещё нет. И при решении какой-нибудь относительно небольшой новой промышленной задачи вопрос получения электрической энергии превращается в наиболее трудный»¹.

Напомним читателю, что в годы Великой Отечественной войны значительная часть энергетического потенциала страны была разрушена — установленная мощность электростанций сократилась более чем на 40 процентов. Однако уже в 1946 году суммарная мощность генерации СССР не только достигла довоенного уровня, но и превысила его. А в 1947 году СССР по производству электроэнергии вышел на второе место в мире после США. Однако переход страны, завершавшей

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 2.

послевоенное возрождение народного хозяйства, к прерванной войной политике дальнейшей ускоренной индустриализации требовал значительного наращивания энергетических мощностей — нехватка электроэнергии становилась тормозом в развитии экономики.

Остро стояла эта проблема и в Сталинграде, с чем столкнулся Логинов в первые дни своей работы в качестве начальника строительства. 7 сентября 1950 года он делает запись в дневнике:

«Имел свидание с товарищем Землянским¹, выяснил, что до момента ввода Цимлянской ГЭС и получения от неё в Сталинград мощности в Сталинграде будет дефицит электроэнергии. На п/б (правый берег. — А. Ж.) тысячу квт могут дать безболезненно от подстанции тракторного завода, а на л/б (левый берег. — А. Ж.) надо делать воздушный переход через Днепр². У них намечена постройка ТЭЦ³, техпроект утверждён, место выбрано, после её постройки электроэнергия будет»⁴.

Вот такой парадокс: даже для развёртывания строительства крупнейшей в мире ГЭС, возводившейся не где-то на окраине страны, а в промышленно развитом районе, не хватало электроэнергии.

Очевидна беспочвенность всех разговоров о том, что строительство Сталинградской ГЭС (как и возведение выше по течению Волги Куйбышевской ГЭС, на Дону — Цимлянской, на Днепре — Каховской, на Ангаре — Ир-

¹ А. Н. Землянский — управляющий Сталинградским энергокомбинатом (Сталэнерго), в годы войны руководил легендарным коллективом СталГРЭС, которая продолжала работать в дни ожесточённых боёв за Сталинград вплоть до начала ноября 1942 года, пока не была полностью выведена из строя вражеской авиацией. Только 4—5 ноября на СталГРЭС во время массированных бомбардировок погибли 24 человека, 11 были ранены. Многие работники электростанции впоследствии удостоены не только высоких трудовых, но и боевых наград — орденов Красной Звезды.

² Здесь Логинов допустил опisku: имеется в виду, конечно, Волга, но видно, что не «отошёл» ещё Фёдор Георгиевич от напряжённой, более чем шестилетней работы на Днепре.

³ Новая ТЭЦ — Сталинградская ТЭЦ-2 будет сдана в эксплуатацию только в 1956 году.

⁴ Рабочие дневники Ф. Г. Логинова // РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 197.

кутской гидроэлектростанций) отражало характерную для сталинской эпохи гигантоманию. Профессиональные историки советской гидроэнергетики отмечают прежде всего высокие экономические показатели крупных плотинных гидроузлов с водохранилищами комплексного значения, стремление проектировщиков и гидростроителей к простым, надёжным и технологичным решениям при их возведении.

К тому же ГЭС строятся не ради рекордов, а их мощность определяется, с одной стороны, потребностями региона в электроэнергии, с другой — возможностями, которые предоставила природа.

Ориентация на крупные ГЭС, как считает известный исследователь истории отрасли И. Слива, обуславливалась несколькими причинами. «В условиях плановой экономики государство стремилось комплексно решать проблемы целых отраслей и регионов за счёт концентрации усилий на больших проектах. Гидроэлектростанции изначально проектировались как основа мощных территориально-производственных комплексов, которым требовались очень значительные объёмы электроэнергии. Стремление к максимальной экономии в весьма небогатой стране стимулировало возведение объектов с наилучшими экономическими показателями — а чем крупнее ГЭС, тем она экономически эффективнее. При этом государство имело возможности концентрировать финансовые и трудовые ресурсы на строительстве сверхмощных объектов, быстро решать вопросы с выделением земель под зону затопления и переселением большого количества людей.

Существовавшая политическая система позволяла эффективно планировать развитие регионов на длительную перспективу, что давало возможность ставить и решать такие грандиозные задачи, как комплексное переустройство целых речных систем. При этом учитывались интересы целых отраслей экономики — энергетики, транспорта, промышленности, сельского хозяйства»¹.

¹ Слива И. В. История гидроэнергетики России. Тверь: Тверская типография, 2014. С. 295—296.

Современная Россия давно уже утратила лидерство в развитии гидроэнергетики. Сегодня даже самая мощная в нашей стране Саяно-Шушенская ГЭС им. П. С. Непорожного — лишь 14-я в мире. А лидерами по выработке гидроэнергии в абсолютных значениях являются Китай, Канада, Бразилия, США (Россия давно переместилась на 5-е место), на душу населения — Норвегия, Исландия и Канада. При этом технический гидроэнергетический потенциал (то есть потенциал, освоение которого в принципе осуществимо) в России освоен лишь на 11 процентов¹. Но это — к слову...

Вернёмся к Сталинградской ГЭС и для лучшего понимания её предназначения обратимся к лекции Логина, с которой он выступил в октябре 1950 года перед участниками промышленной и сельскохозяйственной выставки Сталинградской области. Рассказывая о строительстве Сталинградского гидроузла и тех перспективах, которые открывает его сооружение, Фёдор Георгиевич выделил в качестве одной из главных задач освоение пустынных и полупустынных земель в районе Сталинграда, на юге Украины и особенно в Средней Азии. «Если организовано не оказывать сопротивление враждебным силам природы, то пески, которые несутся ветрами, могут хорошо обработанные плодородные почвы со временем превратить в пустыни и полупустыни...

Разумное сопротивление вредным влияниям сил природы, которые отвоёвывают у нас или пытаются отвоевать земельные пространства, позволит нам не только сохранить земли, которые мы обрабатываем, но и расширить их. И вот сейчас, строя каналы, строя гидроэлектрические станции, мы отвоёвываем у пустынь и полупустынь пространства для того, чтобы заставить их служить человечеству...

¹ См., например: *Богущ Б. Б., Хазиахметов Р. М., Бушуев В. В. и др.* Основные положения Программы развития гидроэнергетики России до 2030 года и на перспективу до 2050 года // Энергетическая политика. М., 2016. Вып. 1 (Гидроэнергетика XXI века: Россия и мировая интеграция). С. 3—4.

Мы орошаем огромнейшие массивы земли. Для каких целей? Для того чтобы на обводнённых землях можно было бы вырастить в короткий срок, а земля там плодородная, дубравы промышленного значения. Для того чтобы на этих землях могли расти травы и чтобы можно было этими травами вскармливать огромнейшие стада, стада, имеющие промышленное значение. И, наконец, мы улучшим условия судоходства в низовьях рек, в частности в низовьях Волги, ниже Сталинграда»¹.

Практически во всех своих выступлениях Логинов задаётся вопросом: «Что из себя будет представлять Сталинградский гидроэнергетический узел и где он будет находиться?» И, отвечая на него, старается избежать сложной профессиональной терминологии, недоступной для человека без специальной подготовки. Простота языка — свидетельство воспитанности, уважения к слушателям и аудитории. Думается, что такое описание стройки, её видение глазами начальника строительства будет интересно читателю:

«Выше города Сталинграда, примерно в четырёх-пяти километрах от Тракторного завода находится ось будущих сооружений.

С правого берега, непосредственно примыкая к берегу и удаляясь вглубь, в реку, на 1300—1400 метров, будет сооружена земляная намывная плотина. Наибольшая высота этой плотины — 45 метров, а наибольшая ширина её — 460 метров в основании. Верх этой дамбы будет иметь ширину свыше 25 метров, из расчёта, что по верху плотины с одной стороны пройдёт двухпутная железная дорога, а с другой — автострада, широкая, магистральная и хорошо благоустроенная.

Своим речным концом земляная дамба будет примыкать к железобетонному разделительному массиву. Этот массив будет в нижнем бьефе заканчиваться значительных размеров площадкой, на которой будут размещены

¹ Стенограмма лекции товарища Логинова Ф. Г. на тему «Сталинградская гидроэлектростанция — величайшее сооружение сталинской эпохи» 6 октября 1950 года // РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 4—7.

приборы и оборудование главной распределительной подстанции. Подстанция эта будет весьма значительных размеров, потому что с нашей гидроэлектростанции будет отправляться ежегодно свыше 10 миллиардов киловатт/часов электрической энергии при установленной мощности станции около 1700 тысяч киловатт.

Далее к этому разделительному железобетонному бычку будет примыкать водосливная плотина, которая будет прикрываться 29 железными щитами. Длина каждого из них — 24 метра, а вес каждого из этих щитов будет превышать 100 тонн.

Длина этого участка водосливной плотины будет около 700 метров. Затем она снова будет заканчиваться небольшой площадкой — пирсом, который будет отделять гидроэлектрическую станцию от водосливной части плотины.

Само здание гидроэлектрической станции будет иметь длину около 700 метров. Гидроэлектрическая станция будет новой конструкции, нового типа, она будет водосбросной. Этот тип выгоден для нас тем, что он позволяет ограничиться несколько меньшими размерами самой водосливной части плотины, так как в донные отверстия водосбросной плотины будет сбрасываться большое количество излишней воды в паводочный период.

Затем непосредственно к торцу здания станции будет примыкать состоящий из двух ниток однокамерный шлюз довольно внушительных размеров, такой, чтобы все суда и плоты могли бы пройти через него без задержки.

Далее к шлюзу примыкает намывной участок земляной плотины длиной порядка 2,3 километра. Размеры самого здания станции примерно такие — 64 метра высота, т. е. высота 15-этажного дома, около 65 метров ширина в основании и длина, как я уже сказал, порядка 700 метров. В этом здании гидроэлектрической станции будут установлены 17, а может быть, и 19 гидроагрегатов уникальной на сегодняшний день мощности. Таких агрегатов ни одна гидроэлектрическая станция ни в одной стране не имеет.

Как вы знаете, мощность станции определена постановлением Совета Министров СССР и близка к 1700 ты-

сяч киловатт. Таких станций в мире на сегодняшний день ещё нет. В Европе самой мощной электрической станцией и самым крупным сооружением считается Днепровская гидроэлектрическая станция, а в мире гидроэлектрических станций больше Днепровской имеется только две. Но гидроэлектрических станций таких, какие сейчас строятся в Куйбышеве и у нас в Сталинграде, ещё нет»¹.

Контуры будущего гидроузла очерчены. Но они ещё не дают полного представления о том, что предстоит сделать:

«Для выполнения намеченных объёмов работ необходимы огромные массы различного рода строительных материалов. В частности, потребуется свыше полутора миллиона кубических метров леса, около двух с половиной миллионов кубических метров камня, около восьми миллионов кубических метров щебня и гравия, более четырёх с половиной миллионов кубометров песка, а также надо будет завезти материалов и оборудования других наименований пять с половиной миллионов тонн.

Таким образом, мы должны уложить 44 миллиона тонн различного рода материалов, которые надо будет доставить на наш гидроузел железнодорожным и водным транспортом...

Предстоит уложить 6 миллионов 800 тысяч кубометров бетона»².

Стройка будет начинаться с сооружения огромного котлована, который станет главной строительной площадкой ГЭС. «Основной котлован, где будут размещены водосливная плотина и само здание станции, потребует огромного количества земляных работ и организованного, с гарантией, водоотлива. Примерные размеры этого котлована такие: длина его, перпендикулярно оси реки, — около двух километров и параллельно оси реки — около 1000—1200 метров. И глубина этого котлована ниже уреза воды на 20 метров»³.

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 7—10.

² Волжский историко-краеведческий музей. Ед. хр. 3654 оф.

³ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 23—24.

Такое сооружение у кого-то может вызвать и мрачные ассоциации, связанные с повестью Андрея Платонова «Котлован», которая в годы перестройки активно использовалась разрушителями СССР в качестве инструмента формирования у людей неприятия политики большевиков и советской власти. У платоновских строителей, как известно, дальше котлована возведение «общепролетарского» дома не пошло.

Вполне вероятно, что А. Платонова, имевшего специальность электротехника (кстати, первая его книга называлась «Электрификация»), к идее сделать котлован символом своей антиутопии подтолкнуло начавшееся строительство Днепрогэса. Гадать не будем. Скажем только, что для гидростроителей котлован — это не мрачная выемка в теле земли, а, скорее, колыбель электростанции. Именно такое, поэтическое сравнение автору приходилось слышать из уст первостроителей Сталинградской ГЭС. Более того, песня композитора Павла Овсянникова на стихи поэта Михаила Танича «Идёт автобус в котлован» считается «неофициальным гимном» первостроителей, да и, пожалуй, нынешних жителей города Вожского:

Идёт автобус весь в пыли,
А ты такая молодая,
А Волга плещется вдали,
О вечном будущем не зная.
Идёт автобус в котлован,
А мы с тобой в дороге дальней,
И опускается туман
Над нашей юностью недавней.

Как видим, здесь и в помине нет никаких мрачных ноток. В каждой строчке — лишь светлая грусть о невозвратных днях, связанных с рождением великой ГЭС и Вожского. Нетрудно понять, почему в 2018 году волжане восприняли преждевременный уход из жизни любимого исполнителя этой песни Игоря Шопина как своё личное несчастье...

Кстати, наряду с профессиональными поэтами авторами огромного количества стихотворных строк, посвящённых строительству Сталинградской ГЭС, стали

те, кто возводил гидроэлектростанцию своими руками. Листая подшивки многотиражки Сталинградгидростроя «Стройка коммунизма», едва ли не в каждом номере встречаешь стихотворение рабочего или инженера. Конечно, этим людям не всегда хватало стихотворческого мастерства, но все они обладали даром видеть и чувствовать поэзию в нелёгких, порой суровых буднях стройки, поэзию созидательного труда, которая напрочь ушла из нашей нынешней жизни.

Котлован в творчестве первостроителей, как, например, в стихотворении М. Агишиной, — символ прекрасного будущего:

Вот он — наш котлован!
Это — руки в пыли,
Это — грохот машин
и дыханье земли.
И пускай говорят:
— Не бывает чудес!
Но мы видим
сегодня отсюда:
Поднимается ГЭС,
Сталинградская ГЭС, —
Трудовое, рабочее чудо.

У В. Кулагина лирикой наполнено даже такое прозаическое понятие, как «перемычка» (такое же название носит и его стихотворение), поскольку большая стройка начиналась с возведения защитных перемычек главных котлованов:

И в воду, где гляделись тучи,
В речной наносный вязкий грунт,
Сопя, кряхтя, копёр плавучий
Вбивал стальной упругий шпунт.
Вдоль металлической ограды,
От берегов наискосок,
Без передышки земснаряды
Грядую грудили песок.
Она врезалась в реку клином,
С крутою спорила волной
И на раздолье лебедином
Всплыла широкою стеной.

...Для людей посвящённых постановление Совмина СССР по строительству Сталинградской ГЭС и обводнению районов Прикаспия, опубликованное в печати 31 августа 1950 года (принят этот документ был 16 августа), не явилось неожиданностью. Значительно раньше, 30 июня 1949 года, Совет министров принял постановление «О проектно-изыскательских работах по Сталинградской гидроэлектростанции на р. Волге». Вышло оно под грифом «секретно», а потому в печати не публиковалось. И уже через несколько дней, 8 июля, был издан соответствующий приказ МВД СССР под таким же названием.

У многих читателей может возникнуть вопрос: при чём тут МВД?

Дело в том, что с начала 1930-х годов строительство электростанций и других гидротехнических сооружений стало одним из важнейших направлений деятельности ОГПУ—НКВД—МВД. Первым энергетическим объектом ОГПУ стала самая северная гидроэлектростанция СССР — Туломская ГЭС, входившая в состав Беломорско-Балтийского комбината. Как мы уже упоминали, в сентябре 1935 года в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О строительстве гидроузлов в районе Углича и Рыбинска» был создан Волгострой — специальное строительно-монтажное управление НКВД, а затем образован и Волголаг — Волжский исправительно-трудовой лагерь. Отметим, что в 1937 году НКВД приступил к осуществлению ещё одного масштабного проекта — строительству Куйбышевского гидроузла на Волге, мощность электростанции которого должна была превышать суммарную мощность всех электрических станций, построенных по плану ГОЭЛРО, более чем вдвое. Однако в конце 1940 года строительные работы по сооружению гидроузла были приостановлены. Причинами консервации стройки явились недостаток рабочей силы (значительная часть заключённых была срочно переброшена на строительство Волго-Балтийской и Северо-Двинской водных систем), трудности в реализации проекта, связанные с ошибками, допущенными при его разработке, а также переориентация общей политики

в области энергетики: исходя из военно-стратегических интересов была провозглашена задача сооружения средних и мелких по мощности тепловых и гидравлических электростанций¹.

В связи с увеличением количества гидротехнических объектов и ГЭС, строительство которых находилось в ведении Народного комиссариата внутренних дел, в сентябре 1940 года был организован специальный главк — Главное управление гидротехнического строительства НКВД СССР. В предвоенный период удельный вес энергетического строительства составлял около четверти объёма всех работ, производимых заключёнными ГУЛАГа.

В ведении МВД СССР находились практически все важнейшие гидротехнические стройки Поволжья, работы на которых развернулись в конце 1940-х годов. В феврале 1948 года было принято постановление правительства «О строительстве Волго-Донского водного пути и комплексном использовании водных ресурсов Нижнего Дона», а в марте было создано Управление строительства Волго-Донского соединительного канала (Волгодонстрой), находившееся в подчинении Главгидростроя МВД СССР. Позднее для строительства гидроэлектростанций в Куйбышевской и Сталинградской областях были также сформированы строительные управления и лагеря.

17 августа 1950 года министром внутренних дел С. Н. Кругловым был издан приказ о создании Сталинградгидростроя и назначении начальником Управления строительства Ф. Г. Логинова, а немного позже, 9 сентября, — приказ об организации в районе строительства гидроузла Ахтубинского исправительно-трудового лагеря. Кроме того, для бесперебойного обеспечения стройки лесом в сентябре 1951 года в Молотовской (ныне — Пермской) области был организован ИТЛ «Усольгидролес», подчинявшийся Управлению Сталинградгидростроя.

¹ См.: Заключённые на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР: Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2008. С. 15.

Для более полного понимания характера задач, возложенных на Логинова, отметим, что начальник Сталинградгидростроя одновременно являлся и начальником Ахтубинского ИТЛ. При этом воинского звания Фёдор Георгиевич не имел (в отличие, скажем, от его коллеги, начальника Куйбышевгидростроя генерал-майора И. В. Комзина). В мае 1952 года постановлением Совета министров СССР Логинову было присвоено звание «главный директор электростанций II ранга», а главному инженеру Сталинградгидростроя С. Р. Медведеву — звание «главный директор электростанций III ранга»¹. Но это не было связано с тем положением, которые занимали Логинов и Медведев в системе МВД, поскольку подобная «табель о рангах» была установлена для руководящего состава большинства *гражданских* министерств и ведомств и на Министерство внутренних дел в принципе не распространялась.

До весны 1953 года, пока Сталинградгидрострой входил в структуру МВД, весь состав строителей делился на две основные категории — спецконтингент (заключённые) и вольнонаёмные. В начальный период строительства руководство МВД рассматривало Ахтубинский лагерь как главный источник рабочей силы, которая должна была обеспечить выполнение основного объёма работ. Для завершения в кратчайшие сроки подготовительного периода строительства ГЭС заключённые должны были произвести разработку карьеров и обеспечить стройку местными строительными материалами, построить соединительный канал между Волгой и Ахтубой (поскольку исток Ахтубы закрывался перемычкой основного котлована, Волго-Ахтубинский канал становился фактическим истоком реки), автобазы, дороги, склады, ремонтно-механический, авторемонтный, деревообрабатывающий заводы, общежития, жилые дома и целый ряд других объектов производственного и социального назначения.

¹ Персональные звания для высшего руководящего состава Министерства электростанций были установлены указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1951 года.

В соответствии со стоящими задачами и объёмами предстоящих работ (напомним, что завершение строительства ГЭС изначально было намечено на 1956 год) руководством Сталинградгидростроя была рассчитана и согласована с Министерством внутренних дел потребность в кадрах, которая должна была удовлетворяться в основном за счёт спецконтингента. Так, планировалось, что в 1951 году численность Ахтубинского лагеря составит 11 360 человек, в 1953-м — 63 200 и в 1955-м — 99 200 человек¹. Однако планы эти постоянно корректировались — в сторону уменьшения. Фактически контингент заключённых к январю 1951 года составлял лишь около 5 тысяч человек, а в начале 1953 года — 26 тысяч². Видятся две основные причины снижения планов поступления спецконтингента на строительство ГЭС. Во-первых, МВД явно переоценил имевшиеся у него возможности, а во-вторых, в начале 1950-х годов происходила смена приоритетов в экономическом развитии страны: первостепенное внимание государство стало уделять строительству объектов нефтяной промышленности. Поэтому в июле 1952 года постановлением Совета министров СССР Министерству внутренних дел было предоставлено право отложить до августа 1953 года выделение заключённых на другие, в том числе и гидротехнические, стройки, чем оно и не преминуло воспользоваться.

В результате недокомплект Сталинградгидростроя кадрами в 1953 году принял критический характер, что сказалось на темпах строительства Сталинградской ГЭС. Ситуация, сложившаяся тогда на строительстве, была самым прямым образом связана с процессами, происходившими в верхних эшелонах власти после смерти Сталина, изменениями в руководящих государственных и партийных структурах, переменами в политической, экономической и общественной жизни страны. Тогда, как известно, многие решения по важнейшим кадровым

¹ Предполагалось, что вместе с вольнонаёмными численность Сталинградгидростроя в 1955 году достигнет 125 тысяч человек.

² См.: Глухова Е. М. Вольнонаёмные и заключённые на строительстве Сталинградской ГЭС (1950—1953 гг.). Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2008. С. 155.

и организационным вопросам, имевшим жизненно важное для страны значение, принимались скоропалительно, не имели под собой веских объективных обоснований, часто отражали лишь узкие групповые или личные интересы людей, облечённых властью.

Уже на следующий день после смерти Сталина, 6 марта 1953 года, Президиум ЦК КПСС рассмотрел предложение Л. П. Берии об объединении Министерства внутренних дел и Министерства государственной безопасности в единое ведомство — Министерство внутренних дел и принял по нему положительное решение. 15 марта это решение (с принятием Верховным Советом СССР постановления о преобразовании и укрупнении целого ряда ведущих министерств СССР) обрело силу закона. Министром внутренних дел был назначен Берия, в чьих руках сосредоточивалась огромная власть (он являлся также членом Бюро Президиума ЦК КПСС и первым заместителем председателя Совета министров СССР).

Вполне очевидно, что прежняя производственно-хозяйственная деятельность МВД стала помехой для концентрации силовых функций в новом, едином министерстве, и в соответствии с постановлением Совета министров от 18 марта 1953 года строительные и промышленные подразделения Министерства внутренних дел были переданы в другие министерства и ведомства, в том числе Проектно-изыскательское управление гидротехнических работ Гидропроект, Куйбышевгидрострой и Сталинградгидрострой — в ведение Министерства электростанций и электропромышленности СССР.

А буквально через несколько дней, 27 марта, вышел указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии, который оставил в памяти народа не слишком добрые воспоминания. В течение весны и лета 1953 года было освобождено свыше миллиона 200 тысяч осуждённых, а дела более чем 400 тысяч граждан, ожидавших наказания, были прекращены. Крупнейшая за всю историю СССР амнистия повлекла за собой резкое осложнение криминогенной обстановки в стране: в 1953 году общее количество совершённых преступлений по сравнению с предшествующим годом увеличилось в два раза.

Решение о передаче исправительно-трудовых учреждений в Министерство юстиции (довольно скоро они вновь были возвращены в систему МВД) не исключало сохранение Ахтубинского ИТЛ в структуре Сталинградгидростроя, однако ещё до этого МВД СССР настойчиво поднимало в правительстве вопрос о полном переводе строительства Сталинградской ГЭС на вольнонаёмную рабочую силу. В мае 1953 года в этот вопрос была внесена окончательная ясность: Совмин принял решение о вывозе всего контингента Ахтубинского ИТЛ на другие стройки, причём на исполнение этого распоряжения давалось менее месяца. Почти весь спецконтингент Сталинградгидростроя был передан Кунеевскому ИТЛ при Куйбышевгидрострое, и 30 мая 1953 года Ахтубинский лагерь был официально ликвидирован.

В результате весной 1953 года Управление Сталинградгидростроя столкнулось с острой нехваткой рабочих рук. Это, естественно, сказалось на выполнении установленных правительством сроков строительства ГЭС, но, к счастью, не привело к более серьёзным последствиям — над стройкой тогда нависла реальная угроза приостановки или даже заморозки работ. И в этом видится одна из главных заслуг Ф. Г. Логинова, который с первых дней строительства не уповал лишь на те возможности, которые предоставит ему МВД, и не рассматривал Ахтубинский лагерь в качестве основного поставщика рабочей силы, как ему предписывалось сверху. Хотя, казалось бы, иного выбора у него и не было, так как он изначально имел установленное задание по соотношению спецконтингента и вольнонаёмных как 7 : 3¹.

Конечно же, Логинов, являвшийся, по сути, руководителем крупного подразделения в структуре МВД, вынужден был подчиняться распоряжениям этого весьма серьёзного и влиятельного ведомства и не допускал своеволия. Но тем не менее настрой у него был однозначный: главную роль в строительстве ГЭС должны играть вольнонаёмные. И не навязчиво, но настойчиво проводил эту линию среди своих подчинённых, на что

¹ См.: Глухова Е. М. Указ. соч. С. 17.

обращает внимание А. А. Марфенко в своей книге «Левобережцы», посвящённой первостроителям Сталинградской ГЭС. Книга эта включает две документальные повести — «Утро великой стройки» и «Многотиражка». В них, конечно, присутствуют элементы художественного вымысла, но в целом они построены на документальных материалах и реальных событиях, поскольку Марфенко прекрасно знал всю историю строительства электростанции: в сентябре 1951 года он возглавил первый десант строителей, высадившихся на левобережной стройплощадке будущей ГЭС, а затем, после перенесённой болезни, работал в многотиражной газете Сталинградгидростроя «Стройка коммунизма». Написанное со знанием дела всегда внушает доверие.

«В принципе Логинов, — пишет Марфенко в повести «Утро великой стройки», — не одобрял присутствия заключённых на стройке. Он бы предпочитал вольнонаёмный коллектив. Всё же в душе Логинов, вспоминая отцовскую артель, выполнявшую работы по подряду, был артельщиком. В самом хорошем и исконно русском смысле этого слова».

И далее автор (он, кстати, прибыл на строительство ГЭС как офицер МВД и даже на первых порах был начальником одного из первых лагерных отделений) касается взаимоотношений начальника строительства и его заместителя по Ахтубинскому ИТЛ И. Г. Воробьёва:

«На первых порах, несмотря на некоторые разногласия о роли лагеря на Сталинградгидрострое, они неизменно находили в вопросах службы оптимальные решения. Спустя некоторое время Логинов, доверяя Воробьёву и как должностному лицу, и как человеку, полностью или почти полностью исключил своё участие в делах подчинённого ему ИТЛ»¹.

Здесь надо сказать, что, во-первых, Логинов, как свидетельствуют его дневники и другие архивные материалы, от решения многочисленных проблем Ахтубинского лагеря никогда не устранился, а во-вторых, отношения

¹ Марфенко А. А. Левобережцы. Волгоград: ГУ «Издатель», 1999. С. 48—49.

между ним и Воробьёвым были вовсе не безоблачными, о чём, по ряду причин, Марфенко знать не мог, — мы эту тему в дальнейшем ещё затронем. Сейчас же отметим, что не слишком радужными были и взаимоотношения, сложившиеся у Фёдора Георгиевича с начальником политотдела Сталинградгидростроя Г. Я. Фарафаловым. Причина возникавших противоречий видится всё в том же — в разной оценке роли лагеря в строительстве. В повести «Многотиражка» А. А. Марфенко рассказывает о серьёзном конфликте, который возник между Логиновым и Фарафаловым при обсуждении характера будущей газеты гидростроевцев «Стройка коммунизма»:

«Логинов наклонил под ёжик подстриженную голову, как будто хотел боднуть привставшего из-за стола начальника политотдела:

— ...Я отлично понимаю, что лагеря ГУЛАГа, расположенные в отдалённых районах страны, в которых используется главным образом труд заключённых, не нуждаются, помимо политотдела, в гражданском руководящем органе. Наша стройка в основном будет возводиться вольнонаёмными работниками: и рабочими, и специалистами. Уже сейчас у нас созданы управления железнодорожного транспорта, автомобильного, гидро-механизации, механизированных работ и ряд других, в которых участие спецконтингента исключено. Он будет только дополнением многотысячного коллектива строителей»¹.

Об отношении Логинова к труду заключённых и его эффективности можно судить по одной из записей в его дневниках, сделанной в июне 1953 года:

«20 июня 1953 года были опубликованы данные выполнения народнохозяйственного плана. Фактические итоги оказались лучше, чем я предполагал в связи с происшедшими событиями: амнистия и прочее. Отсюда напрашивается вывод, что *удельный вес в народном хозяйстве предприятий и строек, использовавших труд заключённых, настолько мал, что снятие их с работы*

¹ Марфенко А. А. Левобережцы. Ч. 2. Волгоград: ГУ «Издатель», 2001. С. 40—41.

так и не сказало в общих итогах за полугодие (курсив мой. — А. Ж.)»¹.

Подчёркивая важность комплектования коллектива вольнонаёмных кадров, уже на одном из первых организационно-технических совещаний при начальнике Сталинградгидростроя Логинов напоминал своим подчинённым: «Мы его комплектуем в основном по письмам лиц, изъявляющих желание у нас работать. Других реальных источников комплектования производственного сектора у нас нет». Слова Логинова, конечно же, не означали, что руководство Сталинградгидростроя сидело сложа руки в ожидании писем и заявлений от желающих пополнить ряды строителей ГЭС. Людей нужно было привлекать на стройку, и огромную роль в этом сыграли такие методы работы, как общественные призывы и оргнаборы².

Не будем забывать, что страна, завершившая в основном послевоенное восстановление народного хозяйства и приступившая к строительству новых крупных промышленных объектов, предусмотренных пятым пятилетним планом, продолжала испытывать нехватку рабочих и специалистов во многих отраслях экономики. За годы войны численность рабочих и служащих в стране снизилась с 31,2 миллиона человек до 27,3 миллиона (без учёта колхозников, работников сельского хозяйства и кооперативного сектора), то есть более чем на 12 процентов. Значительно уменьшилось число высококвалифицированных специалистов, сократился их выпуск высшими и средними специальными учебными заведениями. Особенно остро ощущался дефицит инженеров-строителей и гидротехников. В 1950 году специалистов по гидротехническим сооружениям насчитывалось 7400 человек на всю страну.

Всё это прямым образом сказывалось и на организации работы Сталинградгидростроя, который, ком-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 259.

² Организационные наборы в СССР (оргнаборы) — форма привлечения рабочих и специалистов на индустриальные предприятия и строительство крупных народно-хозяйственных объектов, перераспределения трудовых ресурсов.

плектуя кадры вольнонаёмных строителей, опирался на патриотический настрой населения, в первую очередь молодёжи, проявившийся сразу же после опубликования постановления правительства по строительству Сталинградской ГЭС. Большое значение для людей имело то, что люди ехали строить крупнейшую электростанцию в Сталинград — город, ставший символом стойкости и непобедимости советского народа.

Исследователи отмечают характерную особенность формирования кадрового состава стройки в 1950—1951 годах: едва ли не с самого начала его опоры составили люди, приехавшие добровольно, по собственному желанию, практически со всех концов Советского Союза. Мимо этого явления, отражавшего своеобразие эпохи, конечно же, не могла пройти газета политотдела Сталинградгидростроя «Стройка коммунизма». Уже в первом её номере была помещена статья «Слова, идущие от сердца», в которой отражены главные истоки духовного подъёма людей, изъявивших желание принять участие в строительстве Сталинградской ГЭС:

«Особенно ярко и полно ощущается любовь и всенародная помощь советских людей строительству Сталинградской ГЭС. Это вполне законно и понятно. Величайший гидроузел сооружается у стен города, носящего имя великого Сталина...

Прошло более 8 месяцев со дня опубликования постановления Совета Министров СССР о строительстве Сталинградской ГЭС, но поток писем и заявлений в отдел кадров Сталинградгидростроя с просьбой принять в ряды строителей не только не прекращается, а увеличивается. Таких писем поступило свыше 11 тысяч, из которых значительная часть — коллективные. Их пишут люди самых различных профессий и специальностей, из самых различных уголков нашей страны. Фёдор Красношапка из Калининской области пишет:

“Строительство Сталинградской ГЭС имеет для меня принципиальное значение. В 1918 году мой отец участвовал в обороне Царицына. В 1942 году при защите Сталинграда погиб мой старший брат. Я сам также участник боёв за Сталинград.

Имею большое желание принять непосредственное участие в строительстве Сталинградской гидроэлектростанции и прошу предоставить мне эту возможность”.

Борис Ликутин из Свердловской области в своём письме заявляет: “В семье у нас трое комсомольцев. По комсомольски трудимся и здесь, но у нас одна мечта — это попасть на стройку Сталинградской ГЭС, которая как маяк стоит перед глазами и манит к себе. Мы даём комсомольское слово, что будем трудиться со всей молодой энергией и задором на благо любимой Родины”...»¹.

Большая часть добровольцев приезжала на стройку по комсомольским путёвкам. Настроение, с которым ехали юноши и девушки, отражают и другие их многочисленные письма, опубликованные во многих изданиях волгоградских и волжских авторов, в том числе в книге Д. П. Сысоева², работавшего на строительстве ГЭС комсоргом ЦК ВЛКСМ. Приведём в качестве примера лишь одно из них:

«Мы, три подружки-комсомолки, решили своими руками соорудить плотину, строить электростанцию. Быть участником строительства замечательного сооружения — это настоящее счастье.

Псков. Волкова, Иванова, Кийснаш, комсомолки завода “Выдвиженец”».

Эмоциональный подъём людей, неравнодушных к судьбе страны, передаёт и стихотворение участника обороны Сталинграда, поэта, лауреата Сталинской премии Александра Яшина:

Приветствия со всей Отчизны
И спешной почтой, и простой
Идут на стройку коммунизма —
На Сталинградский гидрострой.
Нам пишут дети и солдаты,
Колхозники и горняки,
Из Белоруссии девчата,
Из Ленинграда моряки.

¹ Трубочёв Н. Слова, идущие от сердца // Стройка коммунизма. 1951. 16 мая.

² См.: Сысоев Д. П. Город юности. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984.

Горды доверием народа,
Его поддержкою сильны,
Мы перекроем в Волге воду,
Усилим мощь родной страны.

Не будем искать в этих строчках фальшивые нотки — так было.

Автору посчастливилось познакомиться с людьми, которые начинали и завершали строительство знаменитой электростанции, своими руками возводили город Волжский, по праву считающийся жемчужиной Нижнего Поволжья.

Среди первостроителей Сталинградской ГЭС и Волжского — Марк Петрович Калининченко. Сын фронтовика, он вырос в Сталинграде, где 23 августа 1943 года пережил одно из крупнейших злодеяний германского фашизма — массированную бомбардировку города, во время которой погибло свыше 40 тысяч мирных жителей. Затем пришлось испытать голод и холод в эвакуации. Вернулся домой после разгрома фашистских войск в Сталинградской битве. Ютился вместе с семьёй в полуразрушенном здании (отец после тяжёлых ранений был демобилизован и участвовал в восстановлении Сталинграда). Окончил школу, поступил в Ленинградский инженерно-строительный институт, а получив диплом инженера-строителя, был направлен на стройку в Армавир, который после полуголодной студенческой жизни показался раем. Но разве можно жить в раю, когда в родном Сталинграде разворачивается такая стройка?!

В декабре 1951 года М. П. Калининченко отправил письмо Логинову, в котором обосновал своё желание участвовать в строительстве ГЭС, а вскоре получил вызов вместе с указанием МВД (министерство имело такие полномочия) — перевести молодого специалиста в Сталинградгидрострой. На всю жизнь он запомнил день 8 марта 1952 года, когда предстал перед Логиновым в его кабинете. Большое впечатление произвело на Марка то, без преувеличения, отеческое внимание, которое проявил к нему Фёдор Георгиевич при выборе места работы. А решили тогда, что будет трудиться молодой инженер в

проектно-конструкторской конторе Управления строительства, на основе которой позднее был создан институт «Энергожилиндустрпроект».

М. П. Калиниченко был среди тех, кто 5 сентября 1954 года удостоился чести уложить первый кубометр бетона в основание ГЭС, а позднее был награждён орденом «Знак Почёта». Такие люди в советское время не бегали в безуспешных поисках так называемого «социального лифта». Поднималась из котлована Сталинградская ГЭС, строились новые кварталы Волжского, а вместе с ними росли их строители — росли как люди и как специалисты. Калиниченко, который почти 40 лет отдал стройке, прошёл путь от рядового инженера до главного конструктора «Энергожилиндустрпроекта», а затем стал заместителем главного инженера Волгоградгидростроя. Гордится тем, что в 1972 и 1986 годах руководил работами по ремонту и реконструкции скульптуры «Родина-мать» на Мамаевом кургане. Кстати, при возведении величественного монумента использовался бетон, который производили гидростроители, — знаменитый советский скульптор Вучетич доверял и качеству их бетона, и качеству работ, которые осуществлял на строительстве мемориального комплекса Волгоградгидрострой, являвшийся генеральным подрядчиком.

Гордостью многотысячного коллектива гидростроевцев, его элитой (элитой в первоначальном смысле слова, означающем «лучшие»), которую составляли передовые рабочие, одарённые специалисты и талантливые управленцы, стали трудовые династии. В них если что и передавалось по наследству, то только не состояния и должности, а преданность одному делу, верность одной стройке и любовь к городу, возводившемуся своими руками. Один из номеров газеты «Стройка коммунизма», вышедших в 1954 году, украшает фотоплакат «Первомай на Гидрострое»¹. На переднем плане — портреты людей, хорошо известных на стройке, — машиниста паровоза И. Перова, бригадира экскаватора «Уралец» И. Полякова, бригадира плотников СУГС № 1 Б. Артамонова и

¹ Стройка коммунизма. 1954. 30 апреля.

Героев Социалистического Труда бульдозериста В. Елисеева и шофёра Г. Рожнова.

Георгий Арсеньевич Рожнов приехал на стройку в 1951 году, и уже тогда его грудь украшала Золотая медаль «Серп и Молот» — звания Героя он был удостоен ещё в 1949 году, когда работал бригадиром тракторной бригады МТС на полях колхозов Таджикистана и внёс большой вклад в рекордные урожаи хлопка. На своём самосвале ЯАЗ-2010 Георгий Рожнов вывозил первые кубометры грунта из котлована будущей Сталинградской ГЭС, трудился на строительстве не только гидроэлектростанции, но и города Волжского, был бригадиром водителей.

После производственной травмы работал начальником ремонтного цеха АТК-3 автоуправления, куда после окончания школы пришёл трудиться автослесарем его сын Александр. Отслужив четыре года на флоте, Александр вернулся в автоуправление Сталинградгидростроя, поступил на вечернее отделение инженерно-строительного института. После института работал по специальности «промышленное гражданское строительство», а затем связал свою жизнь с энергетикой. Александр Георгиевич участвовал в строительстве первой Волжской ТЭЦ, затем работал на новой тепловой станции Волжского — ТЭЦ-2, которую возглавил в 1989 году и на протяжении пятнадцати лет был её бессменным директором. А. Г. Рожнов избирался председателем Общественной палаты Волжского, активно участвовал в работе городского Клуба первостроителей.

Автору довелось присутствовать на чествовании первостроителями А. Г. Рожнова по случаю его 80-летия. Много было поздравлений и тёплых слов в адрес юбиляра. Заполнилось главное, что звучало во всех выступлениях: мы счастливы, потому что нам выпала честь возводить ГЭС, ставшую гордостью страны, потому что мы живём в городе, который построили своими руками!

Будет ли дано испытать такое счастье нынешнему поколению?

Возглавляет совет Клуба первостроителей представитель другой, хорошо известной в Волжском трудовой

династии — почётный гражданин города Юрий Александрович Заболотников. Его отец, Александр Сидорович, в 1952 году был избран председателем только что созданного Волжского поселкового Совета депутатов трудящихся — город тогда ещё только строился, а в посёлке в ту пору проживало около 10 тысяч жителей. Окончив в Волжском школу, Юрий Заболотников в 1955 году вместе со своим другом Александром Рожновым поступил работать автослесарем в ремонтный цех автоколонны, а спустя некоторое время в числе других молодых ребят получил от Ф. Г. Логинова направление в Сталинградский институт инженеров городского хозяйства. По окончании вуза вернулся в Сталинградгидрострой, возводил Волжский.

Время неумолимо. Большинство ветеранов, строивших ГЭС и Волжский в 1950-е годы, ушли из жизни. В апреле 2019 года жители Волжского проводили в последний путь Александра Георгиевича Рожнова — человека, олицетворявшего для них историю города.

Но Клуб первостроителей, объединяющий сегодня в своих рядах около двух тысяч человек, продолжает играть важную роль не только в общественной жизни Волжского, в воспитательной работе среди молодёжи и школьников, но и в решении насущных социальных проблем города. Достаточно сказать, что его представители участвуют во всех еженедельных планёрках главы городской администрации, а разработанные клубом предложения по оздоровлению Волго-Ахтубинской поймы рассматривались на правительственном уровне, получили отражение в принятых по этой проблеме решениях.

Многое объединяет и сплачивает первостроителей, но многое вызывает у них и критическое отношение, прежде всего утрата нынешним поколением тех ценностей, которыми они жили, которыми дорожили. В одном из интервью корреспондент портала «Волжский.ру» задал Ю. А. Заболотникову такой вопрос: «Сравнивая поколение отцов-основателей города и нынешних волжан, скажите, есть ли, по-вашему, разница и в чём?»

Ответ был таким: «В 50-е годы у нас была сплочённость, была идеология, всё делалось для народа. Сейчас

каждый сам за себя — всё по-другому. И это — главное отличие»¹.

...В рабочих дневниках Логинова есть запись, сделанная 16 сентября 1951 года:

«Выступал с докладом на слёте комсомольского актива. Присутствовало свыше полутора тысяч человек. Тема доклада: Задачи комсомольских организаций в строительстве Сталинградской ГЭС. Доклад продолжался 65 минут, был выслушан присутствующими с вниманием... Собрание прошло с большим подъёмом»².

Это было первое публичное выступление Логинова (о нём мы упоминали в начале главы) в качестве руководителя Сталинградгидростроя, на которое комсомольцы Сталинграда откликнулись с большим энтузиазмом. Об этом свидетельствует инициатива комсомольской организации Сталинградского судостроительного завода, обратившейся к молодёжи области с призывом принять участие в строительстве Сталинградской ГЭС.

В 1951—1952 годах коллектив строителей пополнили около 10 тысяч юношей и девушек, прибывших по направлению комитетов ВЛКСМ. В ноябре 1950 года был образован политотдел Сталинградгидростроя, который осуществлял учёт членов ВКП(б) и ВЛКСМ и руководство партийными и комсомольскими организациями подразделений стройки (до передачи стройки в ведение Министерства электростанций и электропромышленности СССР в марте 1953 года).

Логинов, ценивший инициативу, смекалку и самоотверженность комсомольцев, в решении многих проблем стройки опирался на молодёжь. При отсутствии штатных должностей молодые специалисты, прибывшие на стройку, нередко назначались на должности, предназначенные для заключённых, или зачислялись сверх штата и содержались за счёт орграсходов. В январе 1953 года комсомольская организация Сталинградгидростроя объединяла 3217 членов ВЛКСМ и представляла собой реальную, ударную силу стройки, которую постоянно под-

¹ <https://www.volzsky.ru/index.php?wx=16&wx2=41962>

² РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 201.

держивал и ЦК ВЛКСМ. Не случайно в августе 1951 года первое награждение молодых передовиков почётными грамотами ЦК ВЛКСМ было воспринято как значимое событие в жизни всех гидростроевцев.

Важным источником комплектования кадрового состава Сталинградгидростроя стали гидротехнические стройки, работы на которых к тому времени сворачивались, — Волгодонстрой, Горьковский и Каховский гидроузлы. Коллектив строителей пополняли выпускники школ ФЗО и ремесленных училищ, высших и средних технических учебных заведений. Так, Министерство высшего образования получило разнарядку направить из числа выпускников 1951 и 1952 годов на строительство Сталинградской ГЭС 240 человек, в том числе 60 строителей, 60 гидротехников, 30 механиков и 90 специалистов других профессий.

Особое внимание руководство Сталинградгидростроя уделяло проведению оргнаборов среди местного населения, укреплению кадрового состава рабочих и служащих за счёт жителей Сталинграда и близлежащих населённых пунктов, изъявивших желание работать на строительстве ГЭС. Это, с одной стороны, в какой-то мере смягчало остроту проблемы обеспечения строителей жильём, особенно в начальный период стройки, с другой — тормозило процесс текучести кадров, позитивно влияло на стабильность коллектива.

Однако местные источники трудовых ресурсов были весьма ограничены. Общая для страны проблема — дефицит кадров рабочих и специалистов — в Сталинграде стояла особенно остро. Ещё не было завершено восстановление города, превращённого войной в руины (во время массированных налётов немецкой авиации и ожесточённых боев в нём было уничтожено свыше 41 тысячи жилых домов и 48 промышленных предприятий). Значительная часть мирных жителей после Сталинградской битвы не вернулась домой. И не только из-за отсутствия жилья — людей тяготили воспоминания: многие потеряли здесь своих самых близких родственников, ведь только во время фашистских бомбардировок Сталинграда в августе 1942 года погибло около 42 тысяч мирных жителей города.

Логинов прекрасно понимал, в каких условиях ему придётся начинать стройку, о чём свидетельствует его запись в дневнике, сделанная в день прибытия в Сталинград, 4 сентября 1950 года: «Вечером проехали по городу до Тракторного... Много, очень много восстановленного, но не менее ещё надо восстанавливать. Климат, страшная жара и разрушения произвели тяжёлое впечатление»¹. Через несколько дней посетил Фёдор Георгиевич и Мамаев курган: «Страшное и волнующее зрелище. На кургане всюду окопы, воронки от минных и снарядных разрывов. С кургана — величественная панорама израненного, изуродованного, но полноценно и полнокровно живущего города. Заводские трубы дымят, всюду леса строек промышленных и жилых зданий»².

Для местных партийных и советских органов, руководителей промышленных, строительных и сельскохозяйственных предприятий каждая пара рабочих рук была на вес золота. И всё же у Логинова при комплектовании кадров Сталинградгидростроя были веские основания считать свою стройку приоритетной даже в сравнении с другими объектами общегосударственной важности. Ведь не случайно, придавая первостепенное значение именно гидротехническому строительству, Совет министров СССР своими решениями, принятыми в 1950—1951 годах, предоставил Министерству внутренних дел право производить вербовку специалистов независимо от их ведомственной принадлежности.

Читая рабочие дневники Логинова, невольно обращаешь внимание на то, что, несмотря на необъятный круг забот, Фёдор Георгиевич находил возможность постоянно, а иногда и по 2—3 раза в день встречаться с представителями общественности Сталинграда и области, выступать в различных аудиториях. Выступления эти отличались по своему характеру, и поднимались в них самые разные (естественно, не только кадровые) проблемы, но главная цель, которая преследовалась, была одна: донести до сталинградцев основные задачи

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 194—195.

² Там же. Л. 201.

и смысл великой стройки так, чтобы сделать их своими единомышленниками и помощниками.

Содержание дневников Логинова рушит сохранившееся в некоторых «преданиях» о нём представление, что ему был якобы присущ исключительно авторитарный стиль руководства, а в решении сложных задач и при возникновении конфликтных ситуаций он, облечённый большими полномочиями, привык действовать «через головы» местных партийных и хозяйственных органов, полагаясь на поддержку руководства в Центре и собственный вес, который придавали ему внушительный послужной список, включавший восстановление Днепростроя, приобретённые на крупнейших стройках опыт и знания. Такое представление о Логинове далеко от действительности.

Во-первых, в подобных суждениях проявляется недооценка его как личности, как руководителя, мыслящего категориями государственного масштаба, как убеждённого коммуниста, вся деятельность которого была подчинена высшим интересам страны и решению тех задач, которые ставила партия. Мы не склонны злоупотреблять высокими словами, но иногда без них нельзя обойтись. Не свойствен возвышенный стиль и Фёдору Георгиевичу, но изредка и он прибегал к нему в своём дневнике, который, заметим, не предназначался для посторонних глаз, для того, чтобы кого-то в чём-то убеждать. Например, 12 января 1951 года он делает такую запись: «Получил известие о выдвижении моей кандидатуры в состав депутатов Верховного Совета РСФСР. Это обстоятельство меня очень обрадовало и взволновало. И вселило веру в своё полезное участие в общем деле всего советского народа, в строительстве коммунистического общества. Надо трудиться ещё лучше на своём участке работы, чтобы оправдать это высокое доверие»¹.

Во-вторых, все разговоры об особой поддержке Логинова со стороны Сталина, Берии и других первых лиц государства свидетельствуют, на наш взгляд, о недопонимании характера взаимоотношений, сложившихся в

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 230.

системе государственного управления, в верхних эшелонах власти, где существовала чёткая и довольно жёсткая субординация. Никаких карт-бланшей и преференций от первых лиц государства, несмотря на все свои несомненные заслуги, Логинов при назначении в Сталинград не получал, и у него был лишь один прямой начальник — министр внутренних дел С. Н. Круглов (кроме того, со стороны МВД Сталинградгидрострой курировали заместители министра: с февраля 1951 года — В. С. Рясной, с июня 1952 года — Н. К. Богданов). Ни Л. П. Берия, ни тем более И. В. Сталин через головы своих подчинённых в положение дел на местах без особой нужды не вмешивались и порочные методы «ручного» управления не практиковали. Так что Логинов находился в тех же, отнюдь не тепличных, а порой и в более худших условиях, нежели другие руководители его ранга.

И тем не менее даже Л. И. Конин, весьма авторитетный среди строителей ГЭС автор, утверждает следующее: «В кабинетах правительства было известно об отношении И. В. Сталина к “Сталинградгидрострою” и его начальнику, поэтому все инициативы и предложения Логинова получали поддержку и оперативно разрешались»¹. Если бы это действительно было так... Однако на деле всё выглядело далеко не столь радужно. Так, на 1951 год — первый год строительства — сначала предполагалось выделить 500 миллионов рублей, однако Министерство внутренних дел (которое ничуть не беспокоило «особое отношение» Сталина к Сталинградгидрострою и Логинову) уменьшило эту сумму в четыре раза. И, безусловно, прав А. А. Rogozin, автор книги «Логинов и его время», считавший, что «выделение на 1951 год мизерного (125 миллионов рублей) объёма капиталовложений по сравнению с Куйбышевской ГЭС (500 миллионов) означало явную “подморозку” <строительства Сталинградской ГЭС >»².

¹ Конин Л. И. Сталинградгидрострой. 1950—1961: Время, события, люди. Волжский, 2009. С. 26.

² Rogozin А. А. Логинов и его время. Волжский: Издательство Волжского института строительства и технологий, 2013. С. 170.

Столкнувшись с крайне недостаточным финансированием Сталинградгидростроя, Логинов намеревался (точнее: был вынужден) обратиться с соответствующим письмом к Берии, Маленкову и, при крайней необходимости, к Сталину, что, впрочем, не выходило за рамки сложившейся практики. Обратим внимание, что при обосновании просьбы об увеличении ассигнования стройки Логинов опирался на поддержку и мнение областного комитета партии. Об этом свидетельствуют и рабочие дневники Фёдора Георгиевича. Например, 21 декабря 1950 года он, собираясь поставить ряд острых вопросов в Москве, оставляет следующую запись:

«Был у т. Гришина И. Т.¹, рассказывал о цели моей поездки в Москву, знакомил с моей докладной запиской на имя министра от 16/XII-50 и проектом письма-доклада товарищам Берия и Маленкову. В результате всестороннего рассмотрения этих вопросов пришли к единодушному выводу о правильности их постановки. Также намечены планы действий. Сначала доклад т. Круглову, затем вместе с ним или отдельно — к т. Берия и, как крайний случай, к т. И. В. Сталину»².

В печати существует немало рассказов о встречах Логинова с Берией, в том числе перед назначением Фёдора Георгиевича начальником Сталинградгидростроя, высказывается даже версия о том, что возведение капитального города строителей ГЭС — Волжского стало возможным благодаря поддержке Берии, который живо интересовался строительством и архитектурой. Но подобные предположения не имеют документальных обоснований. В своём дневнике 10 января 1951 года Логинов делает запись в связи с состоявшимся заседанием Бюро по топливной промышленности при Совете министров СССР, на котором рассматривался вопрос об увеличении ассигнований на строительство Сталинградской ГЭС:

¹ И. Т. Гришин — первый секретарь Сталинградского обкома ВКП(б).

² РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 223—224.

«Председательствовал Л. П. Берия. Я давно его не видел (курсив мой. — А. П.), он произвёл на меня впечатление сильно постаревшего и поседевшего...»¹

Из этой записи следует, что Фёдор Георгиевич видел Берию лишь изредка, на рабочих совещаниях, а упоминания в печати о их встречах за закрытыми дверями, в том числе перед назначением Логинова начальником Сталинградгидростроя — не более чем предположения или домыслы авторов. Во всяком случае, сам Фёдор Георгиевич ни о чём подобном никогда не вспоминал...

Логинов приступил к руководству Сталинградгидростроем с глубоким пониманием, что без опоры на Сталинград, на его партийные, советские и общественные организации, местных руководителей, без массовой поддержки со стороны рядовых жителей города и области стройку не осилить.

И это его понимание, основанное на огромном опыте, приобретённом на восстановлении Днепрогэса и других предшествующих стройках, легко прослеживается по записям в дневниках.

4 сентября 1951 года (сразу после прибытия в Сталинград) он встречается с первым секретарём обкома ВКП(б) И. Т. Гришиным. Основной вопрос, который обсуждался, — меры помощи Сталинградгидрострою; договорились о постановке вопроса на бюро обкома.

19 сентября — на бюро обкома ВКП(б) Логинов делает доклад «О мерах помощи Сталинградгидрострою».

На следующий день — выступает перед сотрудниками областной противочумной станции «О строительстве Сталинградской ГЭС и задачах медицинских учреждений по борьбе с возможными заболеваниями».

30 сентября — участвует в работе совещания передовиков сельского хозяйства Сталинградской области и выступает по вопросу «Строительство гидроузла и задачи колхозников и тружеников сельского хозяйства области».

Следующие несколько недель Логинов поглощён решением неотложных организационных вопросов, связан-

¹ Там же. Л. 228.

ных с развёртыванием Ахтубинского лагеря и приёмом спецконтингента, подготовкой строительных площадок, состоянием проектно-сметной документации и проблемами финансирования. По первым итогам подготовительного периода 13 ноября он делает доклад на партийном собрании Управления строительства по задачам партийной организации. «В докладе, — отметил Логинов в дневнике, — изложены общие задачи строительства Сталинградской ГЭС, частные задачи 1950 года, ход их выполнения, причины, мешающие выполнению, и задачи парторганизации по отдельным подразделениям».

15 и 16 ноября Фёдор Георгиевич «участвовал в работе общегородского собрания партийного актива. Слушали: постановление ЦК ВКП(б) по докладу секретаря обкома т. Гришина о работе обкома и горкома ВКП(б) по руководству партийной организацией области и города. Установлено: подмена советских и хозяйственных органов, бюрократизм и волокита, слабый контроль исполнения и многое другое.

Выступал в прениях. На живых фактах показал отсутствие контроля исполнения, не реализованные в низах решения обкома и облисполкома. Аудиторией был принят очень хорошо».

17 ноября — «созывал, по совету обкома, совещание работников учебных заведений с целью привлечь силы местных учёных к разработке важнейших проблем строителей... Был создан оргкомитет в составе 7 человек... которым поручено в декадный срок подготовить созыв конференции учёных, доклад об участии в разработке отдельных вопросов и положение о комитете содействия строительству».

18 ноября — «читал лекцию в механическом институте г. Сталинграда. Весь зал и прилегающие коридоры были заполнены. Встречен был очень хорошо...».

19 ноября — «читал лекцию в медицинском институте. Зал также был заполнен. На обеих лекциях было задано большое количество вопросов...».

22 ноября — «в клубе Сталинградского тракторного завода читал лекцию о Сталинградской гидроэлектро-

станции. Присутствовало свыше 400 человек, задано было устно и письменно много вопросов».

25 и 26 ноября — «районная конференция ВКП(б) Сталинградского райкома, на которой участвовал в качестве делегата с решающим голосом. Отчёт о работе был сделан I секретарём РК т. Сиротиним. Доклад был самокритичным и построен в соответствии с критикой недостатков в работе парторганов области, отмеченных в постановлении ЦК ВКП(б)...

На конференции во время работы счётной комиссии по просьбе участников конференции по памяти прочёл лекцию «Сталинградская ГЭС — великая стройка коммунизма». Доклад делегатами был воспринят очень тепло».

27 ноября — «Примерно по такой же теме, но более подробный доклад был сделан в клубе СталГРЭС для партийного и советского актива Кировского района. Было много задано вопросов, особенно энергетического порядка, об электрооборудовании, о водном хозяйстве, рыбном хозяйстве и пр.»¹.

Не раз выступал Фёдор Георгиевич на семинарах пропагандистов, перед учащимися старших классов школ и другими аудиториями.

Архивные материалы убеждают нас в том, что с самых первых дней работы на посту начальника Управления строительства Логинов активно включился в общественно-политическую жизнь Сталинграда и области. В короткие сроки он стал человеком узнаваемым и внушающим доверие, благодаря ему люди приобретали о Сталинградской ГЭС реальное представление, что сказалось на формировании благоприятного общественного мнения, позитивного отношения к будущей стройке. Естественно, что всё это позитивно отразилось и на комплектовании кадров Сталинградгидростроя, которое проходило в тяжёлых условиях.

Становление коллектива любой стройки, начинающейся с нуля, с разметки строительных площадок и

¹ См.: Рабочие дневники Ф. Г. Логинова // РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 194—213.

установки палаток для первых строителей, — процесс сложный и болезненный. Далеко не все ехали в Сталинград по зову сердца, а тестов на трудолюбие и моральную устойчивость среди прибывших на стройку никто не проводил. Строгого отбора не было, поскольку на первых порах остро стоял вопрос не столько о качестве кадрового состава, сколько о количестве людей, необходимых стройке, способных выполнять любую, даже самую неквалифицированную работу. Об этом свидетельствует и отношение Логинова к формированию коллектива: «Поскольку мы организация новая и берём любые кадры, мы сознательно шли на то, что у нас будет часть неполноценного состава, так что для нас это не неожиданность. Пусть лучше на 10 хороших работников попадётся 2 негодных, чем один хороший окажется плохим».

Хотелось бы обратить внимание на одну особенность послевоенных лет. Крупные стройки в те годы притягивали к себе не только энтузиастов, но и людей из категории перекаати-поле, без определённых занятий и профессий, искателей приключений и всевозможных авантюристов, бездельников, гоняющихся за длинным рублём, мошенников, мечтающих в мутной воде неизбежных на строительстве неурядиц выловить крупную рыбку. Немало их оказалось и в Сталинградгидрострое, в чём нетрудно убедиться, листая подшивки многотиражки «Стройка коммунизма». На страницах газеты, как и в жизни, рядом с передовиками производства, победителями соцсоревнования, рационализаторами и активными общественниками соседствуют пьяницы, дебоширы, разгильдяи и бракоделы. А между ними — довольно внушительная инертная масса, безучастная к состоянию дел на стройке. В качестве характерного примера такого равнодушия приведём выступление в газете шофёра А. Фабера, поделившегося наболевшим:

«Меня, как участника великой стройки, возмущает бесхозяйственность на участках стройуправления. Приведу несколько фактов.

На строительство поступает большое количество кирпича. Выгрузка его из вагонов и погрузка должны производиться автокранами, которые есть, но не ис-

пользуются. При выгрузке кирпич бросают как попало, поэтому часть его бьётся. На машины кирпич грузится также бросом. Но хуже всего то, что он перевозится к строительной площадке самосвалами, а не контейнерами, вследствие чего лом кирпича достигает больших размеров. Сейчас на стройке скопилось столько битого кирпича, что из него можно построить двухэтажное каменное здание.

На перевозке грунта, вынутого экскаваторами, имеются случаи, когда машины уходят в гараж из-за необеспеченности работой...

16 мая на вывозку стройматериалов было выделено 30 автомашин, но грузчикам не дали на эту работу наряда. Машины, сделав по 4 рейса, были вынуждены уйти в гараж, т. к. бригада отказалась грузить. В это же время подошёл железнодорожный эшелон с грузами, который также простоял до утра...»¹

Увы, подобные картины были характерны не только для Сталинградгидростроя, но и многих других крупных строек того времени. Как правило, порождали такую беспхозяйственность низкий уровень компетентности и безответственность значительной части руководящего состава низового и среднего звеньев — квалифицированных кадров в стране не хватало. И с решением этой проблемы Логинову приходилось сталкиваться постоянно, что отразилось в его рабочем дневнике:

«24/1-51 г.

Ездил по работам 1-го (правобережного) района. Установлены десятки мелких недоделок, которые объясняются безинициативностью и некомпетентностью должностных лиц и недобросовестностью других, которых, к счастью, единицы. При этом все выявленные недостатки являются очень мелкими и, безусловно, большинство могло быть устранено компетенцией прорабов и начальников участков, некоторые — начальниками стройуправления. Например: несвоевременная выдача и закрытие нарядов на работы, неграмотная расстановка

¹ *Фабер А.* Нетерпимое отношение к машинам // *Стройка коммунизма.* 1951. 29 мая.

рабочих, плохой инструмент (лопаты, кувалды, кетмени, ломы). На рабочих местах кое-где нет воды для питья, нет обогревалок и мест для принятия пищи, в результате на работах в некоторых местах... разрыв между двумя приёмами пищи достигает 10 часов.

Затем: не все обуты в валенки, в кожаной обуви выходят на внешние работы (а в лагере остаются в валенках), не хватает рукавиц и многого другого.

Командированные бригады Стройуправления... провели большую работу с людьми — собрания с бригадирами, открытые партийные собрания»¹.

26 марта 1951 года Логинов после организационно-технического совещания в Управлении строительства отмечает, что почти все заслушанные доклады руководителей подразделений по вопросам использования автотранспорта и строймеханизмов носили чисто статистический характер без какого-либо анализа и выводов. «Такие факты являются ярким свидетельством низкой квалификации работников на местах и недостаточной компетентности работников аппарата управления строительством, недостаточной требовательности к себе и своим подчинённым. Много ещё потребуется времени, сил, умения и такта, чтобы дорасти работникам до уровня решаемых задач и тем более — предстоящих к решению»².

Эта же сторона кадровой проблемы сказывалась и на более позднем этапе работ, что подтверждают и другие архивные материалы, например, справка от 24 сентября 1954 года «О привлечении к ответственности лиц за нарушения закона в нарядном хозяйстве по структурным подразделениям Сталинградгидростроя»³. Она содержит внушительный список руководителей подразделений строительства, на которых были наложены серьёзные взыскания за приписки объёмов работ, содержание внештатных единиц, за перерасход фонда заработной платы (главным образом путём приписок и вымышленных объёмов) и т. п. После этого длинный перечень мно-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 235—236.

² Там же. Л. 103.

³ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 2а. Л. 152—160.

гочисленных взысканий за брак, переделки, порчу материалов уже не вызывает удивления — такие нарушения являлись лишь следствием снисходительного отношения, отсутствия требовательности к недобросовестным рабочим со стороны бригадиров, прорабов, начальников участков и цехов.

Можно говорить о том, что кадровый состав рабочих стройки в целом представлял собой обычный срез общества послевоенных лет. Но при этом было у Сталинградгидростроя то, что выделяло его среди других известных в стране строительных организаций, что во многом определяло атмосферу стройки, носящей такое гордое для тех времён название, — это крупное и прочное, социально активное ядро строителей, благодаря которому и удалось дело, начатое осенью 1950 года, довести до победного конца. Тон стройке задавали прежде всего коммунисты и комсомольцы. И это отнюдь не пропагандистский штамп советских времён, а реальность времени: тогда, в отличие от более поздних лет, в партию и комсомол принимали действительно лучших.

На них Логинов и опирался. Но... Как мы уже знаем, Фёдор Георгиевич не был лишён романтики. Однако он, с его школой и опытом гидротехнического строительства, прежде всего — суровый практик, и исходил он из того, что руководитель должен уметь работать с теми людьми, которые есть. Хорошо усвоил он и другое правило: прежде чем что-то спрашивать с человека, нужно его накормить и напоить, при необходимости — обучить и, конечно же, дать крышу над головой, создать для него необходимые жилищные и бытовые условия.

Несмотря на то что руководитель Сталинградгидростроя уделял жилищной проблеме первостепенное внимание и внёс в её решение неопределимый личный вклад, необеспеченность вольнонаёмных рабочих и служащих нормальным жильём являлась в первые годы строительства основной причиной высокой текучести кадров.

Кадровые проблемы стройки резко обострились весной 1953 года — после расформирования в короткие сроки Ахтубинского лагеря. При всём критическом отношении к эффективности труда заключённых, мы не можем

недооценивать роль спецконтингента, вынесшего на своих плечах непомерный груз самых тяжёлых работ в первоначальный период строительства.

СПЕЦКОНТИНГЕНТ

В современной печати можно встретить немало ироничных и даже саркастических высказываний по поводу того, что на «великих стройках коммунизма», в том числе и на Сталинградской ГЭС, работали заключённые, эксплуатировался «подневольный труд». Разговор при этом заходит, как правило, о тяжёлых условиях труда и быта в лагерях и колониях, а уголовно-исполнительная система советских времён нередко противопоставляется пенитенциарной системе западных стран — мол, там работать никого не принуждали. Поскольку очень часто в основе подобных суждений лежит заведомо негативное отношение ко всему советскому прошлому, исключающее объективный подход к имевшимся проблемам, хотелось бы обратить внимание только на отдельные вопросы принципиального характера.

Нравится это кому-то или нет, но исправительно-трудовая система Советского государства с самого начала рассматривала труд как главное средство исправления и воспитания осуждённых. Этот принцип был закреплён в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1933 года:

«Провозглашённая Конституцией РСФСР обязанность общественно-полезного труда для всех граждан распространяется также и на лишённых свободы, способных к труду... Труд лишённых свободы и проводимая среди них политико-воспитательная работа должны служить перевоспитанию и приучению их к работе и жизни в условиях трудового коллектива и приобщению их к участию в социалистическом строительстве»¹.

Мы не имеем права забывать о времени, когда законность в правоприменительной практике грубо наруша-

¹ ИТК РСФСР. Утверждён постановлением ВЦИК и СНК СССР от 1 августа 1933 года. Основные положения, п. 4.

лась, а деятельность исправительно-трудовых учреждений во многих случаях не соответствовала провозглашённым задачам. В то же время эти и другие негативные явления не дают оснований для отрицания того, что основополагающие принципы советской пенитенциарной системы преследовали полезные для общества цели, а потому считались приемлемыми.

И, конечно же, трудно усмотреть какие-то противоречия морального свойства в том, что общественно полезный труд заключённых применялся на важнейших народно-хозяйственных объектах страны, в том числе и на стройках коммунизма. С этим мнением автора книги согласны и первостроители Сталинградской ГЭС, с которыми ему довелось встречаться и беседовать, — заключённые и вольнонаёмные, по их глубокому убеждению, делали общее дело. Но относились к работе по-разному.

Не нужно быть большим специалистом по вопросам производства, чтобы понимать разницу в мотивации труда у тех, кто приехал на стройку добровольно, и у заключённых: одни работу на стройке связывали со своими жизненными планами, другие в массе своей лишь отбывали срок и рассматривали труд как неизбежную обязанность, а добросовестное к нему отношение — как условие досрочного освобождения. Заметим, что эту разницу прекрасно понимали ещё задолго до того, как в российской прессе вслед за западной печатью образовался поток публикаций об «антигуманной сущности подневольного труда в СССР»¹.

Разные цели, которые преследовали строители Сталинградской ГЭС, вольнонаёмные и заключённые, прямым образом сказывались на качестве работ и производительности труда. Но не будем преуменьшать роль Ахтубинского лагеря на стройке. Его контингент, безусловно, внёс серьёзный, но, заметим, отнюдь не решаю-

¹ Принципиальная суть проблемы, с каких бы точек зрения к ней ни подходили, не изменилась и поныне. Согласно статье 103 действующего УИК РФ, каждый осуждённый гражданин обязан трудиться в местах лишения свободы, а в обязанности администраций исправительных учреждений вменено требование привлекать заключённых к общественно полезному труду.

ший вклад в строительство гидростанции, даже если вести речь о наиболее трудном периоде — этапе подготовительных работ в конце 1950-го — начале 1953 года.

По данным Технического отчёта о строительстве электростанции, уже в начальный период деятельности Сталинградгидростроя количество вольнонаёмных в его штате превысило численность спецконтингента. Например, на 1 января 1951 года численность вольнонаёмных (рабочих, ИТР и служащих) составила 9,2 тысячи человек (против 5 тысяч заключённых), на 1 января 1952 года — 24,2 тысячи (заключённых — около 13,7 тысячи). Лишь в начале 1953 года это соотношение несколько изменилось: вольнонаёмных было 21,6 тысячи человек, заключённых — 26 тысяч человек¹, но, как мы уже знаем, к июню 1953 года Ахтубинский лагерь был окончательно ликвидирован.

Эти цифры, в частности, приводит в своей работе Е. М. Глухова, которая довольно убедительно связывает приезд большого числа добровольцев — вольнонаёмных работников с динамикой механического прироста населения Сталинграда и Сталинградской области. «Наибольший прирост населения, — указывает она, — был в начале строительства Сталинградской ГЭС и в год перевода Сталинградгидростроя на вольнонаёмную рабочую силу (то есть в 1953 году. — А. Ж.)»². (Механический прирост населения Сталинградской области, включая областной центр, в 1951 году составил свыше 54 тысяч человек, в 1952 году — 28,5 тысячи человек, в 1953 году — 49 тысяч человек.)

В то же время и Глухова, и другие исследователи отмечают, что в оценках численности коллектива вольнонаёмных рабочих и служащих Сталинградгидростроя нередко встречаются серьёзные расхождения, поскольку исследователи часто опираются на разные документы.

¹ См.: Волжская ГЭС им. 22 съезда КПСС. Технический отчёт о проектировании и строительстве Волжской ГЭС им. 22 съезда КПСС. В 2 т. Т. 2. С. 563. М.-Л., 1966.

² Глухова Е. М. Вольнонаёмные и заключённые на строительстве Сталинградской ГЭС (1950—1953 гг.). Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2008. С. 17.

Такие расхождения свидетельствуют прежде всего об отсутствии единой методики учёта кадров и различных категорий сотрудников в системе МВД и непосредственно в Сталинградгидрострое. Так, в записке министра внутренних дел С. Н. Круглова от 2 февраля 1951 года о ходе строительства Куйбышевской и Сталинградской ГЭС, адресованной заместителю председателя Совета министров СССР Л. П. Берии, указывается, что «по состоянию на 1 января 1951 года на строительстве Сталинградской гидроэлектростанции работает 6084 человека, в том числе 4969 заключённых и 1115 человек вольнонаёмного состава, из них инженерно-технических работников и административного персонала 915 человек»¹. Из этой записки следует, что доля вольнонаёмных рабочих на начало 1951 года составляла (за вычетом из общей численности вольнонаёмного состава ИТР и служащих) всего 200 человек, что никак не вяжется с размахом общественного призыва в первые месяцы строительства. Кроме того, ко многим видам работ, связанных прежде всего с применением машин и средств механизации, эксплуатацией автомобильного и железнодорожного транспорта, допускались только вольнонаёмные.

Есть основания предполагать, что в этом документе проявились узковедомственные интересы, стремление лишний раз подчеркнуть приоритетную роль МВД и его трудовых ресурсов на великих стройках сталинской эпохи. Это предположение подтверждается и другими источниками, в частности сведениями А. В. Захарченко, который пишет, что «в начальный период строительства Сталинградской ГЭС из всех работников заключённые составляли 49 процентов, в 1952 г. — 43,7 процента»², то есть меньше половины всего кадрового состава Сталин-

¹ Заключённые на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР: Собрание документов. М.: РОССПЭН, 2008. С. 139—140.

² Захарченко А. В. Трудовые ресурсы ГУЛАГа на «великих стройках коммунизма». 1948—1953 гг.: Мобилизационные возможности системы или тупик лагерной экономики? // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 5 (23). С. 557 (DOI: 10.7256/2222-1972.2014.5.14684).

градгидростроя. Захарченко не указывает абсолютной численности, но очевидно, что относительные цифры, которые он приводит, всё же ближе к истине, в большей степени соответствуют реальному положению дел на стройке.

Правда, в упомянутой ранее докладной записке Логинова на имя министра строительства электростанций и электропромышленности М. Г. Первухина «О мероприятиях Сталинградгидростроя в связи с переходом на производства работ вольнонаёмной рабочей силой» отмечалось, что «Сталинградгидрострой до сих пор (имеется в виду апрель 1953 года. — А. Ж.) в основном (свыше 70 процентов) обеспечивается рабочими Ахтубинского ИТЛ». Однако следует учитывать, что здесь речь идёт исключительно о численности кадрового состава рабочих, занятых непосредственно на строительстве, среди которых вольнонаёмных на то время было 7500 человек.

Высокий удельный вес на Сталинградгидрострое вольнонаёмного состава рабочих и служащих, значительное преобладание вольнонаёмных в кадровом составе ведущих специализированных управлений, на важнейших участках строительных работ существенно отличали стройку от других крупных гидротехнических объектов волжского региона, на сооружении которых применялся труд заключённых. «Из всех лагерно-производственных комплексов Поволжья, — отмечает А. В. Захарченко, — Куйбышевгидрострой МВД располагал наибольшей долей заключённых в общем составе трудовых ресурсов... На 1 января 1951 г. на производстве работало 93 процента заключённых, на 1 января 1952 г. — 80 процентов. В 1953 г. (после амнистии спецконтингент на этой стройке сохранился. — А. Ж.) в среднем за год этот показатель составил 67 процентов... На объектах Волгодонстроя в среднем за период строительства соотношение вольнонаёмных и заключённых было 1:4 в пользу последних»¹.

В то же время Захарченко, отмечая высокий удельный вес коллектива вольнонаёмных рабочих и служащих

¹ Захарченко А. В. Указ. соч. С. 557.

Сталинградгидростроя, связывает рост его численности исключительно (на наш взгляд — неверно) с тем, что «производственно-хозяйственные структуры МВД периодически получали право оставлять на своих объектах освобождённых заключённых»¹. О других важных источниках комплектования Сталинградгидростроя исследователь даже не упоминает.

Действительно, многие из тех, кто отбыл сроки наказания, оставались работать на стройке, причём значительная часть бывших заключённых трудилась добросовестно, многие из них становились хорошими специалистами, передовиками производства и даже удостоивались государственных наград. В 1951 году по согласованию с Генеральным прокурором СССР из исправительно-трудовых лагерей и колоний СССР были досрочно освобождены с условием отработки оставшегося срока на строительстве Сталинградской ГЭС четыре тысячи заключённых, имевших необходимые специальности. Это в основном были осуждённые за должностные, хозяйственные, имущественные и воинские преступления. Все они направлялись на стройку на условиях вольного найма. Сколько из освобождённых заключённых действительно пополнили ряды вольнонаёмных строителей, сказать трудно, но, скорее всего, значительно меньше, чем предполагалось.

Далеко не все бывшие заключённые горели желанием остаться работать на строительстве гидроэлектростанции. Так, из амнистированных весной 1953 года заключённых Ахтубинского лагеря первоначально согласились остаться на стройке две тысячи человек, однако около половины из них в короткие сроки покинули её под разными предлогами. Но и из тех, кто остался, не все намеревались работать засучив рукава. Многие стали промышлять привычным «ремеслом» — воровством и разбоями, многочисленные пьянки нередко заканчивались поножовщиной. Несколько десятков прожжённых уголовников терроризировали жителей рабочих посёлков. Положение стабилизировалось лишь после того, как на помощь

¹ Там же.

милиции пришли молодые строители, сумевшие организовать, дать отпор бандитам и взять ситуацию под свой контроль.

Амнистия отрицательно сказалась и на состоянии не попавших под неё осуждённых: возросло число нарушений установленного порядка отбывания наказания и преступлений в лагерях и колониях, ухудшилась трудовая дисциплина заключённых. Несмотря на попытки Логинова повысить эффективность труда спецконтингента Ахтубинского лагеря путём более широкого использования заключённых на массовых работах — погрузочно-разгрузочных, земляных, на сооружении котлована под основания плотины и здания ГЭС, на дорожном строительстве и т. п., — положение дел существенно не изменилось: в лагерных отделениях и на производственных объектах ИТЛ воцарились разброд и шатание.

На первой конференции организации КПСС Сталинградгидростроя, состоявшейся в конце июня 1953 года, отмечалось, что отрицательно повлияла на настроение спецконтингента проработка в МВД и директивных органах вопроса о полном переводе строительства на вольнонаёмную рабочую силу и переводе не подлежащих амнистии заключённых на другие стройки. «Также это обстоятельство отрицательно повлияло и на работоспособность руководящего инженерно-технического персонала. Как было установлено многократными проверками, в ряде мест десятники, прорабы, боясь хулиганских выходов со стороны спецконтингента, или не реагировали на плохую работу спецконтингента, или реагировали настолько слабо, что не добились нужного эффекта. Процент невыполняющих нормы во втором квартале составил среди спецконтингента 49, а если учесть, что в числе выполняющих нормы — изрядное количество приписок, то будет ясно, насколько неэффективно использовалась в течение всего второго квартала рабочая сила из спецконтингента»¹.

Многие исследователи рассматривают амнистию 1953 года как следствие кризиса «лагерной экономи-

¹ ГАВО. Ф. 6497. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 3.

ки», массового использования труда заключенных в тех отраслях народного хозяйства, в том числе и строительстве, которые испытывали наибольшие сложности, связанные прежде всего с дефицитом вольнонаёмной рабочей силы. Такая позиция подтверждается весьма серьёзным аргументом: в одном из своих последних документов, внесённом 16 июня 1953 года на рассмотрение Президиума ЦК КПСС, Л. П. Берия предложил «ликвидировать сложившуюся систему принудительного труда ввиду экономической неэффективности и бесперспективности».

Короткая история Ахтубинского исправительно-трудового лагеря подтверждает наличие серьёзных кризисных явлений в системе ГУЛАГа, однако, на наш взгляд, связаны они были не столько с проблемой подневольного труда как таковой, а с практикой использования спецконтингента на масштабных работах по сооружению крупных гидроузлов. Временный характер работ, на которых были заняты заключённые (обычно — до завершения наиболее трудоёмких начальных циклов строительства), порождал отношение к лагерям как временным пристанищам отбывающих наказание, в которых было трудно, а то и невозможно создать приемлемые бытовые условия, наладить нормальное питание и медицинское обслуживание.

Нет ничего более постоянного, чем временное. Создание необходимых условий труда и быта для заключённых было первоочередной задачей руководства Сталинградгидростроя, но решать её приходилось буквально «на ходу», так как все подготовительные работы и приём спецконтингента проводились в предельно сжатые сроки. В сентябре 1951 года Ахтубинский ИТЛ существовал ещё только на бумаге, но уже к концу декабря было организовано четыре отдельных лагерных пункта, в них было размещено почти пять тысяч заключённых, которые жили в утеплённых палатках (бараках-палатках), юртах и землянках (бараках-землянках). К началу 1953 года, когда численность заключённых достигла 26 тысяч человек, действовало 19 отдельных лагерных пунктов (ОЛП), или лагерных отделений (ЛО), в двух из них (№ 12 и № 16)

размещались женщины. Большинство ОЛП располагалось в непосредственной близости от стройки — часть на правом берегу (в окрестностях Сталинграда), большинство на левом берегу Волги (в районе Верхней и Средней Ахтубы и на острове Зелёный), один (№ 6) — в городе Фролово (Волгоградская область), один (№ 14) — близ станции Сайхин Западно-Казахстанской области и один (№ 7) — в городе Пугачёве Саратовской области.

Предполагалось, что Ахтубинский ИТЛ будет в основном комплектоваться за счёт осуждённых за бытовые и служебные преступления на срок от 10 до 25 лет с остатком срока не менее 10 лет, что позволило бы избежать высокой текучести его состава. Фактически большинство заключённых лагеря имели сроки от 5 до 10 лет, а ежегодная сменяемость спецконтингента составляла около 30 процентов.

Свыше 60 процентов заключённых лагеря относились к так называемым «указникам» — осуждённым по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества». Почему многие считают, что на стройках коммунизма, в том числе и на строительстве Сталинградской ГЭС, львиную долю составляли «политические» — осуждённые по статье 58 УК РСФСР за контрреволюционную деятельность. Однако эта часть спецконтингента Ахтубинского лагеря на протяжении всего его существования не превышала 4,7—6,4 процента.

Наибольшие хлопоты Управлению строительства и лагерному аппарату доставляли заключённые, совершившие тяжёлые уголовные преступления (они составляли около 15 процентов от общей численности спецконтингента). Размещались они в основном в отдельном лагерном пункте № 5 (в районе Верхней Ахтубы). Но стремление изолировать рецидивистов и уголовно-бандитские элементы, поскольку они часто терроризировали основную массу заключённых, осуждённых за менее опасные преступления, не всегда удавалось осуществить на практике. Так, летом 1952 года комиссия МВД отмечала: «Зачастую в Ахтубинском лагере можно встретить,

когда вместе размещены люди, осуждённые за имущественно-бытовые преступления, и люди, осуждённые за разбой и бандитизм».

Комиссии МВД, неоднократно посещавшие Ахтубинский лагерь, чаще всего приходили к выводу, что условия содержания в нём заключённых являются неудовлетворительными. Одна из таких комиссий записала, что многочисленные проблемы стали следствием того, что начальник ИТЛ и строительства Ф. Г. Логинов лагерем не руководит, явно недооценивает создавшегося в Ахтубинском ИТЛ и Сталинградгидрострое положения и не выполняет требования МВД СССР по укреплению режима содержания, охраны и трудоустройства заключённых.

Конечно, Логинов как начальник Управления строительства и ИТЛ нёс персональную ответственность за положение дел в лагере. Однако в решении текущих вопросов он был вправе полагаться на внушительный лагерный аппарат, состоящий из кадровых офицеров, имеющих большой опыт работы с заключёнными. Однако довольно частые проверки ИТЛ и его структурных подразделений были вызваны жалобами заключённых на многочисленные нарушения, допускавшиеся именно со стороны руководства лагеря и ОЛП.

Например, в мае 1951 года в МВД поступила жалоба от заключённых ОЛП № 4, адресованная начальнику ГУЛАГа. В ней говорилось о целом ряде недостатков, которые, по мнению заключённых, явились следствием «безразличия к людям», «неумелой распорядительности», «неработоспособности» лагерной администрации. В частности, отмечалось:

гарантийное питание плохое;

ларёк существует только по названию, хлеба не бывает, товаров нет, продукты очень редко бывают, по 3—5 дней ларёк не работает, в нём нельзя даже зубной порошок купить;

в столовой заключённых на протяжении двух месяцев готовят кашу безвкусную, не содержится в ней той нормы закладки, которая предусмотрена калькуляцией: производятся обмеры и обвесы, это заведение тёмное, имеющее много корней злоупотреблений;

постельные принадлежности полным комплектом не выдаются, спецодеждой не обеспечивают полностью;

стирка собственного белья не организована, отсутствует камера хранения личных вещей:

баня плохо работает, людей моют один раз в три недели; в бане грязно, дезокамера не обеспечивает достаточной температуры.

Жаловались заключённые на работу санчасти и бездействие культурно-воспитательной части, на нарушения режима работы и отдыха.

Проверка жалобы подтвердила её обоснованность, в частности в докладной записке начальника орготдела ГУЛАГа подполковника Лямина отмечено, что «общее санитарное состояние коммунально-бытовых объектов и территории ОЛП крайне неудовлетворительное», «начальнику Управления Ахтубинского ИТЛ и Сталинградгидростроя тов. Логинову предложено устранить имеющиеся недостатки и обеспечить выполнение предложений комиссии ГУЛАГа»¹.

Многие проблемы организации быта спецконтингента долгое время не решались и становились типичными, о чём свидетельствуют итоги работы очередной комиссии, которые обсуждались 12 сентября 1951 года на совещании по итогам проверки состояния лагерного отделения № 1:

«В <жилых> секциях нет нужного порядка из-за неполного обеспечения жёстким инвентарём. Под матрацами можно найти носильные вещи, а продукты, находящиеся в каптёрках, заплесневели...

Большое количество контингента не имеет простыней, хотя средства для их приобретения имеются...

Пища готовится в несоответствии с меню-раскладками, раскладка не подписывается, следовательно, повара из заключённых остаются бесконтрольными и могут делать всё, что им вздумается...

Многие заключённые ходят в рваной одежде. Нет хозяйственных уголков, ремонт одежды не ведётся. Работающим на штукатурных работах спецодежда не выдаётся...

¹ См.: Глухова Е. М. Указ. соч. С. 142—143, 146—147.

Бригады укомплектованы в несоответствии с приказом — разные статейные признаки и разные сроки. Режимные бригады работают на захламливаемых и необорудованных рабочих объектах...

В обслуге работают люди на материально ответственных должностях, судимые по указу за расхищение государственной собственности...»¹

Две серьёзные проблемы подняты в анонимном письме заключённых ОЛП № 5 Ахтубинского лагеря, присланном в декабре 1951 года в редакцию газеты «Правда». Одна, как всегда, касается питания: «Совсем плохое питание, одна баланда, но хотя бы и густая, а то совершенно одна вода и без жиров. Их мало и так дают, но в котёл не попадает, а идёт поварам на хромовые сапоги, и одежду им блатные достают. Так и порции нормальной зеку не попадает, а кому нужно, тот живёт вовсю... И как суп густой и есть жиры, то мы знаем, что приехало начальство. Но как уехало, то снова пошло — мяса и жиров нет, и суп снова вода».

Но больше всего беспокоит заключённых, обратившихся в «Правду», даже не питание, а несоблюдение режима содержания и безопасности заключённых:

«По существу этого лагеря здесь творится полный, можно назвать, произвол. Тут развели такое количество воров, но воров не из тех, что сидят за 12 кг зерна. А блатные, которые тащили из магазина, по карманам. Но они здесь работать бояться, и у колхозника открыто берут из рук деньги и говорят: “Не говори, а то убьют”...

И вот, не помню какого числа, здесь они открыли драку такую, что пришлось разгонять стрельбой. Но с какого вида орудия конвой бил, не знаю, была сильная стрельба. И тут ночью зашли конвой, офицеры и ещё какие-то заключённые и начали показывать, кто участвовал в драке, и собрали их много. Но вот тут было большинство невинных. Малая доля попала виновных. И забирали их с таким шумом, руганью и матом. Большинство пошли в одном белье, не дали им обуться... И также здесь избивали одного, которого я знаю, до та-

¹ ГАВО. Ф. 6497. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 14—15.

кой степени, что он потерял сознание. И вот эта охрана показывает эти свои побои, что избивали без вины. Видите, вот он дрался, и на боках, и на спине побои, значит участвовал. А эти главные воры-блатные только ходят да смеются, что мужикам рёбра наломали. А они жили и живут»¹.

Факты, содержащиеся в этом письме, в основном подтвердились. Комиссией ГУЛАГа было установлено:

«В связи с отсутствием в Ахтубинском лагере приёмно-пересыльного пункта приём и обработка вновь прибывших в лагерь этапов заключённых производилась в ОЛП № 5, где содержалось 5000 постоянно работающего контингента.

В результате большой текучести населения и оседания в лагере угодливо-бандитствующего и хулиганствующего элемента дисциплина среди заключённых была слабой.

За четвёртый квартал 1951 года в лаготделении было допущено 13 случаев обкрадывания заключённых...»²

Проблемы условий быта и режима содержания заключённых обостряли серьёзные сложности с обеспечением большинства лагерных отделений водой, которую или перевозили цистернами из Ахтубы, или брали из артезианских скважин. Особенное тяжёлое положение сложилось на острове Зелёный, где два ОЛП и жилой посёлок (всего 5,5 тысячи человек) обслуживала одна автоводозаправка — техники не хватало ни на стройке, ни в системе жилищно-коммунального хозяйства. Часто случалось, что из-за нехватки воды заключённые в течение двух-трёх недель не имели возможности помыться и сменить бельё, среди спецконтингента наблюдались вспышки педикулёза. Из-за нехватки автотранспорта имелись проблемы с доставкой необходимых продуктов питания, в том числе хлеба и овощей. Плохо было организовано питание на производственных объектах.

Несмотря на многочисленные проблемы ИТЛ, руководство Сталинградгидростроя во главе с Логиновым

¹ См.: Глухова Е. М. Указ. соч. С. 144—145.

² Там же. С. 148.

трудно обвинить в бездействии или отсутствии внимания к условиям жизни и труда спецконтингента. В докладной записке министра внутренних дел С. Н. Круглова заместителю председателя Совета министров СССР Л. П. Берии от 2 февраля 1951 года отмечалось, что в 1950 году при организации Ахтубинского ИТЛ Сталинградгидростроем построено 25 бараков-землянок и 34 барака-палатки общей площадью 7 тысяч квадратных метров и, кроме того, 16 бараков общей площадью 5 тысяч квадратных метров находились в стадии завершения строительства; построены пищевые и санитарные блоки в лагерных пунктах, изоляторы; заканчивалось строительство 3-х клубов-столовых в лагере, 4-х бань-прачечных, 3-х стационаров, 3-х дезокамер, 3-х амбулаторий, хлебопекарни...¹

В феврале 1951 года в Сталинградгидрострое состоялось техническое совещание по вопросу размещения спецконтингента в кварталах строящегося жилого посёлка — будущего города на левом берегу Волги. Четыре квартала (известные как литерные кварталы посёлка Волжского) застраивались двухэтажными типовыми жилыми домами, которые приспособлялись для размещения спецконтингента (всего здесь предполагалось разместить 12 тысяч заключённых). Под клуб-столовую, амбулаторию с аптекой, бани-прачечные отводился ряд других капитальных типовых сооружений, которые в дальнейшем планировалось использовать по назначению.

Можно отметить, что в довольно приличных условиях жили, например, заключённые (1400 человек) ОЛП № 4. А контингент ОЛП № 10, в котором содержались 4350 человек, размещался в каменных домах литерного квартала «А» Волжского. И всё же строительство жилых и других необходимых помещений для заключённых Ахтубинского лагеря шло гораздо медленнее, чем того требовало пополнение спецконтингента. Случалось, что прибывавшие партии заключённых размещались на го-

¹ См.: Заключённые на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР... С. 139.

лом месте, и им самим приходилось устанавливать для себя палатки и юрты.

Особый резонанс вызвали массовые беспорядки, возникшие в Ахтубинском ИТЛ в июле 1952 года, когда большая партия заключённых, прибывших с Волго-Донского канала после окончания его строительства, отказалась размещаться в одном из лагерных отделений. На основании заявлений заключённых А. Г. Баранова и А. П. Никонова об избиении надзорсоставом большой группы заключённых по указанию заместителя начальника управления Ахтубинского ИТЛ и Сталинградгидростроя МВД СССР Воробьёва было возбуждено уголовное дело и проведено расследование, в которое был вынужден вмешаться Генеральный прокурор СССР Г. Н. Сафонов. В его письме министру внутренних дел С. Н. Круглову от 19 сентября 1952 года о применении силы при подавлении беспорядков в Ахтубинском ИТЛ изложена суть инцидента.

9 июля в лаготделение № 11 был доставлен этап заключённых в количестве 512 человек, прибывший из ИТЛ Волгодонстроя. Заключённые, входившие в состав этапа, в основном относились к числу отрицательного контингента. По пути они узнали, что в лаготделении № 11 находятся заключённые, отошедшие от воровской среды (так называемые ссученные воры), и их там перебьют. Их опасения подтвердились, так как заключённые лаготделения № 11, узнав о прибытии этапа, в котором была большая группа воров (как установлено, 150 человек), поднялись на крыши жилых помещений и стали угрожать прибывшим заключённым расправой, если они войдут в зону лагеря. Большинство заключённых этапа войти в это лаготделение категорически отказались и остались ночевать под открытым небом под усиленной охраной.

На следующий день начальник режима и оперработы ИТЛ майор Зверев выяснил, что оставшимся за пределами лагерного отделения заключённым действительно опасно ходить в зону, так как совместное содержание враждующих групп (которое было запрещено соответствующими распоряжениями и инструкциями МВД)

может привести к дракам и убийствам. Зверев доложил о сложившейся обстановке начальнику ИТЛ и строительства Логинову, который дал указание рассредоточить этап по другим отделениям. Однако прибывший к месту событий заместитель начальника ИТЛ и строительства подполковник Воробьёв, не разобравшись с причинами возникшего конфликта, отменил указание Логинова и приказал заключённым следовать в ЛО-11. Заключённые отказались выполнять такое распоряжение, сели на дороге и сцепились за руки. Тогда Воробьёв, не ожидавший такого неповиновения, вызвал на подмогу солдат охраны, надзирателей и две пожарные машины. Пытаясь растащить заключённых, надзиратели избивали их ремнями, поливали водой, а солдаты вели беспорядочную стрельбу. В результате применения к заключённым физической силы 13 заключённых получили различные телесные повреждения.

В письме Генерального прокурора Круглову было отмечено: «Со стороны заключённых, за исключением криков и шума, каких-либо нападений на администрацию ИТЛ допущено не было...

Учитывая, что подполковником Воробьёвым допущено грубое нарушение социалистической законности, прошу Вас привлечь его к строгой ответственности.

О Вашем решении прошу сообщить в Прокуратуру СССР.

Государственный советник юстиции 1 класса Г. Сафонов»¹.

Воробьёв в своих объяснительных записках всю вину за возникший инцидент пытался (как выяснилось, необоснованно) переложить на майора Зверева, утверждая, что перед МВД уже ставился вопрос о его замене «как начальника, который развалил работу отдела (режима и оперработы), вследствие чего режим в лагере находится не на должном уровне»².

Но сложности взаимоотношений, разлад между руководителями лагерного аппарата — это ещё полбеда.

¹ Заключённые на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР... С. 397—399.

² Там же. С. 400.

Обращает на себя внимание поведение заместителя начальника Сталинградгидростроя по ИТЛ Воробьёва, который отменил вполне разумное распоряжение Логинова, направленное на разрешение эксцесса. Дело не только в личности Воробьёва, видимо, считавшего себя единственным хозяином лагеря, для которого даже начальник ИТЛ Логинов не указ. Здесь, на наш взгляд, проявились противоречия, связанные с методами участия силового ведомства — МВД в решении народно-хозяйственных задач. И эти противоречия отразились словно в зеркале в деятельности Сталинградгидростроя. Ещё в самом начале строительства Сталинградской ГЭС наметился конфликт интересов, назревавший по мере расхождения задач производственного характера, на решении которых было сосредоточено внимание Логинова и руководящего инженерно-технического персонала Сталинградгидростроя, и сугубо специфических, служебных задач, возложенных Министерством внутренних дел на руководителей лагеря и лагерных отделений, считавших для себя главным обеспечение необходимого режима содержания и охраны заключённых.

Дневниковая запись Логинова от 13 ноября 1950 года свидетельствует о том, что далеко не все офицеры лагерного аппарата связывали выполнение своих должностных обязанностей с интересами общего дела:

«В 19 часов — партийное собрание с моим докладом о задачах партийной организации. В докладе изложены общая задача строительства Сталинградской ГЭС, частная задача 1950 года, ход её выполнения, причины, мешающие выполнению, и задачи парторганизации по отдельным подразделениям. Выступили 11 человек, все выступления, кроме выступления майора Тарасова, были правильные. Тарасов рассматривает охрану как самоцель, в отрыве от производства и задач по выполнению плана. В заключительном слове я его поправил, сказал, что охрана не самоцель, а средство для выполнения государственного плана. Он взял слово для справки и по существу повторил свой тезис. Отсюда становятся понятными многие явления по опозданию с выводом

рабочей силы заключённых, простои, невывод из-за отсутствия охраны и прочие мелочи»¹.

«Мелочи», о которых говорит начальник Сталинградгидростроя, вызывали большие сложности в работе стройки, наталкивающие на размышления о серьёзных системных недостатках. В дневнике Логинова есть одна показательная запись, сделанная 2 апреля 1951 года после организационно-технического совещания:

«Выступление Воробьёва, как и большинство его выступлений, носило демагогический характер. Большое количество громких фраз о революционной законности и конституции. Всё более и более убеждаюсь, что значительная часть работников системы МВД будут хорошо выступать, вносить поправки в проекты решений, активно голосовать и после этого сидеть и считать, что ими всё уже сделано... Между нашими гражданскими коммунистами и коммунистами МВД в методах работы чувствуется разница в том, что после принятия решений у нас усиливается организационная работа по обеспечению принятого решения, а у них наоборот, после принятия решения наступает успокоение. Много придётся потрудиться над перевоспитанием психологии этих людей.

Второй характерной чертой в работе от командира отделения до старшего офицера является по каждому случаю: «Я приказал», «Я приказываю», и на этом считается вопрос исчерпанным. Проверить исполнение этого приказа, организовать исполнение этого приказа не умеют, не хотят и некоторые считают ниже своего достоинства...»²

Как свидетельствует несколько записей в дневнике, тяжело складывались отношения между Логиновым и его заместителем по кадрам майором Завьяловым: «Отдел кадров, которым руководит Завьялов, свою работу свёл к роли чекистского сита, сквозь которое не должны просочиться люди хотя бы с самым маленьким пятном... Тысяча специалистов, направленных на стройку, по-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 211—212.

² Там же. Л. 108—109.

лучили казённый вежливый отказ, а иногда и грубый... Кроме того, Завьялов иезуитскими провокационными методами стремится втереться в доверие ко мне и вместе с этим компрометирует меня через людей, приглашённых по моей рекомендации».

Вскоре «иезуитские методы» Завьялова дали о себе знать в полной мере: он написал в МВД пространную жалобу на десяти страницах, приложив к ней 30 страниц выдержек из различных стенограмм с выступлениями начальника строительства, где, как пишет Логинов, попытался «обелить себя и обвинить меня в комплектовании аппарата за счёт моих бездарных любимцев и моей нелюбви ко всем работникам, пришедшим из стен МВД». Комиссия МВД, разбиравшаяся в конфликте, обнаружила, что у Логинова были серьёзные разногласия и с некоторыми другими руководителями в погонах. Зная непростой характер руководителя Сталинградгидростроя, нетрудно предположить, что далеко не всех устраивали его личные качества. Конечно, проблема «ненормальных взаимоотношений» между производственным и лагерным аппаратом, отмеченная комиссией МВД, сказывалась на повседневной работе. Но в сравнении с глобальными интересами стройки, которые Логинов всегда ставил во главу угла, она напоминала мышиную возню, затеянную людьми, не видевшими за деревьями леса.

Надо сказать, что руководство МВД проявило благоразумие и в 1952 году отозвало из Сталинградгидростроя Л. Н. Завьялова и несколько других своих сотрудников, в том числе начальника политотдела Г. Я. Фарафалова, не сумевшего должным образом наладить на стройке политико-воспитательную работу. Очевидно, что на это решение повлияло резкое увеличение в 1952 году (в 2,5 раза) объёмов строительных работ. Нужно было заниматься серьёзным делом, а не мелкими дрызгами, отвлекающими и Логинова, и Управление строительства от главной задачи. Вопрос, кто кому мешает работать, не стоял: в МВД понимали, что новые масштабы строительства были по плечу только Логинову.

В самом начале строительства, пытаюсь направить деятельность всех подразделений на решение основной

задачи — обеспечение успешного выполнения планов строительно-монтажных работ, Логинов издал приказ, по которому начальники лагерных отделений, входящих в те или иные строительные структуры Сталинградгидростроя, подчинялись руководителям соответствующих управлений строительства. Однако этот принцип руководства оказался нежизнеспособным, поскольку распоряжения последних часто противоречили сложившейся практике содержания заключённых, инструкциям и приказам МВД, в которых далеко не всегда учитывались вопросы производственного характера, и воспринимались болезненно со стороны лагерного аппарата. И всё же подобные противоречия устранились по мере их проявления, и в целом Управлению строительства удавалось обеспечивать вполне приемлемый уровень эффективности использования труда спецконтингента.

При комплектовании этапов, направляемых на строительство Сталинградского гидроузла, как правило, учитывались несколько факторов. Первый — физическое здоровье людей. Подавляющее большинство спецконтингента Ахтубинского ИТЛ (75—80 процентов) относилось к 1-й категории трудоспособности, допускающей использование заключённых на тяжёлых физических работах. Это позволяло добиваться довольно высокого для исправительно-трудовых лагерей показателя вывода спецконтингента на внешние работы, который держался на уровне 80 процентов, что не только соответствовало аналогичным показателям других гидротехническихстроек, на которых применялся труд заключённых, но и превышало их.

Другой важный фактор, который учитывался при отборе спецконтингента в Ахтубинский ИТЛ, — наличие у заключённых тех или иных строительных специальностей. Не менее 25 процентов из них должны были иметь профессии плотников, столяров, каменщиков, штукатуров, электриков, монтажников, необходимые для работы на объектах Сталинградгидростроя.

Тем не менее к этому требованию на местах часто относились формально, и вопрос дефицита квалифицированной рабочей силы постоянно стоял на повестке

дня. Во многом эту проблему помогала решать работа Управления строительства по повышению квалификации заключённых. Профессиональное обучение спецконтингента, который использовался отнюдь не только на общих работах, не требующих квалификации, носило массовый характер и осуществлялось в основном на курсах без отрыва от производства и в школах передовиков. В 1951 году было обучено 4194 заключённых, в 1952 году — 3386, причём большинство из них получало профессии, связанные с работами по строительству подсобных предприятий, жилых домов и других объектов гражданского назначения. При этом многие заключённые смогли получить и вторую профессию.

Благодаря курсам повышения квалификации, по данным на лето 1952 года, 224 заключённых занимали должности бригадиров, предназначенные для вольнонаёмных специалистов. Эффективной формой обучения заключённых стала организация ученических бригад, которые по завершении учебного курса, как правило, не только выполняли, но и существенно перевыполняли нормы выработки. Так, ученическая бригада каменщиков № 61 ОЛП № 10, в начале обучения выполнявшая план на 59 процентов, после трёхмесячного курса выполнила установленное задание на 240 процентов. И такие примеры не были исключением. Практически все технические бригады заключённых Сталинградгидростроя при наличии фронта работ и необходимых материалов выполняли производственные задания на 100—150 процентов¹.

Значительную роль в повышении эффективности работы заключённых сыграли меры по стимулированию их труда, предпринятые правительством страны и Министерством внутренних дел. В 1950 году было принято постановление Совета министров СССР об оплате труда заключённых (исключение составляли приговорённые к каторжным работам). В нём предусматривалось, что оплачивать труд осуждённых следует, исходя из пониженных тарифных ставок и должностных окладов и при-

¹ См.: Глухова Е. М. Указ. соч. С. 101.

меня сдельно-премиальную и сдельно-прогрессивную системы, установленные для рабочих и служащих соответствующих отраслей. Из заработка удерживалась стоимость содержания заключённого, но при этом гарантированный минимум (не менее 10 процентов) должен был оставаться в его распоряжении.

Оплата труда заключённых во многом способствовала тому, что большинство спецконтингента Ахтубинского лагеря успешно выполняло и перевыполняло установленные нормы выработки. А это, в свою очередь, позитивно сказывалось на их зарплате. Так, в декабре 1951 года у заключённых, работавших на объектах Сталинградгидростроя, она составила 137 рублей 54 копейки, то есть почти в два раза больше запланированной — 75 рублей 73 копеек. Примерно такой же зарплата заключённых была и в 1952 году¹.

В Сталинградгидрострое практиковался в основном бригадный метод оплаты труда. На содержание заключённых — питание и вещевое довольствие — шло около 70 процентов зарплаты, незначительную её часть составлял подоходный налог.

Использовалась и ещё одна важная форма поощрения заключённых за высокопроизводительный труд. В целях обеспечения выполнения плановых заданий, своевременного завершения строительства важнейших народно-хозяйственных объектов Совет министров СССР постановлением от 26 ноября 1947 года разрешил МВД СССР применять систему зачёта рабочих дней заключённым, занятым на стройках и предприятиях. Порядок применения системы зачётных дней предусматривал введение специальных зачётных книжек, в которых фиксировались выполнение в процентах квартального плана, количество отработанных дней за квартал и другие показатели, которые давали заключённым, выполняющим и перевыполняющим нормы выработки, право на досрочное освобождение. Нередко при добросовестной работе заключённого один день отбытия наказания засчитывался за три.

¹ Там же. С. 94.

Однако практика применения зачётных дней до начала 1950-х годов использовалась лишь в отдельных лагерях и колониях. На первых порах не получила она широкого распространения и в Сталинградгидрострое, поскольку большинство заключённых Ахтубинского лагеря отбывали срок по статьям (в том числе по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года за хищения государственного и общественного имущества), не дающим право на досрочное освобождение.

Активизировалось применение системы зачётных дней после принятия Советом министров СССР постановления от 16 августа 1952 года «О закреплении на важнейших предприятиях и стройках Министерства внутренних дел СССР лиц, освобождаемых из исправительно-трудовых лагерей, от дальнейшего отбывания наказания в связи с применением зачётов рабочих дней». Это постановление должно было способствовать созданию постоянных кадров рабочих, инженерно-технических работников и служащих на важнейших предприятиях и стройках МВД. Оно предоставляло Министерству внутренних дел СССР право производить, в виде исключения, закрепление для постоянной работы на важнейших предприятиях и стройках (в перечень строек были включены Куйбышевская и Сталинградская гидроэлектростанции) в качестве вольнонаёмных работников лиц, досрочно освобождаемых от дальнейшего отбывания наказания в исправительно-трудовых лагерях в связи с применением к ним зачётов рабочих дней за перевыполнение производственных заданий.

Закрепление указанных лиц предлагалось производить на основе индивидуальных трудовых договоров на половину оставшегося срока наказания, сокращённого в связи с применением зачёта рабочих дней¹.

Важной формой поощрения заключённых являлось их расконвоирование (например, только в декабре 1951 года в Ахтубинском лагере было расконвоировано 670 человек). Оно не только служило хорошим стиму-

¹ См.: Заключённые на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР... С. 241.

лом повышения производительности труда, но и давало возможность использовать квалифицированных специалистов из числа заключённых на тех объектах и рабочих местах, где было трудно обеспечить охрану.

Использовались и меры политико-воспитательного характера, которые были призваны способствовать успешному выполнению спецконтингентом производственных задач и обеспечению нормальной обстановки в лагерных отделениях. Например, в ноябре 1950 года при Управлении Сталинградгидростроя был создан штаб по руководству трудовым соревнованием среди заключённых, который возглавил Ф. Г. Логинов. В ходе этого соревнования многие бригады действительно показывали высокие результаты, однако нельзя сказать, что достигнуты они были благодаря трудовому соперничеству. Передовиков поощряли, но их примеры не слишком вдохновляли на ударный труд основную массу заключённых, предпочитавших на работе отбывать свой номер.

Спецконтингент Ахтубинского ИТЛ был важным источником комплектования кадров специалистов, инженерно-технических работников Сталинградгидростроя. Следует отметить, что в период создания лагеря в 1950—1951 годах заявки Управления строительства на завоз специалистов Министерством внутренних дел удовлетворялись полностью. Так, только в январе и июле 1951 года МВД направил в распоряжение Сталинградгидростроя две большие партии специалистов (по 500 человек каждая).

Однако практика показала, что значительная часть этих заключённых использовалась не по назначению, была занята на общих работах, что вызывало обоснованное недовольство МВД. Такое положение дел вполне объяснимо. В период подготовки и развёртывания основных работ, которое проходило параллельно с комплектованием Ахтубинского лагеря, кадровые службы попросту не справлялись с организацией учёта и распределения рабочей силы в соответствии с реальными потребностями управлений и подразделений стройки (об имевшихся больших претензиях со стороны Логинова к

его заместителю по кадровой работе Л. Н. Завьялову мы уже говорили). Кроме того, эффективному использованию специалистов нередко препятствовали трудности, связанные с режимом содержания заключённых и их выводом на работу.

К тому же далеко не всякую должность можно было доверить заключённому, допуск осуждённых к тем или иным работам существенно ограничивался статейными признаками. Ведь не случайно в декабре 1951 года Логинов издал приказ по использованию специалистов на строительстве, в котором, в частности, указывалось:

«Специалистов из числа заключённых допускать только к рядовой технической или производственной работе на штатные должности производственного сектора;

использование специалистов-заключённых разрешается только из числа осуждённых только по бытовым статьям УК».

В начале строительства возможности использования специалистов из числа заключённых ограничивал низкий уровень механизации работ, обеспечения стройки техникой. Не все вновь прибывшие инженерно-технические работники могли использоваться по специальности в связи с тем, что по ряду причин сдерживался разворот основного строительства. Это обстоятельство, на которое ссылается руководство Сталинградгидростроя, находит подтверждение в докладной записке министра внутренних дел С. Н. Круглова И. В. Сталину о ходе строительства Сталинградской ГЭС от 8 июля 1951 года:

«Сталинградгидрострой не имел возможности <своевременно> начать работы по строительству перемычек (первой очереди), котлованов плотины, гидроэлектростанции и шлюзов в связи с тем, что ещё не получены земснаряды, изготавливаемые заводом № 264 Министерства транспортного машиностроения, и не введены в эксплуатацию энергопоезда, первый из которых прибыл на строительную площадку лишь 20 июня 1951 года»¹.

¹ Заключённые на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР... С. 141.

Несмотря на имевшиеся проблемы, специалисты из состава спецконтингента сыграли не последнюю роль в налаживании нормальной деятельности ряда управлений и подразделений Сталинградгидростроя. Пожалуй, наиболее заметный вклад они внесли в работу Проектно-конструкторской конторы (ПКК), созданной в самом начале строительства и состоящей в основном из заключённых. Её руководитель С. С. Киркоров лично ездил по лагерям, расположенным в Воркуте и Магадане, и отбирал там специалистов, имевших опыт проектирования и строительства жилых и промышленных объектов. В результате ПКК, расположенная прямо на территории 10-го лагерного отделения, была укомплектована инженерами и проектировщиками высокого класса (были среди них даже кандидаты наук), осуждёнными главным образом по 58-й статье УК РСФСР. Многие из них после освобождения остались работать в Сталинградгидрострое.

Проектно-конструкторская контора Сталинградгидростроя на первых порах занималась проектированием подсобно-вспомогательных объектов, разработкой проектов производства работ. Круг её задач расширился в связи с увеличением масштабов строительства посёлка, а затем города Волжского. Коллектив ПКК впервые в стране спроектировал и ввёл в эксплуатацию промышленную установку по производству керамзита. Освоение в короткие сроки производства керамзито-бетонных конструкций позволило перейти к крупнопанельному домостроению, индустриальной застройке города Волжского.

В начале 1960-х годов проектно-конструкторская контора была преобразована в филиал института «Оргэнергострой», на базе которого позднее был создан Всесоюзный проектный институт по проектированию объектов жилищно-гражданского назначения и индустриализации их строительства «Энергожилиндустрпроект»...

Следует учесть, что многие проблемы Ахтубинского лагеря было трудно преодолеть в силу того, что они являлись следствием обострившихся в начале 1950-х го-

дов серьёзных кризисных явлений в системе исправительно-трудовых учреждений МВД. Поэтому нельзя согласиться с мнением Е. А. Тимоховой, полагающей, что руководству Куйбышевгидростроя (в отличие от Управления Сталинградгидростроя) удалось организовать более эффективное трудовое использование спецконтингента. «Даже амнистия 1953 г. и начавшийся демонтаж всей системы лагерей и колоний ГУЛАГа, — пишет она, — не повлияли на интенсивность использования труда спецконтингента. Заключённые сыграли решающую роль в строительстве Куйбышевской ГЭС, использовались на всех этапах строительства, численность контингента, содержащегося в Кунеевском ИТЛ (при Куйбышевгидрострое), напрямую зависела от объёма работ на строительстве, максимальная пришлась на 1953—1954 гг., когда развернулись основные работы по возведению гидротехнических сооружений. Куйбышевгидрострою удалось после 1953 г. сохранить темпы строительства, возведение Куйбышевской ГЭС было завершено на три года раньше Сталинградской, где переход на вольнонаёмный труд создал трудности, потребовал дополнительных материальных, людских и временных ресурсов»¹.

Создаётся впечатление, что исследователь из Тольяттинского госуниверситета не вполне беспристрастен (нынешняя Жигулёвская, в прошлом Куйбышевская, ГЭС — гордость жителей Тольятти), поскольку обходит стороной один принципиальный вопрос: с самого начала строительства двух крупнейших гидроэлектростанций на Волге при выделении правительством и МВД СССР людских и материальных ресурсов в первую очередь учитывались интересы именно Куйбышевгидростроя. И причины такого положения (о них мы уже говорили) заключались отнюдь не в том, что на

¹ *Тимохова Е. А.* Трудовое использование заключённых в контексте советской мобилизационной экономики (на примере строительства Куйбышевской и Сталинградской ГЭС) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. № 3 (21). С. 194.

строительстве Куйбышевской ГЭС якобы «удалось организовать более эффективное трудовое использование спецконтингента».

Но и в сложившихся, далеко не равных, условиях Управление строительства Сталинградской ГЭС со своими задачами в целом успешно справлялось — если не принимать во внимание ситуацию, сложившуюся на стройке весной и в начале лета 1953 года в связи с амнистией, рабочей силы Сталинградгидростроя вполне хватало для успешного выполнения планов и освоения выделяемых на строительство капиталовложений. И даже после того, как Ахтубинский лагерь прекратил своё существование, а его контингент был передан Куйбышевгидрострою, руководство Сталинградгидростроя смогло в короткие сроки перестроить свою деятельность и обеспечить дальнейшее строительство ГЭС без участия в нём заключённых, силами вольнонаёмного состава.

ЛИХА БЕДА НАЧАЛО

Принято считать, что отправной точкой истории Сталинградской ГЭС стало 16 августа 1950 года — день принятия Советом министров СССР постановления о её строительстве. 4 сентября того же года на место будущей стройки прибыли руководители Сталинградгидростроя, которые, в соответствии с первым приказом Ф. Г. Логинова, «приступили к работам по организации Управления строительства и ознакомлению с имеющейся техдокументацией и местом будущих сооружений».

Однако не будем забывать, что ещё за год до этого памятного события в районе строительства ГЭС приступили к работе первопроходцы-изыскатели, сотрудники Управления проектирования, изысканий и исследований для строительства гидротехнических сооружений — Гидропроекта МВД СССР. Руководил Гидропроектом признанный к тому времени советский гидростроитель С. Я. Жук, снискавший авторитет как проектировщик и

главный инженер целого ряда крупнейших гидротехнических строек¹.

Вспоминая, с каким воодушевлением было принято постановление правительства по Сталинградской ГЭС, В. Г. Галактионов, назначенный главным геологом Сталинградгидростроя, писал: «Изыскатель воспринимает постановления правительства о больших стройках по-особому. Для всех постановление означает начало великих работ; для изыскателя — завершение первого этапа, первую победу»². Победа эта стала результатом напряжённого труда большого отряда специалистов — геологов и гидрологов, буровиков и топографов, химиков и грунтоведов, инженеров-проектировщиков и учёных. Однако это было лишь начало: специфика сооружений гидроузлов такова, что изыскательские работы ведутся на протяжении всего периода строительства.

Начались геолого-изыскательские работы по Сталинградской ГЭС осенью 1949 года, после того как в правительстве окончательно отказались от идеи строительства Камышинского гидроузла, сооружение которого вызвало бы затопление слишком больших территорий и крупных населённых пунктов, в том числе города Энгельса и части Саратова.

Всего было проведено шесть экспедиций Гидропроекта МВД СССР, а предшествовала им рекогносцировка района будущего строительства группой гидротехников, геологов и проектировщиков ГЭС, которую возглавил С. Я. Жук. Тогда было предварительно определено, что створ гидротехнических сооружений будет располагаться в наиболее узком месте реки — напорный фронт перегородит Волгу от посёлка Рынок до балки Осадной. Однако окончательное решение могло быть принято только по результатам изысканий на створе, на основании дан-

¹ В 1952 году за выдающиеся заслуги в строительстве Волго-Донского канала им. В. И. Ленина С. Я. Жук был удостоен звания Героя Социалистического Труда, в 1953 году стал академиком Академии наук СССР; похоронен в Кремлёвской стене.

² *Галактионов В., Аграновский А.* Утро великой стройки. М.: Советский писатель, 1953. С. 131.

ных геологического строения русла Волги. А получить эти данные было поручено экспедиции, руководил которой Л. А. Припотень. Состояла она тогда в основном из специалистов, откомандированных со строительства Волго-Донского канала.

Пробурить скважины в русле реки, необходимые для извлечения и анализа образцов залегающих грунтов, предстояло в кратчайшие сроки — нельзя было задерживать работу проектировщиков. Необходимо было решить неимоверно сложную задачу: стоял ноябрь — месяц волжских осенних бурь и образования первого ледяного «сала», перед появлением которого навигация заканчивается. Для установки бурового оборудования предполагалось использовать баржи, но все суда речного пароходства уже стали на прикол. И всё же речники, несмотря на огромный риск, откликнулись на просьбу геологов, которую поддержал первый секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) И. Т. Гришин, и 21 ноября вывели суда из затона. Баржи выстроили попарно поперёк реки, от одного берега до другого. Между баржами установили настилы из брёвен и на них закрепили буровые установки. Лишь только приступили к бурению, разыгралась страшная буря, не прекращавшаяся несколько дней.

«Местные жители говорили, что не упомнят такой бури. Слевого берега дул ледяной ветер. Его упругая сила нарастала с каждым часом. Завывали на улицах Рынка телеграфные провода, тоскливо скрипели, раскачиваясь во все стороны, тополя у насосной станции. Над Волгой низко ползли тяжёлые тучи, готовые каждую минуту разразиться ливнем...

Один за другим обрушивались водяные валы на наши плавучие буровые. Разбившись о борт и крутясь водоворотами, они откатывались на миг, чтобы тотчас с ещё большей силой повторить наскок.

Скрежет стоял над Волгой. С берега казалось, что буровые вышки отплясывают какой-то дикий танец. Вот один из копров подскочил кверху, другой, наоборот, провалился в воду, а третий раскачивался из стороны в сторону, и вся шеренга буровых вышек качалась,

приседала, двигалась, несмотря на мощные якорные крепления»¹.

Но люди оказались сильнее стихии. И это — только одна из страниц самоотверженной работы изыскателей, сталкивавшихся, казалось бы, с непреодолимыми трудностями. Однако задачи, которые они решали, нельзя было откладывать на «потом»: на изыскательские и проектные работы крупнейших строек устанавливались жёсткие сроки, которые выполнялись, как правило, неукоснительно — в конце сороковых годов, когда экономика страны приблизилась к довоенным темпам развития, в стране был возрождён лозунг первых пятилеток «Время, вперёд!».

За первый период изысканий, проведённых до начала строительства, были тщательно изучены не только русло реки и прибрежные зоны, но и обширные территории, иногда удалённые от Волги на десятки и даже сотни километров. Были основательно обследованы дно и берега будущего водохранилища, геологи и гидрологи прошли по трассе магистрального канала Волга—Урал, проекту которого, как мы знаем, так и не суждено было осуществиться. Для химического анализа породы отправляли на исследования в лаборатории Гидропроекта (позднее при Сталинградгидрострое была организована собственная лаборатория грунтов, которая поначалу размещалась в бараках, построенных на острове Зелёный).

Достоверность результатов работы геологических экспедиций в районе строительства Сталинградской ГЭС сомнений не вызывала — к тому времени высокий уровень развития отечественной геологии и гидрологии был признан во всём мире. Кроме того, учёными и специалистами внимательно изучался зарубежный опыт проведения изысканий и проектирования гидросооружений, особенно допущенные при этом ошибки и небрежности, приводившие к тяжёлым последствиям. В первой половине XX века в мире произошло свыше тысячи аварий на гидротехнических сооружениях, в том числе было немало и разрушений плотин. Большинство разрушений яви-

¹ Галактионов В., Аграновский А. Указ. соч. С. 36.

лось следствием недооценки значения изыскательских работ, халатного отношения к их результатам. Впрочем, когда в 1928 году произошла одна из крупнейших катастроф, унесшая сотни человеческих жизней, — обрушение плотины Сент-Френсис в Калифорнии, недалеко от Лос-Анджелеса, — геология ещё многое не могла предусмотреть. И лишь после того, как плотину из литого бетона, стоящую, казалось бы, на прочных скальных породах, за несколько мгновений буквально смело мощным напором воды, удалось обнаружить геологический разлом грунтов, на которые опиралось гидросооружение.

Пожалуй, не было такого человека среди экспедиций, работавших на месте строительства Сталинградской ГЭС, который бы не понимал, к чему могут привести ошибки или небрежность геологов. Примеров крупных аварий и вызвавших их причин, в большинстве своём связанных с некачественными изысканиями, к тому времени накопилось более чем достаточно¹. Люди прекрасно были о них осведомлены и работали не за страх, а за совесть.

Изученный изыскателями геологический разрез долины Волги показал, что через русло Волги пролегали слои аргиллитов (окаменевшая глинистая порода), алевролитов (твёрдая осадочная порода, своего рода окаменевшая, уплотнённая и сцементированная пыль) и песчаников. Их положение (слои эти проходили не горизонтально, а имели некоторый уклон под русло реки) позволяло определить, на какие породы будут опираться сооружения гидроузла. Для проектировщиков особое значение имело заключение изыскателей о том, что плотина и здание Сталинградской ГЭС будут стоять на алевролитах.

К тому времени среди зарубежных специалистов бытовало мнение, что крупные гидротехнические сооружения нельзя возводить на глинистых и песчаных грунтах. Однако практика и опыт советских гидротехников свидетельствовали об обратном. На нескальных грунтах были построены крупные напорные сооружения канала

¹ На многочисленные примеры крупных катастроф опирался профессор А. А. Гельфер, издавший в 1936 году книгу «Причины и формы разрушения гидротехнических сооружений», служившую руководством для геологов, гидрологов и инженеров-строителей.

им. Москвы, свирских и верхневолжских гидроэлектростанций, а имевшиеся результаты исследований по проекту Куйбышевского гидроузла подтверждали возможность строительства бетонных водосливных плотин на песчаном основании.

Естественно, на месте строительства Сталинградской гидроэлектростанции с величайшей тщательностью исследовались условия залегания грунтов, всесторонне изучались их физико-химические и механические свойства. К примеру, чтобы выяснить, насколько надёжной будет опора Сталинградской гидроэлектростанции, все грунты до глубины 50—60 метров ниже подошвы сооружений были исследованы на сдвиг и сжатие. Проект ГЭС предусматривал, что они должны выдерживать давление силой не менее 60—70 тонн на один квадратный метр. Из буровых скважин извлекались и пробы грунтовых вод, чтобы проверить, нет ли в них углекислоты, сернокислой соли и иных примесей, оказывающих разрушающее воздействие на бетон.

Важным направлением работы геологов Сталинградской ГЭС явилось изыскание строительных материалов, необходимых для стройки. Проще обстояло дело с песком, потребность которого исчислялась гигантскими цифрами — десятки миллионов кубометров. Недалеко от стройки, в Сталинградской области, нашли залежи крупнозернистого песка, который идёт на изготовление бетона. А мелкозернистый песок, необходимый для намыва тела земляной плотины, был обнаружен на волжских островах. Поиски стройматериалов приходилось вести не только в окрестностях стройки, но и в соседних областях. Например, в Краснодарском крае, близ Армавира, были разведаны большие запасы гравия.

Исследовали русло Волги и прибрежные районы строительства не только геологи. В ходе ожесточённых боёв во время Сталинградской битвы в районе строительства гидроузла образовались целые «залежи» смертоносного металла — неразорвавшихся авиационных бомб, мин и снарядов. Для того чтобы обезопасить территорию строительства, был сформирован 221-й отдельный инженерный батальон разминирования, личный

состав которого размещался в землянках на острове Зелёный, причём в землянках жили и семьи офицеров.

К работе сапёров Логинов относился с особым вниманием, постоянно общался с руководителями работ по разминированию, посещал подразделения батальона. Из дневника Логинова:

«4/X-50.

Вновь имел беседу с полковником инж. войск Никифоровым по вопросу разминирования площадки строительства. С ним был подполковник Семёнов, командированный маршалом Воробьёвым¹. Вопрос снятия мин, установленных на суше, считают делом сравнительно лёгким, а особо трудным считают обнаружение, извлечение или уничтожение мин и снарядов, <находящихся> в дне реки и в песках берегов. Наличие их там считается абсолютно бесспорным...»²

Свидетелем одного из визитов Логинова в расположение сапёров стал командир взвода подводного разминирования лейтенант Д. В. Романов. Поскольку верными помощниками сапёров были собаки, которые могли учуять снаряды на метровой глубине, отношение к ним было особое: для них построили удобные вольеры, ежедневно кормили мясом. Когда в часть приехал начальник строительства Ф. Г. Логинов, он сразу обратил внимание на то, что четвероногий состав батальона живёт в лучших условиях, чем люди. Вскоре семьи сапёров справили новоселье в новом доме первого квартала Волжского³.

Три года работали сапёры на разминировании территории строительства. За это время они обследовали районы общей площадью более 15,5 тысячи гектаров, включая свыше 200 гектаров глубинного разминирования под водой, обезвредили тысячи артиллерийских снарядов, авиабомб, миномётных, противопехотных и противотанковых мин, ручных гранат...

¹ *Михаил Петрович Воробьёв* (1896—1957) — маршал инженерных войск, в 1946—1952 годах — начальник инженерных частей Сухопутных войск.

² РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 205.

³ См.: *Историю делаем сами*. В 2 т. Волгоград: Волга-Паблицер, 2011. Т. 1. С. 11.

Читая рабочие дневники Логинова, поражаешься, насколько широким был круг вопросов, находящихся в сфере внимания начальника Управления строительства, особенно в первые месяцы, в начале подготовительных работ. В нескончаемой череде повседневных забот (комплектование штатов и формирование структуры Сталинградгидростроя, компоновка строительных площадок и разминирование территории стройки, разбивка мест расположения и организация первых лагерных пунктов, снабжение строительства необходимыми материалами, создание подъездных железнодорожных путей и т. п.) важно было не упустить из рук главные звенья, от которых зависели не только завтрашний день стройки, но и вся её судьба, оказавшаяся, как мы уже знаем, весной 1953 года под большим вопросом.

Но прежде чем остановиться на первоочередных проблемах, вставших перед начальником Управления строительства, следует сказать, что Логинов вряд ли смог справиться с ними в одиночку, без надёжных помощников, квалифицированных управленцев, досконально разбирающихся в специфике гидротехнических строек. Методы управления строительством Сталинградской ГЭС, как и другими масштабными стройками страны, основывались на принципе единоначалия, означавшего не только право руководителя на единоличное принятие решений по всем вопросам строительства, но прежде всего его персональную ответственность за состояние дел на вверенной ему стройке. Этот же принцип оставался незыблемым и после того, как Сталинградгидрострой из системы МВД был передан в ведение Министерства электростанций и электропромышленности. Характерным является один из пунктов постановления бюро Сталинградского обкома ВКП(б) от 4 августа 1954 года по отчёту парткома Сталинградгидростроя, заостряющий внимание на том, что *«укрепление единоначалия является одной из основных задач партийной организации»*¹ (курсив

¹ См.: Постановление бюро Сталинградского обкома ВКП(б) от 4 августа 1954 года по отчёту парткома Сталинградгидростроя // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 49. Ед. хр. 23. Л. 31—39.

мой. — А. Ж.). Видно, партийным и советским органам изрядно надоели «дежурные» разговоры о приоритетной роли коллективных методов руководства, особенно в тех случаях, когда речь шла об управлении промышленными предприятиями и строительными организациями, которым часто приходилось работать в экстремальных обстоятельствах.

В условиях единоначалия, жёсткой иерархической структуры управления стройкой Логинову важно было иметь таких людей в ближайшем окружении, на которых он мог положиться, кому мог доверить строительство во время частых, порой довольно длительных отлучек в Центр. Ближайшим соратником Фёдора Георгиевича в решении больших и малых задач стал его первый заместитель, главный инженер Сталинградгидростроя Степан Романович Медведев.

Среди сотрудников Сталинградгидростроя ходила шутка: «На Волге было три разбойника: первый — Степан Разин, второй — Разин, но не Степан, третий — Степан, но не Разин».

«Разин, но не Степан» — известный руководитель одной из крупнейших гидротехнических строек Поволжья, главный инженер Куйбышевгидростроя Н. В. Разин.

Ну а под третьим «разбойником» подразумевался С. Р. Медведев — человек, умудрённый большим жизненным опытом (он был на несколько лет старше Логинова), превыше всего ставивший интересы стройки, профессионал величайшего уровня, требовательный (особенно не терпел непорядков), но справедливый руководитель.

На характер Медведева наложил отпечаток пройденный им большой жизненный путь, во многом схожий с биографией Логинова. Родился он в 1894 году в городе Гомеле Могилёвской губернии (ныне — территория Республики Беларусь), там же окончил железнодорожное техническое училище и работал техником по дорожным и гражданским сооружениям. Участвовал в Первой мировой войне (воевал в звании прапорщика), служил в Красной армии, затем учился в Петроградском (Ленинградском) институте инженеров путей сообщения.

В 1924 году, по окончании теоретического курса института (диплом он защитил позднее), связал свою жизнь с гидротехникой. Сначала работал на Волховской ГЭС помощником прораба, затем участвовал в проектировании Нижне-Свирской ГЭС, в 1928—1932 годах — прораб, заместитель начальника работ левого берега Днепростроя. В последующем был заместителем начальника строительства Камской ГЭС, главным инженером и начальником строительства Нивагэсстроя в Мурманской области (за строительство электростанции Нива ГЭС-3 награждён орденом Трудового Красного Знамени), начальником строительства верхневолжских (Угличской и Щербаковской) гидроэлектростанций, а перед назначением в Сталинградгидрострой работал главным инженером Горьковгэсстроя. В 1950 году за разработку проекта и сооружение гидроэлектростанции Медведев был удостоен Сталинской премии первой степени.

При всех расхождениях Медведева и Логинова во взглядах на те или иные проблемы строительства (а они были неизбежны, поскольку и тот и другой отличались твёрдостью характеров) они были единомышленниками и как профессионалы, обладающие огромным опытом, без особого труда находили общий язык. Но главное — оба придерживались единого стиля работы, позволяющего концентрировать усилия аппарата Управления Сталинградгидростроя на главных направлениях, не растрачивая их по мелочам, на лишние споры и второстепенные вопросы.

Время покажет, насколько важную роль играло взаимопонимание, единомыслие двух руководителей стройки по принципиальным вопросам. После того как Логинов был назначен министром строительства электростанций, Управление Сталинградгидростроя возглавил Ю. А. Гаевский. Новый начальник, не вникнув должным образом в положение дел на строительстве, начал с критики существующих порядков и реформирования сложившейся за четыре с лишним года и вполне оправдавшей себя структуры Управления и его важнейших подразделений, благо для этого появилась хорошая «политическая платформа»: в начале декабря 1954 года

в Москве состоялось большое совещание строителей, на котором с резкой критикой состояния архитектуры и строительства в стране выступил Н. С. Хрущёв. Необдуманные шаги начальника Управления разделили стройку на два лагеря — сторонников Медведева и сторонников Гаевского. Затяжной «кризис власти» (так, например, характеризует сложившееся положение в своей книге Л. И. Конин) привёл к тому, что впервые за время своего существования Сталинградгидрострой не справился с государственным планом как по объёму, так и по тематике работ. 24 декабря 1955 года коллегия Министерства строительства электростанций, обсудив работу Сталинградгидростроя, объявила Гаевскому и Медведеву выговоры. Дело кончилось тем, что в 1956 году они оба были вынуждены покинуть стройку — сначала, в апреле, Гаевский, затем, в июле, Медведев.

...Сталинградгидрострою следует полагаться только на собственные силы. Логинов ещё до приезда к месту новой работы понимал, что вряд ли стоит рассчитывать на существенную помощь со стороны разрушенных войной промышленных предприятий Сталинграда и области, у которых и без его стройки было немало проблем, связанных с восстановлением производственного потенциала и возрождением города. Были, конечно, надежды на лучшее, но они не оправдались. За исключением руководства обкома ВКП(б), хорошо понимавшего экономическое и политическое значение возведения на Волге крупнейшего гидроузла, подавляющее большинство местных руководителей рассматривало стройку всего лишь как «одну из...», скорее мешавшую их работе и создававшую дополнительные проблемы.

В этом Логинову пришлось очень скоро убедиться. 19 сентября 1950 года на заседании бюро Сталинградского обкома ВКП(б), которое вёл второй секретарь обкома партии А. П. Пчелинцев, был заслушан его доклад «О мерах помощи Сталинградгидрострою». Во время обсуждения, как пишет Фёдор Георгиевич в своём дневнике, «очень неважно выступили»¹ представители некото-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 202.

рых предприятий, которые довольно ясно дали понять, что у них хватает забот и помимо Сталинградгидростроя. В глубине души Фёдор Георгиевич понимал этих людей, вспоминал, как сам совсем недавно, работая начальником Днепростроя, «от сердца отрывал» на нужды Запорожья то бетон, то автотранспорт.

Атмосфера, царившая на заседании бюро обкома, помогает понять эпизод из повести А. Марфенко:

«Как бы доброжелательно ни были настроены сталинградцы к первоочередным нуждам нового в области, а вернее, в стране, строительства, и при всей значимости будущей гидростанции для энергетики гидростанции и местных нужд, удовлетворить даже минимальные просьбы, которые выставили на заседании бюро областного комитета партии < руководители Сталинградгидростроя>... было почти невозможно...

Сталинградгидрострой был для области, ещё далеко не оправившейся от жесточайшей битвы, и благом, так как она получала дополнительные правительственные ассигнования и фонды, и нахлебником: по крайней мере до тех пор, пока не будут реализованы предоставляющиеся возможности. Никто из членов бюро и приглашённых на его заседание не осмелился бы высказаться об этом вслух, хотя всё это было для них более чем очевидным. Продовольственных ресурсов едва хватало на две трети от общей потребности, а о жилье и говорить не приходилось. Его просто не было. Война оставила в городе разруху и солдатские землянки»¹.

И всё же первое заседание бюро обкома по оказанию помощи строителям Сталинградской ГЭС не прошло бесследно. Руководители предприятий — люди достаточно грамотные, чтобы понять, насколько большой общественный резонанс в стране вызвало решение о строительстве Сталинградского гидроузла. А значит, несмотря ни на что помогать придётся. Прямо на заседании бюро было решено, что в октябре сталинградские заводы — тракторный, «Баррикады», «Красный Октябрь», тяжёло-

¹ *Марфенко А. А.* Левобережцы. Волгоград: ГУ «Издатель», 1999. С. 51.

го крекингового оборудования — выделяют из своих фондов 100 комнат для размещения инженерно-технических работников Сталинградгидростроя. Лёд тронулся. Через несколько дней комсомольцы судостроительного завода взяли обязательство за счёт сэкономленных материалов построить буксир и передать его гидростроителям.

Не грех просить о помощи в первое время — все знали, что грандиозная стройка разворачивается практически на пустом месте. Но для того чтобы она могла нормально функционировать в дальнейшем, требовалось в предельно сжатые сроки создать собственное жилищное и производственное хозяйство. Подготовительные работы включали строительство предприятий для содержания и ремонта тысяч единиц транспортных средств и строительной техники. Предстояло обновить действующие и разработать новые карьеры инертных материалов — песка, щебня, камня. Необходимо было проложить в степи автомобильные и железные дороги, соединяющие строительные площадки с действующими магистралями, построить собственные железнодорожные станции и причалы на Волге и Ахтубе, складские помещения, способные принимать миллионы тонн грузов в год. А для их доставки и перевозки необходимо было иметь собственные автомобильные и железнодорожные парки, свой водный транспорт.

Чтобы обеспечить надёжную и своевременную поставку строительных материалов, оборудования и техники, следовало поставить весь процесс снабжения на плановую основу, закрепить Сталинградгидрострой за конкретными поставщиками, заручиться гарантиями со стороны Госплана и Госснаба.

Решению этих вопросов была посвящена первая командировка Логинова в Москву, состоявшаяся в начале октября 1951 года. Запись в дневнике Фёдора Георгиевича:

«Выехал в Москву для участия в защите в Госснабе наших заявок с проектом мероприятий по обеспечению строительства Сталинградской ГЭС, представленных в правительство во исполнение постановления СМ СССР от 16 августа 1950 г.

Результаты защиты для всех в общем удовлетвори-

тельные — на определённый контрольными цифрами объём работ на 1951 год»¹.

О контрольных цифрах объёма работ — разговор особый. Сейчас только заметим, что от принципиальных решений в правительственных инстанциях до их осуществления — путь долгий и ухабистый. Ведь даже те вопросы снабжения, которые входили в компетенцию МВД, решались «со скрипом». В частности, предусматривалось, что на первых порах Сталинградгидрострою будет оказана помощь со стороны Волгодонстроя, заканчивавшего сооружение Волго-Донского канала. Однако руководство этой стройки выполнять распоряжения своего министерства явно не торопилось. Обратимся вновь к дневнику Логинова:

«3/Х-50 г.

Предприятия Волгодонканала по непонятным причинам тормозят нас во всём. С 20/IX Рапопорт² обещал выделить кое-что из механизмов и средств транспорта, помогать лесозаводам — и всё оказалось мифом. Разговор с Рапопортом. Снова обещания...»³

Не намного лучше обстояло дело с выполнением заданий по снабжению Сталинградгидростроя и другими материалами, необходимыми в первую очередь. Например, в первой партии стройматериалов, прибывшей 22 сентября, было всего лишь 5 тысяч штук кирпича. 28 сентября доставили первый лес — 146 кубометров.

Проблема снабжения стройки стояла столь остро, что в конце января 1951 года она была вынесена на обсуждение пленума обкома ВКП(б), на котором с докладом «О задачах областной партийной организации в строительстве Сталинградской гидростанции и Волго-Донского канала» выступил И. Т. Гришин. Пленум оставил у Логинова неоднозначные впечатления:

«Доклад хороший, основан на фактическом материале и иллюстрирован картой размещения оросительных каналов и площадей.

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 208—209.

² Я. Д. Рапопорт — начальник Волгодонстроя МВД СССР.

³ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 204—205.

Было много выступлений в прениях. В моём выступлении были брошены упрёки в адрес ж. д. по паромной переправе, горкома — о невыполнении постановления об откомандировании специалистов в наше распоряжение, горплана и облплана — о необеспечении нас кирпичом. Выступивший начальник дороги тов. Тищенко нашёл моё выступление несолидным и неправильным, и расценил невыполненные ж. д. наряды на поставку старогодных рельсов¹ как благодеяние. Что дают вагоны сверх плана и шлак продают — это тоже благодеяние. Лживые утверждения и факты были произнесены спокойным и уверенным тоном.

Вначале было желание выступить со справкой и разоблачить его. Но затем от этой мысли отказался, не желая до конца осложнять отношения с руководством железной дороги. Факты... решил приберечь на другой раз, если возникнет в этом необходимость»².

О том, что за первые три месяца работы у Логинова многое наболело, говорит его беседа с писателем Виктором Уриным, состоявшаяся в декабре 1950 года. На ней Фёдор Георгиевич, как он сам пишет, «впервые вслух высказал своё неудовольствие отношением к Сталинградгидрострою со стороны руководства Министерства <внутренних дел>, которое выражается в следующих фактах:

1. Технической документации по строительству никакой нет, взятые Гидропроектом на себя обязательства в сентябре месяце по протоколу, а затем неоднократно повторенные просьбы остаются гласом вопиющего в пустыне.

2. На площадке совершенно отсутствует лес, и многократные просьбы о выделении леса остаются не удовлетворёнными...

3. Совершенно отсутствуют строительные механизмы, и наши просьбы о выделении минимума их остаются не удовлетворёнными.

¹ Старогодные рельсы — рельсы, ранее использовавшиеся и годные к эксплуатации.

² Там же. Л. 236—237.

4. Ничтожно малое количество автомашин не пополняется.

5. Высококвалифицированных инженеров-строителей к нам на работу не посылают.

6. Финансовое состояние очень тяжёлое, особенно по лагерю, а поставленные вопросы по улучшению финансов решаются очень медленно.

7. У нас находится на площадке 4000 человек, ожидаем ещё 1500 в декабре. Неизбежны простои, если снабжение материалами не улучшится.

8. Вопросы энергетики совершенно не решены и неизвестно, как будут решаться для 1951 года, особенно для первой половины года»¹.

Время, вперёд! Начинать подготовку к строительству ГЭС приходилось «с колёс», без проектной и рабочей документации, что, естественно, тормозило развёртывание основных работ. Когда Управление Сталинградгидростроя уже приступило к решению конкретных задач, разработка проектного задания по строительству Сталинградского узла была ещё далека от завершения. Об этом свидетельствует и дневниковая запись Логинова от 9 сентября 1950 года:

«Приехал С. Я. Жук. С утра было совещание в составе всех проектировщиков во главе с С. Я. Жук и Костровым², всех изыскателей, Медведева и меня. Проектировщики всю документацию ещё раз подвергли критике... <Затем> С. Я. Жук, Медведев С. Р. и все проектировщики выехали к геологам...»³

Пройдёт ещё полгода, прежде чем группа инженеров Сталинградгидростроя во главе с С. Р. Медведевым и его заместителем А. А. Артёменко наконец получит возможность детально рассмотреть материалы проектного задания Сталинградской ГЭС и самотёчного канала и высказать свои замечания по сооружениям гидроузла и отдельным видам работ.

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 217—219.

² И. Н. Костров — заместитель главного инженера Гидропроекта МВД СССР, руководитель бригады инженеров-проектировщиков Сталинградской ГЭС.

³ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 198.

С большой задержкой (в мае 1951 года) проектное задание было представлено в правительство и утверждено Советом министров через год, 3 мая 1952 года. Но ещё задолго до принятия окончательного решения начались разработка котлованов будущих гидросооружений и намыв защитных перемычек, развернулось строительство Волго-Ахтубинского канала, подсобных предприятий, складов и подъездных путей, жилья для вольнонаёмных рабочих и служащих.

Проектное задание Сталинградского гидроузла включало сооружение ГЭС с 17 гидроагрегатами (и дополнительным блоком для установки в дальнейшем 18-го гидроагрегата) общей мощностью 1785 мегаватт и выработкой электроэнергии около 10 миллиардов киловатт-часов в средний по водности год, возведение бетонной и земляной плотин с устройством по ним железнодорожной и автомобильной дорог через Волгу, строительство двухниточного двухкамерного бетонного шлюза (с камерами размером 290×30 метров и глубиной на порогах четыре метра) и Волго-Ахтубинского канала для обводнения реки Ахтубы, часть которой перекрывалась сооружениями гидроузла. Предусматривалось также сооружение нескольких высоковольтных ЛЭП.

Задержка сроков подготовки проектного задания и технической документации была связана в основном с двумя факторами. Во-первых, все проектные работы велись самым тщательным образом, их нельзя было форсировать в ущерб качеству проектирования. Во-вторых, пришлось столкнуться с невиданными ранее масштабами работ. Достаточно сказать, что в проектировании и дальнейшем решении проблем, возникавших в процессе строительства сооружений, помимо Гидропроекта и его филиалов приняли участие в общей сложности около 100 проектных институтов, НИИ, учебных заведений и заводских конструкторских бюро. Активную роль в этой работе сыграла Академия наук СССР, неоднократно проводившая выездные заседания на объектах Сталинградгидростроя по конкретным вопросам гидротехнического строительства.

На открытой модели Сталинградской гидроэлектро-

станции — так называемой «малой ГЭС», построенной летом 1951 года в пропорции 1:150 у подножия Мамаева кургана, проводились исследования по выбору компоновки основных сооружений, производству работ по перекрытию русла Волги, гашению энергии в нижнем бьефе, прорабатывались другие вопросы строительства. Благодаря тому, что Сталинградский гидроузел проектировался с учётом опыта, накопленного в ходе строительства и начальной эксплуатации Куйбышевской ГЭС, проектировщикам удалось избежать многих «подводных камней» и принять ряд рациональных решений.

Однако вернёмся к контрольным цифрам объёма работ на первый год строительства. Среди наиболее крупных проблем, с которыми пришлось столкнуться Логинову в начале строительства, выделялась одна, не дававшая ему покоя ни днём ни ночью, — «великая стройка эпохи» сразу же оказалась в тяжёлом финансовом положении, причём перспективы её нормального финансирования долгое время оставались неясными. Невесёлые размышления Логинова по поводу плановых капитальных вложений хорошо отражают записи в его дневнике. В качестве примеров приведём лишь некоторые из них.

«24/XI-50 г.

...На 1951 год предусмотрены капиталовложения 120 млн р., а строймонтажные — 65 млн р. Затем получены заверения т. Круглова, что за счёт внутренних перераспределений доведут размер строймонтажных до 200 млн руб. Это не радует, потому что в определении штата и сметы по накладным расходам приходится исходить из размера 65 млн р. строймонтажных.

На строительстве получается 2 плана. На какой ориентироваться? Не знаю.

После долгих раздумий решил поставить вопрос перед гг. Берия и Маленковым»¹.

21 декабря 1950 года, перед своей поездкой в Москву для постановки наиболее важных вопросов в правительственных инстанциях, Логинов делает такую запись:

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 215.

«Наконец окончательно привёл в порядок мысли о Сталинградгидрострое, с которыми обращаюсь в письмах к т. Берия Л. П. и т. Маленкову Г. М. Эти мысли в основном сводятся к тому, что если остаться на позициях плана 1951 г. (120 млн капвложений и 59 млн строймонтажных), то будут сорваны сроки, установленные постановлением правительства о вводе <электростанции> на полную мощность в 1956 г. Привожу расчёты: чтобы обеспечить выполнение этого постановления, нужно в 1951 году иметь капвложения 930 млн руб. и строймонтажные — 570 <млн руб.> Ставлю на решение вопросы, которые позволят состояние дел привести в соответствие с постановлением СМ от 16/VIII-1950 г.»¹.

Обратим внимание на огромную разницу между плановыми цифрами и теми объёмами финансирования, которые, по расчётам Логинова, необходимы, чтобы завершить строительство в установленные правительством сроки.

За первые три месяца работы Сталинградгидростроя накопилось столько нерешённых вопросов, тормозивших строительство, что Логинову пришлось провести в Москве, куда он выехал в двадцатых числа декабря 1950 года, целый месяц.

10 января 1951 года на заседание Бюро по топливной промышленности под председательством Л. П. Берии обсуждались вопросы строительства Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций.

«Проект постановления по Куйбышевской ГЭС был принят, поручено отредактировать и согласовать разногласия. А по нашему проекту² было предложено объёмы работ привести в соответствие с размером капвложений по народнохозяйственному плану на 1951 год и снова рассмотреть на Бюро по топливу...

От вопросов, которые давали бы намёк на увеличе-

¹ Там же. Л. 223.

² Речь идёт о подготовке проекта постановления Совета министров СССР по Сталинградской ГЭС, которое будет принято 24 января 1951 года.

ние против народнохозяйственного плана, пришлось отказаться»¹.

Судя по этим дневниковым записям Логинова, увеличивать размеры финансирования строительства Сталинградской ГЭС никто не собирался, а расчёты, представленные Управлением Сталинградгидростроя, всерьёз не рассматривались. Очевидно, что при определении плановых объёмов финансирования стройки в правительственных инстанциях руководствовались едва ли не остаточным принципом распределения средств. Во всяком случае, Сталинградский гидроузел среди других «великих строек коммунизма» никакими привилегиями не обладал — утверждения об особом отношении к стройке со стороны Сталина, которые встречаются в ряде публикаций, основаны лишь на предположениях авторов. Сакральный смысл названия будущей ГЭС не слишком-то беспокоил и крупных руководителей, прямо или косвенно связанных с её строительством, о чём свидетельствует дневник Логинова:

«15/1-51 г.

В течение дня, а затем ночью до 4 утра продолжалось согласование отдельных пунктов постановления с представителями заинтересованных министерств и ведомств... В общем складывается такое мнение, что “появлению на свет этого дитя никто не рад”. Не встретил ни одного министра или руководителя ведомства, который бы без сопротивления принял на себя какое-либо обязательство. Даже такие вопросы, которые были решены народнохозяйственным планом на 1951 год, и то считали ненужным записывать в постановление по Сталинградгидрострою.

И пока только один человек из аппарата Сов. Мин. Павленко А. С.² весьма активно старается помочь, сделать

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 228—229.

² *Алексей Сергеевич Павленко* (1904—1984) — заместитель Бюро по топливной промышленности при Совете министров СССР; в 1954—1958 годах — министр, затем — первый заместитель министра и вновь — министр электростанций СССР (в 1955—1957 годах Министерство электростанций возглавлял смещённый с должности председателя Совета министров СССР Г. М. Маленков).

всё возможное по защите интересов Сталинградгидростроя, по созданию таких условий, при которых Сталинградгидрострою удастся сделать максимум возможного к подготовке к развёртыванию работ. В А. С. чувствуется душа и любовь к гидрообъектам и искреннее желание выполнить не по фразе, а по существу постановление правительства. Даже трудно представить, что было бы с проектом постановления, если бы не он его готовил»¹.

Если попытки Логинова пересмотреть объёмы финансирования строительства Сталинградского гидроузла на 1951 год в сторону увеличения не увенчались успехом, то его настойчивость в решении других жизненно важных для Сталинградгидростроя вопросов, связанных в первую очередь с обеспечением стройки необходимыми материалами и техникой, была вознаграждена. 24 января 1951 года Совет министров СССР принял постановление «О мероприятиях по строительству Сталинградской гидроэлектростанции и магистрального обводнительного канала», которое переломило инертное отношение министерств и ведомств к нуждам сталинградских гидростроителей. Благодаря этому правительственному решению стройка не только стала обеспечиваться необходимыми материально-техническими ресурсами и кадрами, но, как отмечает знаток истории строительства Сталинградской ГЭС Л. И. Конин, получила большую общественную поддержку. «На предприятиях-поставщиках организовывались соревнования по досрочному выполнению заказов Сталинградгидростроя, а на железных дорогах открывались “зелёные улицы” для них. В адрес Гидростроя шли всевозможные предложения о помощи и сотрудничестве от общественных, научных, культурных организаций Союза и частных лиц. В общем, вся страна захотела участвовать в строительстве Сталинградской ГЭС»².

Как опытный хозяйственник, Фёдор Георгиевич понимал: для того чтобы раздвинуть узкие рамки финанси-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 230—232.

² Конин Л. И. Сталинградгидрострой. 1950—1961: Время, события, люди. Волжский, 2009. С. 27.

рования, необходимо не на словах, а на деле подтвердить способность Сталинградгидростроя выполнять объёмы работ, значительно превосходящие те, которые устанавливались государственными планами. Причём, как ставил задачу Логинов перед своими подчинёнными, «необходимо перевыполнение объёма работ не на десяток процентов, а в несколько раз».

На выполнение плана нацелена вся работа руководства строительства и его подразделений, включая лагерный сектор. Трбовательность начальника Управления к руководителям подразделений зашкаливает. Ещё находясь в командировке в Москве, в середине января, он шлёт на имя Медведева и других своих заместителей телеграмму, в которой выражает крайнее неудовольствие по поводу низких темпов работы и неудовлетворительного использования имеющихся возможностей.

Фёдор Георгиевич болезненно воспринимает любые проявления неуверенности и «капитулянтские» настроения. Вернувшись 23 января в Сталинград, застаёт (как ему кажется) сотрудников Управления в состоянии разброда и шатаний: «Очень мрачные мысли и настроение у людей. Чувствуется неразбериха. Нет слаженной работы и нет для них авторитета. Все недовольны и состоянием дел, и друг другом, все кругом виноваты, но никто сам себя не винит. Пока создал тройки для изучения дел в районах, проведения собраний с лагерными бригадирами и открытых партсобраний...

В основу работы — выполнение плана по номенклатуре и отдельных установочных приказов по строительству»¹.

Постоянные «накачки» подчинённых на организационно-технических совещаниях при начальнике строительства, на которых постоянно ставятся вопросы «о состоянии планирования и учёта сверху донизу, действенности плана и мероприятия по совершенствованию работы», приносят свои результаты. В какой-то мере удовлетворён ими и Логинов: «Чувствуется, что народ понемногу растёт. Но работа с народом не должна ослабевать, а наоборот — усиливаться, ибо стоя-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 234.

Главный директор электростанций II ранга Ф. Г. Логинов

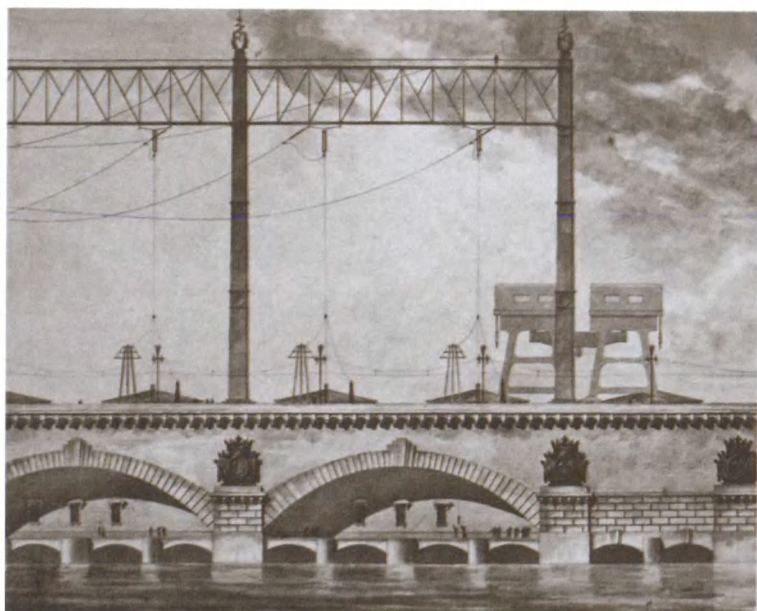
Монумент перед въездом на плотину Волжской ГЭС

Приметы и символы времени

Из проекта архитектурных решений Сталинградской ГЭС

Начальник строительства
Сталинградской ГЭС Ф. Г. Логинов

Главный инженер строительства
С. Р. Медведев

Удостоверение начальника Сталинградгидростроя

Палаточный городок первых строителей Сталинградской ГЭС

Земснаряды на намыве перемычек и осушении котлована ГЭС

Начало земляных работ на основных сооружениях ГЭС

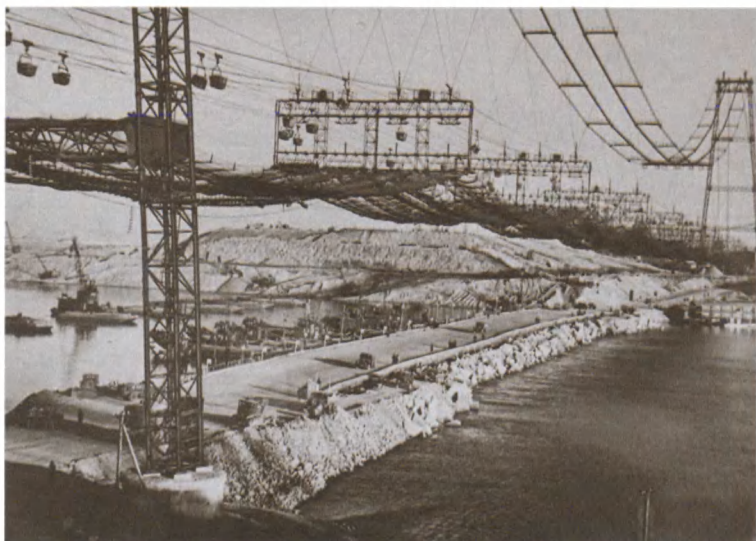
Укрепление шпунтами перемычек котлована — главной строительной площадки

На торжественной закладке первого бетона в фундамент здания Сталинградской ГЭС. *5 сентября 1954 г.*

Подвесная канатная дорога над Волгой

Начальный период строительства Сталинградской ГЭС

Сталинградская ГЭС перед сдачей в эксплуатацию

Премники: начальник
Сталинградгидростроя
А. П. Александров...

главный инженер А. Я. Кузнецов

Ф. Г. Логинов на объектах Сталинградгидростроя в ранге министра
строительства электростанций СССР

**Ф. Г. Логинов с супругой
Зоей Михайловной**

С сыном Борисом

«Износ у нас большой...»

Город будет! Рождение Волжского

Дворец культуры Сталинградгидростроя накануне завершения строительства

Старые кварталы молодого города. Улица Фонтанная

Стадион им. Логинова. Митинг, посвящённый завершению строительства Сталинградской ГЭС. *10 сентября 1961 г.*

Парк культуры и отдыха «Гидростроитель»

Счастлив тот, кто счастлив у себя дома

Волжская ГЭС сегодня

Памятник первостроителям Волжской ГЭС и города Волжского

Логинов. Художник В. Я. Литвинов

щие перед нами задачи требуют более быстрого темпа роста»¹.

В то же время создаётся впечатление, что в своей требовательности к руководителям подразделений Сталинградгидростроя за состояние дел на вверенных им участках работы Логинов чересчур прямолинеен и жёсток, нередко «перегибает палку», а иногда, о чём можно судить и по страницам дневника, бывает несправедлив к тем, кто не способен преодолеть установленную им планку. Последствия такого отношения к людям его нимало не беспокоят. А ведь привычка во имя интересов дела «рубить с плеча» держала сотрудников Управления в постоянном напряжении, породила тайных и явных недоброжелателей, приводила к серьёзным конфликтам, что порой не лучшим образом влияло на рабочий ритм стройки.

Близкое окружение, как правило, привыкает к особенностям характера своего начальника. Но дело в том, что, полагаясь на силу своего авторитета и значимость стройки, которую возглавлял, Логинов придерживался такой же линии поведения и в работе с руководителями смежных предприятий и организаций. Например, нелегко у него складывались отношения со Сталинградской конторой гидромеханизации, созданной на базе конторы № 5 гидромеханизации, переброшенной на строительство Сталинградской ГЭС из Киева. Дело в том, что это предприятие не подчинялось Сталинградгидрострою, а являлось самостоятельной организацией, находившейся в ведении МВД. В то же время от эффективности её деятельности зависел весь цикл подготовительных работ. Трудно переоценить её роль в организации строительства земснарядов на Сталинградской судовой верфи, в разработке и осушении котлованов, возведении перемычек и прокладке Волго-Ахтубинского канала. Возглавлял контору механизации опытный руководитель, гидромеханизатор первого поколения В. С. Сверановский. Если с директором Сталинградской судовой верфи, генерал-майором инженерно-технической службы Е. Э. Рубинчиком

¹ Там же. Л. 93.

у Логинова быстро установились хорошие деловые контакты (от темпов строительства и эффективного использования земснарядов в решающей степени зависело выполнение основных объёмов работ начального периода строительства ГЭС), то отношения с начальником Сталинградгидростроя складывались довольно сложно. Об этом можно судить и по дневнику Логинова:

«22/III-51 г.

Снова разбирался с материалами Гидромеханизации, окончательно убедился, что графики у них составлены в расчёте на лёгкую жизнь, как им выгодно, абсолютно не считаясь с общими сроками начала и конца других работ. Графики они составили в расчёте на те механизмы, которые заказаны по нашим кредитам. И более ничем они не располагают, поскольку из графиков явствует, что Гидромеханизацию они рассматривают как самоцель, а не как средство, гарантирующее выполнение постановления правительства.

Я от дальнейшего рассмотрения документов отказался, заявив, что буду рассматривать только такие мероприятия, которые обеспечат выполнение постановления Совета Министров... Их представитель — начальник Сталинградской конторы — был разочарован и ушёл...»¹

Одной из причин недопонимания между двумя руководителями явилось упорное стремление Фёдора Георгиевича включить контору гидромеханизации в структуру Сталинградгидростроя и подчинить её Управлению строительства. По мнению Сверановского, здесь сказалась привычка Логинова «всё брать на себя», однако не учитывались специфика организации и её дальнейшие перспективы. Сталинградская контора входила в структуру Управления гидромеханизации, которое вело работы на многих гидротехнических объектах (скажем по-другому: Сталинградская ГЭС была для него далеко не единственной стройкой), обладало большими ресурсами, квалифицированными инженерно-техническими кадрами и отлаженными связями с поставщиками обо-

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 96—97.

рудования, материалов, запасных частей. Все споры в конце 1951 года завершились приказом министерства, подтверждающим, что Сталинградская контора гидромеханизации — самостоятельная организация, которая является субподрядчиком Сталинградгидростроя. Приказ положил конец разногласиям. «К чести Ф. Г. Логинова, — вспоминал В. С. Сверановский, — он в дальнейшем не чинил препятствий гидромеханизаторам»¹...

Конечный успех сражения зависит от солдата, выполнение плановых заданий строительства — от рабочего. И в первом, и во втором случае решающее значение имеет выучка личного состава.

Мы уже говорили о том, что комплектование состава вольнонаёмных рабочих в начальный период строительства шло в основном экстенсивным путём — потребности в рабочей силе были столь велики, что выбирать не приходилось. Многие из прибывавших на стройку, особенно из числа молодёжи, не имели ни строительных профессий, ни опыта работы в подобных коллективах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в первые месяцы строительства выработка на одного строительномонтажного рабочего в среднем составляла всего 64 процента от плановой. В начале 1951 года около 40 процента строителей не выполняли нормы выработки². В этих условиях первостепенную роль приобретала работа по профессиональной подготовке кадров.

Задача профессионального обучения рабочих обсуждалась на одном из первых организационно-технических совещаний при начальнике строительства в декабре 1950 года. Тогда было принято решение организовать их техническую учёбу и четыре часа в неделю отвести на работу по повышению квалификации. Однако требовалось в короткие сроки наладить системную работу по подготовке квалифицированных кадров. В этих целях при Управлении Сталинградгидростроя был создан учебный

¹ Историю делаем сами: В 2 т. Волгоград: Волга-Паблицер, 2011. Т. 1. С. 36.

² Глухова Е. М. Вольнонаёмные и заключённые на строительстве Сталинградской ГЭС (1950—1953 гг.). Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2008. С. 42.

пункт, который определил основные направления этой работы. Они сводились к следующему:

планирование и обеспечение финансирования всех мероприятий по подготовке, переподготовке и повышению квалификации ИТР, рабочих и служащих Сталинградгидростроя;

организация и обеспечение выполнения плана подготовки кадров из вольнонаёмных кадров как с отрывом, так и без отрыва от производства;

организация и обеспечение выполнения плана повышения квалификации ИТР, рабочих и служащих без отрыва от производства;

планирование, приём и распределение студентов высших учебных заведений на производственную практику;

руководство и контроль за заочной подготовкой среднего и старшего начальствующего состава.

Основными формами повышения квалификации рабочих Сталинградгидростроя стали производственно-технические курсы, школы передового опыта, бригадное обучение, которое в зависимости от производственных условий проводилось либо путём направления обучающихся в производственную бригаду, либо путём создания ученических групп во главе с бригадиром, одновременно являвшимся руководителем производственного обучения. За 1951 год бригадным методом обучения приобрели специальность или повысили свою квалификацию 2 тысячи человек, за 1952 год — около 2,5 тысячи человек.

По сведениям А. В. Захарченко, в течение 1952 года на учебной базе Сталинградгидростроя было подготовлено с отрывом от производства около 1,4 тысячи механизаторов (шофёров, экскаваторщиков, трактористов и работников других профессий), за этот же год без отрыва от производства строительные специальности получили 7,5 тысячи вольнонаёмных работников и заключённых¹.

¹ *Захарченко А. В.* Трудовые ресурсы ГУЛАГа на «великих стройках коммунизма». 1948—1953 гг.: мобилизационные возможности системы или тупик лагерной экономики? // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 5 (23). С. 562 (DOI: 10.7256/2222-1972.2014.5.14684).

Необходимо сказать, что в первые месяцы и годы большую помощь Сталинградгидрострою в обучении специалистов оказывало Управление Волго-Донского канала, на учебном комбинате которого была подготовлена первая группа экскаваторщиков. Осенью 1952 года, после окончания строительства канала, Сталинградгидрострой завербовал на Волго-Доне свыше 400 высококвалифицированных рабочих — сварщиков, слесарей-монтажников, автослесарей, шофёров, трактористов.

Заметный вклад в решение кадровой проблемы стройки внесли организации и предприятия Сталинградской области. Так, областная автошкола для работы на строительстве ГЭС подготовила большую группу шофёров. Сталинградский тракторный завод стал постоянной учебной базой, на которой проходили профессиональную подготовку трактористы-бульдозеристы и скреперисты, на заводе нефтяного машиностроения им. Петрова обучались электрогазосварщики.

Постоянная забота Управления Сталинградгидростроя о повышении квалификации рабочих приносила свои плоды, сказалась на росте производительности труда и выполнении плановых заданий. Например, годовой государственный план на 1951 год был выполнен уже к июлю, а к 1 января 1952 года была успешно завершена пересмотренная и значительно увеличенная производственная программа. Несмотря на сохраняющуюся высокую текучесть кадров, резко сократилось число рабочих, не справляющихся с нормами выработки: в 1952 году их удельный вес не превышал 8 процентов, а производительность труда по выработке в среднем составляла 132 процента. Результаты отразились не только на выполнении Сталинградгидростроем основных плановых показателей — происходил значительный рост заработной платы рабочих. Так, в мае 1952 года она в среднем превысила 888 рублей, что было сопоставимо с зарплатами на крупных промышленных предприятиях Нижнего Поволжья (для сравнения: на Саратовском заводе «Серп и молот» она составляла 756 рублей). С распространением передовых методов организации труда (создание комплексных бригад, внедрение поточно-ско-

ростного метода гражданского строительства и т. п.) зарплата высококвалифицированных рабочих стройки, особенно шофёров, механизаторов, сварщиков, нередко достигала двух тысяч рублей и более¹.

Профессиональной учёбой были охвачены все звенья производства и управления строительства. В первом полугодии 1951 года в соответствии с постановлением Совета министров СССР при Сталинградгидрострое была организована рассчитанная на 100 человек школа мастеров социалистических методов труда с годичной программой обучения с отрывом от производства. Для учащихся школы была установлена солидная стипендия — 600 рублей в месяц.

В том же году был решён вопрос об организации Сталинградского гидротехнического техникума², который начал готовить специалистов по строительным и гидротехническим специальностям. А 1 сентября 1954 года в Волжском был открыт филиал этого учебного заведения — вечерний энергостроительный техникум, в котором за время строительства 742 работника Сталинградгидростроя получили дипломы техников-строителей, механиков, гидротехников и энергетиков.

Обратим внимание читателя, что управление строительства поощряло не только тех, кто поступал учиться без отрыва от производства на вечерние и заочные отделения высших и средних специальных учебных заведений. Логинов исходил не только из сиюминутных интересов стройки — он работал на перспективу, прекрасно понимая, что завтра Сталинградской ГЭС и строящемуся городу Волжскому понадобятся ещё более образованные и квалифицированные специалисты. Поэтому он всегда благосклонно относился к способным молодым людям, решившим продолжить образование на дневных отделениях вузов и техникумов, более того, с видимым удовольствием подписывал и часто сам выдавал им путёвки и направления на учёбу.

Фёдор Георгиевич не только всю жизнь учился сам,

¹ См.: Глухова Е. М. Указ. соч. С. 52.

² Ныне — Волжский политехнический техникум.

но и требовал этого от своих подчинённых, весьма скептически относился к специалистам, довольствовавшимся только ранее приобретёнными навыками и имевшимся запасом знаний. О характерном примере рассказали автору первостроители Волжской ГЭС и города Волжского. Одним из первых шагов начальника Сталинградгидростроя стало создание при управлении строительства научно-технической библиотеки. Создавалась НТБ под непосредственным руководством ближайшего соратника Логинова главного инженера стройки С. Р. Медведева и специально откомандированного из Москвы специалиста — сотрудника Государственной научной библиотеки Н. И. Левтеровой. С 1951 года библиотеку возглавила Н. П. Орлова, под руководством которой НТБ превратилась в настоящий интеллектуальный центр Волжского, а её фонд достиг полумиллиона экземпляров. Но главное, с самого начала научно-техническая библиотека играла роль важнейшего структурного подразделения Сталинградгидростроя. Если человек занимал на стройке хоть какую-то руководящую должность, он был обязан быть читателем библиотеки и пользоваться специальной литературой. Без этого — будь ты бригадир, начальник участка или прораб — о дальнейшем продвижении по служебной и профессиональной лестнице можно было забыть. Нетрудно представить, как это воспитывало строителей, — ведь для них самостоятельное приобретение специальных знаний стало одним из основных жизненных ориентиров.

Кстати, и это также является одной из важных заслуг Логинова, возведение Сталинградской ГЭС назовут «университетом гидростроительства». И дело не только в том внимании, которое уделялось в Сталинградгидрострое профессиональной подготовке специалистов. Стройка стала настоящим научным центром, в котором аккумулировался передовой опыт возведения ГЭС. На ней апробировались передовые разработки научно-исследовательских и проектных центров страны, регулярно проводились научно-технические конференции для руководящих кадров из различных регионов с привлечением бригад учёных из Академии наук СССР, с которой

по инициативе С. Р. Медведева Сталинградгидрострой заключил договор о сотрудничестве.

Первая бригада АН СССР во главе с участником разработки плана ГОЭЛРО академиком В. С. Кулебакиным посетила стройку в ноябре 1951 года. Состоялась первая в стране научно-техническая конференция, проходившая непосредственно на строительстве ГЭС с участием крупных учёных и строителей. С основным докладом, посвящённым научно-техническим проблемам строительства крупнейших гидроузлов страны, выступил В. С. Кулебакин, о работе Академии архитектуры по решению проблем, связанных с возведением города для строителей гидроэлектростанции, рассказал её вице-президент, профессор В. М. Келдыш. Доклад об основных принципах организации бетонных и земляных работ сделал главный инженер Сталинградгидростроя С. Р. Медведев.

Вторая научно-техническая конференция Сталинградгидростроя с участием научных работников Академии наук СССР и научных институтов страны состоялась в июне 1953 года. На ней рассматривались вопросы, связанные с предстоящими бетонными работами на строительстве ГЭС. Особый интерес строителей вызвали доклады академика П. А. Ребиндера — «Современная теория схватывания и твердения бетона» и доцента И. Г. Совалова — «Опыт бетонирования в зимних условиях».

Кстати, на стройку приглашались ведущие учёные и специалисты не только в области гидротехнического и гражданского строительства. Весной 1952 года на строительстве Сталинградской ГЭС находилась комплексная клиническая экспедиция Академии медицинских наук СССР, которая оказала существенную профессиональную помощь медицинскому персоналу Сталинградгидростроя, провела большую работу по организации лечебно-консультативной практики.

...Стройка набирала обороты. Ставка Логинова на перевыполнение плановых заданий себя оправдала. Пожалуй, после того, как все дискуссии об увеличении объёмов финансирования были закрыты, это было единственно верное стратегическое решение. Из обещания

министра внутренних дел Круглова за счёт перераспределения внутренних ресурсов довести в 1951 году финансирование до 200 миллионов рублей Фёдор Георгиевич понял главное: дверь остаётся открытой. Это заверение С. Н. Круглов, по сути дела, повторил во время встречи с Ф. Г. Логиновым в МВД 20 января 1951 года: «О перспективах строительства будем говорить после конца первого квартала»¹.

Было ясно: дополнительные средства будут выделяться только тем, кто их осваивает.

Из докладной записки министра внутренних дел С. Н. Круглова И. В. Сталину о ходе строительства Сталинградской ГЭС от 8 июля 1951 года:

«Всего по состоянию на 1 июля 1951 года Сталинградгидростроем МВД СССР из годового плана 123,5 миллиона рублей выполнено капитальных работ на сумму 82 миллиона рублей, что составляет 66,4 процента годового плана. По строительно-монтажным работам из 60 миллионов рублей выполнено 47 миллионов рублей, или 79 процентов годового плана...

Достигнутый в июне с. г. уровень строительных работ и необходимой рабочей силы и инженерно-технических работников показывает, что выделенные Сталинградгидрострою капиталовложения на 1951 год будут полностью освоены к 1 августа 1951 года.

В связи с этим МВД СССР во избежание замедления темпов работ на строительстве Сталинградской гидроэлектростанции, простоя рабочей силы и строительных механизмов возбудило ходатайство перед Советом министров СССР об увеличении капитальных работ 1951 года по строительству Сталинградской гидроэлектростанции на 130 млн рублей.

Увеличение плана капитальных работ на 1951 год по строительству Сталинградской гидроэлектростанции вызывается необходимостью в текущем году выполнить работы по увеличению жилого фонда, строительству автомобильных дорог, внутрипостроечных железнодорожных путей, подсобных предприятий и начать работы по

¹ См.: РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 215, 232—233.

строительству перемычек, котлована гидроэлектростанции, плотины и шлюзов»¹.

Эта записка легла в основу постановления Совета министров СССР от 25 августа 1951 года «О мероприятиях по оказанию помощи по строительству Сталинградской гидроэлектростанции и магистрального обводнительного канала во втором полугодии 1951 года». Новый правительственный документ внёс заметный перелом в решение проблемы финансирования стройки и дал очередной толчок смежным предприятиям, организациям-поставщикам Сталинградгидростроя — любой руководитель понимал, что мероприятия, утверждённые Советом министров, не обсуждаются, а подлежат исполнению. Для коллектива строителей постановление послужило серьёзным моральным стимулом — людей, особенно тех, кто окончательно решил связать свою судьбу с великой стройкой, вдохновляла реальная забота правительства о состоянии дел на строительстве Сталинградской ГЭС.

Итоги 1951 года вселяли оптимизм.

Досрочно, 20 декабря, был выполнен годовой план капитальных вложений, а по итогам года Сталинградгидрострой занял третье место среди строительных организаций МВД СССР.

В новом, 1952 году плановый годовой объём работ для Сталинградгидростроя был увеличен сразу в 2,5 раза. Новые рубежи, на которые предстояло вывести стройку, сулили и новые испытания, неизбежные при таком масштабном строительстве. Но Логинов, не привыкший довольствоваться малым, наконец-то почувствовал себя в родной стихии. Чувство это было сродни тому состоянию, в котором пребывают одарённые атлеты, нацеленные только на победу, на достижение наивысших результатов.

Были и серьёзные предпосылки, придававшие Логинову уверенности в том, что Сталинградгидрострой идёт верным курсом. 24 апреля 1952 года было принято постановление Совета министров СССР «О мероприя-

¹ Заключённые на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР... С. 140—142.

тиях по строительству Сталинградской ГЭС в 1952 году и о подготовке к выполнению работ в 1953 году», которое предусматривало обеспечение стройки соответствующими материально-техническими ресурсами.

Читатель наверняка обратил внимание на то, что менее чем за полтора года по текущим проблемам строительства Сталинградской ГЭС вышло три правительственных постановления. Не секрет, что появление этих документов стало прежде всего результатом твёрдой позиции и настойчивости Логинова в правительственных инстанциях, его стремления убедить руководящие органы в реальности завершения строительства гидроэлектростанции в 1956 году — в изначально намеченные сроки.

И всё же, как мы знаем, в силу целого ряда причин, возникших после смерти И. В. Сталина, в переломный момент нашей истории, сроки ввода Сталинградской ГЭС в строй действующих были перенесены на более позднее время. Однако к весне 1953 года благодаря целенаправленным действиям руководства Сталинградгидростроя, поддержанным правительством, стройка приобрела такой размах, что остановить её было уже невозможно.

НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ, ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Открытие собрания партийного-хозяйственного актива Сталинградгидростроя, впервые проходившего в новеньком клубе гидростроителей (он же — кинотеатр «Знамя»), оборудованном в одном из первых каменных домов Волжского, задерживалось. Зал заметно волновался: в кулуарах собрания прошёл слух, что докладчик — начальник строительства Логинов с утра уехал на заседание бюро обкома партии «за очередным выговором»¹.

¹ В декабре 1953 года бюро Сталинградского обкома ВКП(б) вынесло Ф. Г. Логинову строгий выговор с занесением в учётную карточку.

Поскольку никто толком не знал, что именно вменялось Логинову в вину, гадали, чем там всё может закончиться. При этом практически все присутствующие, включая и тех, кто не относил себя к сторонникам Фёдора Георгиевича (слишком для многих он был неудобен), надеялись на то, что до «оргвыводов» дело не дойдёт: никто не представлял стройку без Логинова.

Наконец руководитель Сталинградгидростроя вошёл в зал — как всегда, уверенной и быстрой походкой...

Об этом памятном собрании рассказал автору его участник, первостроитель Сталинградской ГЭС С. А. Яковлев. Больше всего Сергею Александровичу из выступления Логинова запомнились проникновенные слова, обращённые к присутствующим:

«Вам выпала честь начинать великую стройку с нуля. После вас придут другие, ваши дублёры. Но они уже будут только приспособлять под себя то, что сделали вы».

Интересно, что на том же собрании партхозактива присутствовал А. А. Марфенко, который, будучи корреспондентом газеты «Стройка коммунизма», записывал в свой журналистский блокнот всё, о чем говорил Логинов. Один из фрагментов его выступления он привёл в своей повести «Левобережцы»:

«Смотрю я на вас, дорогие мои “начинальщики” (Логинов имел в виду, что присутствующим в зале суждено пережить самый трудный — начальный период работ. — А. Ж.), на ваши плечи легли и вся неустроенность быта первых дней дней стройки, и бездорожье, и, что очень важно, создание всего нулевого цикла гидростанции и города... Сколько могу, кланяюсь вам и горжусь вами. Но такова судьба... и с этим ничего не поделаешь. Вслед за вами придут другие — “кончалники”. Им будет честь и слава»¹.

По собственному опыту Логинов хорошо знал: лавры победителей достанутся тем, кто придёт позднее и будет завершать стройку. А после тяжёлого разговора на бюро обкома партии появилось у Логинова предчувствие, что

¹ *Марфенко А. А.* Левобережцы. Ч. 2. Волгоград: ГУ «Издатель», 2001. С. 107.

не суждено будет ему, как и многим его соратникам, довести строительство ГЭС до победного конца. Тем более что сроки сдачи гидроэлектростанции в эксплуатацию уже были сдвинуты на несколько лет. К тому времени многое из того, что было сделано в первые годы, забудется, потеряет свои зримые очертания, скрывшись под волжскими водами после затопления котлована и перекрытия прорана.

Были у Фёдора Георгиевича и другие причины для невесёлых мыслей. Постоянное напряжение, работа на износ сказывались на состоянии здоровья. На это обращает внимание Н. И. Шелехова — первый врач строительства. Приехала Нинель Исидоровна на строительство ГЭС 3 октября 1950 года, когда в степи на левом берегу Волги стояли лишь две палатки, в которых и жили первопроходцы. Сначала она работала врачом санчасти ОЛП № 2, позднее стала доверенным врачом объединённого стройкома Управления строительства. Довелось ей лечить и Ф. Г. Логинова, общаться с ним. Вспоминала она прежде всего о том, сколько здоровья Фёдору Георгиевичу стоили бурные совещания и споры, головной боли и взыскания, после которых приходилось оказывать ему срочную медицинскую помощь — физические ресурсы человека не безграничны¹.

Болезнь дала о себе знать осенью 1952 года. Ноябрь и декабрь ушли на лечение и восстановление: первый месяц Фёдор Георгиевич провёл в постели, после чего проходил реабилитацию в санатории Кисловодска. И года не прошло, как случилось новое серьёзное обострение. Вновь больничная койка, на этот раз в московской клинике.

О своём физическом состоянии Логинов не распространялся. Была, правда, минута откровения, о чём журналист Анатолий Аграновский вспоминал позднее, когда Фёдора Георгиевича уже не стало:

«Один только раз мне удалось поговорить с Логиновым о нём самом. Мы плыли на катере, и время начальника стройки было свободно. Была осень, давно уж за-

¹ См.: Историю делаем сами... Т. 1. С. 21.

кончились регулярные рейсы теплоходов, на Волге стоял туман, и катерок плыл медленно, чуть ли не на ощупь.

Логинов стоял, крепко держась за поручни, смотрел на Волгу. Со спины он был особенно могуч — осанистый, широкоплечий, с крепкой шеей борца. Долго стоял... Я впервые подумал, что немолод этот человек. И ещё мне показалось, что он прочитал мои мысли.

В каюте Логинов вдруг загрустил.

— Это моя лебединая песня. Дай бог, если успею сдать гидроузел — память по себе оставлю людям...

— Лебединая песня, — повторил он. — Как-то даже себя убедил в этом. Мне ведь перевалило на шестой десяток... Износ у нас большой.

И ещё он сказал:

Самое страшное в смерти — молчание»¹.

...Даже имея представление об истории строительства Сталинградской ГЭС, из массы задач, решаемых руководством Сталинградгидростроя в подготовительный период, трудно выделить те, которые являлись приоритетными. И всё же попытаемся обозначить основные направления, на которых Управление строительства сосредоточило внимание в 1952 году.

Прежде всего отметим наращивание темпов строительства жилья и объектов культурно-бытового назначения в посёлке Волжский, кирпичных домов в литерных кварталах, приспособленных для размещения заключённых ИТЛ (в дальнейшем они будут переоборудованы под обычные жилые дома). Хотелось бы обратить внимание на то, что проблема жилья для вольнонаёмных рабочих стояла настолько остро, что её нельзя было решить, отказавшись от возведения временного жилья, лишь путём строительства капитальных жилых зданий. Поэтому в 1952 году наряду с возведением каменных домов в будущем городе на острове Зелёный, в непосредственной близости к основным сооружениям гидроузла, развернулось строительство посёлка из щитовых домов, сборка которых велась поточно-скоростным методом. Там же

¹ См.: *Аграновский А. А. Семь лет: Рассказ о том, как будущее становится настоящим* // Знамя. 1959. № 1. С. 160.

был установлен и временный палаточный лагерь на две тысячи человек.

Широким фронтом велись работы по созданию производственной базы, необходимой для успешного строительства ГЭС. Были введены в действие заводы товарного бетона и раствора, асфальтобетонный завод, цех железобетонных и гипсолитовых изделий. Приступил к выпуску продукции центральный ремонтно-механический завод (ЦРМЗ), предназначенный для капитального ремонта экскаваторов, тракторов и изготовления металлических конструкций и металлоизделий, началось строительство авторемонтного завода.

О масштабах разворачивающегося строительства можно судить по колоссальному росту грузопотоков в адрес Сталинградгидростроя: в отдельные дни на стройку только по железным дорогам прибывало до 300 вагонов. А ведь кроме этого значительная часть материалов и оборудования доставлялась водным и автомобильным транспортом. Для того чтобы обеспечить приём такого объёма грузов и их доставку на объекты, нужно было создать мощную транспортную систему, включающую широкую сеть автомобильных дорог и железнодорожных путей со станциями, складами, базами обслуживания, причалами на Волге и Ахтубе.

Ещё в марте 1951 года в распоряжение Управления железнодорожного транспорта (УЖДТ) Сталинградгидростроя прибыл первый паровоз серии «9П», на водяных баках которого красовалась надпись: «Великой стройке от коллектива Муромского паровозостроительного завода». В течение года стройка получила шесть таких паровозов, затем на смену «малышкам», как их называли, пришли более мощные локомотивы серии «Э». Со временем парк УЖДТ стал насчитывать 42 паровоза, 35 мотовозов, десятки железнодорожных, порталных и башенных кранов, а общая протяжённость внутрипостроечных железнодорожных путей превысила 300 километров.

Транспортировка с каждым днём возрастающего грузового потока была делом исключительно сложным. Так, прибывающие на правый берег вагоны с материа-

лами и оборудованием переправлялись через Волгу паромом. На левом берегу формировались новые поезда, которые через станцию «Паромная» направлялись на внутрипостроечные пути.

Проблему доставки грузов на левый берег, к основным строительным площадкам гидроузла, помогло решить уникальное инженерное решение. В декабре 1952 года началось строительство четырёхкилометровой подвесной канатной дороги и вантового пешеходного перехода через Волгу. Канатная дорога крепилась на двух металлических опорах высотой 132 метра (один пилон был установлен на правом берегу, другой — на левом). Грузы, в основном песок, камень и щебень, перемещались непрерывным потоком в вагонетках, которые наполнялись, двигались к противоположному берегу, автоматически разгружались и возвращались. По этой транспортной артерии за годы строительства было перевезено свыше пяти миллионов кубометров инертных материалов.

К середине 1952 года было завершено строительство первой очереди высоковольтной ЛЭП на 110 киловольт с уникальным переходом через Волгу, и на стройку стал поступать промышленный ток от Сталэнерго. До этого жилые посёлки на левом берегу, строительные площадки, механизмы и земснаряды питали временные дизельные электростанции и два электропоезда, но растущая с каждым днём потребность в электроэнергии значительно превосходила их суммарную мощность. К прокладке Волго-Ахтубинского канала, выемке грунтов в котловане и намыву перемычек приступили земснаряды с электродвигателями мощностью до пяти тысяч киловатт, потребляющими энергии столько, что её хватило бы для освещения среднего областного города.

А ведь только с использованием земснарядов можно было выполнить огромный объём работ, связанных с подготовкой к строительству основных сооружений гидроузла. Водосливная плотина, здание гидроэлектростанции, судоходный шлюз и примыкающая к левому берегу земляная плотина должны были возводиться на сухом месте, на гигантской строительной площадке,

расположенной в котловане и защищённой от волжских вод надёжными перемычками.

До начала работ по сооружению котлована нужно было решить ещё одну проблему, вызванную тем, что левый рукав Волги — Ахтуба, берущая своё начало в районе строительства, — перегораживался верховой перемычкой котлована. Новым истоком Ахтубы, расположенным ниже по течению Волги, стал Волго-Ахтубинский канал длиной 6,5 километра. Земснаряды, которые участвовали в его прокладке, шли навстречу друг другу — со стороны Волги и со стороны Ахтубы. Пионерная прорезь была завершена 20 октября 1952 года, после чего началась разработка судового хода в обратных направлениях. Весной, с началом навигации 1953 года, канал был сдан в эксплуатацию.

Летом 1952 года к району строительства подошёл новый сверхмощный земснаряд-«тысячник» (он был способен за час вынимать 1000 кубометров грунта), созданный коллективом Сталинградской судовой верфи. На его борту красовалась надпись «Сталинградцы — Сталинградгидрострою». Это судно стало флагманом технической флотилии, состоявшей как из земснарядов, изготовленных судостроителями Сталинграда, так и тех, что прибыли на строительство Сталинградской ГЭС после завершения гидротехнических работ на Цимлянском гидроузле и Волго-Донском канале.

Разработка котлованов и намыв защитных перемычек велись в районе острова Песчаный, через который пролегал створ гидроэлектростанции. Представление о размахе работ дают размеры сооружений: длина котлована ГЭС составляла 726 метров, ширина — 420 метров; котлован под водосливную плотину имел 778 метров в длину и 578 метров в ширину. В самом начале работ оба котлована были объединены. Площадь главной строительной площадки, которая со временем приобрела вид настоящего индустриального центра, насчитывала несколько десятков гектаров, а длина ограждающих её перемычек составляла 8 километров.

Если защитные дамбы на острове Зелёный, предохраняющие его от затопления паводковыми водами,

были отсыпаны сухим способом, то все перемычки котлована были намыты земснарядами. Разработанный разрыхлителями земснарядов грунт смешивался с водой, и образованная таким образом смесь — пульпа всасывалась мощными насосами в трубы и по ним поступала к месту намыва (земснаряды были способны перебрасывать пульпу на расстояние до 3 километров).

Помимо своего прямого назначения перемычки выполняли и ряд других важных функций. По широким гребням дамб прокладывались транспортные коммуникации, в том числе и внутрипостроечные железнодорожные пути, на них размещались подсобные предприятия и монтажные площадки.

Следует отметить, что впервые в истории гидростроения земснаряды не прекращали свою работу и зимой. Поскольку опыта зимнего намыва не было, гидромеханизаторам пришлось столкнуться с рядом сложнейших проблем. Так, чтобы избежать сковывания земснарядов льдами, было решено углубить разработку до 20 метров. В результате происходило смещение, а затем и обрушение песчаного грунта, вызывавшее такую сильную волну, что она ломала лёд. Чтобы не дать земснарядам замёрзнуть, экипажи несли вахту круглые сутки. Трубы прокладывали прямо по льду, который заменял обычные понтоны. Стоит ли говорить о стойкости и мужестве людей, которым приходилось заниматься этим и в пургу, и в двадцатиградусные морозы.

Но не все инженерные и новаторские решения приносили желаемые результаты.

Намытые песчаные дамбы котлована с наружной стороны укреплялись мощными стенами из шпунтов — широкими металлическими сваями, глубоко забитыми в грунт и плотно связанными между собой с помощью замков — специальных соединительных конструкций. Сжатые сроки строительства, желание удешевить его путём внедрения передовой техники порой заставляли гидростроителей идти на определённый и не всегда оправданный риск. Шпунты решили погружать не с помощью привычных сваебойных молотов, а новым способом — методом вибрирования. Однако вибропогру-

жатели ещё не прошли полного цикла испытаний, и в процессе работ выявились конструктивные недоработки новых механизмов, что, естественно, сказалось и на их качестве. Частые поломки вибропогружателей и отсутствие у строителей опыта шпунтовых работ с их применением привели к потере драгоценного времени, оставшегося до начала весеннего ледохода и паводка.

Несмотря на то что план 1952 года Сталинградгидрострой перевыполнил и вновь вошёл в число лучших строек МВД, в первые месяцы нового года обстановка на стройке была тревожной. Самая трудоёмкая часть производственного процесса по сооружению котлована оказалась незавершённой. К началу года из 10,1 тысячи тонн шпунта было забито только 4,1 тысячи тонн. Возникла довольно острая ситуация, связанная с надёжностью защиты котлована: если его не удастся укрепить по всему периметру к началу паводка, то волжская вода может снести всё, что было сделано за предшествующий год и на острове Песчаный, и на острове Зелёный. Могла разыгаться настоящая драма, и все силы Сталинградгидростроя в течение января — мая 1953 года были направлены на то, чтобы предотвратить её. Управлению строительства, всему коллективу стройки, пожалуй, впервые довелось выдержать такое серьёзное испытание на прочность.

Сложившаяся ситуация напоминала ту, что пережил Логинов в преддверии весеннего паводка 1945 года на Днепрогэсе. Тогда люди выстояли: возведённая ими в экстремальных условиях защитная дамба выдержала мощный напор днепровских вод. Как и весной 45-го, с приближением решающего удара могучих природных сил отсчёт времени в Сталинградгидрострое пошёл на часы.

15 апреля в 12 часов 40 минут, когда работы по укреплению всех перемычек и дамб ещё не были завершены, произошла первая подвижка льда. В суженном русле реки — проране возникли нагромождения льда, напирающие на верховой оголовок¹ и стальные перемычки

¹ Верховой оголовок — место сопряжения верховой и продольной перемычек.

котлована. На помощь мирной стройке пришла военная авиация — над Волгой загремели взрывы. Лёд тронулся, воздвигнутые строителями сооружения выстояли. Однако сражение со стихией ещё не окончилось. 19 апреля начался стремительный подъём воды — за двое суток она поднялась более чем на три метра. Несколько дней и ночей продолжалось укрепление откосов, вывозились в безопасные места механизмы и оборудование.

Перемычки котлована выдержали натиск реки, но Волга не унималась. Уже в мае, когда паводок набрал полную силу, мощные потоки, миновав проран, устремились к острову Зелёный и стали подтачивать его берега. Начались крупные обвалы, создалась реальная угроза затопления острова. К местам обрушений двинулся поток автомашин с камнем, щебнем, матами из хвороста. В этой заключительной операции было задействовано свыше ста самосвалов.

Экзамен на прочность был выдержан. Но паводок — далеко не единственное серьёзное испытание, которое выпало на долю Сталинградгидростроя в 1953 году. После мартовского указа об амнистии стройка оказалась перед лицом тяжелейшего кадрового кризиса. Как свидетельствует письмо Логинова министру электростанций и электропромышленности М. Г. Первухину, количество вольнонаёмных рабочих на строительстве Сталинградской ГЭС в апреле 1953 года составило лишь 7,5 тысячи человек, что было значительно ниже реальной потребности в рабочей силе.

Но не только кадровые проблемы беспокоили Управление Сталинградгидростроя. Ещё до того, как стройка оказалась в крайне тяжёлом положении из-за нехватки рабочих рук, в руководстве СССР возникли сомнения в целесообразности продолжения одновременного строительства Сталинградской и Куйбышевской гидроэлектростанций — имеющихся в стране сил и средств для этого не хватало. Приоритет, как и раньше, отдавался Куйбышевгидрострою, который получил в своё распоряжение и спецконтингент бывшего Ахтубинского ИТЛ.

Ещё раз обратим внимание читателя: ни в начале строительства Сталинградской ГЭС, ни тем более позже

Логинов никаких преференций и поблажек от Центра не получал. Чаще всего приходилось довольствоваться ограниченными финансовыми, материальными и людскими ресурсами. Отчитываясь на заседании коллегии Министерства электростанций и электропромышленности в январе 1954 года, Логинов отметил, что «за первые три года строительства (1951—1953 гг.) Сталинградгидрострой, согласно проектному заданию, должен был выполнить капитальных работ в объёме 2500 млн рублей, из них строительно-монтажных — 2000 млн рублей. В действительности из-за значительной ограниченности годовых ассигнований, выделявшихся Сталинградгидрострою в истекшие годы, к началу 1954 года выполнение капитальных работ составляет всего 1201 млн рублей, из них строительно-монтажных — 836 млн рублей... Действительный ход строительства отстаёт от запланированного темпа работ более чем в два раза»¹.

Не секрет, что при этом многие жизненно важные для Сталинградгидростроя проблемы решались только благодаря настойчивости Логинова, через постановку им вопросов в МВД и правительственных инстанциях, главным образом в Бюро по топливной промышленности при Совмине СССР, мнением которого и руководствовалось правительство, принимая решения, связанные с развитием энергетических отраслей экономики.

К счастью, в «подвешенном» состоянии стройка находилась недолго. 21 марта 1953 года Л. П. Берия направил письмо в Президиум Совета министров СССР об изменении строительной программы 1953 года и представил соответствующий проект постановления. В этих документах предлагалось «прекратить или полностью ликвидировать строительство... объектов общей сметной стоимостью 49,2 миллиарда рублей». В длинный перечень строек, подлежащих «заморозке», вошли такие крупные гидротехнические сооружения, как Главный Туркменский канал, Волго-Балтийский водный путь, гидроузлы на Нижнем Дону, Усть-Донецкий порт².

¹ ГАВО. Ф. 6497. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 77.

² См.: Исторический архив. 1996. № 47. С. 140—142.

И всё же на будущее Сталинградской ГЭС покушаться не стали, причём были пересмотрены и увеличены сроки строительства гидростанции. Однако было полностью свёрнуто строительство магистрального канала Волга—Урал (Сталинградского самотёчного канала). Работы на канале развернулись в апреле 1952 года, а вскоре в газете «Стройка коммунизма» появилось сообщение о том, что на трассе сооружения началась выемка грунта:

«21 мая в ночь в Осадной балке¹ приступили к работе трёхкубовые экскаваторы “Уралец” №№ 613 и 614. Началась выемка грунта из трассы 600-километрового Сталинградского магистрального канала Волга—Урал.

Честь первыми начать строительство великого сооружения выпала на долю экипажей старшего экскаваторщика Нетаева и старшего экскаваторщика Герасименко...

Экскаваторщиков хорошо обслуживали водители пятитонных “МАЗ” из бригады Степана Матвеевича Трунова...

— Канал пророем! — сказали экскаваторщики...»²

Но, как видим, трудовой настрой передовых механизаторов в конце концов натолкнулся на неразрешимые проблемы. До закрытия грандиозного проекта не успели даже собрать доставленный в десятках железнодорожных вагонов сверхмощный шагающий экскаватор ЭШ 14.65, изготовленный на «Уралмашзаводе».

По официальной формулировке, строительство канала было прекращено «в связи с экономической нецелесообразностью производства работ до затопления водохранилища». И надо сказать, к идее возобновления его строительства вернулись — в 1961 году после XXII съезда КПСС, который поставил задачу завершить реконструкцию Волго-Камского бассейна, в том числе построить в нижнем течении Волги Нижне-Волжский водохозяй-

¹ Осадная балка, расположенная на левом берегу Волги севернее створа ГЭС, с образованием водохранилища превратилась в затон с таким же названием.

² На канале Волга—Урал // Стройка коммунизма. 1952. 24 мая.

ственный комплекс, включающий ГЭС и ряд других гидросооружений. При этом планировалось поручить эту работу Сталинградгидрострою. Однако все эти вопросы так и зависли в воздухе...

Дальнейшую судьбу строительства ГЭС предопределило то, что Сталинградгидрострой успешно справился с плановыми заданиями первых двух лет, причём Логинов если и просил корректировать текущие планы, то только в сторону увеличения объёмов работ и ассигнований на них.

Стройка приобрела зримые очертания. Было завершено обвалование котлована, началось его осушение земснарядами, завершались работы по подготовке к очередному, важнейшему циклу строительства — глубинному отливу воды из котлована.

В короткие сроки был проложен и введён в эксплуатацию канал Волга—Ахтуба.

Получили дальнейшее развитие производственная и ремонтная базы: началось строительство новых подсобных предприятий — бетонного и арматурного завода, завода плит-оболочек, — призванных обеспечить своевременное начало и успешное проведение бетонных работ на сооружении здания ГЭС и водосливной плотины.

Построена и эксплуатировалась автобаза на 400 автомашин.

На левом берегу Волги вырос посёлок Волжский, значительная часть жителей которого получила благоустроенное жильё. Построены и введены в строй действующие две школы, детские ясли и детский сад, поликлиника и больница, хлебозавод (на то время — лучший в области), несколько магазинов и столовых, первый кинотеатр.

Однако из-за нехватки рабочих рук руководство Сталинградгидростроя было вынуждено приостановить работы на ряде объектов производственной базы. И, что было особенно неприемлемо как для штаба стройки, так и для рабочих, снизились темпы работ на жилищно-гражданском строительстве, которое велось до расформирования Ахтубинского лагеря в основном силами спецконтингента. Это обстоятельство имело серьёзные

последствия и для руководства Сталинградгидростроя в целом, и лично для Логинова, на чём мы ещё остановимся более подробно.

Низкая обеспеченность работников Сталинградгидростроя жильём — основная проблема, которая породила текучесть кадров. А она довольно неожиданно и резко возросла в первой половине 1953 года. Помимо традиционных причин — нехватка жилья и отсутствие возможностей для полноценного отдыха — сыграли свою негативную роль и другие факторы. Надежды и перспективы, которые питали людей в тяжёлых условиях труда и быта, подрывались неопределённостью, нависшей над судьбой стройки, слухами о возможной заморозке строительства ГЭС. К тому же первая волна энтузиазма, вызванная началом работ на крупнейшей стройке коммунизма, спала, у значительной части строителей, особенно молодых, по прошествии времени романтический настрой заметно поутих. Слишком ощутимым для многих оказался разрыв между парадно-показным образом великой стройки, который создавался официальной пропагандой в средствах массовой информации, и теми реалиями, с которыми им пришлось столкнуться. Не каждый человек, осознавший, что он — лишь один из многих тысяч, продолжает ощущать гордость за причастность к большому общему делу.

Справедливости ради, заметим, что кризисная ситуация явилась следствием не только упущений в кадровой политике Управления Сталинградгидростроя. При общем дефиците кадров в стране наблюдалась их высокая текучесть и на других крупнейших гидротехнических стройках, вызванная прежде всего нелёгким трудом и отсутствием надлежащих жилищно-бытовых условий. Это подтверждают и сведения, которые можно найти в исследовании Е. М. Глуховой. Так, на стройки Министерства электростанций и электропромышленности в начале 1953 года поступило по оргнабору 36 тысяч человек, а выбыло (самовольно и по решению администрации) 46 тысяч человек¹.

¹ Глухова Е. М. Указ. соч. С. 24.

В правительстве эту проблему прекрасно понимали. Преодолеть кадровый кризис, обострившийся в Сталинградгидрострое, помогло постановление Совета министров СССР от 20 мая 1953 года «Об обеспечении рабочей силой строительства Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций». Управлению Сталинградгидростроя была предоставлена возможность получить большое пополнение — 16 300 рабочих, в том числе 3 тысячи молодых людей из числа окончивших школы ФЗО и ремесленные училища. Несколько тысяч человек необходимо было привлечь в счёт лимитов, выделенных ранее другим ведомствам, а также с консервируемых строек и других объектов, указанных в постановлении¹. С этой целью Сталинградгидрострой направил 72 своих уполномоченных по вербовке (с соответствующими правами) в Удмуртскую АССР, Воронежскую, Пензенскую области и ряд других регионов страны, а также в Ростовводстрой, Укрводстрой, Туркменводстрой и Сталинградводстрой. Там были организованы специальные вербовочные курсы, а в посёлке Волжском — приёмно-распределительный пункт.

Как отмечалось на первой партийной конференции Сталинградгидростроя, «с начала июня 1953 года Сталинградгидрострой вступил в новую фазу своего развития». На смену спецконтингенту стали прибывать вольнонаёмные рабочие, причём процесс кадрового пополнения строительства шёл настолько интенсивно, что уже к середине месяца на стройку прибыло 5392 человека, а в отдельных случаях поступления достигали 300 человек в день. Наметился и существенный рост объёмов выполненных работ: с 300—400 тысяч рублей весной и в начале июня до 800 тысяч рублей в день к концу июня² (всего в 1953 году Сталинградгидрострою предстояло освоить 460 миллионов рублей; кроме того, 20 миллионов выделялись на подготовку зон затопления и 20 миллионов — на строительство нового Саратовского порта).

¹ ГАВО. Ф. 6497. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 4.

² Там же. Л. 5.

К концу июня численность Сталинградгидростроя составляла около 18,9 тысячи человек, в том числе рабочих — свыше 13,5 тысячи, ИТР и служащих — более 3,5 тысячи, обслуживающего персонала в торговле и жилищно-коммунальном хозяйстве — около 1,5 тысячи человек¹.

Однако, как пишет в своей книге Л. И. Конин, несмотря на большое пополнение, «обеспеченность стройки рабочими составила лишь 70 процентов. Среди вербованных были рабочие со стажем, пожелавшие испытать себя на такой знаменитой стройке, были и молодые люди, приехавшие по зову сердца — с комсомольскими путёвками. Среди прибывших в организационном порядке приехали выпускники одного из белорусских ремесленных училищ.

Но были и случайные люди. Одни — просто гастролёры, любители приключений, другие рассчитывали много получать, но мало работать. Были и такие, которых испугали условия быта — они вернули подъёмные и уехали обратно.

С приездом вербованных на стройплощадках упала производственная дисциплина — увеличились прогулы и самовольные уходы с работы. Было много случаев, когда рабочие просто сбегали со стройки, “забыв” вернуть подъёмные... Против нарушителей трудовой дисциплины были ужесточены меры воздействия вплоть до уголовной ответственности². И тем не менее текучесть кадров достигла 50 процентов»³.

За второе полугодие 1953 года стройку покинули 9 тысяч человек, из них только 1250 рабочих и служащих уволились из Сталинградгидростроя по уважительным причинам (в связи с окончанием сроков трудовых договоров, призывом в Советскую армию, поступлением

¹ См.: ГАВО. Ф. 6497. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 31.

² Уголовная ответственность за опоздания и прогулы без уважительной причины была введена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и из учреждений» и отменена Верховным Советом СССР 25 апреля 1956 года.

³ Конин Л. И. Указ. соч. С. 56—57.

на учёбу, потерей трудоспособности по инвалидности). По сравнению с 1952 годом общее число работающих на стройке сократилось на 4,5 тысячи человек и составило на конец года 17,7 тысячи человек.

(Высокой оставалась текучесть кадров Сталинградгидростроя и в последующие годы. Например, по данным Е. А. Тимоховой, из 15 318 человек вольнонаёмных, прибывших на строительство в 1955 году, убыло 9067 человек, из них по уважительной причине 5972, самовольно оставили строительство 1560 человек¹.)

Динамика численности рабочих и служащих на строительстве Сталинградской ГЭС выглядит на первый взгляд не слишком утешительной. Но она была во многом и ожидаемой: качественный состав рабочих, завербованных во время оргнаборов 1953 года, оставлял желать лучшего, а случайные люди, которых в большом количестве занесла на волжские берега огромная волна пополнения, обычно на стройке долго не задерживались.

Но не они определяли лицо и характер стройки. По мере развёртывания строительных работ увеличивалась и крепла прослойка опытных, квалифицированных рабочих и служащих, выдержавших испытания первых лет и прочно закрепившихся на стройке, чему в значительной степени способствовали строительство жилья и первых объектов социально-культурного назначения, предоставляемые строителям возможности для повышения профессионального и образовательного уровня.

Конечно, далеко не всё делалось для того, чтобы люди, прибывавшие на стройку, почувствовали перспективу. 1953 год обнажил большие проблемы в строительстве жилья, объектов коммунального и социально-культурного назначения. И явились они следствием не только объективных и непредвиденных причин (таких, например, как снятие со стройки спецконтингента), но и серьёзных просчётов субъективного характера. И всё

¹ *Тимохова Е. А.* Трудовое использование заключённых в контексте советской мобилизационной экономики (на примере строительства Куйбышевской и Сталинградской ГЭС) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. № 3 (21). С. 194.

же при всех имевшихся издержках ставка Логинова на вольнонаёмную рабочую силу оправдала себя полностью. Благодаря такой стратегической линии в кадровой политике Сталинградгидрострой справился с непредвиденными трудностями организационного характера, возникшими весной 1953 года, и довольно уверенно вступил в новую фазу строительства ГЭС. Об этом свидетельствует и успешное выполнение — на 109 процентов — годового плана по освоению капиталовложений.

В июне 1953 года, на спаде весеннего паводка, была начата откачка воды сначала из котлована ГЭС, затем из котлована водосливной плотины (общий котлован на время разделили намывной перемычкой). Одновременно с работой земснарядов, которые производили откачку, создавалась система глубинного понижения грунтовых вод, которая наряду с другими передовыми и сложными инженерными решениями, применявшимися на строительстве Сталинградской ГЭС, находилась ещё в стадии развития и совершенствования. Об этом свидетельствует и одно из совещаний в Сталинградгидрострое, которое состоялось в июне 1954 года и было посвящено искусственному водопонижению. Основные тезисы выступления на нём Логинова позволят читателю составить представление о сути проблемы, которая в конечном счёте была успешно решена:

«Строительство крупных современных гидроузлов требует устройства глубоких (до 50 метров) котлованов большой площади в непосредственной близости от реки, что немыслимо без устройства мощного водоотлива. Обычно применяется глубинный водоотлив, предотвращающий разрыхление и порчу основания.

Особенно большое развитие получил глубинный водоотлив в СССР, где основное гидротехническое строительство ведётся на больших равнинных реках. Начало массовых работ по искусственному водопонижению было положено на строительстве канала Москва—Волга.

Дальнейшее развитие эти работы получили на строительстве ВДСК¹ им. Ленина и, особенно, на Цимлянском

¹ ВДСК — Волго-Донской судоходный канал.

гидроузле. Группа инженеров Волго-Дона за хорошую организацию глубинного водопонижения удостоена Сталинской премии.

Промышленность обеспечивает стройки совершенным оборудованием для глубинного водопонижения. На глубинном водопонижении применяются артезианские насосы производительностью до 150 куб. м/час, способные подавать воду с больших глубин.

В небывало больших масштабах применяется глубинное водопонижение на строительстве Сталинградского и Куйбышевского гидроузлов. На котлованах в Сталинграде должно работать 615 скважин. Если вытянуть в одну линию контур всего водоотлива, то получится завеса длиной более 15 километров, глубиной до 80 метров.

К настоящему времени полностью включён в работу водоотлив котлована ГЭС. Практическим результатом работы 180 скважин является возможность пройти котлован до проектных отметок сухим способом, ездить на глубине 30 м и ниже уровня Волги на самосвалах без всяких специальных дорог по песчано-алевритовым породам, свободно работать трёхкубовыми экскаваторами»¹.

К разработке котлована сухим способом приступили ещё в августе 1953 года. К этому времени среди экипажей экскаваторов и шофёров развернулось соревнование за право вынуть из котлована первые кубометры грунта. 22 августа комсомольско-молодёжный экипаж экскаваторщиков Ивана Нетаева вынул первый ковш грунта и погрузил его в кузов машины Героя Социалистического Труда Георгия Рожнова.

Надо отметить, что здоровое трудовое соперничество рабочих стройки в ходе социалистического соревнования, которое всячески поддерживали партийная, комсомольская и профсоюзная организации стройки, помогли Сталинградгидрострою в решении многих сложных вопросов, связанных прежде всего с повышением производительности труда и выполнением плановых заданий, что часто требовало от строителей мужества и самоотдачи.

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 77.

Конечно, в организации соревнования было немало и формализма, что не раз отмечалось партийными инстанциями и всевозможными комиссиями. Но в ходе его проведения рождались и распространялись передовые методы организации труда, проявлялись инициатива и изобретательность рабочих. Например, именно в период разработки котлована сухим способом стали создаваться комплексные бригады, в которые поначалу входили рабочие двух специальностей — экскаваторщики и шофёры. Впоследствии опыт работы комплексных бригад получил широкое распространение на объектах гражданского строительства в Волжском.

И ещё раз о масштабах работ: на выемке, передвижке, перевозке и переброске грунта работали 114 экскаваторов, 1500 автомашин, сотни бульдозеров и скреперов. К этому времени, в сравнении с начальным периодом подготовительных работ, стройка, оснащённая самой передовой техникой, преобразилась до неузнаваемости.

Однако при благополучных в целом показателях, которых удалось добиться к концу 1953 года, по многим видам работ, связанным в основном со строительством жилья, объектов социально-культурного назначения и предприятий производственной базы, было допущено существенное отставание. Оказались невыполненными плановые задания по бетонным и железобетонным работам, каменной и кирпичной кладке, по механизации штукатурных и малярных работ¹. В целом план 1953 года по жилищному строительству был выполнен только на 85 процентов, а по вводу жилья — всего лишь на 60 процентов².

Этот серьёзный провал был, по сути дела, предопределён — не только сложными организационными проблемами, решение которых требовало концентрации всех сил Управления строительства, но и другими обстоятельствами, не подвластными воле Логинова. При большом дефиците жилья руководство Сталинградгидростроя вынуждено было сосредоточить выделявшиеся

¹ ГАВО. Ф. 6497. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 127.

² Там же. Л. 134.

ресурсы на выполнении плановых заданий, непосредственно связанных со строительством основных сооружений ГЭС.

Вопрос этот в качестве первоочередного поднимался и на партконференции Сталинградгидростроя в июне 1953 года. На ней, в частности, говорилось, что бóльшую часть средств, выделенных на строительно-монтажные работы, изначально предполагалось направить на строительство жилого фонда, социально-коммунальных и культурно-бытовых зданий и сооружений. Однако произошло изменение соотношения в распределении средств, которое характеризовалось значительным ростом затрат на основные сооружения.

«Это изменение... объясняется главным образом необходимостью максимального использования тяжёлых землеройных строительных механизмов и вместе с тем влечёт за собой замедление темпов строительства жилья и промышленных предприятий. Отсюда следует, что срок ликвидации трудностей в создании нормальных культурно-бытовых условий в рабочем посёлке Волжский, куда имеется вполне законная и оправданная тяга всех работающих на Сталинградгидрострое, где бы они в данный момент ни проживали, несколько затягивается.

Необходимо нам выправить это положение и добиться весьма резкого увеличения уже в этом году завершения строительства начатых объектов гражданского назначения... что возможно при всеобщем внимании со стороны коммунистов нашей партийной организации»¹.

Но обращённый к коммунистам призыв «завис» в воздухе — в течение календарного года поправить ситуацию с гражданским строительством так и не удалось. Что имело весьма неприятные последствия для начальника, главного инженера и других руководителей Сталинградгидростроя, явно недооценивших серьёзность сложившегося на стройке положения. Несмотря на сумятицу в высших эшелонах власти после смерти Сталина, политический курс и перспективы развития страны определяли решения XIX съезда КПСС, состоявшегося

¹ Там же. Л. 1—2.

в октябре 1952 года (Логинов участвовал в его работе в качестве делегата), и утверждённые на нём директивы по пятому пятилетнему плану развития народного хозяйства. А они предусматривали, в частности, резкое увеличение жилищного строительства.

В отчётном докладе съезду, с которым выступил Г. М. Маленков, отмечалось, что в послевоенные годы особенно большие работы по строительству жилья проведены в районах, подвергавшихся оккупации. «Однако, несмотря на большой объём жилищного строительства, у нас ещё повсюду ощущается острый недостаток в жилье. Многие министерства и местные Советы из года в год не выполняют устанавливаемых для них планов жилищного строительства, и отпускаемые государством для этой цели средства недоиспользуются. Только за два последних года из-за невыполнения планов жилищного строительства недодано свыше 4 миллионов квадратных метров жилой площади. Не перевелись у нас ещё такие хозяйственные и партийные руководители, которые заботу о нуждах трудящихся в жилье рассматривают как второстепенное дело и не принимают мер к выполнению планов строительства и ремонта жилья. Задача заключается в том, чтобы всемерно расширять жилищное строительство. В проекте директив по пятому пятилетнему плану предусматривается увеличение капитальных вложений на государственное жилищное строительство примерно в 2 раза по сравнению с четвёртой пятилеткой»¹.

Естественно, оценивая работу Сталинградгидростроя по созданию необходимых жилищных и культурно-бытовых условий для своих рабочих и сотрудников, проверяющие и контролирующие органы рассматривали установки XIX съезда как руководство к действию. А под этим углом зрения картина выглядела отнюдь не привлекательной.

Ставшие предвестниками приближающейся грозы провалы в гражданском строительстве, как и ряд других серьёзных недостатков в работе стройки (в частности,

¹ Правда. 1952. 6 октября. № 280 (12482).

возникло отставание и в строительстве подсобных предприятий), нередко находились в прямой зависимости от степени подготовленности руководящих работников подразделений Сталинградгидростроя. Как резонно замечает в своей книге Л. И. Конин, для успешного ведения строительства важно было не только обладать ресурсами, «но и уметь целенаправленно и оперативно распоряжаться ими. Надо также уметь эффективно управлять производственным процессом и рабочими коллективами. Однако и в руководстве, и в подразделениях “Гидростроя” были ещё люди, далёкие от нужд стройки, а профессиональный уровень ряда инженерно-технических работников не полностью отвечал предстоящим задачам...

В течение всего 1952 года в силу тех или иных причин происходила смена руководителей практически во всех подразделениях “Гидростроя”. Шёл поиск и отбор способных для большого дела руководителей»¹.

Не менее интенсивно эта работа велась и в следующем году, причём она усложнилась после того, как стройку покинул целый ряд специалистов из кадрового состава МВД. С одной стороны, руководство Сталинградгидростроя, освободившись от жёсткой опеки Министерства внутренних дел, получило свободу действий в решении назревших кадровых проблем. С другой стороны, отсутствие постоянного давления сверху и жёсткого контроля со стороны МВД приводило к тому, что нередко принимались спонтанные, непродуманные решения, люди подбирались не с учётом их профессионализма и деловых качеств, а по тому, насколько они лояльны к руководству Сталинградгидростроя и его начальнику.

Примером субъективизма в кадровой политике может служить ситуация, возникшая в период подготовки к паводку в Управлении механизации строительных работ. Начальник управления и главный инженер УМСР были сняты со своих должностей (по мнению Конина — незаслуженно) только за то, что недостаточно остро ставили

¹ Конин Л. И. Сталинградгидрострой. 1950—1961: Время, события, люди. Волжский, 2009. С. 35, 37.

вопрос о рискованности забивки шпунтов лишь одним, не опробованным способом вибрирования.

Судя по выступлению Логинова на совещании хозяйственного актива Сталинградгидростроя в феврале 1954 года, уровень руководителей отдельных управлений строительства, средних и низовых звеньев производства (начальников участков, прорабов, бригадиров) по-прежнему не соответствовал стоящим задачам. Так, жёсткой критике было подвергнуто Строительное управление гражданских сооружений (СУГС) № 1, где только в течение 1953 года сменилось четыре начальника управления и пять главных инженеров.

«По СУГСу № 1 самая низкая производительность труда и самое большое число людей, не выполняющих нормы, — следовательно, самые низкие выработки и самый большой недокомплект рабочих.

СУГСом № 1 сорвано строительство постоянного больничного комплекса, Дворца культуры и стадиона.

В СУГСе № 1 самая большая бесхозяйственность и поэтому самая дорогая себестоимость работ»¹.

И вновь пришлось Логинову прибегнуть к «хирургическому вмешательству», чтобы исправить положение, создавшееся в этом управлении, — уволить прежних и назначить новых руководителей.

Приведённые примеры невольно наталкивают на не-весёлые размышления. Ведь в ситуациях, сложившихся в УМСР и СУГС-1 — крупнейших управлениях строительства, вскрылись не мелкие прегрешения руководителей подразделений, сокрытые до поры до времени от глаз начальства. Получившие резонанс проблемы накапливались давно и были у всех на виду. И ничто не мешало руководству Сталинградгидростроя вмешаться в работу этих управлений своевременно, чтобы не доводить положение дел до критического состояния.

...Грозовые тучи над руководителями Сталинградгидростроя, прежде всего Логиновым, сгушались.

После перевода стройки в ведение Министерства электростанций и электропромышленности атмосфе-

¹ ГАВО. Ф. 6497. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 132, 134.

ра на ней заметно изменилась. Принцип единоначалия в руководстве строительством сохранялся, но методы управления коллективом строителей ГЭС стали, конечно же, значительно мягче, нежели в системе МВД. Больше прав и возможностей обрели партийная, комсомольская и профсоюзная организации, возросла общественная активность людей, они стали более критично относиться к имевшимся на стройке недостаткам и причинам, их порождавшим. А самое главное, было фактически снято негласное табу на критику хозяйственных руководителей. В руководящие партийные и государственные органы, причём главным образом в Москву, посыпались письма от рабочих и служащих Сталинградгидростроя.

Основная причина большого потока жалоб — необеспеченность жильём, низкий уровень коммунального и бытового обслуживания жителей посёлка Волжский, слабое внимание руководства стройки к нуждам семей строителей, организации их культурного досуга. В целом ряде писем поднимались вопросы, связанные с серьёзными недостатками в работе по подбору и расстановке руководящих кадров и инженерно-технических работников подразделений Управления строительства.

Авторы многих публикаций, посвящённых истории строительства Сталинградской ГЭС и начальнику Сталинградгидростроя, обычно считают, что конфликты между Логиновым и партийными инстанциями порождали не столько реальные проблемы стройки, сколько его твёрдый и неуступчивый характер, доставлявший много неудобств и коллегам по работе, и вышестоящему руководству. Это, можно сказать, традиционное отношение к личности Логинова просматривается, к примеру, в нескольких сюжетах документальной повести Р. Дорогова и А. Злобина «Город на главной улице». Один из них связан с формированием новой структуры партийной организации после упразднения политотдела Сталинградгидростроя. Секретарь парткома строительства перед своей новой работой получает напутствие в Сталинградском обкоме партии:

«Надо думать, вы потянете дело, но... Но придётся вам срабатываться с Логиновым. Он властный человек,

указания считает мелочной опекой, любит заявлять, что права не дают, а берут, и тому подобное. Конечно, это сильный руководитель, и мы уважаем Фёдора Георгиевича. Не хотелось бы, чтобы ваши с ним отношения обострились, однако партийными принципами не поступайтесь, не создавайте для него особой дисциплины... А ключ к нему подобрать трудно...»¹

В другом эпизоде повести описывается беседа главного инженера и секретаря парткома стройки, происходящая накануне обсуждения работы Сталинградгидростроя на бюро обкома партии.

Главный инженер:

«Логинов — подходящий руководитель, но иногда шарахается в крайности».

Секретарь парткома:

«Противоречивая натура — Логинов... Способен поддержать подхалима, подчеркнуть собственное величие. Но он умеет ставить цели, бороться за них, преодолевать собственные слабости. Это угловатый человек, колючий, но, право, лучше быть таким, чем гладким и никчёмным. Партийная организация поддерживает Логинова...»²

Характеристика, как видим, довольно ёмкая, без ретуши и сглаживания острых углов. И всё же, на наш взгляд, ей не хватает завершённости, поскольку авторы выносят за скобки один важный вопрос: каким образом личные качества Логинова — крупного хозяйственного руководителя сказывались на делах стройки, всегда ли его методы работы и управления строительством приносили нужные результаты? Складывается впечатление, что некоторые исследователи, признавая серьёзные недостатки и просчёты в действиях Логинова, волей или неволей пытаются вывести его из зоны критики, а все проблемы, возникавшие на стройке, связывают в основном с «внешними» факторами. Трудно не согласиться с замечанием А. А. Рогозина по поводу повести «Город на главной улице»: её интонация, пишет он, такова, «что

¹ Дорогов Р. Ф., Злобин А. П. Город на главной улице. М.: Профиздат, 1975. С. 194.

² Там же. С. 260—261.

все недостатки как-то тонут в изначальной симпатии авторов к своему герою»¹. Хотя в его книге «Логинов и его время», особенно в главе «Выговор», мы наблюдаем точно такую же авторскую позицию.

Такое же отношение к Логинову прочно укоренилось в сознании местных краеведов и жителей Волжского, где особенно чтят память об отце-основателе города. Для них он — образец безупречного и непогрешимого руководителя. Невольно вспоминается отрывок из одной школьной работы, представленной несколько лет назад на научно-практической конференции в Волжском: «Его фигура, великая сила его натуры, безусловно, гениальная личность ни у кого не вызывает сомнения и желания подвергнуть Логинова сомнительной критике или недооценить его роль в судьбе Волжского. Так было вначале, так есть теперь и так будет всегда».

Искренний интерес молодого поколения Волжского к истории своего родного края ничего, кроме похвал и поддержки, не заслуживает. Но один вопрос всё же возникает: нуждается ли начальник Сталинградгидростроя с его уникальным набором профессиональных и человеческих качеств в искусственном возвеличивании, а его образ — в идеализации? Думается, что такой подход только стирает яркие грани личности, обедняет внутренний мир нашего героя, который был вынужден работать в исторический период, наполненный драматизмом и противоречиями, так или иначе сказавшимися на его характере.

...18 декабря 1953 года вопрос о работе Сталинградгидростроя был вынесен на обсуждение бюро Сталинградского обкома, а в январе следующего года Логинов отчитывался по результатам выполнения программы 1953 года на заседании коллегии Министерства электростанций и электропромышленности. Причину такого повышенного внимания к стройке со стороны высоких инстанций Фёдор Георгиевич пояснил в своём докладе на совещании хозяйственного актива Сталинградгидростроя, состоявшемся 9 февраля 1954 года:

¹ *Рогозин А. А.* Логинов и его время. Волжский: Издательство Волжского института строительства и технологий, 2013. С. 233.

«Наличие большого количества своевременно не решённых вопросов в Сталинградгидрострое, опасение за несвоевременную подготовку к зиме породило поток большого количества жалоб и заявлений в директивные правительственные органы, поэтому деятельность Сталинградгидростроя была изучена на месте бригадами Сталинградского обкома КПСС и группой руководящих работников Министерства электростанций и электропромышленности во главе с заместителем министра. Затем на бюро обкома 18 декабря 1953 г. был заслушан доклад руководителя бригады обкома КПСС тов. Чмутова и моё объяснение, а на коллегии Министерства электростанций и электропромышленности 20 января 1954 года был заслушан мой доклад о деятельности Сталинградгидростроя за 1953 г.»¹.

В период работы комиссий обкома партии и министерства у Логинова обострилась болезнь, и он почти два месяца, с конца августа по 20-е числа октября, проходил лечение в московской больнице. Впрочем, его присутствие на месте событий вряд ли бы что изменило: все хорошо понимали, что в Сталинградгидрострое возникла крайне сложная ситуация. Конечно, нелегко находиться вдали от стройки, когда там правят бал незваные гости. Тем более что Фёдор Георгиевич, судя по дневникам, был убеждён: в его лице проверяющие ищут «козла отпущения». Версии о том, что кто-то хотел взвалить на Логинова чужие грехи, придерживаются и некоторые исследователи, хотя каких-либо веских подтверждений этому нет. Трудно понять, для чего государственным и партийным органам надо было искать «крайнего» в сложившейся обстановке, если они могли накануне просто закрыть или приостановить стройку на неопределённое время — без лишних хлопот и ненужных проблем?

Ответ прост: на Логинова надеялись, Логинову доверяли и, принимая весной 1953 года решение о продолжении строительства Сталинградской ГЭС, верили, что в новых условиях, в отсутствие спецконтингента, он сумеет вдохнуть в стройку новую жизнь. В сложившейся

¹ ГАВО. Ф. 6497. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 127а—128.

тогда обстановке грех было на кого-то жаловаться. Управлению Сталинградгидростроя для работы в переходный период были созданы (в кои-то веки!) нормальные условия: капиталовложения составили почти полмиллиарда рублей, правительственными органами был предоставлен огромный лимит на организационный набор рабочей силы, приняты серьёзные меры по укреплению технической вооружённости стройки.

Между конфликтом, достигшим своего апогея на Сталинградгидрострое в декабре 1953 года, и историей, случившейся в Запорожье при восстановлении Днепровской ГЭС, нередко проводятся параллели. Причём оба этих случая рассматриваются как свидетельство того, что неприятие партийными органами методов работы и характера Логинова является свидетельством их формального, поверхностного подхода к решению стоявших задач, установленных между ними и хозяйственными руководителями неких «правил игры»¹. Однако у нас нет никаких оснований заподозрить в некомпетентности и предвзятом отношении к Логинову ни Л. И. Брежнева, ни И. Т. Гришина, ни руководителей Министерства электростанций и электропромышленности, включая министра М. Г. Первухина, прекрасно знавшего все сильные стороны и недостатки Фёдора Георгиевича, его непростой нрав.

Людям, знакомым с ходом строительства Сталинградской ГЭС, характер обсуждения на заседании бюро обкома партии накопившихся на стройке проблем вряд ли покажется слишком жёстким и необъективным. Как было отмечено в постановлении бюро, в ходе проведённой бригадой Сталинградского обкома КПСС проверки жалоб и сигналов, поступивших в ЦК КПСС, обком партии и другие органы, о неблагополучном деле в Сталинградгидрострое «установлены факты бездушного отношения к рабочим руководителям Сталинградгидростроя, нарушение ими партийных принципов подбора и расстановки кадров, неудовлетворительное руководство строительством и неправильное поведение начальника

¹ См., например: *Рогозин А. А.* Указ. соч. С. 231—232.

Сталинградгидростроя тов. Логинова и главного инженера тов. Медведева»¹.

Обратим внимание, что речь шла не только о Логинове — не менее резкой критике за серьёзные недостатки в работе подвергся и его первый помощник — главный инженер. Что же вменялось им в вину?

«Т.т. Логинов и Медведев встали на неправильный путь барско-пренебрежительного отношения к бытовому обслуживанию рабочих, недооценивали важности строительства жилья и культурно-бытовых объектов, допустили в этих делах неразбериху и самотёк, в результате на стройке создались крайне тяжёлые условия жизни рабочих.

В погоне за выполнением плана в суммарном выражении руководители Сталинградгидростроя, пренебрегая нуждами рабочих, пять раз в течение года уменьшали план строительства жилья и культурно-бытовых зданий. Но выполнение даже этого уменьшенного плана не было организовано. Особенно плохо велось жилищное строительство в летние месяцы. Т.т. Логинов и Медведев не выполнили постановление бюро обкома КПСС о мероприятиях по подготовке к приёму нового пополнения рабочих, не сосредоточили силы на жилищном строительстве. Больше того, пустили это дело на самотёк... На 1 декабря 1953 года было введено в эксплуатацию всего 21 тыс. кв. метров жилой площади, в том числе в капитальных домах 12 тыс. кв. метров при годовом плане 60 тыс. кв. метров.

Наряду с этим, руководство Сталинградгидростроя не выполнило постановление правительства о строительстве временного благоустроенного жилья. Полученные по решению правительства детали сборных жилых домов площадью 20 тыс. кв. метров не были использованы по назначению. Больше того, допущено разукрупнение этих домов. Крайне затянулось переоборудование жилого фонда в 5 временных посёлках»².

¹ О положении дел в Сталинградгидрострое // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 42. Ед. хр. 21. Л. 79.

² Там же. Л. 79—80.

Был отмечен и целый ряд других серьёзных недостатков в культурно-бытовом обслуживании населения — неудовлетворительное состояние центрального отопления и водопроводного хозяйства, плохое оборудование общежитий, большинство которых находилось в антисанитарном состоянии, срыв сроков строительства больницы и детских учреждений, неудовлетворительная организация торговли и общественного питания. Как результат — только за последние пять месяцев, то есть за июль — ноябрь 1953 года 6 тысяч рабочих ушли со стройки.

Бюро обкома не ограничилось одной только констатацией фактов, свидетельствующих о тяжёлом состоянии дел на стройке. Были вскрыты и причины сложившегося положения, среди которых — поверхностное руководство производственными участками и управлениями, низкий уровень технического руководства строительством, крайне слабая производственная дисциплина, приписки, бесхозяйственность и расточительство, серьёзные недостатки в работе по подбору и расстановке кадров.

«Тов. Логинов... окружил себя подхалимами и угодниками, нередко подбирает кадры по соображениям личной преданности, без учёта их деловых и политических качеств.

Нередко слабые работники, провалившие дело, переставляют с одной работы на другую в ущерб продвижению новых способных кадров, которые выросли на стройке...

Кроме того, допускается неправильное отношение к молодым специалистам, когда не выдвигают их на руководящую работу, часто используют их не по назначению»¹.

В постановлении указывалось, что «тов. Логинов... пренебрежительно относится к критическим замечаниям коммунистов и беспартийных работников. Бюро обкома КПСС неоднократно указывало тов. Логинову на эти недостатки, однако он практических выводов не сде-

¹ Там же. Л. 81.

лал». (Нас это не удивляет, поскольку мы уже знаем, что такое поведение — вполне в духе Логинова.)

Не осталось незамеченным и то обстоятельство, что «т.т. Логинов и Медведев, используя служебное положение в личных целях, допустили излишества в строительстве и оборудовании для себя особняков, содержании легковых автомобилей и т. д.».

Бюро Сталинградского обкома КПСС постановило: «За бездушное отношение к нуждам рабочих, нарушение партийных принципов в подборе и расстановке кадров и использование служебного положения в личных целях начальнику Сталинградгидростроя тов. Логинову объявить строгий выговор с занесением в учётную карточку»¹.

Кроме того, было отмечено, что «главный инженер т. Медведев также повинен в создавшемся положении на строительстве, но, учитывая, что он привлечён партийным комитетом к строгой ответственности, ограничиться вынесением ему взыскания».

Взыскание, наложенное на Логинова, по меркам советского времени, — более чем серьёзное. И всё же, несмотря на суровые формулировки, до «оргвыводов», как тогда говорили, дело не дошло. Да и не могло дойти, поскольку для всех было ясно: начальник Сталинградгидростроя порученное ему дело, которое далеко не каждому руководителю по плечу, знает досконально и в тяжёлый для стройки период, потребовавший значительного обновления кадрового состава и перестройки организационных принципов деятельности Управления строительства, со своими задачами в целом справился.

Несмотря на возникшие проблемы, многие из которых нельзя было предвидеть, Сталинградгидрострой значительно перевыполнил годовой план строительных и строительно-монтажных работ, да и жилищное строительство вновь набрало темпы. Результаты были налицо, и уже никто в руководстве центральных органов власти не сомневался в главном — в том, что строительство Сталинградской ГЭС необходимо продолжить и довести до логического завершения.

¹ ЦДНВ. Ф. 113. Оп. 42. Ед. хр. 21. Л. 84.

РОЖДЕНИЕ ГОРОДА

Кажется, Вольтер сказал, что не бывает больших дел без больших трудностей.

Масштабы строительства Сталинградской ГЭС дают нам возможность представить, сколько трудностей и преград — ожидаемых и непредвиденных — пришлось преодолеть Управлению Сталинградгидростроя в первые годы своей деятельности. Осилить такую ношу могли только руководители, нацеленные на конечные результаты, готовые любой ценой выполнить поставленные перед ними задачи, казавшиеся многим невыполнимыми и нереальными. А для этого нужно было обладать особым складом характера, качествами, присущими людям сильным и решительным.

Тот, кому свойственны твёрдость и настойчивость, кто уверен в себе, обычно идёт к поставленной цели, хорошо продумав и тщательно взвесив все «за» и «против», выбрав из возможных вариантов наиболее оптимальный способ её достижения. Решительность человека упрямого и неуступчивого имеет иную природу: поскольку раз и навсегда избранный им путь к успеху он считает единственно верным, его уже не остановят ни преграды, ни разумные доводы в пользу иного маршрута.

Можно сказать, что в личности начальника Сталинградгидростроя Ф. Г. Логинова дружно уживались и те и другие качества, несмотря на, казалось бы, их несовместимость. И, может быть, именно поэтому мечты Фёдора Георгиевича о городе будущего и его облике воплотились в жизнь. Волжский, выросший в начале 1950-х годов в сухой степи в районе пришедшего к тому времени в упадок села Верхняя Ахтуба, к которому издавна пристало и другое весьма выразительное название — Безродное (по преданию, его первыми поселенцами были ссыльные и беглые крестьяне), с годами стал одним из красивейших и наиболее благоустроенных городов Поволжья, крупным промышленным, научным и культурным центром важнейшего региона страны.

Место рождения города было выбрано не случайно. С самого начала Логинов рассматривал левый берег Волги

как тыл и основной плацдарм строительства гидроэлектростанции, поскольку, по проекту, к нему примыкали основные сооружения гидроузла — водосливная плотина, здание ГЭС, шлюз. По его мнению, именно с этого плацдарма следовало разворачивать строительство предприятий производственной базы, транспортных коммуникаций и первых кварталов будущего города, в котором должно быть создано всё для достойной жизни его обитателей.

Надо полагать, в выборе места строительства будущего города учитывалась не только производственная целесообразность. В первое время, когда Сталинградгидрострой ещё только делал первые шаги, руководство области предлагало строить жильё для его сотрудников на правом берегу Волги, в Сталинграде и его окрестностях. Но Фёдор Георгиевич рассматривал областной центр лишь как временное пристанище гидростроителей («мы в Сталинграде лишь временные гости») и был категорически против такого решения вопроса — очевидно, здесь сказалось и его стремление к независимости и самостоятельности, нежелание постоянно находиться в поле зрения местных властей.

Хотя выбранное место выглядело довольно унылым и неприветливым, геологи и строители Сталинградской ГЭС были далеко не первыми из тех, кто обосновался в этом районе Левобережья. В далёком прошлом на обширной территории, прилегающей к Волге и Ахтубе, оставили свой след разноязычные племена скифов, сарматов, болгар, хазар, половцев и других народов¹. В XIII—XIV веках здесь, на берегу Ахтубы, у самого её истока, возникли два небольших татарских города и одно из первых поселений Золотой Орды. Позднее на этой земле поселились ногайцы, попавшие затем в зависимость от пришедших сюда из Центральной Азии (в конце XVI — начале XVII века) калмыков.

¹ Большой вклад в изучение истории Нижнего Поволжья с древнейших времен до нашествия Золотой Орды внёс известный российский археолог, волгоградский учёный А. С. Скрипкин.

См., например: *Скрипкин А. С. История Волгоградского края от каменного века до Золотой Орды.* Волгоград: Издатель, 2008; *Скрипкин А. С. Сарматы.* Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017.

В 1722 году, собираясь в Персидский поход, Петр I провёл через Правительствующий сенат указ об организации государственной постоянной почтовой дороги Москва—Астрахань (Астраханского почтового тракта) и почтовых дворов («подстав») на ней. И вскоре на Астраханском тракте, на котором «шалили» разбойники и кочевники, появилась казачья станция Речка Ахтуба. Считается, что таким образом было положено начало освоению края русскими поселенцами.

Одним из первых русских поселений в этих местах стало возникшее позднее село Безродное. В 1720 году в междуречье Волги и Дона была построена Царицынская сторожевая линия¹ — оборонительный рубеж Российской империи, прикрывавший её земли от набегов Крымского ханства и кочевников через Волго-Донское междуречье. Это обеспечило приток в регион жителей, которые раньше опасались селиться на территории, не защищённой от вражеских вторжений, и дало возможность начать экономическое освоение Нижнего Поволжья².

Возникавшие крепости и казачьи станицы нагоняли страх на внешних врагов и в то же время притягивали к себе множество беглых крестьян и всякого праздничного люда. Казаки селили их при своих хозяйствах, давали им работу, не обращая внимания на суровые царские указы о возвращении беглых их хозяевам — действовал принцип «С Дона выдачи нет!». Видя всю тщетность своих усилий, власть сначала направила в Астрахань несколько предписаний об использовании беглых людей на работе в казённых садах, а немного позднее астраханский губернатор получил и указ о их амнистии.

¹ Заселявшие сторожевую линию казаки и представители неказачьего населения Войска Донского позднее получили статус казачьего войска и стали называться войском Царицынской линии казаков; в 1730-х годах оно было переименовано в Волжское казачье войско, которому была поручена охрана побережья от Царицына до Саратова.

² См.: *Курышев А. В.* Волжское казачье войско // *Очерки истории и культуры казачества Юга России* / Под ред. Г. Г. Матишова, И. О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2014. С. 160—163.

10 марта 1757 года директору Астраханской садовой конторы И. А. Паробичу было предписано построить в Царицынском округе шёлковый завод и поселение при нём — так возникло село Верхне-Ахтубинское, оно же Безродное. Крестьяне относились к незнакомому для них новому делу — шелководству с недоверием, нередко бросали его и пытались заниматься то выращиванием арбузов, то соляным извозом, но чаще предпочитали занятия по душе, более близкие и привычные русскому человеку. Интересное свидетельство оставил посетивший в 1907 году Верхне-Ахтубинское известный учёный-филолог И. И. Солосин, который по поручению Академии наук занимался в Астраханской губернии сбором историко-лингвистического материала: «С обеих сторон Верхне-Ахтубинского по берегу реки версты на 2, на 3 тянутся фруктовые сады, в которых культивируются по преимуществу вишня, яблоки и груши. Главные промыслы жителей Безродного — скотоводство и земледелие. Почти каждый хозяин разводит рогатый скот и овец. Многие имеют фруктовые сады. Рыболовством занимаются обыкновенно весной, когда Ахтуба становится полноводной»¹.

Хотя шелководство в здешнем крае развивалось с большим трудом, оно просуществовало почти два столетия. В советское время, особенно в тридцатые и первые послевоенные годы, колхозы Среднеахтубинского района (в его состав в 1928 году вошла Верхнеахтубинская волость, а вместе с ней и село Безродное) и другие сельскохозяйственные предприятия Сталинградской области активно занимались выращиванием тутовника и разведением шелкопряда, а в Сталинграде действовала контора «Волгошёлк» (Сталинградская областная контора шелководства просуществовала вплоть до начала 1960-х годов).

Благодаря большой исследовательской работе и многочисленным публикациям известных волжских краеведов Т. А. Башлыковой и А. А. Клушина, любопытный

¹ Цит. по: *Клушин А.* История одного села: Верхне-Ахтубинское (Безродное) // Деловой Волгоград. <https://delosmi.ru/2017/10/17/istoriya-odnogo-sela-verhne-ahhtubinskoe-bezrodnoe/>

читатель сегодня имеет возможность более подробно ознакомиться с увлекательной историей тех мест, где сегодня разместился город, коренным образом преобразовавший жизнь на левом берегу Волги¹. Мы же задержимся лишь на некоторых страницах военной истории, связанных с решением проблем, имевших в годы Великой Отечественной войны большое оборонное значение как для Сталинграда, так и для всей страны. Тем более что приобретённый тогда опыт не прошёл бесследно и сыграл свою роль при строительстве Сталинградской ГЭС и Волжского.

Прежде всего отметим, что село Безродное, насчитывающее перед революцией около 10 тысяч жителей и игравшее заметную роль в жизни Левобережья, постепенно утрачивало своё значение как довольно важного социально-экономического центра. Сказались и потрясения Гражданской войны, и административные перестройки, и традиционные тяжбы из-за земли с жителями Средней Ахтубы, перераставшие в серьёзные конфликты. Население Безродного шло на убыль, и к началу войны село оказалось — и в прямом, и в переносном смысле — на обочине жизни Среднеахтубинского района.

Война ускорила закат села, оно почти полностью было уничтожено во время налётов вражеской авиации 23—24 августа 1942 года. Большинство жителей (в основном дети, женщины и старики — остальные ушли на фронт) покинули Безродное едва ли не в одночасье, расселились подальше от линии фронта. Но далеко не все вернулись на родные пепелища. После войны только часть домов была восстановлена, да и то в основном кое-как, подручными средствами — не хватало материалов, не было средств. Таким и увидели село первые строители Сталинградской ГЭС, которые часто рисуют перед нами одну и ту же картину — голую степь с полуразрушенной мельницей и высохшим колодезем, что, конечно, сильно преувеличивает степень запустения этого района Заволжья.

¹ См., например: *Башлыкова Т. А.* Безродное. Верхняя Ахтуба. Волжский. Волгоград: Панорама, 2017.

Война объединила людей. Перед нагрянувшей общей бедой были забыты прежние распри и ссоры между сёлами Среднеахтубинского района, свыше 12 тысяч его жителей ушли на фронт (перед войной в районе проживало немногим более 27 тысяч). Те, кто остался (главным образом женщины и подростки), вместе с эвакуированными сталинградцами (в Среднеахтубинский район было эвакуировано из Сталинграда 8 тысяч человек) приняли активное участие в оборонных работах, проводившихся на территории Волго-Ахтубинской поймы, где создавались резервные и основные базы снабжения войск с последующей доставкой техники, боеприпасов и продовольствия на правый берег Волги. В 1942 году население Среднеахтубинского и соседнего Ленинского района было мобилизовано в помощь инженерным частям, строившим два оперативных аэродрома, предназначенных для базирования фронтовой авиации 8-й воздушной армии.

Через размещённые в районе эвакуопункты прошли свыше 170 тысяч человек, для которых (прежде всего для детей) жители Левобережья организовали сбор тёплой одежды. Многие среднеахтубинцы сдавали Родине свои сбережения: они собрали около 900 тысяч рублей на танковую колонну и построили эскадрилью «Героический Сталинград»¹. Один из многочисленных военных госпиталей, базировавшихся в районе, располагался в здании школы села Безродного².

Ещё задолго до того, как Гитлер решил стереть Сталинград с лица земли, жители Сталинградского Заволжья внесли большой вклад в строительство однопутной железной дороги Сталинград—Паромная—Владимировка

¹ См.: Среднеахтубинский район // Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943: Энциклопедия / Под ред. М. М. Загорюлько. 6-е изд., доп. Волгоград: Издатель, 2015. С. 545—546.

² Умерших в госпитале от ран бойцов хоронили в братских могилах близ школы, о чём напоминает установленный здесь монумент солдатам Гражданской и Великой Отечественной войн. В восстановленном и отреставрированном здании бывшей школы села Безродного ныне расположена муниципальная картинная галерея Волжского.

(ныне — район Ахтубинска). Общая её протяжённость составляла 180 километров, и каждый район, расположенный в зоне строительства, обязан был вместе с железнодорожными войсками обеспечить прокладку 40—50 километров пути. В развернувшихся работах участвовали 32 тысячи мобилизованных местных жителей, составивших, по общему мнению историков, основную силу, благодаря которой железную дорогу удалось построить за 72 дня. В январе 1942 года она была принята в эксплуатацию вместе с паромной ледокольной переправой через Волгу, которая дала Сталинграду прямой выход к Левобережью и связала его с проходящей по левому берегу железнодорожной линией Урбах—Астрахань. Два мощных самоходных парома — «Переправа Вторая» и «Иосиф Сталин» с приданными им ледоколом «Саратовский» и баркасом «Рутка» за сутки перевозили с правого берега в Заволжье до 600 вагонов (всего за время действия переправы в обоих направлениях было перевезено 53 тысячи вагонов). До своих конечных пунктов назначения поезда с ранеными и эвакуированным гражданским населением, оборудованием перемещавшихся на Восток предприятий отправлялись от левобережной станции «Паромная». В период великого сражения на Волге, как свидетельствует энциклопедия Сталинградской битвы, «это был единственный путь снабжения частей Юго-Восточного и Сталинградского фронтов»¹.

Через несколько лет, в начальный период строительства Сталинградской ГЭС, по этой же транспортной артерии пошёл основной поток грузов на левый берег Волги, где располагалась основная производственная база Сталинградгидростроя и возводились первые рабочие посёлки, закладывалась основа будущего города. А станция «Паромная» сыграла исключительную роль в организации снабжения стройки: прибывавшие на паромах вагоны здесь формировались в составы, которые уже по внутрипостроечным путям доставляли прямо к строительным объектам необходимые материалы и оборудо-

¹ Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943: Энциклопедия... С. 242.

вание. Этот сложный путь снабжения стройки, по сути дела, оставался основным вплоть до августа 1956 года, пока не было сдано в эксплуатацию уникальное инженерное сооружение — четырёхкилометровая подвесная канатная дорога...

Волжский своим рождением обязан прежде всего Логинову — это утверждение вряд ли кто ставит под сомнение.

Заметим, что ни в каких основополагающих правительственных документах, связанных с возведением Сталинградского гидроузла, в том числе главном из них — постановлении Совета министров СССР от 16 августа 1950 года «О строительстве Сталинградской гидроэлектростанции на р. Волге, об орошении и обводнении районов Прикаспия», — строительство города не предусматривалось. В то время при развёртывании крупных народно-хозяйственных строек для рабочих, как правило, возводились посёлки с преобладанием бараков, предназначенных для временного проживания.

Думается, что главная заслуга Фёдора Георгиевича состоит в том, что город получил право на жизнь уже в самом начале строительства гидроузла. Существенно повлияли на директивные органы, которые пересмотрели свой подход к решению проблемы обеспечения жильём строителей Сталинградской ГЭС, не только приверженность Логинова идее строительства города и его безусловный авторитет в высших эшелонах власти. Большую роль сыграло его активное участие в формировании необходимого общественного мнения, его публикации в печати и многочисленные выступления в различных аудиториях, в которых он уже в сентябре—октябре 1950 года рассказывал о том, какой чудесный город появится на левом берегу Волги. Важное значение имела и поддержка Логинова ведущими писателями и журналистами страны — К. Паустовским, Е. Долматовским, В. Уриным, А. Аграновским... Что интересно, ещё не было никаких официальных решений (во всяком случае, о них нигде не говорилось), а уже никто не сомневался в том, что вместе с крупнейшей в мире ГЭС на Волге вырастет и новый город.

Вместе с тем нет оснований для того, чтобы рассматривать первые шаги центральных руководящих органов по материализации этой идеи, её воплощению в жизнь лишь как результат твёрдой позиции Логинова, отстаивающего право строителей Сталинградской ГЭС на свой город, и его «пробивной» силы. Хотя авторы ряда публикаций по этой проблеме и полагают, что только благодаря его личным усилиям вопрос «Быть городу или нет?» разрешился положительно и проектирование жилья для сотрудников Сталинградгидростроя было передано из Гидропроекта МВД, не имевшего должного опыта в области крупного жилищно-гражданского строительства, в Государственный институт градостроительства — Гипрогор.

Но, думается, на такое решение повлияли и объективные факторы, основной из которых — беспрецедентные масштабы строительства ГЭС с привлечением десятков тысяч рабочих и специалистов, значительная часть которых приезжала на стройку с семьями, не имея ни кола ни двора, — война сдвинула огромные массы людей с обжитых мест, нарушила их привычный образ жизни. И большинство из них надеялись получить здесь за свой труд нечто большее, нежели временную крышу над головой на период строительства, по завершении которого многим пришлось бы начинать всё сначала.

Надо было дать людям ощущение стабильности, создать условия, позволяющие спокойно трудиться, растить детей и уверенно смотреть в будущее. Задача эта носила не только локальный характер, жизненно важный для строителей Сталинградской ГЭС, она имела и большое общегосударственное значение. По мере восстановления разрушенного в результате фашистского нашествия народного хозяйства и жилого фонда страны, в результате чего 25 миллионов граждан остались без крова (всего в годы войны было разрушено и сожжено 1710 городов и посёлков, более 70 тысяч деревень), её решение для советского руководства приобретало первоочередное значение. Об этом свидетельствует и резкое, двукратное увеличение жилищного строительства, предусмотренное директивами пятого пятилетнего плана на 1951—1955 годы.

Что же касается Сталинградской ГЭС, то принималась во внимание и перспектива дальнейшего развития региона после введения в строй действующих крупнейшей гидроэлектростанции в мире и образования нового города. В результате такого подхода в скором времени будет принято решение строить Волжский в две очереди: к 1960 году планировалось возведение жилых домов для расселения строителей Сталинградской ГЭС (по первому генеральному плану, утверждённому в 1952 году, город был рассчитан на 50 тысяч жителей); вторая очередь была связана с началом сооружения новых промышленных предприятий в районе гидроузла.

С учётом всех этих факторов передача Гипрогору проектирования жилья для Сталинградгидростроя не выглядит чем-то из ряда вон выходящим. Кстати, в это же время на другой «великой стройке сталинской эпохи» — Куйбышевской ГЭС жилищное проектирование осуществлял также Государственный институт градостроительства, его ленинградское отделение. Правда, при этом принято считать, на наш взгляд — не вполне обоснованно, что Управление Куйбышевгидростроя было не слишком озабочено возведением для своих сотрудников капитального жилья, поэтому ему так и не удалось построить «своего» города¹.

Сейчас трудно сказать, в каких инстанциях и кем принимались решения о строительстве города при Сталинградской ГЭС, только, думается, оно состоялось без давления или подсказок неких «высоких покровителей», которые якобы были у Логинова в высшем руководстве страны, что не подтверждается ни одним документальным источником или внушающим доверие свидетель-

¹ Куйбышевгидрострой вёл жилищное строительство в правобережном посёлке Жигулёвск, получившем в 1952 году статус города, построенные им посёлки на левом берегу вошли в состав попавшего в зону затопления и перенесённого на новое место Ставрополя, преобразованного в 1951 году в город областного значения. В 1964 году Ставрополь был переименован в Тольятти (в его строительстве также активно участвовал Куйбышевгидрострой), а посёлки Комсомольск, Шлюзовой, Жигулёвское море стали основой образованного в составе этого крупнейшего города Комсомольского района.

ством. Например, предполагая (!), что идею Фёдора Георгиевича о строительстве городе поддержал сам Берия, А. Рогозин в то же время признаёт: «Документально выяснить, при каких обстоятельствах и по чьему указанию работа над проектом была передана в Гипрогор, мне не удалось. Однако проектировать город с октября 1950 года начинает именно эта организация»¹.

Не упоминается ещё одна существенная причина, по которой в ведении Гипрогора оказались и другие важные вопросы деятельности Сталинградгидростроя, связанные не только со строительством нового города. Дело в том, что институт помимо градостроительства занимался и решением других государственных задач, в том числе и проблемой территориального планирования. Изначально предусматривалось, что гидроэлектростанция станет ядром формирования нового промышленного региона. А для того чтобы обеспечить максимальный экономический эффект от её строительства и увеличить участие региона в общегосударственном территориальном разделении труда, правительство поручило Гипрогору разработать *схему районной планировки Сталинградской ГЭС*. «Она представляла собой программу взаимосвязанного развития отраслей хозяйства, административных районов Сталинграда и прилегающих к нему территорий. Схема была согласована с 17 министерствами союзного и республиканского значения, со Сталинградским облисполкомом, утверждена Советом Министров. Предложения министерств основывали на уже разработанных технико-экономических основаниях строительства новых предприятий. Схема предусматривала использование производственных мощностей, сконцентрированных в регионе при строительстве Волго-Донского судоходного канала. Планировалось также наращивание потенциала трудовых ресурсов и

¹ Рогозин А. А. Логинов и его время. Волжский: Издательство Волжского института строительства и технологий, 2013. С. 142.

² Аляев В. А. Влияние Сталинградской гидроэлектростанции на хозяйственное развитие Сталинграда и прилегающих к нему территорий // Стрежень: Научный ежегодник (под ред. М. М. Загорюлько). Вып. 6. Волгоград: Издатель, 2008. С. 210.

дальнейшее развитие на этой базе различных отраслей хозяйства и территорий, находящихся в зоне непосредственного влияния Сталинграда, в радиусе 30—40 км от его центра»¹.

Первая очередь реализации схемы охватывала период с 1953 по 1960 год, на неё выделялось 20 миллиардов рублей, из них 8,5 миллиарда — на строительство ГЭС, 750 миллионов — на строительство алюминиевого завода (его строительство началось в 1955 году), 455 миллионов — на реконструкцию завода «Красный Октябрь», а также на строительство и развитие других промышленных предприятий, преобразование транспортной инфраструктуры.

Подобные факты позволяют говорить о том, что вопрос о целесообразности строительства города для гидростроителей был во многом предопределён в процессе решения широкого круга вопросов, выходящих далеко за рамки локальных задач Сталинградгидростроя. И не ошибёмся, если скажем, что у Логинова хватало единомышленников среди должностных лиц руководящих органов, причастных к судьбе Сталинградской ГЭС и озабоченных жизненными перспективами её строителей, поэтому ему не пришлось кому-то что-то доказывать, тем более сталкиваться с серьёзными препонами — управленцев с государственным мышлением у нас в стране в то время хватало.

Косвенно это подтверждается и дневниками Логинова, страницы которого позволяют судить о наиболее злободневных проблемах, которые ему приходилось решать в первые месяцы деятельности Сталинградгидростроя. Однако в длинной череде затронутых им вопросов с конца августа 1950 года (последние дни работы Фёдора Георгиевича на Днепрогэсе) вплоть до 5 февраля 1951 года (в этот день он посетил мастерскую Гугеля, где вместе с главным архитектором Гидропроекта Поляковым обсуждал макет центра будущего города) не

¹ *Аляев В. А.* Влияние Сталинградской гидроэлектростанции на хозяйственное развитие Сталинграда и прилегающих к нему территорий // Стрежень: Научный ежегодник (под ред. М. М. Загорюлько). Вып. 6. Волгоград: Издатель, 2008. С. 210.

удалось обнаружить ни одного упоминания о состоянии дел, связанных со строительством города. Из этого можно сделать вывод, что все возникавшие проблемы, касающиеся города, решались в вышестоящих инстанциях своим чередом и не требовали со стороны Логинова особых усилий.

Отметим, что решение о строительстве города силами Сталинградгидростроя было принято буквально в считанные дни после его создания, когда ещё даже не были забиты первые колышки на строительных площадках и только-только разворачивались подготовительные работы, связанные с приёмом заключённых и размещением первых строителей. Во всяком случае, уже в октябре 1950 года в Сталинграде была создана комиссия по выбору места расположения города. В неё вошли заместитель Сталинградского облисполкома П. А. Уханов и руководители ряда областных организаций, И. П. Редько — руководитель архитектурной мастерской Гипрогора, от Сталинградгидростроя — главный инженер С. Р. Медведев. Вскоре комиссия осмотрела участок земли на левом берегу Волги в районе села Верхняя Ахтуба и пришла к заключению, что он пригоден для строительства города. Примерно в это же время при Гипрогоре была создана специальная архитектурно-проектная мастерская под руководством архитектора В. Гугеля, которой и была поручена разработка проекта города.

Впрочем, проектировщики Гидропроекта всё же дали существенный толчок строительству жилья (как показала практика, без толчков, нажимов и встрясок этот процесс вплоть до декабря 1953 года шёл ни шатко ни валко): по их проектам были построены первые жилые объекты, в том числе 12 домов так называемого Деревянного городка, в которые гидростроители заселились в декабре 1950 года.

Вопросы, связанные с проектированием города и организацией работ по его строительству, вошли в круг обязанностей главного инженера Сталинградгидростроя С. Р. Медведева. 15 декабря 1950 года состоялось организационно-техническое совещание при главном инженере, которое, как считают многие, имело историческое

значение для Волжского — на нём обсуждался вопрос «О проектировании города для строителей на левом берегу реки Ахтубы».

То, что первое официальное обсуждение в Сталинградгидрострое вопросов, посвящённых будущему городу, прошло без участия Логинова, не должно никого вводить в заблуждение относительно того, насколько важным для него было это событие, — Фёдор Георгиевич просто не имел возможности присутствовать на этом совещании, поскольку находился в длительной командировке в Москве.

К закладке первых жилых объектов приступили оперативно — время на раскачку не было. По настоянию Логинова проектировщики предоставили строителям планировку первых кварталов, получивших название Каменный городок, до утверждения генерального плана города. И вскоре, 9 января 1951 года, была начата выемка грунта из котлована под первый каменный дом, а 5 февраля был заложен и его фундамент.

Однако обратим внимание, что одновременно было принято решение и о плановом строительстве жилых построек временного типа, и в январе 1951 года Гипрогор представил Сталинградгидрострою документацию на строительство посёлка на правом берегу Волги, рассчитанного на 1,5 тысячи жителей.

В основу проектирования города был положен поквартирно-семейный принцип расселения (каждой семье — отдельная квартира со всеми удобствами: централизованным отоплением, кухней, ванной и туалетом) с расчётной нормой жилой площади — 5 квадратных метров на человека. Однако, по свидетельствам первостроителей, в течение довольно длительного времени в Волжском из-за нехватки жилой площади практиковалось в основном покомнатное расселение в коммунальных квартирах. Вот как об этом вспоминает М. Б. Лукашука, прибывший с женой на стройку весной 1955 года: «В трёхкомнатной квартире с соседями жили одной семьёй. Первое время почти все жили в коммунальных квартирах. Пока жена не работала, она была как хозяйка, еду готовила на всех. Если сосед ездил на рыбалку и при-

езжал с уловом, то этот улов шёл в общий котёл. Праздники отмечали все вместе. Жили очень дружно»¹...

Для обеспечения рабочих общественным питанием проектом предусматривалась сеть столовых непосредственно на предприятиях и стройдворах Сталинградгидростроя с полным трёхразовым питанием рабочих-одиночек и 50-процентным суточным рационом питания семейных рабочих.

Все проектные работы велись и осуществлялись под самым пристальным вниманием Фёдора Георгиевича. Он буквально жил проектом города и во время каждого своего приезда в Москву неизменно посещал мастерскую В. Гугеля. Главная идея, которую исповедовал Логинов, — не просто сделать город красивым и удобным для проживания, но и уберечь его жителей от летней жары и суховеев. А эту задачу могут решить только малоэтажная застройка и благоустройство, прежде всего озеленение улиц и жилых кварталов, создание парков и скверов — без этого Волжский превратится в пыльный и неприглядный город.

Без зелёных насаждений Логинов не мыслит его будущего облика. Волжский — наверное, единственный в России город, во время застройки которого озеленители шли впереди строителей, руководствуясь рабочими чертежами и эскизами, не дожидаясь, пока планы и проекты архитекторов будут окончательно утверждены. Уже 12 апреля 1951 года, когда ещё не было построено ни одного каменного здания, началось озеленение будущего города, были посажены первые деревья.

Правда, творческие замыслы зодчих не всегда удавалось предвидеть. Так, после одного из посещений Гипрогора Фёдор Георгиевич сокрушался, что «пришлось согласиться на перенос высаженных деревьев, принеся их в жертву архитектурным фасадам». И уж конечно, никто не мог предположить, что Сталинградгидрострой с его невиданными объёмами сложнейших строительно-монтажных работ найдёт возможность обзавестись собственными лесопитомником площадью в 30 гектаров, оранжерейно-

¹ Историю делаем сами... Т. 2. С. 14.

парниковым хозяйством и создаст на острове Зелёный крупное лесничество, занимающее 300 гектаров.

В ходе объявленного Гипрогором конкурса на лучший проект города, в котором принял активное участие Институт градостроительства Академии архитектуры СССР (в итоге победила схема планировки архитектора В. В. Прозоровского), выявилось немало противников идей, которые отстаивал Логинов. Многие считали, что двух- и трёхэтажные здания приемлемы только для посёлков и не вяжутся с обликом крупного города, который будет соседствовать с величайшей в мире электростанцией. Были скептики, полагавшие, что создание города-оазиса в засушливой степи — из области неосуществимых мечтаний. Но Фёдор Георгиевич был непоколебим: «Разве не можем мы создать зелёного массива на левом берегу Волги на месте нашего города? Обязательно создадим... Все улицы и дворы будут засажены зеленью, будут устроены скверы и парк и среди зелени будут двух- и трёхэтажные дома, чем это не красиво?»

Как хорошо знают жители Волжского, большинство замыслов Логинова, связанных с возведением города будущего на левом берегу Волги, были воплощены в жизнь. Старая часть города, которая возводилась при нём, — наглядное тому свидетельство. Конечно, не всё, что задумывалось изначально, удалось осуществить, тем более что многие мечты Логинова, например о каналах вдоль главных улиц города, были дорогостоящими и технически трудно осуществимыми, поэтому и не обрели сторонников среди архитекторов и проектировщиков.

Логинов, как большой профессионал своего дела, прекрасно понимал, что в искусстве архитектуры и проектирования городов возникает множество проблем и спорных вопросов творческого характера, в разрешение которых дилетантам вмешиваться не всегда уместно. Поэтому он далеко не всегда отстаивал свои взгляды и принимал проекты, с которыми в душе был не до конца согласен. Правда, называл он и другую причину вынужденных компромиссов: нам надо строить, и мы «не можем ждать разрешения споров архитекторов Гипрогора и Академии архитектуры». Однако будем объективны: как показала

практика, отставание в строительстве города, жилых и социальных объектов было связано не столько с задержками проектных работ, сколько с внутренними проблемами Сталинградгидростроя, на которых мы ещё остановимся.

Как бы то ни было, все проектные работы по городу постоянно находились в поле зрения Логинова, с ним согласовывались не только принципиальные решения, но и детали внешнего вида отдельных зданий, улиц и архитектурных ансамблей, парков и скверов. В качестве примера приведём выдержки лишь из одного архивного документа — письма, полученного Фёдором Георгиевичем из Гипрогора:

«Начальнику Сталинградгидростроя
тов. Логинову Ф. Г.

Гипрогор, осуществляя авторский надзор за строительством города Волжского, доводит до Вашего сведения:

...Резко бросается в глаза плохое выполнение элементов фасада <города>.

...Во всех жилых домах, за редким исключением, круглые колонны в лоджиях сделаны с отступлением от проекта, не выдержаны размеры самой колонны, а также абак и капители¹.

...Набережная в районе сквера... в нарушение утверждённого проекта расширяется за счёт подсыпки грунта на естественный склон. Этим самым застройка набережной искусственно отдалается от бровки склона. При небольшой этажности застройки фасад города со стороны реки будет скрыт склоном, что значительно ухудшит объёмно-пространственную композицию застройки набережной города.

Автор проекта г. Волжского Гугель В.
Руководитель авторского надзора —
гл. архитектор проекта Грозовский Я.»².

Авторы большинства художественно-публицистических и документальных трудов, так или иначе связан-

¹ Абака — плита, составляющая верхнюю часть капители колонны.

Капитель — венчающая часть колонны, обеспечивающая переход к абаке.

² РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 2а. Л. 150—151.

ных с историей ГЭС и Волжского, считают, что Логинов рассматривал строительство города как альтернативу существовавшей на протяжении многих лет практике возведения унылых барачных посёлков — неизменных спутников всех крупных народно-хозяйственных строек. И практически везде, начиная с первых публикаций таких известных литераторов и журналистов, как К. Паустовский и А. Аграновский, Фёдор Георгиевич упоминается как непримиримый противник строительства для рабочих временных жилых сооружений. Во всяком случае, существует немало его высказываний на этот счёт, которые можно найти во многих произведениях.

А. Аграновский уже после смерти Фёдора Георгиевича вспоминал:

«Логинов сказал в свое время: “Нет ничего долговечнее временных сооружений!” — и отказался строить бараки — ни одного барака! Но это легко сказать, а осенью 1953 года, когда съехались уже тысячи строителей, жить-то им было негде. Лето провели в палатках, потом пошли дожди, того и гляди снег выпадет — тяжело было Логинову в ту пору. Не только потому, что проверяли его строгие комиссии, но и потому, что и сам он усомнился в своей правоте. И люди, работавшие с ним, сомневались. Ведь ради города им пришлось — неслыханное дело! — ослабить темпы строительства самой ГЭС. Что скрывать, многие в ту зиму ругали начальника стройки, обвиняли во всех смертных грехах. Но он устоял, благословенно будь имя его!»¹

А ещё раньше, в начале пятидесятых, известный советский журналист утверждал: «На берегах Волги с самого начала работ не было построено ни одного временного деревянного барака. На ровной площадке Левобережья, в голой степи заложен новый город строителей — город большой, красивый, благоустроенный, рассчитанный на 75 тысяч жителей»².

¹ *Аграновский А. А.* Семь лет. Рассказ о том, как будущее становится настоящим // Знамя. 1959. № 1. С. 158—159.

² *Аграновский А. А.* Сталинградская ГЭС — великая стройка коммунизма. М.: Госполитиздат, 1953. С. 20.

Трудно сказать, как Аграновский, частый гость стройки, умудрился не заметить ни одного барака в районе строительства Сталинградской ГЭС. Впрочем, это, скорее всего, связано с тем, что на многие вещи ему полагалось смотреть под другим углом зрения. Его книга «Сталинградская ГЭС — великая стройка коммунизма» — типичный образец агитационно-пропагандистской литературы, которой не полагалось заглядывать за фасады.

Такие авторы, как первостроитель А. Марфенко или работавший в 1950-х годах вместе с Логиновым главный диспетчер стройки Р. Дорогов, реальную картину жилищного строительства знали намного лучше, поэтому они более объективны. В повести А. Марфенко «Многотиражка» Логинов выступает на пленуме райкома КПСС:

«Наш курс на строительство социалистического, со всеми современными бытовыми условиями города — единственно правильное решение, отвечающее требованиям времени. На Сталинградгидрострое, к сведению членов пленума райкома, быстрыми темпами строится временное жильё. Деревянный городок, жилой посёлок для рабочих и специалистов на Зелёном острове, поближе к Гидротехстрою и Гидромеханизации, наконец около пятнадцати жилых зон Верхнеахтубинского лагеря, дома для железнодорожников стройки, и что особенно радует, полным ходом развернувшееся индивидуальное строительство в посёлке Рабочем и на других территориях стройки.

...Да, тяжело первостроителям-левобережцам, вот почему они заслуживают свой город-сад. И мы построим его, несмотря ни на какие нападки, недалёковидную критику»¹.

Более прямолинейным логиновский курс на строительство города выглядит в повести «Город на главной улице», где во время беседы с секретарём обкома партии Фёдор Георгиевич подчёркивает: «Наш принцип — обойтись без временок. Пусть и строители поживут, как положено»².

¹ *Марфенко А. А.* Левобережцы. Ч. 2. Волгоград: ГУ «Издатель», 2001. С. 70.

² *Дорогов Р. Ф., Злобин А. П.* Город на главной улице. М.: Профиздат, 1975. С. 47.

Здесь, как и во многих других публикациях, неприятие Фёдором Георгиевичем временных жилых сооружений для работников Сталинградгидростроя, на наш взгляд, чрезмерно абсолютизируется, а утверждение этой «аксиомы» в общественном сознании порождает легенды, некоторые из которых вызывают, мягко говоря, большое сомнение. Например, автору настоящей книги волжане рассказывали «по секрету», что Логинов якобы давал распоряжение строителям оставлять щиты для сборных домов на берегу Волги, надеясь, что в очередную непогоду их смоеет в реку...

В книге А. Рогозина «Логинов и его время» глава «Город» начинается такими словами:

«Если совсем коротко, заслуга Логинова в строительстве Волжского состоит в следующем: он решительно отказался от возведения временного жилья и, вопреки давлению местных властей, настоял на строительстве современных жилых домов со всеми бытовыми удобствами»¹.

Сначала — и тоже коротко: вряд ли допустим такой упрощённый подход к узловой и наиболее большой проблеме жилищного строительства, которую так и не удалось разрешить Управлению Сталинградгидростроя в первой половине 1950-х годов. Безусловно то, что Логинов был всецело поглощён идеей возведения образцового города будущего. Однако все разговоры о том, что Фёдор Георгиевич напрочь отвергал строительство временок, с одной стороны, не вяжутся с реальностью и создают у людей искажённое представление об истории Сталинградской ГЭС, возводившейся в сложное и довольно противоречивое время, с другой — свидетельствуют о недопонимании масштабов личности Логинова как авторитетного руководителя советской эпохи, видного хозяйственного деятеля и крупного специалиста в области гидротехнического строительства.

Трудно представить, что человек, имевший за плечами многолетний опыт руководства строительством чир-

¹ Рогозин А. А. Логинов и его время. Волжский: Издательство Волжского института строительства и технологий, 2013. С. 137.

чикских ГЭС и восстановлением Днепрогэса, работавший на других крупнейших гидротехнических стройках страны, руководивший отраслью в ранге замминистра в суровые военные годы, мог не понимать, что строительство города требует много сил и времени, а оно не ждёт — никто не позволит откладывать «на потом» строительство основных сооружений гидроузла. И что без временного жилья невозможно создать стабильный коллектив строителей, способный поднять такую грандиозную стройку, как Сталинградская ГЭС, и построить при этом город. Нравится кому-то это или нет, но любая стройка, любой город начинается с временок.

Вполне вероятно, что столичные труженики пера, увековечившие лозунг «Никаких бараков!», слышали от Логинова то, что хотели услышать. Но на официальном уровне, в ходе решения практических хозяйственных задач Фёдор Георгиевич никогда не ставил вопрос ребром: «Или — или», либо строим город, либо — временки. Строились и городские дома постоянного типа, и временные бараки, полужемлянки, юрты, возводились палаточные городки, причём, как мы ещё увидим, общая жилая площадь временок в первые годы значительно превышала площадь капитальных строений. Да иначе и быть не могло.

Но при этом Логинов уделял исключительно важное внимание капитальному гражданскому строительству, включая объекты социально-культурного назначения, без которых город немислим, — медицинские и детские дошкольные учреждения, магазины и столовые, клубы и кинотеатры, Дворец культуры, стадион, один из первых в стране закрытый плавательный бассейн... Казалось бы, политическая ситуация, сложившаяся в стране в начале пятидесятых годов, благоприятствовала проведению такой линии, тем более что XIX съезд КПСС подтвердил курс на подъём благосостояния советских людей, в котором приоритетная роль отводилась увеличению жилищного строительства. Кстати, будучи профессиональным историком, Е. Глухова в своей книге на это обстоятельство обращает особое внимание: «Решениями 19 съезда КПСС и ряда пленумов ЦК КПСС была определена

большая и разносторонняя программа повышения уровня жизни народа. Важнейшее место в ней занимала программа жилищного строительства, рассчитанная на 10—12 лет. Именно она способствовала в дальнейшем как строительству пос. Волжского, так и превращению его в крупный промышленный город»¹.

И тем не менее даже среди ближайших соратников по Сталинградгидрострою проявлялось несогласие с позицией Логинова, который явно не спешил форсировать строительство временного жилья, даже если в этом возникала крайняя необходимость, особенно в периоды больших пополнений трудовых ресурсов. Так было и во время организационного набора 1953 года, так было и раньше, в 1952 году, когда на Сталинградгидрострой прибыло большое количество рабочих и специалистов с Волго-Дона после завершения строительства канала. Вот на это ему и указывали, причём не раз, руководящие советские и партийные органы Сталинградской области.

О недовольстве значительной части строителей, вынужденных годами ютиться по углам, в непригодных для нормальной жизни помещениях — бараках, землянках, палатках и общежитиях с минимальными удобствами, — говорить не приходится. Как грибы росли самовольные жилые постройки из казённых материалов, на что руководству Сталинградгидростроя приходилось закрывать глаза, распространилось самовольное заселение в недостроенные дома. Но самое главное — необеспеченность жильём стала основной причиной высокой текучести кадров на стройке, достигавшей в первые годы 50 процентов. Особенно обострилась проблема текучести в 1953 году, когда значительная часть большого пополнения, прибывшего в результате масштабного оргнабора, так и не закрепилась на стройке, и несмотря на все предпринятые усилия к концу года укомплектованность Сталинградгидростроя кадрами составила лишь 70 процентов.

¹ Глухова Е. М. Вольнонаёмные и заключённые на строительстве Сталинградской ГЭС (1950—1953 гг.). Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2008. С. 25.

Строительство города шло далеко не так гладко и выглядело не так безмятежно, как это иногда представляется в многочисленных исторических очерках о Волжском — особенно в тех случаях, когда их авторы обходят стороной реальные проблемы, с которыми сталкивались строители Сталинградской ГЭС.

Как все мы хорошо знаем, слишком часто обстоятельства оказываются сильнее наших желаний и возможностей. Поскольку капитальное гражданское строительство довольно долго не могло набрать необходимые обороты, оно вплоть до 1954 года не оказывало существенного влияния на решение проблем жилья и, соответственно, текучести вольнонаёмных кадров. Поэтому Логинову волей-неволей приходилось «становиться на горло собственной песне» и обращаться к традиционному спасительному средству сохранения трудового коллектива — возведению временных жилых построек.

С начала 1951 года основные объёмы жилья, возводимого на левом берегу, приходились на долю созданного в структуре Сталинградгидростроя специального подразделения — Жилищно-гражданского строительного управления (впоследствии СУГС № 1). Отметим, что к этой работе были привлечены и несколько непрофильных управлений Сталинграда. Но из-за недостатка техники (почти все работы велись вручную), практически полного отсутствия электроэнергии на объектах, нехватки стройматериалов (что являлось главной причиной простоев) и низкой квалификации рабочих темпы жилищного строительства оставляли желать много лучшего. Так, на строительство одного двухэтажного дома на 8—12 квартир уходило от шести до девяти месяцев.

В Каменном городке к концу года были построены лишь пять кирпичных восьмиквартирных домов и шесть щитовых деревянных восьмиквартирных домов (пять из них — в Деревянном городке). Три кирпичных дома (24 квартиры) были построены на правом берегу. Немногим лучше складывались перспективы обеспечения жильём инженерно-технических работников, для которых в Сталинграде был построен 60-квартирный дом

и началось строительство 187-квартирного дома¹ (он строился долго, его первые три секции будут сданы только через два года, но раньше, в 1952 году, в областном центре будут сданы ещё два 42-квартирных дома и один 60-квартирный).

В так называемых литерных кварталах начали строить каменные дома для заключённых, которые возводились без межквартирных и межкомнатных перегородок, поскольку их планировалось впоследствии переоборудовать под квартирное заселение.

Всего за 1951 год было построено 33 тысячи квадратных метров жилья, из них подавляющее большинство жилых площадей приходилось на строения временного типа.

Но и временного жилья катастрофически не хватало, и основная масса рабочих и специалистов находилась в крайне тяжелых условиях. На начало 1952 года основная доля жилого фонда Сталинградгидростроя приходилась на деревянные и каркасные дома — 32 тысячи квадратных метров, юрты — 6 тысяч квадратных метров, землянки — 3,8 тысячи квадратных метров и палатки — 1,2 тысячи квадратных метров².

Значительная часть гидростроевцев буквально ютилась в арендованных Сталинградгидростроем квартирах и частных домах, занимая не отдельные комнаты, а углы. Поначалу жильё снимали в Сталинграде и посёлке Рынок, затем стали использовать возможности населённых пунктов, расположенных на левом берегу, ближе к строительным объектам. Всего на съёмных площадях проживали почти 10 тысяч рабочих и членов их семей (из них работающих на стройке — свыше трёх тысяч человек), наибольшее их количество размещалось в сёлах Средняя Ахтуба и Среднее Погромное.

Немало людей проживали в отдалённых сёлах, расположенных от стройки на расстоянии 15—20 километров, и были вынуждены добираться до работы пешком

¹ См., например: *Конин Л. И.* Сталинградгидрострой. 1950—1961: Время, события, люди. Волжский, 2009. С. 29.

² См.: *Глухова Е. М.* Указ. соч. С. 32.

или в кузовах грузовых машин и даже на самосвалах — автобусов в то время у Сталинградгидростроя не было. Транспортные расходы финансировались Министерством внутренних дел «ввиду невозможности в ближайшие два года обеспечить вольнонаёмных рабочих, служащих и инженерно-технический персонал собственной жилплощадью»¹. Но, во-первых, выделяемые средства в условиях нехватки транспорта решали проблему доставки строителей к месту работы и обратно лишь частично, а во-вторых, прогноз МВД по срокам обеспечения работников Сталинградгидростроя собственной жилплощадью оказался чересчур оптимистичным.

В книге Е. Глуховой и двухтомном издании книги «Историю делаем сами» собрано немало живых свидетельств первостроителей, их воспоминаний о том, как нелегко приходилось людям в первые годы строительства Сталинградской ГЭС и Волжского и какие трудности они преодолевали.

М. И. Мартыненко устроилась на работу в Управление железнодорожного транспорта Сталинградгидростроя в мае 1951 года. Направили её работать на станцию «Спартановка», которая ещё только строилась на правом берегу Волги, в основном силами заключённых. Здесь принимали вагоны с грузами для стройки и переправляли их на другой берег, на станцию «Паромная». В феврале 1952 года её перевели на левый берег и поселили в женском общежитии, располагавшемся на территории Каменного городка.

«Добралась я до него, — вспоминает Мария Ивановна, — пешком по льду через Волгу с чемоданом и узлом. В посёлке было построено 3 дома. А рядом — участок, огороженный проволокой, там строили дома заключённые. Кругом стройматериалы, камень, кирпич, лес...

В то время посёлок освещался с помощью энергопоезда, в который постоянно подавался уголь... Первое время продукты и хлеб покупали в Сталинграде. Зимой ходили через Волгу по льду, а летом — на пароме. Позже через Волгу построили канатную дорогу... Строи-

¹ Цит. по: Там же. С. 30.

тели жили в палатках, на частных квартирах, в ближних и далёких сёлах. Село Безродное выручало нас: мы ходили в магазинчик. Позже у нас в 1-м квартале стали строить маленькие ларьки. В основном нашей пищей были макароны, горох, маргарин и сахар — это то, что мы могли купить на нашу маленькую зарплату.

После амнистии весной 1953 г. многие семьи поселились в юртах и бараках, где раньше жили заключённые. А наши железнодорожники приехали и жили в вагонах».

Р. Н. Вельможина приехала на строительство ГЭС одной из первых, в октябре 1950 года. В мае 1951 года ей поручили организовать первую библиотеку в посёлке Волжский, в помещении клуба строителей (кинотеатр «Знамя»). Выделили комнату на втором этаже, сделали деревянные стеллажи, и работа пошла. Библиотека быстро пополнялась необходимой литературой — русской, советской и иностранной классикой, детскими книжками, учебными пособиями, выписывалось множество газет и периодических изданий. Как свидетельствует Раиса Николаевна, «постройком денег не жалел. Работала одна, зарплата мала, но это не мешало работе, задачи выполнялись. Очередь за книгами стояла со второго до первого этажа. После работы людям некуда деться, приходили в клуб, где была библиотека. Это был единственный очаг культуры».

Не обошла она стороной и условия жизни первостроителей, отметив проблемы с водой, хлебом, со светом: «Часто подводило и снабжение продуктами, особенно в распутицу. Не было хлеба, и ели селёдку с пряниками. Но это только веселило. Строители в основном были молодыми людьми и с комсомольским задором, верили, что все они — участники большого и важного дела страны, поэтому на трудности не обращали никакого внимания».

По воспоминаниям Р. Н. Вельможинной, у строителей пользовалась большой популярностью художественная самодеятельность, в клуб привозили хорошие фильмы, частыми гостями Волжского были известные писатели и артисты. Посещала стройку Любовь Орлова, и «все бежали смотреть на неё», затаив дыхание слушали знамени-

тую песню «Широка страна моя родная...» из кинофильма «Цирк». Остались в памяти строителей ГЭС встречи с Евгением Долматовским, Павлом Кадочниковым, Константином Симоновым, Валентиной Серовой и другими знаменитостями. Только в течение 1953 года артисты государственных, в основном столичных, театров дали 23 концерта.

Надо сказать, что у истоков творческого содружества прославленных мастеров культуры и строителей Сталинградской ГЭС стояла выдающаяся поэтесса Юлия Друнина, которая, по воспоминаниям А. А. Марфенко, посетила первопроходцев Левобережья ещё в ноябре 1950 года. Никого не оставили равнодушным её стихи, которые она читала в палатке, приспособленной под столовую:

Я принесла домой с фронтов России
Весёлое презрение к тряпью —
Как норковую шубку, я носила
Шинельку обгоревшую свою.

Пусть на локтях топорщились заплата,
Пусть сапоги протёрлись — не беда!
Такой нарядной и такой богатой
Я позже не бывала никогда...

Немало времени пройдёт, прежде чем первостроители, среди которых было немало фронтовиков, сменят свои шинельки и телогрейки на выходные костюмы и нарядные платья. И обретут надёжную крышу над головой.

Трудовая биография И. А. Уизлова, как и многих других приехавших на стройку добровольцев, началась с учебного комбината Сталинградгидростроя. «1 апреля 1951 года я поступил на курсы трактористов-скреперистов-бульдозеристов и после трёхмесячного обучения получил удостоверение и направился в с. Верхняя Ахтуба.

Жилья не было, и мне пришлось жить в палатке с женой. Трудностей было много. Не было ни посуды, ни постельного белья.

...Механизмов не хватало, и меня назначили машинистом на ЦРМЗ. Работал с заключёнными. Затем перевели на новое место работы, и новым моим объектом стал энергопоезд, который давал электроэнергию, затем первые дома в квартале "А". В Шадринском затоне выгружали лес с платформы, везде были заключённые, они меня и кормили в обед, и помню, как я хлебушек, который они мне давали, приносил домой и угощал жену. Жили впроголодь в первое время, зарплаты не хватало. Но, несмотря на все эти трудности, мы не унывали.

Мы знали, что прибыли на стройку коммунизма, что будем строить величайшую гидроэлектростанцию на Волге, и нас, молодых, прибывших в большинстве строем из армии, эти трудности не пугали. Мы были молоды, полны энергии, комсомольского задора.

Славное было время».

Самостоятельная жизнь О. П. Новак началась в 16 лет на Среднеахтубинском промкомбинате, а 1 июля 1952 года она поступила на работу в типографию Сталинградгидростроя. «Общежития нет, ездили из Ахтубы, там жила на квартире. Затем работала кладовщицей-инструментальщицей. Дали общежитие в доме, который стоял на берегу Ахтубы, был большой двор, огороженный заборчиком, в одном подъезде была контора, а в другом мы на первом этаже, одна квартира — мужчины, другая квартира — женщины, а на втором этаже — семейные.

Конечно, нам, молодым, было интересно всё новое. Первая столовая во втором квартале — какая была красота: ковровые дорожки на второй этаж, столики рядами, официантки. Первый кинотеатр "Знамя", первый парк гидростроевский, который мы сами озеленили, были воскресники.

Строилась ГЭС. Конечно, всю работу вначале: разгрузку щебня, камня, цемента, кирпича — всё делали заключённые. Строили первые кварталы они. Многие из них после амнистии в 1953 г. остались работать на стройках города. Стали прибывать вербованные. Их селили в юрты, бараки в посёлках. Юрты — это те же бараки, только круглые, посередине столб, который держит крышу, кругом окна.

Строилась ГЭС, строился город, люди из бараков переселялись, кто в комнаты на соседей, кто в общежитие, а кто-то и в квартиры...»

В январе 1952 года в Среднеахтубинском районе Сталинградской области был зарегистрирован новый населённый пункт, которому было присвоено наименование «посёлок Волжский». И уже через два месяца, в марте, указом Президиума Верховного Совета РСФСР он был выведен из Среднеахтубинского района и отнесён к категории рабочих посёлков областного подчинения. К тому времени в Волжском насчитывалось около 10 тысяч жителей, он включал в себя Каменный городок, посёлок Деревянный и другие строящиеся рядом рабочие посёлки, а позднее в его состав вошли и жилые массивы, возведённые методом самостроя, в частности посёлок Рабочий.

Что представлял из себя посёлок, только что получивший «свидетельство о рождении», какая атмосфера царил в нём, описал Р. М. Дорогов:

«Волжский числился посёлком, и в нём ничего ещё не было. На почту ходили в Верхнюю Ахтубу (она же хутор Безродный). Мылись в реке. За покупками ездили в Сталинград. Его звали просто “город”, да и сейчас, в наши дни, нет-нет да и срывается у старожилов такое словцо.

Парикмахерской не было тоже, и я маялся попервости, но товарищи приохотили к безопасности, в ходу были шведские синий и жёлтый “Матадор”... Водопровод в посёлке действовал, но не всегда насосы успевали закачивать водонапорный бак, и тогда, как утверждал фельетонист многотиражки, бреющиеся подогревали нарзан...

Всюду по площадке летала мошка, её было убийственно много, лезла в глаза, в уши. Ладони приходилось держать в движении, вытирать шею, руки, лицо... На производстве работали в сетках. Академия медицинских наук в порядке шефства прислала препараты, отпугивающую мошку, ими мазали обнажённые участки тела.

Старожилы успокаивали:

— Мошка живёт, пока не спадёт весенний паводок. Скоро её не будет.

Центр посёлка назывался Каменный городок в отличие от Деревянного, в стандартных домах которого размещались столовая и медпункт. Главным проспектом считалась Четвёртая улица, она застраивалась трёхэтажными домами, на всех остальных возводились двухэтажные.

Быстро строились дома, а всё равно не успевали за притоком людей. Мест в общежитиях не хватало, и народ растекался по окрестным селеньям. “Гидрострой” оплачивал рабочим наём частных квартир и бесплатно возил их к месту работы и обратно. Автобусов не было. Их роль исполняли бортовые машины с брезентовыми тентами. В распутицу с бездорожьём справлялись только могучие десятитонные ЯАЗы — самосвалы...

Застроенные улицы... приводились в порядок комплексно. Где полагалось асфальту — лежал асфальт, непокрытые участки заполнялись зелёными насаждениями. Прутики саженцев ещё не смягчали колорит, и вдоль тротуаров прокладывали ленты цветов. Лесомелиоративный участок — так называлось ведомство озеленителей — высаживал по сто тысяч цветов.

Но зеленел уже парк, цвела благовонная белая акация... Когда на стройку прибыл генплан жилого посёлка, Логинов снарядил на левый берег баржу с саженцами — густой лес плыл по Волге! — и поручил высадить их на месте будущего парка и бульвара. Ещё не было ни одного дома вокруг, и котлованы под них не копались, а в степи уже протянулись ряды клёнов, акации, шёлкового тутовника...»¹

Образование посёлка Волжский совпало с утверждением генерального плана города, что, безусловно, позволило значительно упорядочить ход жилищного строительства, развитие коммунального хозяйства и работы по озеленению. В течение 1952 года были сданы в эксплуатацию уже 29 двухэтажных кирпичных домов общей площадью 11,4 тысячи квадратных метров, а кроме этого, ещё 28 кирпичных домов с упрощённой планировкой построены в литерных кварталах для заключённых Ахтубинского ИТЛ.

¹ *Дорогов Р.* Основатель // Отчий край. 2004. № 2. С. 141—142.

Большой сдвиг произошёл в строительстве социальных объектов. Был открыт клуб на 300 мест (кинотеатр «Знамя»), строился крупный хлебозавод (начал работать в январе 1953 года), введены в эксплуатацию баня с прачечной, универмаг, столовая на 200 мест, поликлиника, открыты гостиница и общежитие для молодых специалистов, новый продовольственный магазин. Началось возведение Дворца культуры строителей, который на долгие годы, хотя и с опозданием (он был сдан только в 1956 году), станет центром общественной и культурной жизни Волжского, и здания гидротехникума. А осенью на площади 12,5 гектара разбит Парк культуры и отдыха. К этому времени в посёлке было посажено около 20 тысяч деревьев и кустарников.

И всё же возведение социальных объектов, как и строительство жилых домов, существенно отставало от плана. Так, к концу 1952 года было построено только три школы из запланированных одиннадцати (в действующих школах занятия велись в три смены) и три дошкольных детских учреждения из девятнадцати, предусмотренных планом.

Тем не менее город строился. 1-й и 2-й кварталы посёлка, которые, в отличие от литерных, предназначенных для заключённых, заселялись вольнонаёмными сотрудниками Сталинградгидростроя. Они не только стали общественно-политическим центром Волжского, но и позволяли судить, каким он будет в ближайшие годы. Однако было одно серьёзное «но», суть которого чётко обозначает в своей книге Л. Конин: капитальные жилые дома и здания социально-культурного назначения радовали глаз, но «рассчитывать на их строительство в объёмах, позволяющих принять требуемое количество людей, — утопия»¹.

Поэтому в начале 1952 года и было принято компромиссное решение построить на острове Зелёный, в непосредственной близости к сооружениям гидроузла большой посёлок (на 50—60 тысяч квадратных метров жилой площади) из сборных щитовых домов — по неко-

¹ Конин Л. И. Указ. соч. С. 38.

торым источникам, вопреки желанию Логинова строить на Зелёном вместо деревянных бараков каменные дома. Предусматривалось, что в этом посёлке будут свои школы, детские сады, магазины, поликлиника, баня, центральное отопление (от квартальных котельных) и водоснабжение (от скважин).

Было решено поставить на Зелёном и временный, рассчитанный на тёплое время года, палаточный лагерь на две тысячи человек.

Палаточный городок оборудовали быстро и ускоренным, поточно-скоростным методом в течение года построили 12 тысяч метров жилой площади. Но проблема жилья не теряла своей остроты. Достаточно сказать, что в октябре 1952 года свыше тысячи рабочих, а вместе с членами семей — около трёх тысяч человек всё ещё проживали в летних палатках.

Ещё в первые месяцы строительства ГЭС в качестве одной из мер, направленных на решение жилищной проблемы, по инициативе Логинова были предприняты шаги по развитию строительства индивидуальных домов силами их будущих владельцев — сначала на правом берегу, в окрестностях Сталинграда, а затем и в Волжском. Для этого Фёдору Георгиевичу удалось добиться выделения долгосрочной ссуды на сумму 3 миллиона рублей, узаконить отпуск застройщикам строительных материалов и выделение транспорта. Но инициатива эта большой поддержки гидростроевцев не получила. Всего с начала строительства по март 1954 года ссуду оформили 172 человека на общую сумму миллион 210 тысяч рублей.

Зато вовсю процветало так называемое внеплановое строительство — самострой, который особенно широкое распространение получил на острове Зелёный. Одним из инициаторов такого строительства стал подполковник инженерной службы И. М. Бuzzyгар, возглавивший Контору гидромеханизации в 1952 году. Все, кто решил построить себе дом, знали о его негласном разрешении использовать материалы, которые завозились на остров для производственных нужд. Так возник посёлок Бuzzyгаровка. По именам руководителей подразделений, последовавших этому примеру, были названы посёлки

Шиловка и Сургучёвка, а названия посёлков Шофёров и Экскаваторный отражали профессиональную принадлежность их жителей.

Видно, не случайно в повести «Город на главной улице» появилась целая глава, в которой «один остроумец» предложил назвать новый посёлок, построенный таким образом, Расташиловкой¹.

Типичной является история семьи Семаковых из пяти человек, прибывшей на строительство жарким летом 1952 года: «Жить было негде, даже угол снять не у кого. Вечером катер перебросил их на остров Зелёный. Разжёл глава семьи костерок под большим дубом, уложил детей в раскладные кровати, а сам пошёл искать ветки для шалаша. Утром, когда проснулись, увидели неподалёку от берега двухэтажное плавучее строение. Вывеска гласила, что это Контора гидромеханизации. Подошёл мужчина, отрекомендовавшийся парторгом, и поселил семью в большую брезентовую палатку. Мошки — тьма-тьмушая. Дети прячутся в палатке, а мужики-трактористы жалуются, что дети плачут, спать не дают. Встал вопрос: где подыскать жильё? Жилья не было, и пришлось главе семьи строить его самому, тем более что брёвен, оторванных от плотов, на берегу было много, да и горбылька из-под носа конторы малость “увести” было можно. С устройством на работу проблем не возникало: Виктора Алексеевича Симакова приняли электриком, а жену его, Надежду, — кладовщицей»².

Мы уже упоминали о том, что 9 февраля 1954 года, вскоре после памятного заседания бюро Сталинградского областного комитета КПСС и жёсткого разговора на коллегии Министерства электростанций и электропромышленности, на котором отчитывался Логинов, состоялось совещание хозяйственного актива Сталинградгидростроя. В своём докладе на нём Фёдор Георгиевич привёл довольно выразительные цифры и факты, касающиеся жилищного строительства. Так, за первые

¹ См.: Дорогов Р. Ф., Злобин А. П. Город на главной улице... С. 210.

² Историю делаем сами... Т. 1. С. 44.

три года проектным заданием предусматривалось построить 188,3 тысячи квадратных метров жилья постоянного типа, фактически к 1 января 1954 года было построено за три года лишь 44,2 тысячи квадратных метров (по сведениям профессионального волгоградского историка Е. М. Глухой, и того меньше — 30,6 тысячи квадратных метров: в 1951 году — 2,8 тысячи, в 1952 году — 11,5 тысячи, в 1953 году — 16,3 тысячи квадратных метров¹). В то же время были значительно перевыполнены объёмы строительства жилья временного типа: по проектному заданию — 34,7 тысячи квадратных метров, а фактически было построено в два с лишним раза больше — 78,2 тысячи квадратных метров².

Эти результаты совершенно не вяжутся с многочисленными запелляционными заявлениями о том, что Логинов категорически отказывался от строительства временного жилья и упорно строил в городе каменные дома со всеми удобствами, как утверждает А. Рогозин, «вопреки давлению местных властей». Во-первых, в реальности (а не на словах, предназначенных для прессы и массовых аудиторий) всё выглядело несколько по-другому, а во-вторых, функции местных властей, прежде всего партийных инстанций, сводились исключительно к обеспечению выполнения решений директивных органов и плановых государственных заданий — главным образом методами партийно-политического воздействия на руководство Сталинградгидростроя. И в 1953 году, когда жилищный кризис на строительстве ГЭС достиг своего апогея и недовольство значительной части рабочих политикой руководства стройки вылилось далеко за её пределы, Сталинградский обком партии не преминул к ним прибегнуть.

Обращает на себя внимание, что большинство авторов опубликованных материалов по истории ГЭС и Волжского имеют весьма смутное представление о сути проблем, поднимавшихся на бюро обкома в декабре 1953 года. Например, ветеран строительства Н. Кухарен-

¹ Глухова Е. М. Указ. соч. С. 41.

² ГАВО. Ф. 6497. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 135.

ко, работавший на стройке бетонщиком, полагал, что Фёдор Георгиевич «был наказан по партийной линии» только потому, что «начал воплощать задуманное, строить настоящий город»¹.

Но почему-то почти никто не упоминает о том, что руководители Сталинградгидростроя подверглись резкой критике не за своё видение решения жилищной проблемы (кто бы возражал, что капитальное жильё лучше временного) и тем более не за строительство города, а за срыв программы обеспечения рабочих жильём — за существенное отставание и в сфере капитального гражданского строительства, и в сфере возведения временных жилых объектов, необходимых для сохранения трудового коллектива, на постоянное пополнение которого затрачивались огромные силы и средства.

Заметим, кстати, что во всех конфликтах Логинова с партийными комитетами и иными руководящими органами А. Рогозин (да и не он один) априори всегда занимает сторону Фёдора Георгиевича. В результате создаётся образ непогрешимого руководителя, который в интересах дела вынужден противостоять косности, некомпетентности и самолюбию партийных чиновников. В какой-то мере эта линия прослеживается и в повести А. Марфенко, подчёркивающего решимость Логинова построить город «несмотря ни на какие нападки, недальновидную критику».

Автор не говорит прямо, откуда исходили эти нападки, хотя нетрудно догадаться, что он имеет в виду местные партийные органы. А вот в чём заключалась «недальновидная критика», разобраться сложнее. Ведь никто не чинил препятствия Сталинградгидрострою в строительстве города и никто не заставлял его руководство строить бараки вместо капитальных домов со всеми удобствами, как это было предусмотрено генеральным проектом города.

При этом упомянутые нами и многие другие авторы почему-то предпочитают обходить стороной один

¹ *Кухаренко Н.* От сердца к сердцу // Волжская правда. 1990. 2 мая. № 84 (7478).

принципиальный вопрос: критика в адрес Управления строительства исходила не только «извне». Серьёзное недовольство сложившимся положением вещей вызрело в недрах Сталинградгидростроя, в массе его работников — от низовых звеньев до руководителей подразделений. В этих условиях принципиальную позицию заняла профсоюзная организация, проявив себя, как и подобает профсоюзам, защитницей интересов трудового коллектива.

Так, в августе 1953 года общее собрание профсоюзного актива Сталинградгидростроя приняло решение «Об усилении общественного контроля над выполнением управлениями обязательств по жилищному и культурно-бытовому строительству и ремонту жилищного фонда» и поставило в известность министра электростанций и электропромышленности Первухина и председателя ЦК отраслевого профсоюза Александрова о систематическом невыполнении администрацией Сталинградгидростроя коллективного договора по части строительства жилья и социально-бытовых учреждений. А состоявшееся осенью того же года собрание актива профсоюзной организации отметило, что «средства, отпускаемые правительством на строительство по улучшению жилищно-бытовых условий рабочих и служащих на Сталинградгидрострое, используются неудовлетворительно, в результате чего план строительства из месяца в месяц срывается». На этом собрании также обращалось внимание и на необходимость решения и других проблем, связанных в первую очередь «с торговлей, медицинским обслуживанием, школьным обучением»¹.

Волей-неволей напрашивается вывод, что суть проблемы лежит на поверхности: за многочисленными разговорами о строительстве благоустроенного «города будущего» на задний план уходили вопросы, связанные с текущим обустройством людей, прибывавших на строительство ГЭС. Более того, тяжёлое состояние дел усугубил и срыв выполнения жилищной программы 1953 года — и в целом, и в области строительства жилья

¹ См.: Глухова Е. М. Указ. соч. С. 35—36, 40.

постоянного типа. В результате многие тысячи людей, приехавших с искренним желанием внести свой вклад в большое для страны дело, были глубоко разочарованы пренебрежительным отношением к их элементарным нуждам и вынуждены были покинуть стройку.

Думается, что заведомая предубеждённость, односторонние оценки личности особенно недопустимы в тех случаях, когда за человеком стоят события и явления исторической значимости, позволяющие извлечь из прошлого необходимые уроки. Ещё раз обратим внимание читателя, что конфликты, которых было немало в жизни Логинова, не имели ничего общего якобы с предвзятым к нему отношением, всегда отражали в той или иной степени типичные, непростые черты его характера и были связаны между собой своеобразной линией поведения нашего героя

Напомним, что в 1922 году Логинов был привлечён даже к судебной ответственности «за самоуправство», а работая на строительстве чирчикских ГЭС, получил два серьёзных партийных взыскания, одно из которых — «за игнорирование бюро РК КП(б) Уз. и заказчиков, за неправильную информацию секретарей Ташкентского обкома». Как мы знаем, трудно складывались его отношения с первым секретарём Запорожского обкома Л. И. Брежневым и ЦК КП(б) Украины, который тогда возглавлял Н. С. Хрущёв. Однако никто и никогда не пытался умалить заслуги и сильные стороны Логинова, его профессионализм, одарённость, незаурядные способности руководителя, позволявшие ему несмотря ни на что продвигаться вверх по служебной лестнице, занимать высокие государственные должности. Логинова хорошо знали и воспринимали таким, каким он был — во всяком случае до тех пор, пока его личные качества и методы руководства не вступали в противоречие с интересами дела.

Нет причин сомневаться в том, что Сталинградский обком партии, подвергший резкой критике Логинова в декабре 1953 года, был озабочен судьбой великой стройки (которой, помимо всего прочего, предстояло сыграть огромную роль в развитии области) не меньше, чем ру-

ководство Сталинградгидростроя. Трудно заподозрить областных руководителей в какой-либо предвзятости, особенно учитывая то обстоятельство, что Фёдор Георгиевич был с первым секретарём обкома И. Т. Гришиным в хороших человеческих отношениях и глубоко уважал его.

Не будем сбрасывать со счетов объективные причины отставания со строительством жилья, сложности, которые довелось пережить Сталинградгидрострою в 1953 году. Вместе с тем на снижении темпов застройки будущего города сказались проблемы, решение которых входило в круг прямых обязанностей Управления строительства: концентрация выделяемых ресурсов, организация работ, подбор кадров, обучение рабочих строительным специальностям.

О проблемах СУГС-1 — основного подразделения Сталинградгидростроя, осуществлявшего гражданское строительство, мы уже говорили. Напомним и о том, что на резком обострении жилищного кризиса 1953 года сказалось и перенаправление значительной части финансового потока с гражданского строительства на основные сооружения гидроузла, которое повлекло, как отмечал сам Фёдор Георгиевич, «замедление темпов строительства жилья» и затягивание сроков «ликвидации трудностей в создании нормальных культурно-бытовых условий в рабочем посёлке Волжский». А ведь негативные последствия такого манёвра, вероятно, можно было предусмотреть. (В некоторых работах утверждается обратное — якобы строительство города порой велось в ущерб плановым работам на основных сооружениях ГЭС, однако подобные заявления представляются бесосновательными. Факты говорят о другом: так, 4 августа 1954 года бюро Сталинградского обкома КПСС отмечало, что в Сталинградгидрострое «по-прежнему жилищное строительство резко отстаёт, в то время как план на основных сооружениях значительно перевыполняется».)

Образовался своего рода замкнутый круг: необеспеченность строителей жильём была основной причиной высокой текучести кадров, а рабочие, прибывавшие на

стройку в составе новых пополнений, не могли обеспечить необходимой производительности труда на объектах гражданского назначения в силу своей низкой квалификации или её полного отсутствия. Нестабильность трудового коллектива, частая сменяемость рабочих основных профессий существенно снижали и эффективность профессиональной учёбы — много сил и времени, уходящих на её организацию, тратилось, по сути дела, вхолостую.

Мы обращаем внимание на эти проблемы не для того, чтобы поставить под сомнение общепризнанную роль Логинова в рождении Волжского, которое было сопряжено с огромными трудностями, выпавшими на долю руководства Сталинградстроя. На этом фоне заслуги начальника строительства, не спасовавшего перед ними и не изменившего своей позиции, своего видения города, выглядят ещё более значимыми.

Едва ли не постоянно на протяжении всего периода работы Логинова на посту начальника Управления Сталинградгидростроя ему приходилось сталкиваться с одной и той же проблемой: при выделявшихся ресурсах было практически невозможно одновременно обеспечить выполнение плановых заданий по строительству гидроузла и возведение, причём — в кратчайшие сроки, благоустроенного жилья в объёмах, удовлетворяющих потребность в нём многотысячной армии рабочих и специалистов, прибывавших на стройку по общественным призывам и организационным наборам. Нужно было сохранить хотя бы минимально приемлемые темпы строительства капитальных жилых зданий, чтобы не поставить крест на будущем города и одновременно — обеспечить тысячам людей крышу над головой в виде традиционных бараков, сборно-щитовых домов и других временных жилых построек.

И, конечно же, над всем эти довлели интересы главной стройки — всё было подчинено задачам успешного строительства основных сооружений Сталинградской ГЭС. Значительное перевыполнение Сталинградгидростроем под руководством Логинова ежегодных планов строительных и строительско-монтажных работ — основ-

ной критерий, по которому судили о начальнике грандиозной стройки, его способности справиться с возложенными на него задачами. От этого в конечном счёте зависела и судьба города, неразрывно связанная с положением дел на главной строительной площадке.

Думается, хорошо понимал это и Фёдор Георгиевич, однако представляется, что он не учёл или не почувствовал характера новых веяний, вызванных поиском путей развития страны после смерти Сталина. Времена менялись, принципы мобилизационной экономики вступали в противоречие с общественным сознанием и формула «план любой ценой» — непреложный закон для хозяйственных руководителей в тридцатые годы, военное время и период восстановления народного хозяйства, — уходила в прошлое. Этим во многом и объясняется вмешательство Министерства строительства электростанций и электропромышленности, ЦК профсоюза работников отрасли, местных партийных органов в положение дел, которое сложилось в Сталинградгидрострое в 1953 году. Уже первая их реакция на поток жалоб и заявлений от рабочих и служащих стройки, начало работы комиссий министерства и обкома партии существенно оживили ход строительства жилых объектов.

На возведение жилья было переведено большое число рабочих практически из всех управлений стройки. А строительные работы на многих производственных объектах, как и весной 1953 года после расформирования Ахтубинского ИТЛ, были приостановлены. Это, впрочем, не сказалось на выполнении основных производственных планов, зато позволило в последние месяцы года значительно сократить отставание по вводу жилых домов в посёлке Волжский. Только в течение сентября — декабря было сдано в эксплуатацию 24 тысячи квадратных метров жилья из 36 тысяч, введённых за весь год¹.

Несмотря на проблемы, возникшие в жилищном строительстве, нельзя было не видеть реальных результатов, достигнутых в работе по обеспечению работни-

¹ Конин Л. И. Указ. соч. С. 59.

ков Сталинградгидростроя жильём и способствовавших улучшению их социального самочувствия, стабильности трудового коллектива. На левом берегу Волги рос и благоустраивался посёлок гидростроителей Волжский, в котором к концу 1953 года проживало уже свыше 17 тысяч жителей (8,4 тысячи — работники Сталинградгидростроя, остальные — члены их семей), из них 9 тысяч — в каменных домах постоянного типа. Размеры жилья приближались к нормам, установленным генеральным планом строительства города, и составляли 4,8 квадратных метра на человека. Кроме того, около 10 тысяч рабочих и служащих с семьями проживали в домах, построенных в Сталинграде, и на жилплощади «частного сектора», арендованной Управлением строительства в областном центре и ближайших населённых пунктах.

Значительно выправилась ситуация и с объектами социально-бытового и культурного назначения, предприятиями сферы обслуживания, о чём в своём отчёте Логинов информировал коллегия Министерства электростанций и электропромышленности в январе 1954 года. К этому времени в Волжском действовали 8 школ на 2040 учащихся, 12 детских садов и яслей на 795 мест, 2 поликлиники на 300 посещений, 4 больницы на 365 коек, 7 бань и 6 прачечных, широкая сеть магазинов и столовых¹.

Резким ростом объёмов жилищного строительства ознаменовался 1954 год — последний год работы Логинова на посту начальника Сталинградгидростроя. В течение года было намечено построить 60 тысяч квадратных метров жилой площади. Успешному решению этой задачи способствовали перераспределение материальных и людских ресурсов с увеличением их доли в жилищно-гражданском строительстве, повышение уровня механизации работ на возводимых объектах и улучшение их снабжения стройматериалами, значительный рост удельного веса высококвалифицированных рабочих в общей численности занятых на них строителей. Учебный комбинат Сталинградгидростроя работал с макси-

¹ ГАВО. Ф. 6497. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 97.

мальной нагрузкой: за год было обучено 3700 рабочих, а свою квалификацию повысили 3000 человек.

В реализации жилищной программы большую роль сыграло созданное в декабре 1953 года ещё одно строительное управление гражданских сооружений — СУГС № 2.

В результате предпринятых усилий жилищный фонд Сталинградгидростроя в Волжском за год вырос до 160 тысяч квадратных метров, из них жилплощадь в кирпичных домах составила 70,5 тысячи квадратных метров¹.

Произошёл и качественный сдвиг в застройке Волжского — на его главной улице (нынешний проспект Ленина) началось возведение трёхэтажных домов, ширились озеленительные работы (деревья и кустарники были высажены на 42-х гектарах), асфальтировались улицы, заканчивалось строительства кинотеатра «Гидростроитель» на 380 мест (позднее он получит название «Энергетик», ныне в этом здании размещается детский театр кукол «Арлекин»), развернулось строительство стадиона на 10 тысяч мест, шефство над которым взяла комсомольская организация Сталинградгидростроя.

Расширились возможности культурного досуга жителей. В их распоряжении было пять клубов с библиотеками, большая библиотека (на 60 тысяч томов) работала в Доме техники, открылись детская библиотека и летний кинотеатр в Парке культуры и отдыха.

Работали более ста торговых точек и предприятий общественного питания, колхозный рынок, действовала крупная торговая база, территория которой занимали свыше 10 гектаров. С созданием собственного автотранспортного пассажирского хозяйства были в основном решены проблемы доставки к месту работы сотрудников, проживавших в окрестных населённых пунктах.

В системе Управления коммунального хозяйства, созданного ещё в 1950 году, сложилась крупная сеть специализированных и оснащённых необходимой техникой и оборудованием специализированных подразделений,

¹ Конин Л. И. Указ. соч. С. 70.

позволяющая на должном уровне обеспечивать обслуживание населения Волжского.

Твёрдость Логинова, упорно придерживавшегося курса на капитальное гражданское строительство и уделявшего приоритетное внимание возведению города, была вознаграждена: 22 июля 1954 года вышел указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О преобразовании рабочего поселка Волжский Сталинградской области в город областного подчинения, присвоив ему наименование — город Волжский». К этому времени в Волжском проживало около 30 тысяч жителей. Ныне волжане отмечают эту знаменательную для них дату как День города.

Не столь торжественным, но, возможно, и более значимым для судьбы нового города событием стало утверждение в 1954 года нового генерального плана застройки Волжского с населением в 120 тысяч человек. Это означало, что развитие города не завершится с окончанием строительства гидроэлектростанции и в ближайшие годы ему будет суждено стать значимым промышленным центром региона.

Итак, несмотря ни на что, Логинов добился своей цели, осуществил то, о чём когда-то поделился в доверительной беседе с А. Аграновским, — сумел оставить по себе хорошую память людям. Тем людям, которые выдержали все испытания, преодолели трудности первых лет стройки и в конечном счёте сумели одержать большую победу — довести строительство крупнейшей в мире ГЭС до завершения.

С рождением города жилищная проблема на стройке заметно смягчилась, и лучшее тому свидетельство — стабилизация трудового коллектива Сталинградстроя, численность которого к концу 1954 года сохранилась на том же уровне, что и годом ранее, и составила 17,5 тысячи человек. Однако до её полного разрешения было ещё далеко.

В начале августа 1954 года, уже после того, как Волжский получил статус города, на заседании бюро Сталинградского обкома партии был заслушан отчёт о работе парткома Сталинградгидростроя, с которым выступил секретарь парткома строительства М. И. Вязовиков.

По сути дела, это был отчёт о выполнении постановления бюро от 18 декабря 1953 года, вскрывшего серьёзные недостатки в деятельности руководства стройки. Судя по принятому решению, в стиле и методах работы Управления строительства существенных перемен за истекшие месяцы не произошло. Да и вряд ли кто ожидал иного — лицо стройки определял Логинов, а он, как все прекрасно знали, не склонен был менять свою линию поведения. Поэтому, отметив, что парторганизации Сталинградгидростроя «усилили контроль хозяйственной деятельности, добились некоторого улучшения бытовых условий на стройке», бюро обкома было вынуждено подчеркнуть, что партком и партийные организации неудовлетворительно осуществляют партийный контроль за ходом строительства, слабо организуют выполнение постановления бюро обкома КПСС от 18 декабря 1953 года “О положении дел в Сталинградгидрострое”».

В принятом постановлении отмечалось, что «обком КПСС неоднократно указывал парткому и хозяйственному руководству Сталинградгидростроя на недопустимость замазывания ошибок и недостатков, имеющих на стройке, на слабый уровень самокритики и критики снизу. Однако партийный комитет всё ещё слабо содействует развитию критики, мирится с фактами расправы за критику. Не учитывает критические замечания коммунистов и беспартийных работников, что мешает ликвидировать сложившуюся на стройке атмосферу благодушия и самоуспокоенности...

Партком... мирится с фактами нарушения партийных принципов в подборе и расстановке кадров, когда в ущерб выдвижению способных работников, выросших на стройке, переставляются с одной работы на другую слабые, проваливающие дело работники, когда хозяйственные руководители без согласования с парткомом и парторганизациями увольняют руководителей-коммунистов».

Как и следовало ожидать, в центре внимания бюро обкома вновь оказалась, пожалуй, наиболее болезненная проблема Сталинградгидростроя: «Партийный комитет

не обеспечил крутого поворота хозяйственных руководителей к вопросам культурно-бытового обслуживания строителей, улучшения жилищного строительства и создания условий для высокопроизводительного труда. По-прежнему жилищное строительство резко отстаёт, в то время как план на основных сооружениях значительно перевыполняется. Вследствие крайне медленного ввода в эксплуатацию жилой площади со стройки ушло большое количество рабочих, не обеспечивается приём поступающей по организованному набору рабочей силы и не создаются условия для выполнения значительно возрастающего плана в 1955 году».

Бюро, в частности, постановило: «Обратить внимание начальника Сталинградгидростроя тов. Логинова, что строительство жилых домов и культурно-бытовых зданий проводится неудовлетворительно, и предложить принять необходимые меры по улучшению работы управлений гражданского строительства, обеспечить их в первую очередь материалами, рабочей силой и другими ресурсами с тем, чтобы добиться безусловного выполнения государственного плана по вводу в эксплуатацию в 1954 году 60 тыс. кв. метров жилой площади. В целях обеспечения приёма нового пополнения рабочей силы предложить тов. Логинову усилить строительство сборных деревянных жилых домов»¹.

Мы не будем комментировать очередное решение Сталинградского обкома КПСС, поскольку остановились на нём достаточно подробно. Читатель, получив необходимую информацию, сам может сделать необходимые выводы. Заметим только, что «некоторого улучшения бытовых условий на стройке» хватило для того, чтобы снять с Фёдора Георгиевича ранее наложенное на него партийное взыскание. 31 августа 1954 года бюро обкома партии сочло возможным принять такое решение, так как «тов. Логинов, сделав для себя соответствующие выводы, принял меры по устранению допущенных им ошибок в жилищном строительстве, бытовом обслуживании рабочих, в подборе и расстановке кадров».

¹ ЦДН ИВО. Ф. 113. О. 48. Ед. хр. 23. Л. 31—38.

Существуют крылатые выражения, которые принято употреблять в тех случаях, когда речь идёт о чём-то важном и значимом. Думается, одно из них — «Через тернии к звёздам» — вполне приемлемо для характеристики того действительно тернистого и ухабистого пути, который Логинов преодолел и осуществил свою мечту о новом городе на левом берегу Волги.

Победителей не судят — их только чествуют. И всё же, отдавая дань уважения Фёдору Георгиевичу за тот неоценимый вклад, который он внёс в становление Волжского, не будем забывать, в каких сложных условиях проходило рождение города, с какими трудностями и противоречиями было сопряжено его возведение. Пожалуй, главная из всех возникавших проблем заключалась в том, что в первые годы строительства Сталинградской ГЭС Волжский рос и развивался на фоне постоянного дефицита жилья, бытовой неустроенности и лишений, которые довелось пережить первым строителям гидроэлектростанции. Кто-то из них не выдержал и в поисках лучшей доли покинул стройку. Но большинство не спасовало перед тяжёлыми испытаниями, проявили подлинное мужество и силу духа, верность своему долгу. Благодаря этим людям и рождались новые города, электростанции и заводы, было в короткие сроки восстановлено разрушенное войной народное хозяйство и обеспечено дальнейшее развитие страны.

НАСЛЕДИЕ И НАСЛЕДНИКИ

1954 год стал последним годом работы Ф. Г. Логинова на посту начальника Управления Сталинградгидростроя, а значит, настало время для разговора о том, чем, какими итогами он ознаменовался.

Повесть «Город на главной улице» сопровождается документальной хроникой событий и выдержками из летописи строительства ГЭС, составленной главным диспетчером стройки Р. М. Дороговым, который состояние дел на стройке, конечно же, знал, как никто другой. Правда, в повести он упоминает только те памятные для

первостроителей даты, которые пришлись на последние месяцы работы Фёдора Георгиевича:

«10 августа. В городе Волжском ведётся строительство крупнейшего в Поволжье ремзавода. Пущен в строй цех этого предприятия — мотороремонтный.

15 августа. Открылся первый специализированный магазин “Спортовары”.

27 августа. Подведены итоги соревнования за право уложить в здание ГЭС первый кубометр бетона. Победителем признан коллектив Гидротехстроя. Ему присуждено право укладки первого бетона в здание ГЭС. В сборную бригаду для укладки первого бетона включены 164 гидростроителя из разных управлений, завоевавших первенство в соревновании.

1 сентября. Закончены работы по асфальтированию двух уличных колец. Они соединяют все улицы города.

18 октября. Гидромеханизаторы досрочно выполнили годовой план по выемке грунта. С начала строительства они вынули 43 миллиона кубометров грунта. Это треть всех земляных работ по проекту на гидроузле.

22 октября. За пять дней осенних посадок в городе высажено 15 тысяч кустарников, белой акации, лоха тополя.

25 октября. Полностью закончено освещение котлована под здание ГЭС. 240 прожекторов дают столько света, что можно читать газету на дне котлована»¹.

Но это — лишь несколько штрихов к истории строительства. В хронике Дорогова опущен ряд важных событий, о которых рассказывается в повести. Поэтому обратимся к другим источникам, чтобы лучше представить картину, более полно отражающую главные промежуточные итоги работы по возведению ГЭС и осуществлению жилищного строительства, достигнутые за четыре года коллективом стройки под руководством Фёдора Георгиевича.

Л. И. Конин, не менее авторитетный и компетентный исследователь истории строительства ГЭС, выделяет два знаковых события, свершившихся в 1954 году. Од-

¹ *Дорогов Р. Ф., Злобин А. П.* Город на главной улице... С. 270.

ним из них, как догадывается читатель, явилось рождение нового города на левом берегу Волги, чему мы посвятили предшествующую главу, сосредоточив внимание на проблемах, возникавших в процессе становления Волжского.

Другим важным результатом деятельности Сталинградгидростроя стало завершение периода самых трудных, подготовительных работ на гидроузле и переход к новому этапу строительства основных сооружений, начало которого ознаменовала укладка первого бетона под здание ГЭС¹.

На наш взгляд, нельзя обойти вниманием и ещё одно существенное достижение, которое имело для дальнейшей судьбы стройки не менее важное значение, чем рождение города и окончание подготовительных работ. К концу 1954 года в основном завершился довольно длительный период обновления состава и резкого увеличения численности строителей, главным образом — за счёт организационного набора, начавшийся после расформирования Ахтубинского ИТЛ и полного перевода строительства на вольнонаёмную рабочую силу. За это время стройка пережила, по словам Л. Кониной, «процесс второго рождения и становления коллектива гидростроителей». Хотя проблемы обеспечения сотрудников Сталинградгидростроя жильём по-прежнему стояли на повестке дня, форсирование работ на объектах гражданского назначения позволило разрядить напряжённую обстановку в коллективе и к концу года заметно сократить текучесть кадров.

В течение 1954 года существенно расширилась производственная база стройки. Кроме первого цеха авторемонтного завода была сдана в эксплуатацию первая очередь арматурного завода, вступили в строй две секции бетонного завода на острове Зелёный (бетонное хозяйство № 1). Было принято решение о размещении в котловане, в непосредственной близости от объектов здания ГЭС, бетонного хозяйства № 2, для чего была значительно расширена, до 60 метров, продольная перемычка, что позволило на образованной площадке при-

¹ См.: *Конин Л. И.* Сталинградгидрострой... С. 76.

ступить в конце года к строительству второго предприятия по производству бетона со складами инертных материалов и цемента.

Ускоренными темпами осуществлялся монтаж четырёх линий канатной дороги, было завершено сооружение вантового перехода через Волгу и началось строительство ещё одного уникального сооружения — бетоновозной эстакады длиной 1735 метров (высота опор составляла 28—33 метра), проходящей вдоль всего здания ГЭС и водосливной плотины.

Укладка первого бетона в фундамент здания ГЭС состоялась 5 сентября и прошла в торжественной обстановке, в присутствии нескольких тысяч строителей и гостей стройки, собравшихся в котловане на острове Песчаный. На митинге с участием первого секретаря Сталинградского обкома КПСС И. Т. Гришина и других руководителей области и города выступил Ф. Г. Логинов:

«Четыре года упорного труда многотысячного коллектива строителей, оснащённого многочисленной и передовой строительной советской техникой, привели нас к тому, что нами в основном закончены работы по выемке грунта из котлована гидростанции и водосливной плотины...

Укладка бетона в основание гидростанции является поворотным моментом в истории развития нашей стройки. На месте вынутой из котлована земли будет воздвигнуто технически совершенное, по объёму грандиозное, по красоте величественное здание гидроэлектростанции из бетона и металла.

В этом здании будут сконцентрированы разум, воля и организаторский талант многих тысяч строителей и монтажников стройки и промышленных предприятий. В этом здании будут овеществлены достижения науки, техники и искусства.

Многолетний труд тысяч изыскателей, исследователей и проектировщиков является гарантией того, что воздвигнутые сооружения будут служить века нашему народу, нашей великой Родине».

На первый ковш бетона, опрокинутый в основание электростанции, была помещена памятная плита с над-

писью: «5 сентября 1954 года в здание ГЭС уложен первый бетон», и на неё посыпался серебряный дождь из монет, которые бросали на счастье строители. А потом пошёл большой бетон Сталинградской ГЭС...

11 ноября 1954 года вышло постановление Совета министров СССР, подписанное Г. М. Маленковым, о назначении Ф. Г. Логинова министром строительства электростанций СССР. Новое министерство было образовано на базе Министерства электростанций и электропромышленности и выделено из него в самостоятельное ведомство постановлением правительства от 22 ноября 1954 года.

Решающую роль в выдвижении Ф. Г. Логинова на новую должность сыграл М. Г. Первухин, знавший его со времени строительства чирчикских ГЭС и электрохимического комбината и являвшийся в то время одним из наиболее авторитетных советских хозяйственных руководителей. Он возглавлял Министерство электростанций и электропромышленности до его разделения (его первым заместителем в это время был, кстати, Д. Г. Жимерин, которому также были хорошо известны деловые качества Логинова), а кроме того, был заместителем председателя Совета министров СССР, председателем Бюро по электроэнергетике, химической и лесной промышленности при Совмине и, что особенно важно, членом Президиума ЦК КПСС — этим партийным органом утверждались все крупные назначения.

14 ноября Логинов, возложив обязанности начальника строительства на главного инженера С. Р. Медведева, покинул стройку. Отправился он к новому месту работы, оставив своим преемникам внушительное наследство.

Сталинградгидрострой к этому времени представлял собой мощную строительную организацию с собственной промышленной базой, включавшей крупные современные предприятия стройиндустрии, осуществлявшие ремонт техники и транспортных средств, способные изготавливать нестандартное оборудование и металлоконструкции, обеспечивать стройку чугуном и стальным литьём, производить бетон (на сооружение объектов ГЭС понадобится 5,5 миллиона кубических метров

бетона) и выпускать самую разнообразную продукцию деревообработки — от промышленного до бытового назначения. В распоряжении Сталинградгидростроя находились карьеры по добыче камня, щебня и песка в Сталинградской и Ростовской областях, Краснодарском крае, лесозаготовительные организации в Пермской области.

Автомобильный парк стройки насчитывал около 900 единиц транспортных средств (без учёта автотранспорта карьеров и предприятий), был создан внушительный, включающий 300 единиц подвижного состава, парк железнодорожного транспорта, проложено 140 километров внутрипостроечных железных дорог с выходом на магистральные пути сообщения, построено несколько сортировочных станций — «Спартановка», «Сталинградская ГЭС—МПС», «Сталинградская ГЭС—Строительная», «Сухая Мечетка», «Пойменная», «Щебёночная», «Шлюзовая», «Верховая Перемычка» «Арматурная», «Цементная». Оборудованные мощными погрузочно-разгрузочными средствами, они обеспечивали приёмку грузов, поступавших по железным дорогам МПС, и распределение их по объектам строительства.

Было полностью завершено строительство всех баз материально-технического снабжения и всех 22 причалов, 12 из которых были построены на Волге и 10 — на Ахтубе, речной флот стройки насчитывал около 50 единиц плавсредств.

Отдельного внимания заслуживает тот статус, который приобрёл Сталинградгидрострой за минувшие годы, получив, как тогда говорили, «прямую строчку» в бюджете страны. А это означало, что стройка обеспечивалась централизованно, через Госплан и Госснаб СССР, не только материально-техническими ресурсами, но и продовольствием и промышленными товарами народного потребления.

Это обстоятельство имело особенно важное значение для обеспечения нормальной жизнедеятельности города Волжского, жилой фонд которого в течение 1954 года пополнился на рекордные 40 тысяч квадратных метров жилья в домах постоянного типа (для сравнения: жилая

площадь кирпичных домов, введённых в строй в следующем, 1955 году, составила значительно меньше — 23 тысячи квадратных метров).

В это же время проектно-конструкторская контора Сталинградгидростроя завершала проектирование промышленной установки по производству керамзита. В скором времени она будет введена в строй, что не только откроет новый этап в строительстве Волжского, но и будет иметь большое значение для всей страны, даст толчок техническому прогрессу в домостроении. Уже к концу 1955 года было освоено производство первых опытных конструкций из нового материала и построено первое здание — первое не только в городе, но и в стране! — из крупных керамзитобетонных блоков (в этом здании размещалось кафе «Молодёжное»). Возведение домов по новой технологии открыло путь к крупнопанельному домостроению и позволило значительно увеличить темпы жилищного строительства. К примеру, только в 1958 году в Волжском, помимо традиционных кирпичных домов, было построено таким способом 30 тысяч квадратных метров жилья.

Как оказалось, разработки проектно-конструкторской конторы Сталинградгидростроя пришлись ко времени: в ноябре 1955 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», означавшее завершение эпохи советского монументального классицизма, на смену которому на долгие годы пришло типовое проектирование с упрощёнными архитектурными решениями. К функциональной типовой архитектуре и индустриальному крупнопанельному домостроению можно относиться по-разному, но одно не подлежит сомнению: переход к новой политике в градостроительстве позволил решить жилищную проблему в СССР, руководство которого намечало к концу 1990-х годов обеспечить каждую семью отдельной квартирой...

Постановление по архитектурным излишествах, конечно же, не означало резкого перелома сложившихся традиций в гражданском строительстве, и многие стилистические особенности, характерные черты архитек-

туры начала 1950-х годов ещё долгое время воплощались в облике новых зданий и улиц Волжского. Они и сегодня продолжают радовать глаз, сохраняя неповторимое своеобразие безвозвратно ушедшего времени.

Критика «украшательства», «показной» стороны архитектуры, пожалуй, больше всего сказалась на внешнем облике ГЭС, художественный замысел которого — передать потомкам героизм и величие свершений сталинской эпохи — был к концу строительства гидроэлектростанции значительно упрощён: из проекта станции убрали башни, шпили, скульптуры и другие элементы декора. Здесь сказалась и личная неприязнь к И. В. Сталину со стороны Н. С. Хрущёва.

Ветераны строительства ГЭС хорошо знают историю посещения стройки Хрущёвым в июне 1956 года. Описывает её и Л. Конин: «Н. Хрущёв в разговоре с руководителями стройки коснулся архитектурных излишеств, имевших место при проектировании Сталинградского гидроузла. Он сослался на строительство Кременчугской ГЭС, где, в целях экономии, не строят закрытого машинного зала. Медведев, стоявший в свите, открыто сказал: “Это глупость, а не экономия”».

Далее примерно такой диалог: Н. Хрущёв: “Кто это сказал?” Ему ответили: “Главный инженер стройки”. Н. Хрущёв: “Он не главный инженер, он ретроград”¹.

(В июле С. Р. Медведев покинул стройку, но его переход на другую работу не был связан с визитом Хрущёва — он был предопределён раньше, после того как в апреле 1956 года начальником Сталинградгидростроя был назначен А. П. Александров, которому для решения возложенных на него задач была нужна «своя команда».)

Мы уже не раз останавливались на проблемах, в результате которых сроки строительства Сталинградской ГЭС увеличились практически вдвое: по первоначальному проекту её сдача в эксплуатацию была запланирована на 1956 год, а состоялась на пять лет позже — гидроузел был представлен Государственной комиссии 7 сентября 1961 года.

¹ Конин Л. И. Указ. соч. С. 197.

В 1960 году, перед завершением строительства, А. Я. Кузнецов, сменивший на должности главного инженера Сталинградгидростроя С. Р. Медведева, сделал попытку проанализировать причину такого увеличения сроков завершения работ. По его мнению, «одной из основных причин затяжки строительства Сталинградской ГЭС является то, что выделяемые ежегодные капитальные вложения не соответствовали объёмам работ, которые следовало выполнить по директивному графику и утверждённому проектному заданию. Это привело, в частности, к искусственному удлинению сроков подготовительного периода (в 4 раза против предусмотренного проектом) и общему удлинению сроков строительства.

Строительно-монтажные работы были развёрнуты широким фронтом с 1957 г. За последние три года (1957—1959) Сталинградгидрострой освоил 47,5 процента всех капиталовложений, предусмотренных на весь период строительства».

Остановился А. Я. Кузнецов и на негативных последствиях поздней сдачи ГЭС в эксплуатацию: «Удлинение сроков строительства привело к убыткам от замораживания капитальных вложений: народное хозяйство с большим запозданием получило эффект в виде электроэнергии, вырабатываемой Сталинградской ГЭС. Большие непроизводительные затраты были вызваны также длительной эксплуатацией используемых не на полную мощность производственных предприятий строительства, например, мощных бетонных заводов»¹.

Думается, что Кузнецов упустил несколько довольно важных и принципиальных моментов. Знакомство с историей возведения Сталинградского гидроузла, отличающегося грандиозными масштабами, приводит к мысли о том, что сроки строительства ГЭС изначально не были достаточно обоснованными, многие принципиальные решения (по финансированию стройки, обеспе-

¹ Кузнецов А. Я. Завершающий год строительства Сталинградской ГЭС // Бюллетень научно-технической информации Гидропроекта. 1960. № 8—9. С. 7.

чению её рабочей силой и материально-техническому снабжению) не были продуманы, принимались спонтанно, «по ходу дела».

К сказанному необходимо добавить, что ко времени образования Сталинградгидростроя основные проектно-изыскательские и исследовательские работы (естественно, и сам проект электростанции) ещё были далеки от завершения. То, что в тот период такой подход практиковался и на сооружении других крупных гидротехнических объектов, сути дела не меняет. Однако следует заметить, что практика эта, влиявшая не лучшим образом на организацию и сроки строительства, ни в коей мере не сказывалась на качестве проектно-изыскательских и строительных работ, которое в советское время оставалось исключительно высоким — гидросооружения строили на века.

Мы рассказывали о том, как вскоре после войны нарком электростанций Д. Г. Жимерин обратил внимание И. В. Сталина на то, что практика планирования строительства крупных гидроэлектростанций по пятилеткам не соответствует тем временным затратам, которые требуются для возведения таких сложных и трудоёмких сооружений — на это надо закладывать 15 лет. Сталин на специальном совещании, посвящённом этому вопросу, в принципе поддержал предложение Жимерина, хотя председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский и обвинил наркома электростанций в том, что он «пытается разрушить стройную систему сталинских пятилеток». Правда, Сталин посчитал, что наиболее подходящий срок для строительства крупных ГЭС — всё же не 15, а 10 лет.

Но при планировании сроков строительства двух крупнейших гидросооружений — Сталинградской и Куйбышевской ГЭС — об этом совещании и мнении Сталина предпочли не вспоминать и, видимо, решив отлучиться перед вождём, отвели на сооружение этих объектов по пять лет. Куйбышевскую гидроэлектростанцию начали строить раньше Сталинградской ГЭС и сдали в эксплуатацию в августе 1958 года, в то время как в постановлении Совета министров СССР «О строительстве

Куйбышевской гидроэлектростанции на реке Волге» было предписано: «Строительство гидроэлектростанции начать в 1950 году и ввести в действие на полную мощность в 1955 году»¹.

(Интересно, что во многих публикациях, посвящённых истории двух гидроэлектростанций, часто говорится о том, что и Сталинградская, и Куйбышевская ГЭС были построены в рекордно короткое время. Тем самым подчёркивается, что сроки, отводившиеся правительством на возведение таких гигантов энергетики, изначально были нереальными.)

И всё же в целом на сооружение Куйбышевской ГЭС ушло несколько меньше времени, чем на Сталинградскую, однако и находилась она в более привилегированном положении. О разнице в финансировании двух строек в первые годы строительства мы уже говорили. Но кроме финансирования есть ещё и более зримые и понятные для каждого показатели. Прежде всего — это огромная разница в численности работавших на строительстве двух гидроузлов. Напомним, что при подготовке проектных заданий для Сталинградгидростроя количество заключённых на строительстве предполагалось довести в 1953 году до 63 200 человек, а в 1955-м — до 99 200 человек (вместе с вольнонаёмными работниками общая численность Сталинградгидростроя должна была подняться до фантастической отметки — 125 тысяч человек). Не будем повторяться и говорить о том, что произошло в реальности, какие проблемы пришлось преодолевать Сталинградгидрострою после расформирования Ахтубинского лагеря. Заметим только, что в этот же период, после амнистии, численность спецконтингента Кунеевского ИТЛ при Куйбышевгидрострое увеличилась до 45—46 тысяч человек (Кунеевский лагерь был расформирован только в 1957 году, перед заключительным этапом монтажных работ на гидроэлектростанции), а общее число работающих на строительстве Куйбышевской ГЭС достигало 60 тысяч (максимальная

¹ Великие стройки сталинской эпохи. М.: Главполитиздат. Изд. 2-е, доп., 1951. С. 21.

численность строителей Сталинградской ГЭС — 38 тысяч человек — была отмечена в 1958 году).

Соразмерно численности и материально-техническому обеспечению Сталинградгидростроя осуществлялось и его финансирование. Вспомним отчёт Логинова перед коллегией Министерства электростанций и электропромышленности в январе 1954 года. Приведены были в нём красноречивые цифры и факты: за первые три года строительства Сталинградгидрострой, согласно проектному заданию, должен был выполнить капитальные работы в объёме 2,5 миллиарда рублей, из них строительно-монтажных — на 2 миллиарда рублей. Но из-за значительной ограниченности годовых ассигнований к началу 1954 года фактический объём выполненных капитальных работ составил лишь миллиард 201 миллион рублей, из них строительно-монтажных — 836 миллионов. Иными словами, и это было официально отмечено на коллегии министерства, действительный ход строительства отставал от запланированного темпа работ более чем в два раза. С учётом того, что объёмы выполненных работ в 1954 году по сравнению с предшествующим годом значительно увеличились, трудно согласиться с А. Я. Кузнецовым, при всём к нему уважении, что недостаточное финансирование «привело к искусственному удлинению сроков подготовительного периода в 4 раза против предусмотренных проектом». Собственно говоря, темпы работ, выдержанные при Логинове, существенно не менялись и в последующем (за исключением 1955 года, когда стройку захлестнула волна организационной неразберихи), вплоть до полного завершения строительства ГЭС.

Ещё раз обратим внимание читателя: годовые плановые задания всех первых четырёх лет строительства под руководством Ф. Г. Логинова были перевыполнены. И это определило судьбу Сталинградской ГЭС, строительство которой оказалось в 1953 году на грани «заморозки», а вместе с ней — и судьбу Волжского, его дальнейшее успешное развитие.

Не случайно Л. И. Конин в итоговой главе своей книги уходит от традиционной хронологии основных

событий и этапов возведения гидроэлектростанции и выделяет три самых сложных и ответственных периода, которые довелось пережить стройке:

«Первый — период создания и становления строительной организации практически на пустом и необжитом месте, да ещё и в условиях разрушенного войной региона. Первые руководители Сталинградгидростроя Ф. Г. Логинов и С. Р. Медведев с честью справились с этой труднейшей задачей. В 1951 году, к началу работ на основных сооружениях гидроузла, был сформирован крупнейший в стране коллектив гидростроителей, оснащённый необходимой техникой и транспортными средствами.

Второй период — это “смутное” время, когда стоял вопрос о целесообразности строительства Сталинградской ГЭС. Благодаря усилиям и упорству Ф. Г. Логинова, строительство было продолжено. 5 сентября 1954 года в здание ГЭС был уложен первый бетон — на стройке началась пора “большого бетона”.

Третий период — пусковой 1958 год. Он начинался с затопления котлована (23 октября), продолжался перекрытием русла Волги (31 октября — 1 ноября) и кончился пуском 22 декабря первого агрегата ГЭС»¹ (с пуском в конце 1960 года 21-го агрегата Сталинградская ГЭС, достигнув мощности 2415 мегаватт, стала крупнейшей гидроэлектростанцией в мире, а 30 ноября 1962 года, после ввода в эксплуатацию экспериментального гидроагрегата № 1, вышла на полную мощность — 2541 мегаватт).

...Перед самым Новым, 1955 годом Логинов, уже в ранге министра, вернулся на стройку, чтобы провести своё последнее организационно-техническое совещание. Состоялось оно 31 декабря уходящего года. Фёдор Георгиевич поставил перед Управлением Сталинградгидростроя две основные задачи. Первая заключалась в том, чтобы в новом году закрепить набранные темпы жилищного строительства. Вторая — добиться неуклонного увеличения объёма укладки бетона в сооружения гидроузла и расширить фронт укладки, для чего в кратчайшие

¹ *Конин Л. И.* Указ. соч. С. 195.

сроки ввести в действие все объекты бетонного хозяйства в котловане и все четыре линии канатной дороги.

Однако... Говорят, незаменимых людей не бывает. Но заменить их может далеко не каждый, даже если он на первый взгляд и обладает для этого всеми необходимыми навыками и способностями. После того как Логинов покинул стройку, она при новом начальнике Сталинградгидростроя Ю. И. Гаевском больше года находилась в прорыве. Казалось бы, преемник Логинова, обладавший десятилетним опытом практической работы на строительстве гидротехнических объектов (с 1944 года он руководил сначала строительством Майкопской, а затем Белореченской деривационных гидроэлектростанций), придёт к двору и сможет достойно продолжить начатое Логиновым дело. Однако масштабы новой стройки ему оказались не по плечу.

Гаевский начал с необоснованных преобразований в структуре управления строительством ГЭС и города. Возможно, слишком большое впечатление на него произвело выступление первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва на Всесоюзном совещании строителей — том самом, на основе материалов которого и было принято известное постановление ЦК и Совмина об архитектурных излишествах. Весьма показательно, что именно итогам этого совещания было посвящено первое собрание актива Сталинградгидростроя при его новом начальнике.

Как бы то ни было, но ни к чему хорошему реформы Гаевского, которые начались с жилищно-гражданского комплекса, не привели. К примеру, СУГС № 1 в течение нескольких месяцев не смог сдать в эксплуатацию ни одного кирпичного дома.

«Перестройка» дошла и до ведущих управлений, занятых на строительстве основных объектов ГЭС, причём крупнейшее из них — «Гидротехстрой», вместо которого были созданы два территориальных подразделения, было фактически ликвидировано, что не замедлило сказаться на объектах бетонного хозяйства и канатной дороги. Если на бетонном заводе № 1 (на острове Зелёный) удалось пустить одну секцию из двух оставшихся (две

секции запустили при Логинове), то на бетонном хозяйстве № 2 (в котловане) работы практически не велись.

Непродуманные начинания негативно сказались на самочувствии коллектива и трудовой дисциплине, вновь обострилась текучесть кадров.

Годовой план строительства основных сооружений (впервые за все годы стройки) и жилья был провален.

Забытый ныне принцип работы с руководящими кадрами был тогда весьма прост, но эффективен: не справился — освободи место другому.

В апреле 1956 года начальником Управления Сталинградгидростроя был назначен А. П. Александров. Опытный организатор гидротехнического строительства, он за особо выдающиеся заслуги и самоотверженную работу по строительству и вводу в эксплуатацию Волго-Донского судоходного канала, где в 1948—1951 годах возглавлял Красноармейский строительный район, был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Затем работал начальником строительства Цимлянской ГЭС, а с 1952 года руководил Управлением строительства правого берега Куйбышевгидростроя.

Новым главным инженером Сталинградгидростроя в июле 1956 года стал А. Я. Кузнецов, также прошедший хорошую школу на строительстве гидротехнических объектов. С 1935 года он работал на Волгострое, на сооружении Угличского и Рыбинского гидроузлов, во время войны — на строительстве и эксплуатации волжских мостов, автомобильных переходов через дамбы и плотины, в 1950—1952 годах возглавлял строительство шлюза № 1 на Волго-Донском канале. В 1954 году был назначен главным инженером Управления по строительству волжских ГЭС Министерства строительства электростанций СССР.

Новые руководители сумели в короткие сроки восстановить порядок на стройке, укрепить пошатнувшуюся в период брожения производственную дисциплину и, организовав трёхсменную работу, наладили непрерывный строительно-монтажный конвейер.

Методы и стиль работы, атмосферу в коллективе стройки, как, впрочем, и в любой другой организации,

определяет первое лицо, её руководитель. У Ф. Г. Логинова и А. П. Александрова как у руководителей было много общего. Оба они обладали схожими качествами, позволившими им справиться с возложенными на них задачами и обеспечить успешное строительство уникального, на то время крупнейшего в мире гидросооружения. И тот и другой были высококлассными специалистами и досконально знали своё дело, имели богатый профессиональный опыт, накопленный за годы работы и в низовых коллективах, где начинали свой трудовой путь, и на ответственных должностях. Обладавшие чувством нового и передового, они не топтались на месте, а выступали инициаторами и генераторами прогрессивных идей, поддерживали и проводили в жизнь все ценные начинания в области производства и гидростроительства. Обоим руководителям был присущ талант организаторов производства, способных объединить и направить усилия людей на достижение конкретных результатов, конечных целей.

Однако людьми они были совершенно разными. Как мы знаем, склонность Логинова к самостоятельности, перераставшая в нетерпимость любого вмешательства в его работу со стороны вышестоящих органов и партийных инстанций, породила многочисленные разлады и конфликтные ситуации. Александров с начальством дружил. Сложные и спорные вопросы он обычно улаживал без каких-либо серьёзных для себя последствий и за всё время работы в Сталинградгидрострое не имел ни одного взыскания.

Отличала А. П. Александрова и линия поведения — он был значительно жёстче Логинова по отношению к своим подчинённым, в коллективе проводил политику кнута и пряника. По мнению Л. И. Конины, сказалась его длительная работа в системе МВД, где решения руководства не обсуждаются. Спрос со всех — «по полной программе», личные отношения во внимание не принимаются. «На планёрку к Александру Петровичу шли с опаской — исход её был непредсказуем. В ходе обсуждения того или иного вопроса он поощрял взаимные обвинения... В результате перепалки сам делал свои выводы

о виновности в том или ином срыве. Он мог прилюдно оскорбить подчинённых, наделив своим фирменным, “александровским” унизительно-обидным словечком “незаможники”»¹. Приводит Конин и примеры откровенно несправедливого отношения к людям, имевшим перед стройкой немало заслуг.

Мы знаем, что Логинов в общении с подчинёнными подчас тоже не отличался особой обходительностью, мог вспылить, сорваться, нагрубить. Но он всегда видел и чувствовал ту грань, переступить которую считал для себя непозволительным.

Кстати, Конин довольно тонко подметил одно существенное обстоятельство, влияющее на поведение руководителя в коллективе: связано оно с тем бременем ответственности, которое несёт первое лицо в организации. Освобождается человек от этого бремени — меняется и его стиль общения с людьми. Так, Александров, вернувшись после завершения своей работы на строительстве Асуанской ГЭС², был назначен заместителем министра энергетики и электрификации СССР. Иная мера ответственности: при всей масштабности и сложности задач заместитель — всё же не первое лицо, на которое возложена персональная ответственность за состояние всех дел. Александр Петрович стал более внимательным к своим подчинённым, а по отношению к вышестоящим органам при решении тех или иных вопросов стал похож на Логинова — проявлял требовательность, упорство, бескомпромиссность...

Александров и Кузнецов продолжили важную традицию, заложенную Логиновым и Медведевым, которые с первых месяцев превратили стройку в настоящий научно-исследовательский и учебный центр. Благодаря этому на протяжении всего периода строительства ГЭС Сталинградгидрострой сохранял своё лицо как университет гидростроительства.

¹ Конин Л. И. Указ. соч. С. 220.

² В 1962—1966 годах А. П. Александров являлся главным советским экспертом по сооружению высотной Асуанской плотины в Египте, а А. Я. Кузнецов работал главным инженером Асуангидростроя.

В начальный период была впервые в мировой практике успешно решена задача возведения столь крупного гидросооружения на не скальных грунтах — основанием мощной бетонной водосливной плотины и здания ГЭС служат глины, мелкозернистые пески и алевроитовые породы. По инициативе С. Р. Медведева была проделана большая работа по переработке проекта гидроузла, были найдены решения, которые позволили повысить мощность ГЭС, уменьшить затраты на её строительство. Так, в результате настойчивых поисков была выбрана оптимальная компоновка гидроузла, устройство водосбросных отверстий в здании электростанции над отсасывающими трубами позволило уменьшить на 10 пролётов водосливную плотину, отказ от монтажа быстропадающих затворов за счёт передачи их функций направляющим аппаратам позволил исключить из состава сооружений гидроузла помещения щитового отделения верхнего бьефа.

Позднее, при монтаже гидроагрегатов, применение крупнённых узлов позволило значительно сократить сроки введения турбин в эксплуатацию. Гидроэлектростанция стала одной из первых в мире, где была разработана быстродействующая система возбуждения гидрогенераторов с применением управляемых преобразователей, позволившая решить проблемы устойчивой передачи энергии на большие расстояния.

Коллектив Сталинградгидростроя разработал и осуществил целый ряд и других прогрессивных технических и организационных мероприятий, направленных на коренное улучшение технико-экономических показателей ГЭС. Вместо 17 гидроагрегатов, предусмотренных начальным техническим проектом, было смонтировано 22, что дало возможность увеличить мощность станции на 575 тысяч киловатт. При этом Сталинградская гидроэлектростанция обошлась стране на 3,2 миллиарда рублей дешевле, чем Куйбышевская ГЭС, мощность которой на 363 тысячи киловатт меньше.

10 октября 1961 года правительственная комиссия под председательством президента Академии строительства и архитектуры СССР В. А. Кучеренко, освидетель-

ствовав все предъявленные к сдаче сооружения Волжской ГЭС, завершила свою работу и представила в Совет министров СССР акт приёмки гидроузла в промышленную эксплуатацию. При рассмотрении выводов комиссии в Совмине отмечалось, что ввод гидроэлектростанции в строй действующих имеет большое значение для развития обширных и важных районов страны, играет решающую роль в энергоснабжении Москвы, Нижнего Поволжья и Донбасса. Новая ГЭС объединяет между собой крупные энергосистемы Центра, Поволжья и Юга, а также объединяет эти энергосистемы с энергосистемами Урала и Татарии. Железнодорожный и автодорожный переходы через Волгу, проложенные через сооружения гидроузла, обеспечивают кратчайшую связь районов Поволжья между собой и с районами Прикаспия и Средней Азии. В результате образования водохранилища коренным образом улучшились условия судоходства на большом участке Волги и появились широкие возможности для орошения и обводнения засушливых земель Заволжья и Прикаспия.

Расчёты экономической эффективности гидроэлектростанции, проведённые авторами Технического отчёта о проектировании и строительстве Волжской ГЭС, показали, что вырабатываемая ею электроэнергия в 9 раз ниже себестоимости энергии тепловых электростанций Центра и Поволжья, которые пришлось бы построить в 1955—1960 годах при отсутствии ГЭС.

Со временем существенные перемены произошли в судьбе Волжского. Изначально строившийся как город гидростроителей, он быстро превратился в крупный промышленный центр Нижнего Поволжья (интересно, что одно время город официально делился на два административных района — Гидростроевский и Промышленный). Знаковым событием стал выход в декабре 1958 года постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР о строительстве в Волжском крупного промышленного комплекса, состоящего из девяти предприятий химической промышленности, ТЭЦ, абразивного и подшипникового заводов. А позднее строительство химического комбината было объявлено Всесоюзной ударной

комсомольской стройкой — так была открыта новая страница в истории города.

Наметившаяся тенденция в экономическом развитии Волжского явилась следствием экономических пристрастий Н. С. Хрущёва, добавившего к ленинской формуле «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны» фразу «...и химизация народного хозяйства». Состоявшийся в мае 1958 года пленум ЦК КПСС принял так называемую «Программу химизации СССР», во многом определившую характер утверждённого XXI съездом партии семилетнего плана развития народного хозяйства на 1959—1965 годы.

Ныне в Волжском, который насчитывает свыше 320 тысяч жителей, действуют 40 крупных предприятий металлургической, машиностроительной, химической и энергетических отраслей. Такая концентрация промышленности, позволяющая обеспечить высокую занятость жителей города и открывающая перспективы его дальнейшего развития, имеет и свои, хорошо известные издержки: она неизбежно порождает серьёзные экологические проблемы, главная из которых — загрязнение окружающей среды.

К счастью, современный Волжский остаётся верен традиции, заложенной его основателем Ф. Г. Логиновым, — город утопает в зелени, которая защищает жителей от вредных выбросов промышленных предприятий, дарит им прохладу и свежесть в жаркое время года. Каждый год в городе высаживаются большие партии новых деревьев и кустарников — и в его жилых массивах, и в санитарно-защитных зонах. Благодаря масштабному озеленению Волжский уже в наше время, в 2000-е годы, несколько раз удостоивался премий республиканских конкурсов «Самый благоустроенный город России», а на одном из них был признан самым зелёным и чистым городом среди городов с населением до полумиллиона жителей.

...10 сентября 1961 года стадион имени Ф. Г. Логинова в Волжском не смог вместить всех желающих. Гидростроители собрались на митинг по поводу знаменательного события — в тот день, утром, Сталинградская

ГЭС была пущена на полную мощность. Правда, когда Н. С. Хрущёв перерезал красную ленточку в машинном зале, она уже именовалась по-другому — накануне вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении имени XXII съезда КПСС Волжской гидроэлектростанции».

В связи с завершением строительства ГЭС свыше двух тысяч человек были награждены орденами и медалями СССР. А. П. Александров был удостоен второй Золотой медали «Серп и Молот», А. Я. Кузнецову, в числе шестерых гидростроителей, добившихся наиболее выдающихся достижений, было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Среди награждённых были и те, кто пережил вместе с Логиновым трудности и невзгоды первых лет стройки. Но основные почести всё же выпали на долю строителей, отличившихся на более позднем, завершающем этапе сооружения ГЭС. Как тут не вспомнить слова Фёдора Георгиевича, обращённые в самом начале пятидесятых к первостроителям: «Вслед за вами придут другие — “кончалники”. Им будет честь и слава».

Далеко не всем «начинальникам» стройки суждено было стать и её «кончалниками». Конечно, не все были забыты. В число награждённых включили, например, С. Р. Медведева, правда, оценили заслуги перед Сталинградской ГЭС первого главного инженера стройки («инженера от бога», как называли его специалисты-гидростроители) не слишком высоко — его наградили орденом «Знак Почёта».

О Ф. Г. Логинове — человеке, который начинал, поднимал и сохранил великую стройку в смутный период истории, но не дожил до её завершения, на торжественном митинге не вспоминали.

Часть третья
НА ИЗЛЁТЕ

«ИЗНОС У НАС БОЛЬШОЙ...»

По воспоминаниям ветеранов, Ф. Г. Логинов не раз в разговорах с близкими людьми (а не только с А. А. Аграновским) называл строительство Сталинградской ГЭС и города Волжского своей «лебединой песней». И дело, думается, не в его предчувствиях, а в понимании, что жизнь человеческая вообще коротка, а уж на долю руководителей его ранга, с их сумасшедшим ритмом работы на износ, и вовсе не часто выпадает долгоденствие. К тому же всё чаще напоминала о себе болезнь, которая в последние годы жизни Фёдора Георгиевича подолгу привязывала его к больничной койке.

А ведь так хотелось оставить по себе добрую память людям, может быть, сделать больше, чем получилось! Не всё удалось довести до конца — пришлось оставить Сталинградскую ГЭС в разгар строительства.

Как оказалось, жизнь в Москве уготовила Логинову тяжёлое испытание, затмившее все остальные проблемы, в том числе и служебные: в августе 1955 года умер его младший сын Андрей, которому ещё не исполнилось и десяти лет. Тяжёлая болезнь преследовала Андрея с рождения, и, судя по всему, Фёдор Георгиевич знал, что мальчик обречён. Возможно, и в этом кроется безграничная отцовская любовь, которой он окружал ребёнка, и мучительное, не дающее покоя чувство сострадания.

Поднимался Логинов на ноги тяжело...

Назначение министром в советское время — это, помимо всего прочего, признание человека руководством страны, высокая оценка его труда, всего сделанного им и,

как тогда говорили, большой аванс на будущее, который предстояло оправдать. И опять-таки (в отличие от более поздних времён, когда возобладал метод отрицательного отбора руководящих кадров, механизм специфической селекции, не учитывающий их профессионализма и организаторских способностей) — ничего личного, главное — деловые качества человека, его умение справиться с порученным участком работы. Поэтому представляются совершенно безосновательными частые упоминания в печати о якобы натянутых отношениях Логинова с Хрущёвым и Брежневым, которым не нравилась его строптивость (никаких вразумительных подтверждений этой «версии» ни один автор не приводит — одни лишь предположения и домыслы).

При этом не будем забывать, что в 1950-е годы, по крайней мере до июньского пленума ЦК КПСС 1957 года, который состоялся после неудачной попытки отстранить Хрущёва от власти, вручив ему «утешительный приз» — портфель министра сельского хозяйства, в верхних эшелонах власти действовали принципы работы с кадрами, утвердившиеся в течение двух предшествующих десятилетий: податливых и мягкотелых людей на большую руководящую работу, требующую особой профессиональной подготовки и высочайшей личной ответственности, как правило, не выдвигали. Можно сказать и так: *ещё* не выдвигали.

Назначение Ф. Г. Логинова министром строительства электростанций СССР совпало с периодом перемен, затронувших не только политическую жизнь советского общества, но и принципы руководства экономикой страны. Затронули они и такую важнейшую отрасль, как электроэнергетика, строительство новых объектов энергетического хозяйства. Естественно, не мог находиться в стороне от происходящих изменений и Фёдор Георгиевич.

В 1950-е годы страна переживала строительный бум, причём возводились не только новые промышленные и энергетические объекты — широкий размах приобрело жилищное строительство. Вопросы строительства стояли в центре внимания XIX, XX и XXI съездов КПСС, не-

скольких пленумов ЦК, под эгидой ЦК КПСС и Совета министров СССР были проведены всесоюзные совещания по строительству в 1954 и 1958 годах и, отдельно по градостроительству, — в 1960 году.

В сферу ответственности министра Логинова входило грандиозное по своим масштабам строительство всех электростанций страны — и гидравлических, и тепловых. Однако прежде всего это были годы расцвета именно гидроэнергетики, которая из европейской части СССР уверенно шагнула в Сибирь. Схема освоения Ангары, представленная правительству ещё в 1947 году, предполагала строительство каскада из шести электростанций. Так, одновременно с возведением Сталинградской и Куйбышевской гидроэлектростанций полным ходом шло строительство Иркутской ГЭС (Управление Ангаргэсстроя возглавлял выдающийся гидроэнергетик А. Е. Бочкин), а на Оби строилась Новосибирская ГЭС. Наряду с этим продолжалось создание Днепровского каскада: близился завершающий этап строительства Каховской ГЭС, которая официально входила в число великих строек коммунизма, началось возведение на Днепре самой мощной после Днепрогэса Кременчугской ГЭС. Строилась Горьковская ГЭС, подходило к завершению строительство Камской гидроэлектростанции, являвшейся верхней ступенью каскада на Каме.

Этапным моментом в развитии отечественной гидроэнергетики стало строительство Братской ГЭС (Братскгэсстроем руководил знаменитый гидростроитель И. И. Наймушин), начинались подготовительные работы на Красноярской ГЭС.

В это же время в производстве электроэнергии неуклонно возрастал удельный вес тепловых электростанций, а с пуском в июне 1954 года первой АЭС в Обнинске началась эпоха атомной электроэнергетики. В 1957 году было принято решение о строительстве Сибирской АЭС, в 1958 году началось строительство Белоярской и Нововоронежской АЭС — крупных атомных электростанций промышленного назначения.

Однако в целом состояние дел в отрасли было далеко от благополучного. В Российском государствен-

ном архиве экономики сохранился проект выступления Ф. Г. Логинова на XX съезде КПСС¹. Делегатом съезда он не был, и выступать на нём ему не пришлось, однако руководителям его ранга полагалось на таких партийных форумах быть во всеоружии.

В проекте выступления Логинова содержится немало интересного. Прежде всего обращает на себя внимание большой провал в выполнении заданий пятого пятилетнего плана по строительству и вводу электроэнергетических объектов. «Несмотря на то, — отмечает Логинов, — что пятилетний план ввода мощностей на тепловых электростанциях выполнен на 104,5 процента, в целом задание пятилетнего плана выполнено на 79 процентов». Суммарная мощность не введённых в срок мощностей на новых гидроэлектростанциях составила 2,54 миллиона киловатт (для сравнения: установленная мощность всех гидроэлектростанций страны составляла в то время около 9 миллионов киловатт).

В приведённых цифрах нетрудно увидеть тенденцию, которая в 1950-е годы приобрела большой размах и была активно поддержана Н. С. Хрущёвым, — тепловые электростанции всё больше теснили гидравлические и превращались в главных поставщиков электроэнергии для отечественной экономики. Этот вопрос мы ещё затронем, а пока остановимся на причинах сложившегося положения дел, которые анализирует Логинов. По его мнению, главные из них — «недостаточные ассигнования, неудовлетворительная работа самих строителей (в результате выделенные средства не осваивались), несоответствие проектов действительным условиям работы». К примеру, строительство Горьковской ГЭС оказалось в значительно более трудных геологических условиях против первоначальных исходных данных, выявившихся только после открытия котлованов сооружений. Это было следствием недостаточных изысканий, и по ходу строительства пришлось осуществлять сложные технические мероприятия, которые примерно на год задержали ввод мощностей и удорожили работы.

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1—16.

Как отмечал Логинов, планирование строительства электростанций осуществляется таким образом, что плановые органы не проявляют необходимого предвидения к судьбам коллективов, которые, заканчивая порученное им дело, не имеют перспектив для дальнейшей работы. В результате такие коллективы сначала резко сворачиваются, а потом и вовсе распускаются. Многолетний кропотливый труд, потраченный на их организацию, сплочение и воспитание, пропадает, и на подавляющем количестве новых строек создание коллективов начинается с нуля, а стройки довольно долгое время топчутся на месте.

Единичные положительные примеры, которые приводит Фёдор Георгиевич, являлись скорее исключениями и оставались втуне. Так, не получил распространения ценный опыт строительства Каховской ГЭС, при возведении которой использовалась значительная часть коллектива, работавшего на восстановлении Днепровской ГЭС. Это позволило уже в первый год выполнить строительно-монтажные работы на сумму 96,6 миллиона рублей.

Однако целый ряд других сильных и опытных коллективов, работавших на строительстве гидроэлектростанций, попросту распался, главным образом из-за несвоевременного начала строительства новых гидроэлектростанций в районах их нахождения, а многие коллективы резко сократили свою численность и находились на грани ликвидации. А ведь эта задача, подчёркивал Логинов, решаема: «Наше гидроэнергетическое строительство основано на строительстве гидроэлектростанций, входящих в тот или иной каскад станций, определённых схемой использования реки. Почему бы до конца не проводить систематической работы по сооружению каскадов, если для строительства очередного объекта создан и действует строительный коллектив? Это и есть плановость и закономерность в решении отдельных деталей в общей задаче развития нашего народного хозяйства»¹.

В начале 1956 года (XX съезд состоялся в феврале) Логинов поднимает вопросы, которые, хотя и являются

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1—16.

довольно острыми и злободневными, носят скорее, если так можно сказать, «текущий характер». Однако в скором времени ему предстоит столкнуться с проблемами, которые окажут существенное влияние на дальнейшее развитие всей экономики страны.

В январе 1957 года Н. С. Хрущёв инициировал реформу управления народным хозяйством, суть которой сводилась к замене централизованной отраслевой системы управления на систему управления по территориальному принципу. Вся территория страны делилась на так называемые экономические административные районы, а в областях, краях и республиках СССР создавались территориальные советы народного хозяйства. В ведение совнархозов передавались предприятия, находившиеся ранее в подчинении отраслевых министерств.

После короткого предварительного обсуждения предлагаемых новшеств (для этого широкому кругу руководителей была направлена записка первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва) в феврале 1957 года состоялся пленум ЦК КПСС, обсудивший реформы управления экономикой. Против её децентрализации выступили первый заместитель председателя Совета министров СССР М. Г. Первухин, министр государственного контроля СССР В. М. Молотов, председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов, первый секретарь ЦК компартии Украины П. Е. Шелест, председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков и его первый заместитель А. Н. Косыгин. Увы, они оказались в меньшинстве.

А над электроэнергетической отраслью нависла реальная угроза дробления, которая могла привести к тяжёлым последствиям. В сложившейся обстановке Ф. Г. Логинов проявил поистине государственное мышление, свойственные ему твёрдость и профессионализм. Об этом свидетельствует его докладная записка, направленная в апреле 1957 года первому заместителю председателя Совета министров СССР М. Г. Первухину в связи с решением февральского пленума ЦК КПСС о дальнейшем совершенствовании управления промышленностью и строительством.

В ней, в частности, отмечалось, что существующая структура Министерства строительства электростанций, складывавшаяся на протяжении более чем тридцати лет работы в области крупного и притом комплексного энергетического строительства, *построена на специализации сверху донизу в разрезе всей страны*. Только за последние 10 лет энергетическое строительство увеличило объём ежегодно выполняемых строительных работ в 3,7 раза, ввод турбогенераторов в 5,1 раза, обеспечило рост производительности труда в 2,6 раза.

Все эти изменения явились результатом «такого организационного построения энергетического строительства, которое не имело внутренних противоречий, ограничивавших возможности в масштабе страны свободно маневрировать кадрами, наличной большой техникой и огромными материальными ресурсами, не говоря уже о возможностях использовать на всех стройках и монтажах непрерывно накапливающийся и концентрирующийся в одном месте опыт. Внимательный анализ организационной структуры энергетического строительства с целью её изменения для решения вопросов, поставленных февральским пленумом ЦК КПСС, показывает, что *изменение структуры лишает энергетическое строительство имеющихся серьёзных преимуществ, не давая взамен новых качеств* (курсив мой. — А. Ж.), которые способствовали бы его дальнейшему росту с целью обеспечения опережающего развития энергетики, для чего требуется одно — строить электростанции и сети скорее, дешевле и лучше».

Вывод однозначный: «Считаем, что Министерство строительства электростанций оправдало свою деятельность и *в дальнейшем должно существовать как единый руководящий орган энергетического строительства* (курсив мой. — А. Ж.) с проведением в нём необходимой реорганизации для упрощения и сокращения аппарата, параллельно действующих производственных звеньев и возможного приближения руководства к строительству»¹.

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1—2.

Свои выводы Фёдор Георгиевич обосновывает специфическими особенностями, присущими строительству гидравлических и тепловых электростанций, сетевому строительству и строительству районных электроподстанций, которое трудно осуществлять без централизованного управления. В частности, он обращает внимание на то, что «современные масштабы гидроэнергостроительства, рост науки и техники требуют концентрации в специализированных организациях опыта, знаний, парка мощных механизмов и кадров, овладевших этим опытом и знаниями. Размещение строительства гидроэлектростанций по экономическим районам во времени (пятилетние планы) постоянно меняется в зависимости от энергобаланса и наличия водных ресурсов, экономичных к использованию. Поэтому квалифицированные кадры ИТР и рабочих, а также основные строительные механизмы, включая средства гидромеханизации, по окончании сооружения одной гидроэлектростанции перебазируются на строительство другой... Децентрализация строительства гидроэлектростанций и передача их по экономическим районам крайне затруднит переброску квалифицированных кадров, специальных строительных машин и приведёт к потере выращенных за годы пятилеток квалифицировавшихся на строительстве гидроэлектростанций специалистов и растрате накопленного опыта...

Строительство тепловых электростанций осуществляется на всей территории Союза 9 <девятью> комплексными строительно-монтажными трестами, за которыми закреплены определённые территории, выходящие за рамки областного и республиканского деления. Распределение этих организаций по экономическим районам нецелесообразно, ибо в одном случае организация будет перегружена, а в другом недогружена, и правильное использование квалифицированных специалистов — строителей и монтажников, как рабочих, так и ИТР, равно как и своевременная переброска их с объекта на объект, будет сильно осложнена»¹.

¹ Там же. Л. 3—4, 6.

В заключительной части своей записки Логинов отмечает:

«Широкое обсуждение тезисов доклада товарища Н. С. Хрущёва показывает, что в организационной структуре местных органов управления намечается 2-х и 3-ступенная схема управления предприятиями: завод—управление совнархоза—совнархоз и завод—трест—совнархоз. Существующая структура управления энергетическим строительством аналогична: для подавляющего объёма работ в строительстве ГЭС — стройка—главк—министерство, а для теплового и сетевого строительства в связи с многочисленностью объектов — стройка—трест—главк—министерство.

Следовательно, чёткость и оправданность 2-х и 3-ступенной схемы управления не вызывает сомнений. В отношении энергетического строительства стоит вопрос: как управлять им — централизованно или через местные органы управления...

Учитывая всё изложенное, нам трудно дать предложения по децентрализации энергетического строительства, будучи при этом уверенными, что они не принесут ему ущерба и дадут ожидаемый от этого эффект (курсив мой. — А. Ж.)»¹.

Судя по архивным материалам, выводы и предложения Логинова, содержащиеся в его докладной записке М. Г. Первухину, отражали позицию многих видных деятелей электроэнергетики, о чём свидетельствует целый ряд обращений учёных, руководителей научно-исследовательских и проектных институтов, крупнейших строительных и монтажных организаций, занимающихся возведением электростанций, в редакцию газеты «Правда», непосредственно к Хрущёву и Первухину.

Среди поднятых в них вопросов бросаются в глаза две основные проблемы. Прежде всего подчёркивается и обосновывается, что при реформировании отрасли для неё жизненно важное значение имеет сохранение (при упрощении структуры за счёт расширения прав подведомственных организаций) двух союзных мини-

¹ Там же. Л. 12—13.

стерств — Министерства электростанций и Министерства строительства электростанций.

Не будем приводить все аргументы, поскольку основные из них содержит записка Логинова, с которой мы уже ознакомились. Отметим только, что авторы обращений приходят «к выводу о нерациональности передачи объектов строительства: гидроэлектрических, тепловых, атомных электростанций, а также строительства линий электропередач и подстанций общегосударственного значения — экономическим районам, на территории которых осуществляется само строительство». Считают они нерациональным и разделение «между экономическими районами специальных парков машин и высококвалифицированных специалистов в области строительства гидротехнических сооружений, тепловых электростанций и линий передач с головными и районными подстанциями». Поэтому «при реорганизации Министерства строительства электростанций следует... оставить за Министерством централизованное руководство строительством промышленных гидротехнических сооружений, тепловых, атомных и гидравлических электростанций, ЛЭП и соответственно подстанций общегосударственного значения»¹.

Другая, не менее важная проблема, поднятая в обращениях, связана с перспективами развития электроэнергетики. Не ошибёмся, если скажем, что она сохраняет актуальность и в наше время. Так, группа старейших энергетиков страны, работавших в области строительства электростанций и линий электропередач, в записке на имя Н. С. Хрущёва высказывали озабоченность явной недооценкой со стороны высшего руководства значения гидроэнергетики для будущего страны: «Довод о том, что Советский Союз в быстрейшем наращивании своих мощностей должен идти по пути преимущественного строительства тепловых электростанций, не доказателен как противоречащий всему предыдущему ходу истории развития советской тепловой и гидравлической энергетики»².

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 14, 16—17, 22.

² Там же. Л. 32.

Встревожены таким состоянием дел и авторы другой записки: «При обсуждении... доводов за гидроэнергетику может возникнуть такой вопрос — это делается на Западе из-за нужды в угле; у нас такой безысходности нет и, следовательно, стремление Запада к гидроэнергетике для нас примером служить не может. Такое мнение отчасти может быть верным в отношении Сибири, но не увязывается с положением углеснабжения в европейской части СССР»¹. (Обратим внимание, что проблемы загрязнения окружающей среды отходами ТЭС в то время ещё не стояли так остро, как в наши дни.)

В письмах и записках ведущих специалистов в области электроэнергетики затрагивался и вопрос, который оказался самым тесным образом связан с судьбой Ф. Г. Логинова. Речь идёт о о целом ряде предложений объединить Министерство электростанций и Министерство строительства электростанций². Что и будет сделано в самом ближайшем будущем — в мае 1957 года.

В связи с этим вспоминаются некоторые публикации по истории Сталинградской ГЭС, в которых авторы, опираясь на мнения ветеранов строительства гидроэлектростанции, высказывают предположение, что Н. С. Хрущёв объединил два министерства якобы для того, чтобы лишить Логинова должности министра и в новом, укрупнённом ведомстве понизить его статус, перевести на вторые роли. Трудно поверить в такую громоздкую комбинацию. Ещё более неуклюжей выглядит политическая конструкция, в которую пытаются втиснуть Логинова, связав последние вехи его биографии с его близостью к так называемой «антипартийной группе» и тем, кто её поддержал, в частности к Д. Г. Жимерину. Во-первых, напомним, что первое заседание Президиума ЦК КПСС, на котором был поставлен вопрос о смещении Н. С. Хрущёва с должности первого секретаря, состоялось 18 июня 1957 года. Логинов же был назначен заместителем министра значительно раньше — в мае, причём, учитывая масштабы

¹ РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 57.

² См., например: РГАЭ. Ф. 723. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 17.

нового министерства, вряд ли это можно рассматривать как понижение.

Во-вторых, в так называемом «заговоре» участвовали исключительно члены Президиума ЦК КПСС, и Жимерин, будучи лишь кандидатом в члены ЦК, никакого отношения к этому, конечно же, не имел. Более того, в ходе июньского пленума ЦК КПСС, осудившего «антипартийную группу», Д. Г. Жимерин 28 июня в числе двадцати восьми участников пленума, выразивших верность линии Н. С. Хрущёва, но не имевших возможности выступить, подписал следующее заявление:

«Мы полностью присоединяемся к выступавшим на Пленуме товарищам, которые осудили антипартийную заговорщическую деятельность группы Маленкова, Кагановича, Молотова, Шепилова. Мы считаем правильным и необходимым вывести их из состава Президиума ЦК и членов Центрального Комитета нашей партии, поручить КПК при ЦК КПСС рассмотреть вопрос о дальнейшем пребывании их в партии, а также рассмотреть вопрос об ответственности перед партией и народом Маленкова, Кагановича и Молотова за совершённые ими злодеяния.

Мы поддерживаем также предложение о выводе из состава Президиума ЦК КПСС товарищей Первухина и Сабурова.

В отношении товарища Булганина Пленум должен, по нашему мнению, рассмотреть вопрос о строгом наказании.

Вносим предложение сделать серьёзное предупреждение товарищу Ворошилову в связи с его неправильным поведением на заседаниях Президиума ЦК КПСС и настоящего пленума при обсуждении вопроса об антипартийной заговорщической группе...»¹

И, наконец, в-третьих, и это, пожалуй, самое главное — Ф. Г. Логинову были чужды любые политические «игры», и на протяжении всей своей жизни он ни в ка-

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Н. Ковалева и др. (Серия «Россия. XX век. Документы»). М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 596.

ких партийных группировках не участвовал, о чём не раз указывал в автобиографических документах. Но если дело касалось вопросов гидростроительства и электроэнергетики, он никогда не отмалчивался — у него было достаточно жизненного опыта и знаний, чтобы иметь собственное мнение, и твёрдости, чтобы отстаивать свои взгляды невзирая на политический вес оппонентов. И, как показывает практика, никакая турбулентность в руководстве страны не могла поколебать его убеждений и позиции. Об этом свидетельствует и его работа в должности заместителя министра электростанций СССР.

СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В начале августа 1958 года газета «Правда» и другие центральные издания страны принесли печальное известие. ЦК КПСС и Совет министров СССР с глубоким прискорбием извещали, что в ночь на 2 августа после тяжёлой и продолжительной болезни скончался Логинов Фёдор Георгиевич, один из крупнейших организаторов гидротехнического строительства в СССР.

Свидетельством достойной оценки и признания заслуг Фёдора Георгиевича явилось и принятое несколько позже постановление Совета министров СССР «Об увековечении памяти Ф. Г. Логинова». В соответствии с ним Комсомольская гидроэлектростанция на реке Чирчик стала носить имя Логинова, на территории ГЭС были установлены его бюст и мемориальная доска, а на могиле Логинова на Новодевичьем кладбище воздвигнута стела с барельефом и схематическим изображением Днепровской плотины.

Фёдор Георгиевич не дожил нескольких дней до знаменательного события в жизни советских гидростроителей — торжественного пуска Куйбышевской ГЭС, которое состоялось 9 августа 1958 года. На митинге, посвящённом успешному завершению строительства, выступил Н. С. Хрущёв, сумевший изрядно подпортить праздник людям, построившим электростанцию свои-

ми руками. Он, конечно, не забыл упомянуть о том, что Куйбышевская ГЭС — это бесспорная победа над зарвавшимися империалистами. Но только уж слишком долгое и дорогое дело такое строительство, к тому же и водные ресурсы в европейской части СССР почти исчерпаны. Словом, партия берёт курс на строительство тепловых электростанций, без которых страна не проживёт и коммунизм не построит.

Трудно передать то чувство обиды, которое охватило участников митинга. Но дело не только в эмоциональных переживаниях гидростроителей. Все прекрасно понимали, что открытое заявление о намерениях свернуть строительство гидроэлектростанций ничего хорошего электроэнергетике страны и её экономике в целом не сулит. А Хрущёв, пользуясь моментом, по сути дела поставил точку в споре со своими оппонентами, который вёлся особенно активно в течение последних двух лет. Естественно, что не оставался в стороне от него и Ф. Г. Логинов.

В апреле 1958 года ЦК КПСС и Совет министров СССР провели в Москве очередное Всесоюзное совещание по строительству. Основной доклад на нём сделал Н. С. Хрущёв, а Ф. Г. Логинов выступил с докладом (он был издан отдельной брошюрой¹) на секции промышленного строительства, монтажных и специализированных работ.

В начале своего выступления Логинов остановился на проблемах, ставших тогда, можно сказать, традиционными. В частности, Фёдор Георгиевич отметил, что одним из основных недостатков в энергетическом строительстве по-прежнему является большая текучесть рабочей силы, что мешает росту численности постоянных рабочих кадров, особенно строительных, и повышению их квалификации. «Текучесть рабочих обусловлена, с одной стороны, неудовлетворительной организацией труда на многих стройках и недостатками в жилищных условиях, но, с другой стороны, большую роль играет и то обстоятельство, что ставки тарифной сетки строительных рабо-

¹ Логинов Ф. Г. Состояние и пути дальнейшего развития энергетического строительства. М.: Госстройиздат, 1958.

чих ниже, чем для большинства профессий в других отраслях народного хозяйства. Отмеченные обстоятельства затрудняют организацию строительства электростанций индустриальными методами, а недостаток в опытных кадрах приводит к случаям низкого качества работ»¹.

Затронув ещё несколько болезненных вопросов, он заострил внимание на тех неоспоримых преимуществах, которые несёт в себе строительство гидроэлектростанций. Главное из них заключается в том, что гидравлические станции используют неиссякаемые запасы природной водной энергии без крупных трудовых затрат и загрузки транспорта в период эксплуатации, как это имеет место при добыче и перевозке топлива для тепловых электростанций. Помимо выработки электроэнергии гидроэлектростанция обычно решает целый комплекс народно-хозяйственных задач (судоходство, ирригация, водоснабжение и другие). Возможность получения большого количества электроэнергии превращает гидроэлектростанции в центры новых индустриальных районов, включающих современные виды электроёмких производств. Гидроэлектростанции являются высокопроизводительными предприятиями, легко поддающимися автоматизации. Работая в системе с тепловыми станциями, они обеспечивают высокие экономические показатели работы энергосистем в целом.

Если на эксплуатации тепловой станции, с учётом добычи топлива и её транспортировки, занято большое количество людей, то современную крупную электростанцию обслуживают всего 50—80 человек, а полностью автоматизированные ГЭС почти не имеют обслуживающего персонала. Одна только Куйбышевская ГЭС по сравнению с тепловыми станциями и обслуживающими их топливными базами позволяет высвободить для других отраслей народного хозяйства около 30 тысяч человек.

Конечно, сооружение гидроузлов требует больших первоначальных капиталовложений. Однако при этом необходимо отметить, что при сооружении крупных ги-

¹ *Логинов Ф. Г.* Состояние и пути дальнейшего развития энергетического строительства. М.: Госстройиздат, 1958. С. 7.

дрозлектростанций строятся благоустроенные города и посёлки со всеми культурно-бытовыми и общественными учреждениями, создаются промышленные предприятия строительной индустрии и даже целые комбинаты, которые по окончании строительства ГЭС могут быть использованы для других нужд народного хозяйства страны.

Эта же тема красной нитью проходит через статью Логинова «Энергетическое строительство СССР — важнейшая база коммунистического строительства», которая предваряет фундаментальный коллективный труд, изданный к 40-летию энергетического строительства в СССР¹.

«Очевидно, — пишет Фёдор Георгиевич, — значительные запасы топливных ресурсов страны, с одной стороны, и большие капитальные вложения в строительство гидроэлектростанций по сравнению с тепловыми станциями — с другой наталкивают некоторых не вполне компетентных специалистов на мысль о снижении темпов нашего гидроэнергетического строительства.

Эти специалисты забывают, что гидроресурсы, постоянно возобновляемые самой природой, являются наиболее дешёвым видом энергетических ресурсов и что гидроэлектростанции вырабатывают самую дешёвую электроэнергию, стоимость которой в 4—5 раз ниже стоимости электроэнергии тепловых электростанций. При этом они также не учитывают большого положительного влияния гидроэлектростанций на другие отрасли народного хозяйства и значение их при работе в энергетических системах.

Благодаря низкой стоимости гидроэлектроэнергии и комплексному характеру использования гидроресурсов при сооружении гидроэлектростанций, последние окупают себя в самые короткие сроки»².

Поскольку поднятая Логиновым проблема капитальных вложений в строительство гидроэлектростанций

¹ Энергетическое строительство СССР за 40 лет (1917—1957 гг.). Л.: Госэнергоиздат, 1958.

² Логинов Ф. Г. Энергетическое строительство СССР — важнейшая база коммунистического строительства // Энергетическое строительство СССР за 40 лет (1917—1957 гг.). Л.: Госэнергоиздат, 1958. С. 5—6.

сохраняет свою актуальность и поныне, будут уместны примеры из истории гидроэнергетики, свидетельствующие о высокой эффективности крупных ГЭС. Так, хорошо известно, что все затраты по возведению Сталинградского гидроузла покрылись в течение 5—6 лет после сдачи ГЭС в эксплуатацию. А вложения в Братскую ГЭС полностью окупились ещё до окончательного завершения её строительства.

Не менее злободневна сегодня и другая проблема, на которой заострял внимание Логинов: «СССР, являясь одной из богатейших стран мира по запасам гидроэнергии, стоит на последнем месте среди экономически развитых стран по степени использования гидроресурсов и значительно уступает им по абсолютной величине выработки гидроэлектроэнергии. Во всех странах мира при самых разнообразных сочетаниях запасов топливных и гидроэнергетических ресурсов и степени их использования не намечается свёртывания гидроэнергетического строительства»¹.

Свои выводы Фёдор Георгиевич подтверждает статистическими данными за 1955 год. Так, если в США, Канаде и Англии в то время использовалась примерно четверть, а в ФРГ и Японии — 65—72 процента имеющихся гидроресурсов, то в СССР — лишь 1,4 процента. Отсюда и показатели выработки электроэнергии на гидроэлектростанциях: в СССР — 23 миллиарда киловатт-часов, в США — 116 миллиардов. А в Канаде удельный вес гидроэлектроэнергии в общем объёме электроэнергии, производимой в стране, составлял 95 процентов (!)².

За прошедшие шесть с лишним десятилетий картина существенно не изменилась, более того, Россия утратила роль мирового лидера в развитии гидроэнергетики, пропустив вперёд Китай, Канаду, Бразилию и США, а по производству гидроэлектроэнергии на душу населения — ещё Норвегию и Исландию. Если в настоящее

¹ *Логинов Ф. Г.* Энергетическое строительство СССР — важная база коммунистического строительства // Энергетическое строительство СССР за 40 лет (1917—1957 гг.). Л.: Госэнергоиздат, 1958. С. 6.

² См.: Там же.

время гидроэнергетический потенциал в ведущих европейских странах — Германии, Франции, Англии, Италии используется полностью, в Японии — на 84, США на 82 процента, то в России он освоен не более чем на 19—20 процентов (по некоторым авторитетным источникам, лишь на 11 процентов).

И дело заключается не только в относительном снижении показателей установленной суммарной мощности построенных гидроэлектростанций и производимой ими электроэнергии. В 1930—1950-х годах в СССР планомерно осуществлялось комплексное освоение водных ресурсов и устройство речных систем, в основе которых лежало строительство каскадов водохранилищ, плотин и электростанций. Это позволяло не только решать задачи неуклонного наращивания производства электроэнергии, создания и развития на этой базе целых промышленных районов, но и осуществлять регулирование стока рек, обводнение засушливых территорий, предотвращать паводки и наводнения, смягчать последствия засух.

Экономическая политика Н. С. Хрущёва не только затормозила плановый процесс строительства новых гидроэлектростанций, но и прервала комплексное переустройство речных систем. Правда, полностью преодолеть сопротивление сложившегося к тому времени мощного отряда высококвалифицированных гидроэнергетиков, понимавших, к каким тяжёлым последствиям могут привести волюнтаристские решения, советскому руководителю не удалось. Именно поэтому осенью 1961 года в отчётном докладе XXII съезду партии первый секретарь ЦК КПСС вернулся к этому вопросу. Задача была поставлена следующим образом: «На Волге, Каме и Днепре десять гидроэлектростанций уже действуют на полную мощность, четыре — строятся. Чтобы завершить реконструкцию Волжско-Камского бассейна, предстоит дополнительно построить четыре гидроузла, возвести сооружения для переброски части стока северных рек Печоры и Вычегды через Каму и Волгу в Каспийское море, на Днепре придётся соорудить шестую станцию — Каневскую, реконструировать реку Припять

и через систему каналов и реку Неман соединить Чёрное море с Балтийским».

Как свидетельствует стенограмма съезда, это предложение было встречено аплодисментами — среди делегатов было немало людей, понимавших значение для будущего страны развития гидроэнергетики. Но одно дело — поставить актуальную задачу и «сорвать» при этом аплодисменты, и совсем другое — воплотить её в жизнь.

В намеченной реконструкции Волжско-Камского бассейна придавалось исключительно важное значение созданию в нижнем течении Волги Нижне-Волжского водохозяйственного комплекса, причём возводить его было намечено силами Сталинградгидростроя. Ещё не завершился XXII съезд, а в Управлении строительства уже развернулась подготовка к технической конференции, посвящённой этому вопросу. В преддверии конференции (она должна была состояться в ноябре) газета «Стройка коммунизма» опубликовала тезисы доклада главного инженера Сталинградгидростроя Ю. С. Абрамова (он сменил на этой должности А. Я. Кузнецова, который перешёл на работу в Министерство энергетики и электрификации СССР). В тезисах, озаглавленных «Проблема комплексного использования Волги в её нижнем течении», в частности, отмечалось:

«Строительство Нижне-Волжской ГЭС и других сооружений в нижнем течении реки Волги будет поручено Сталинградгидрострою. Необходимость выполнения больших объёмов работ в сжатые сроки потребует от строителей громадных усилий. В необжитых местах предстоит возвести не только гидротехнические сооружения, но и объекты производственной базы, жилые посёлки и т. д. В новые районы придётся перебазировать большую часть коллектива строителей, технику и т. д.

Нет сомнения в том, что с новыми заданиями опытный коллектив строителей Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС справится успешно»¹.

Но намеченные планы так и остались на бумаге, а ведущие специалисты-гидротехники, строившие Ста-

¹ Стройка коммунизма. 1961. 27 октября.

линградскую (Волжскую) ГЭС, вскоре отправились на другую стройку — строительство высотной Асуанской плотины в Египте. В их числе находились и бывшие начальник и главный инженер Сталинградгидростроя: А. П. Александров стал главным советским экспертом по сооружению Асуанской плотины, А. Я. Кузнецов — главным инженером Асуангидростроя.

Отказ от создания водохозяйственного комплекса в нижнем течении Волги и строительства Нижне-Волжской ГЭС, от завершения комплекса работ по сооружению Волжско-Камского каскада привел в конечном счёте к большим негативным последствиям. Сказалось это и на гидроузлах, построенных в 1970-е годы, особенно на Чебоксарском и Нижнекамском, водохранилища которых так и не были заполнены до проектных отметок, до сегодняшнего дня далека от проектной и мощность гидроэлектростанций.

И дело не только в том, что в результате недооценки комплексного подхода к освоению речных систем страна недополучила миллиарды киловатт-часов электроэнергии. В последние годы резко обострились экологические проблемы в бассейнах Волги и практически всех крупных рек Центральной России. Подавляющее большинство причин загрязнения и обмеления рек, ограничения и сворачивания судоходства, сокращения рыбных ресурсов и гибели ценных пород рыб известны достаточно хорошо. Много говорится и о мерах, способных уменьшить пагубное воздействие на окружающую среду промышленного и сельскохозяйственного производства. Однако почти не упоминается о том, что наиболее действенным средством сохранения водных ресурсов, накопления воды и регулирования стока рек являются водохранилища — природно-техногенные водоёмы, которые образуются при возведении плотин. Большинство учёных и специалистов сходятся во мнении, что других способов регулирования стоков попросту не существует.

Кстати, об этом знали ещё много веков и даже тысячелетий назад, когда начинали сооружать плотины и водохранилища — и для сохранения воды, и для защиты от наводнений. На это обращал внимание ещё Страбон —

известный античный историк и географ, живший в I веке до нашей эры. Так, по его мнению, плотину водохранилища Хомс в Сирии на реке Эль-Аси — самого древнего из действующих и поныне крупных искусственных водоёмов — построили египтяне в III тысячелетии до нашей эры (объём этого водохранилища составляет около 200 миллионов кубических метров). В районе Каира археологами обнаружены остатки плотин, возраст которых составляет 5—5,5 тысячи лет. Водоохранилища существовали в древних Китае и Индии, их активно сооружали в средневековой Европе.

По количеству действующих плотин и водоёмов, сведения о которых содержатся на сайте Международной комиссии по большим плотинам, можно в какой-то мере судить об уровне развития той или иной страны, степени освоения и обустройства её территории. Так, в России ныне насчитывается 91 плотина. Много это или мало? Ответить на этот вопрос поможет сравнение, а оно, прямо скажем, обескураживает. В США на сегодняшний день действуют 9265 крупных плотин, в Китае — 4688, Испании — 1267, Канаде, Бразилии, Турции, Франции, Италии — от 500 до 800, Германии — 306. Россия по количеству плотин находится где-то в четвёртом десятке стран.

Принято считать, что огромный неосвоенный гидропотенциал России — это вызов для гидростроителей и гидроэнергетиков страны. Однако думается, что это распространённое мнение верно лишь отчасти — решающее слово в развитии отечественной, как, кстати, и мировой, гидроэнергетики принадлежит государству. Практически во всех странах крупные гидроэлектростанции, плотины и водохранилища, а также генерирующие энергетические компании находятся в государственной собственности, поскольку являются объектами стратегического значения с жёстким режимом эксплуатации. Представление о стратегической роли гидротехнических объектов даёт Федеральная гидрогенерирующая компания РусГидро, которая, помимо решения своей главной задачи — наращивания производства электроэнергии, обеспечивает 27 процентов промышленного и 28 про-

центров хозяйственно-питьевого водоснабжения страны, 25 процентов орошения и обводнения земель и до 85 процентов грузового оборота речного флота России.

Поэтому понятно, почему финансирование строительства новых гидроэлектростанций, за исключением отдельных объектов «малой гидроэнергетики», осуществляется в основном государством. Далеко не всё можно отдать в частные руки, да и трудно найти частных инвесторов, готовых вложить огромные суммы в объекты, на строительство которых уходит не менее 5—6 лет, и к тому же способных просчитать перспективные потребности того или иного региона в гидрогенерации. В одной из своих публикаций, посвящённой фундаментальным проблемам современной гидроэнергетики, главный редактор журнала «Геоэнергетика.ru» Б. Марцинкевич суть проблемы формулирует коротко и без обиняков: «Там, где начинается электроэнергетика, сказки об эффективности частного собственника заканчиваются»¹.

Думается, не за горами то время, когда вопрос о резком наращивании гидроэнергетических мощностей и повышении их удельного веса в общем производстве электроэнергии встанет на повестку дня. Гидравлические электростанции, преобразующие неиссякаемую энергию речных потоков в самую дешёвую и самую «чистую» электроэнергию, и на сегодняшний день, по сути дела, не имеют серьёзной альтернативы.

Рано или поздно исчерпает себя тепловая электроэнергетика, основанная на сжигании природного энергетического сырья. Помимо того, что тепловые электростанции являются источниками серьёзного загрязнения атмосферы, в ближайшие десятилетия они неизбежно столкнутся с проблемами топлива: быстро истощаются запасы нефти и газа, наблюдается необратимая тенденция к снижению добычи каменного угля, использование которого сопряжено с высокой токсичностью продуктов сгорания.

¹ <http://geoenergetics.ru/2017/06/02/rozhdenie-rost-i-perspektivy-xoldinga-rusgidro/>

Много нерешённых проблем, связанных в первую очередь с воздействием на окружающую среду отходов производства АЭС и предвзятого отношения людей к безопасности работы атомных реакторов, стоит на пути развития ядерной энергетики.

Как ни странно, целую череду серьёзных экологических проблем порождает использование в электроэнергетике нетрадиционных возобновляемых источников энергии. К примеру, многие учёные полагают, что развитие ветроэнергетики может серьёзно повлиять на изменение климата не только в отдельных регионах, но и в глобальном масштабе, а механический и аэродинамический шум от ветряных энергетических установок оказывает негативное воздействие на здоровье людей.

Однако значение нетрадиционных источников энергии в развитии электроэнергетики нельзя преуменьшать. Не случайно компания РусГидро инициировала создание технологической платформы «Перспективные технологии возобновляемой энергетики» и координирует работу по расширению использования в стране ветроэнергетики, энергетики приливов, волн и течений, солнечной и геотермальной энергетики.

И всё же в обозримом будущем эти направления не смогут серьёзно конкурировать с гидроэнергетикой, воплотившей в себе уникальные творческие идеи и решения, опыт нескольких поколений учёных, инженеров и строителей, не только позволяющей получать самую дешёвую электрическую энергию, но и решающей целый ряд других важнейших задач экономики страны и жизни людей.

Так уж случилось, что в заключительной части нашего рассказа о Ф. Г. Логинове мы невольно затронули проблемы, которые выходят за традиционные рамки биографического исследования. В этом, наверное, есть своя логика, определённая закономерность, поскольку перипетии судьбы героя нашей книги, его внутренний мир, своеобразии характера невозможно понять в отрыве от сложной истории нашей страны и связанных с ней

проблем отечественной гидроэнергетики, которым он посвятил свою жизнь.

Личность этого человека нельзя рассматривать только через призму конкретных дел, которыми он занимался, и тех задач, которые он решал на важнейших стройках и в министерских кабинетах. Сегодня у нас в чести руководители-прагматики, «эффективные менеджеры», не престапующие границы жёстко очерченного круга задач и обязанностей. Логинов чем-то схож с ними, но только по внешним признакам — по уровню своей профессиональной подготовки и методам руководства производственными коллективами он, безусловно, являлся типичным технократом. Но на этом сходство и заканчивается. Логинов — человек иной формации, человек долга, для него нет ничего выше интересов страны, с которыми он сверяет свою жизнь. Думается, именно отсюда берут истоки широта и богатство натуры этого человека, масштабы его мышления и его дел, глубина понимания проблем, не потерявших своей актуальности и в наше время.

Заветная мечта Логинова — оставить по себе добрую память людям. Она сбылась и воплотилась не только в тех грандиозных рукотворных памятниках, которые выдающийся гидростроитель воздвиг себе при жизни. Логинова помнят и почитают прежде всего как человека, несмотря на все, казалось бы, очевидные сложности и шероховатости его характера.

Как-то Лев Толстой в своём дневнике выразил уверенность, что когда-нибудь люди поймут и начнут разрабатывать единую истинную и нужную науку — науку, как жить. Логинов относится к числу тех счастливых людей, которые поняли, что жить нужно прежде всего для других. И, может быть, в этом — главное наследие, которое он нам оставил.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ф. Г. ЛОГИНОВА

- 1900, 6 (18) февраля — родился в деревне Немчуга Боровичского уезда Новгородской губернии в семье крестьян-середняков Егора Ивановича и Татьяны Пантелеевны Логиновых.
- 1911, май — окончил трёхклассное земское училище в деревне Хвошник Волокской волости Боровичского уезда; работает в Петербурге рассыльным в архитектурной мастерской.
- 1912, июнь — Петербург, ученик мастерской художественно-механических стёкол.
- 1913, февраль — возвращается в Немчугу, занимается домашним сельским хозяйством.
Май — Петербург (Петроград), ученик, мастер бондарной мастерской.
- 1918, сентябрь — полк Петроградской трудовой коммуны, красноармеец 1-го Уральского стрелкового полка 30-й дивизии 3-й армии (Восточный фронт).
- 1919 — вступает в РКП(б).
- 1920, июль — политрук роты 77-го стрелкового полка 9-й дивизии 13-й армии (Юго-Западный фронт), старший агент управления снабжения 2-й Кавказской бригады Отдельной Кавказской армии.
- 1923, март — Боровичский комбинат огнеупорного кирпича: пожарный.
- 1924, декабрь — секретарь, затем заместитель председателя, председатель завкома завода «Красный керамик» Боркомбината.
- 1926, декабрь — Боровичи. Председатель уездного совета профсоюзов, заместитель председателя окружного совета профсоюзов.
- 1927, март — делегат 18-го съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Новгородской губернии.
- 1928, февраль — Боровичи, управляющий государственным писчебумажным трестом (Бумтрестом).
Сентябрь — студент Ленинградского политехнического, затем — Гидротехнического института (одновременно с октября 1931-го по май 1932 года — заместитель главного инженера по проектированию и строительству Ленинградского отделения треста «Гидроэнергострой», десятник на строительстве Днепрогэса).

- 1932, июнь — Кабардино-Балкарская автономная область, начальник 3-го участка (станционного узла) Управления строительства электростанции на реке Баксан (Баксан-стройка).
- 1933, май — заместитель начальника, начальник отдела инженерной геологии Управления по строительству волжских гидроэлектростанций Средволгостроя треста «Гидростройпроект» (Ленинград). Участие в проектно-исследовательских работах в районах строительства Угличской и Рыбинской ГЭС.
- 1936, июнь — Узбекистан, директор строительства гидроэлектростанции на реке Чирчик и электрохимического комбината.
- 1938, январь — Узбекистан, управляющий Государственным союзным строительно-монтажным трестом «Чирчик-строй» (строительство Комсомольской и Тавакской ГЭС, Чирчикского электрохимического комбината); депутат Верховного Совета Узбекской ССР.
- 1939 — награждён орденом «Знак Почёта».
- 1941, октябрь — председатель Госплана Узбекской ССР.
Декабрь — секретарь ЦК КП(б) Узбекистана по топливу и энергетике.
- 1942, ноябрь — Народный комиссариат электростанций СССР, заместитель наркома.
- 1943 — награждён орденом Ленина.
- 1944, март — Запорожье, заместитель наркома электростанций СССР — начальник Днепростроя.
- 1945 — награждён орденом Ленина.
- 1947 — депутат Верховного Совета Украинской ССР.
- 1948 — награждён орденом Ленина.
- 1950, сентябрь — Сталинград, начальник Сталинградгидростроя.
- 1951, февраль — лауреат Сталинской премии второй степени — за коренное усовершенствование методов работы при восстановлении Днепровской ГЭС им. В. И. Ленина; награждён орденом Трудового Красного Знамени; депутат Верховного Совета РСФСР III созыва.
- 1952, октябрь — делегат XIX съезда КПСС.
- 1954, ноябрь — министр строительства электростанций СССР; депутат Верховного Совета РСФСР IV созыва.
- 1957, май — заместитель министра электростанций СССР.
- 1958, 2 августа — Ф. Г. Логинов ушёл из жизни. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

Документы Российского государственного архива экономики (РГАЭ).

Документы Государственного архива Волгоградской области (ГАВО).

Документы Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО).

Материалы Волжского историко-краеведческого музея.

Литература

Аграновский А. А. Сталинградская ГЭС — великая стройка коммунизма. М.: Госполитиздат, 1953.

Аграновский А. А. Семь лет: Рассказ о том, как будущее становится настоящим // Знамя. 1959. № 1.

Аляев В. А. Влияние Сталинградской гидроэлектростанции на хозяйственное развитие Сталинграда и прилегающих к нему территорий // Стрелёв: Научный ежегодник (под ред. М. М. Загоруйко). Вып. 6. Волгоград: Издатель, 2008.

Башлыкова Т. А. Безродное. Верхняя Ахтуба. Волжский. Волгоград: Панорама, 2017.

Брежнев Л. И. Воспоминания. 2-е изд. М.: Политиздат, 1983.

Волжская ГЭС им. 22 съезда КПСС. Технический отчёт о проектировании и строительстве Волжской ГЭС им. 22 съезда КПСС. В 2 т. М.-Л., 1966.

Галактионов В. Д., Аграновский А. А. Утро великой стройки. М.: Советский писатель, 1953.

Глухова Е. М. Вольнонаёмные и заключённые на строительстве Сталинградской ГЭС (1950—1953 гг.). Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2008.

Долматовский Е. А. Было. Записки поэта. 2-е изд. Кн. 1. М.: Советский писатель, 1975.

Дорогов Р. Ф., Злобин А. П. Город на главной улице. М.: Профиздат, 1975.

Дорогов Р. Основатель // Отчий край. 2004. № 2.

Заключённые на стройках коммунизма. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР: Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2008.

Захарченко А. В. Трудовые ресурсы ГУЛАГа на «великих стройках коммунизма». 1948—1953 гг.: мобилизационные

возможности системы или тупик лагерной экономики? // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 5 (23).

Историю делаем сами. В 2 т. Волгоград: Волга-Паблицер, 2011.

Конин Л. И. Сталинградгидрострой. 1950—1961: Время, события, люди. Волжский, 2009.

Кузнецов А. Я. Завершающий год строительства Сталинградской ГЭС // Бюллетень научно-технической информации Гидропроекта. 1960. № 8—9.

Куманёв Г. А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005.

Логинов Ф. Г. Возрождение Днепрогэса. Киев: Государственное издательство технической литературы Украины, 1951.

Логинов Ф. Г. Состояние и пути дальнейшего развития энергетического строительства. М.: Госстройиздат, 1958.

Логинов Ф. Г. Энергетическое строительство СССР — важнейшая база коммунистического строительства // Энергетическое строительство СССР за 40 лет (1917—1957 гг.). Л.: Госэнергоиздат, 1958.

Марфенко А. А. Левобережцы. Волгоград: ГУ «Издатель», 1999; Левобережцы. Ч. 2. Волгоград: ГУ «Издатель», 2001.

Моисеенко Г. Н. Эпоха победителей: Документально-историческая повесть. М.: ИТРК, 2014.

Панов В. П. Это было... М.: Молодая гвардия, 1990.

Паустовский К. Г. Рождение моря // Знамя. 1952. № 4.

Полевой Б. Н. На диком берегу. М.: Известия, 1977.

Ресков Б., Седов Г. Усман Юсупов. М.: Молодая гвардия, 1976.

Рогозин А. А. Логинов и его время. Волжский: Издательство Волжского института строительства и технологий, 2013.

Россия электрическая: Воспоминания старейших энергетиков / Сост. В. Ю. Стеклов. 2-е изд. М.: Энергия, 1980.

Слива И. В. История гидроэнергетики России. Тверь: Тверская типография, 2014.

Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943: Энциклопедия / Под ред. М. М. Загоруйко. 6-е изд., доп. Волгоград: Издатель, 2015.

Тимохова Е. А. Трудовое использование заключённых в контексте советской мобилизационной экономики (на примере строительства Куйбышевской и Сталинградской ГЭС) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. № 3 (21).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие. Нет прошлого — нет настоящего</i>	6
Часть первая. СУРОВОГО ВРЕМЕНИ ДЕТИ	23
Неудобный человек	24
Выбор	47
Призвание	61
Признание	86
Слагаемые победы	115
Возрождение Днепрогэса	132
Часть вторая. СТАЛИНГРАДСКАЯ ГЭС	169
Первостроители	170
Спецконтингент	208
Лиха беда начало	235
Новые испытания, первые победы	267
Рождение города	299
Наследие и наследники	344
Часть третья. НА ИЗЛЁТЕ	365
«Износ у нас большой...»	366
Старые проблемы нового времени	378
Основные даты жизни и деятельности Ф. Г. Логинова	390
Источники и литература	392

Житнухин А. П.

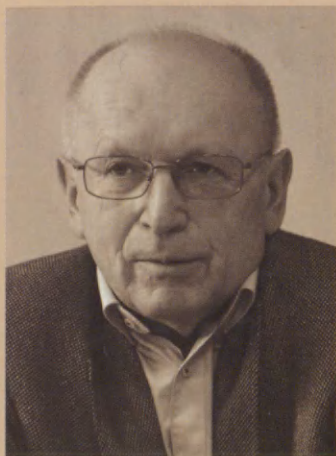
Фёдор Логинов: Держи в лоб урагану / Анатолий Житнухин.

Их имена вошли в историю. Многие из тех, кто создавал экономическую мощь Советского государства, унаследованную Российской Федерацией и странами ближнего зарубежья, имели сложные судьбы и непростые характеры. К плеяде крупнейших хозяйственных руководителей-создателей принадлежит и выдающийся строитель гидроэлектростанций Фёдор Логинов. Участник строительства Днепрогэса и изыскательских работ на Угличской и Рыбинской гидроэлектростанциях, начальник строительства чирчикских электростанций и послевоенного восстановления Днепровской ГЭС, первый руководитель строительства Сталинградской ГЭС и основатель города Волжский, министр строительства электростанций СССР... И это — лишь вехи его биографии, в которой отражены трудные, порой противоречивые этапы становления и развития страны.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

**УДК 621.22(092)
ББК 31.5г**

Анатолий Житнухин

Основной круг творческих интересов писателя-историка Анатолия Житнухина — проблемы советской истории и переломной эпохи в жизни страны, афганской войны, современной политики. Автор ряда биографических книг, среди героев которых — руководитель советской разведки Л. Шебаршин, председатель КГБ СССР В. Крючков, известный волгоградский учёный, основатель ВолГУ и научный руководитель Центра по изучению Сталинградской битвы М. Загоруйко.

Выдающийся строитель гидроэлектростанций Фёдор Логинов относится к плеяде крупнейших хозяйственных руководителей-созидателей, благодаря которым создавалась и укреплялась мощь Советского государства. Участник строительства Днепрогэса, Баксанской, Угличской и Рыбинской ГЭС, начальник строительства чирчикских гидроэлектростанций и послевоенного восстановления Днепровской ГЭС, руководитель строительства Сталинградской ГЭС и основатель города Волжский, министр строительства электростанций СССР... И это — лишь вехи его биографии, отражающие этапы становления и развития страны.